

Walter Moers

Вальтер Мёрс

Вальтер Мёрс родился 24 мая 1957 года в ФРГ, в городе Мёнхенгладбах (Mönchengladbach) Северорейнской Вестфалии. Мёрс известен как один из самых коммерчески успешных немецких авторов комиксов, а также как художник-иллюстратор и автор детских книг. Он не очень-то любит откровенничать с прессой и считается очень робким человеком, так что практически невозможно найти его фотографий, а его нелюдимость стала чем-то вроде «фирменного» знака.

После окончания школы Мёрс перепробовал множество работ, самостоятельно изучал рисование. Работы Мёрса начали печататься с 1984 года. Сначала это были сатирические зарисовки и комиксы, отличающиеся ироническим настроем и сознательным нарушением политкорректности. Многие из этих работ были опубликованы в сатирических журналах «Kowalski» и «Titanic». Мёрс до сих пор является штатным автором «Titanic», и в 2001-2002 году там вышла его серия про Дедмана, мертвого супергероя.

В дополнение к комиксам, рассчитанным на взрослую аудиторию, примерно с 1985 года Вальтер Мёрс сочиняет истории и книги для детей. В 1988 году была написана первая история Мёрса про Капитана Синего Мишку (Käpt'n Blaubär), ознаменовав начало «Замонийского» («Zamonien») цикла, к которому принадлежит и «Румо...». Во всех книгах цикла важное значение имеет игра слов, эти произведения полны намеков, скрытых отсылок, загадок, цитат и анаграмм, что очень нравится немецким поклонникам.

По материалам сайта © www.fantlab.ru

Румо и чудеса в темноте

Роман

Перевод с немецкого:
moringen

Выпуск №6

Walter Moers

Rumo & Die Wunder im Dunkeln

2003

Оглавление

Наземный мир.....	9
I. Серебряная нить.....	17
Властелин крестьянского подворья.....	18
Боль.....	19
Серебряная нить.....	20
Одноглазые великаны.....	21
История циклопов с чёртовых скал.....	23
Пища циклопов.....	24
Кладовая.....	26
Плохая ночь.....	27
Завтрак.....	28
Чёрные водоёмы.....	30
Глаз и плавник.....	32
История Волтоцана Смайка.....	34
Спящие слова.....	37
История скорпионовых гидр.....	39
Пять правил.....	40
История Драконгоры.....	41
Медные парни.....	46
Битва в Нурненвальдском лесу.....	47
Продолжение битвы в Нурненвальдском лесу.....	50
Музыка звёзд.....	55
История почитателей.....	57
Рост.....	62
Ценные сведения о вольпертингерах.....	63
Мочеиспускание.....	65
Тёмное желание.....	66
Слизь.....	67
Подземный мир.....	67
Аппетит.....	75
Короткий рассказ об иерархии циклопов на Чёртовых скалах...	76
Страх Смайка.....	77
Пробуждение алчности.....	78
Смайк выходит.....	79
Жажда крови.....	80
Праздничный стол.....	82
Челюсть.....	83
Языки циклопов.....	84
Пункт первый и пункт второй.....	84
Печальная история одного из главарей циклопов.....	86
Привидение.....	87

Внутренний глаз.....	88
Дюжина циклопов.....	89
Берег.....	90
Мир звуков.....	91
Бегство.....	92
Бухта блуждающих огоньков.....	93
Суша.....	95
II. Несуществующие крошки.....	97
Цивилизация.....	98
История одного дома.....	99
Цордас и Цорилла.....	103
Клиентура.....	104
Несколько Румо, моргенштерн и двойной гралзундерский арбалет.....	108
Эйдет.....	113
Туманный город.....	117
Соловейчик.....	119
Знания – тьма.....	120
Северный Оцтафан.....	123
Баумкухен.....	124
Музыка мозга.....	125
Комната знаний.....	126
Лунные тени.....	127
Стройка.....	128
Докторская диссертация.....	130
Опять Соловейчик.....	131
Оцтаскоп или Колибрилочки.....	133
Несуществующие крошки.....	135
Духи исследований.....	137
Подводная лодка, космический корабль и машина времени..	138
Подкровная лодка.....	145
Инструменты несуществующих крошек.....	147
Цвет знаний.....	150
Холодные тени.....	152
Прощание.....	153
Лесные пираты, оборотень, минокентавр и ночной удав.....	154
Город нитей.....	156
III. Вольпертинг.....	158
Городской друг.....	159
Гот.....	161
Одни и другие.....	162
Йодлер-с-гор.....	165
Сражение.....	167

Переулоч Хота 12.....	169
Кофе, одежда, права и обязанности.....	169
Школа.....	172
Рала.....	172
История героев.....	174
Таско, Биала и Олег.....	177
История Рольфа.....	179
Ушан де Люкка.....	180
Уход за зубами, счёт и шахматы.....	182
Вольпертингерки.....	183
Чудо жизни.....	184
Общее вольпертинговедение Гарри Мидгардского.....	185
История Хладнокровного принца и принцессы Серебряное мо- лочко.....	188
Ога Железнодорожная.....	192
Склеп.....	194
Обязанности.....	194
Столярная мастерская Орнта ла Окро.....	195
Герои.....	197
Чёрный купол.....	199
Засада.....	200
Сражение в Бледном переулке.....	202
Экзамен.....	206
Урок боевых искусств.....	207
Фехтование.....	209
История Ушана де Люкки.....	210
Щелчок по носу.....	215
Резьба по дереву и бульварные романы.....	217
Второй по счёту лучший фехтовальщик Вольпертинга.....	219
История Урса Снежного.....	220
Эвил Многорукий.....	223
Атаки и финты.....	225
Два сна и одна загадка.....	227
IV. Путь Смайка.....	228
Вино правды.....	230
Двойник.....	232
На тропе войны.....	234
Бушующие воды и демонические лодки.....	235
Маяк Туманного города.....	237
Дневник.....	238
V. Гринцольд и Львиный зев.....	255
Пчелолюди.....	257
Летающие лепёшки.....	258

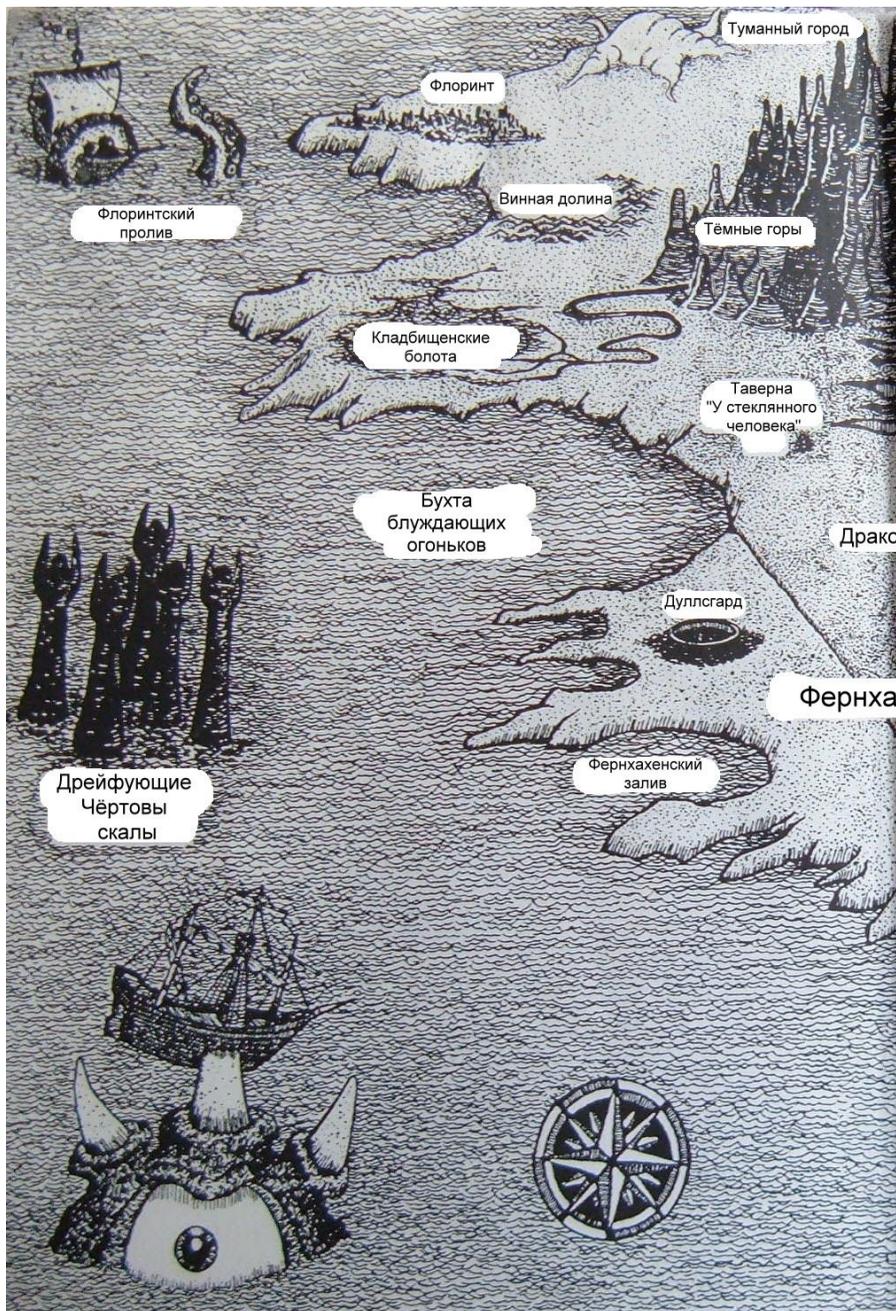
Безболезненный шрам.....	258
Мышинные пузырьки.....	260
Комната страхов.....	261
Кустовая ведьма.....	264
Ужаска.....	265
Вездесущий Соловейчик.....	266
Фогарры.....	267
Звёздная палатка.....	269
Царство смерти.....	274
Негативное инфицирование.....	274
Выбери своё оружие!.....	275
Меч.....	277
История демонического меча.....	279
Тяжёлое пробуждение.....	280
Львиный зев.....	283
Мастер фехтования.....	285
Фехтовальный сад Ушана де Люкки.....	288
Дуэль.....	291
Бешеный торнадо.....	294
Дерево для фехтования.....	297
Плоская пощёчина.....	300
Множественный де Люкка.....	301
История Ралы.....	305
Талон, медвежий бог.....	305
Рала и смерть.....	307
Вольпер.....	308
Рольф и Рала Лесные.....	308
Цвета смерти.....	311
Сражение с водой.....	311
Супердевушка.....	314
Урс умеет плавать.....	316
История Орнта ла Окро.....	317
Оракул.....	318
Нурненвальдский лес.....	321
История Гринцольда, демонического воина.....	326
Три друга на всю жизнь.....	329
Нурненвальдский дуб.....	331
Шкатулка.....	339
Плохие запахи.....	340
Слишком тихо.....	346

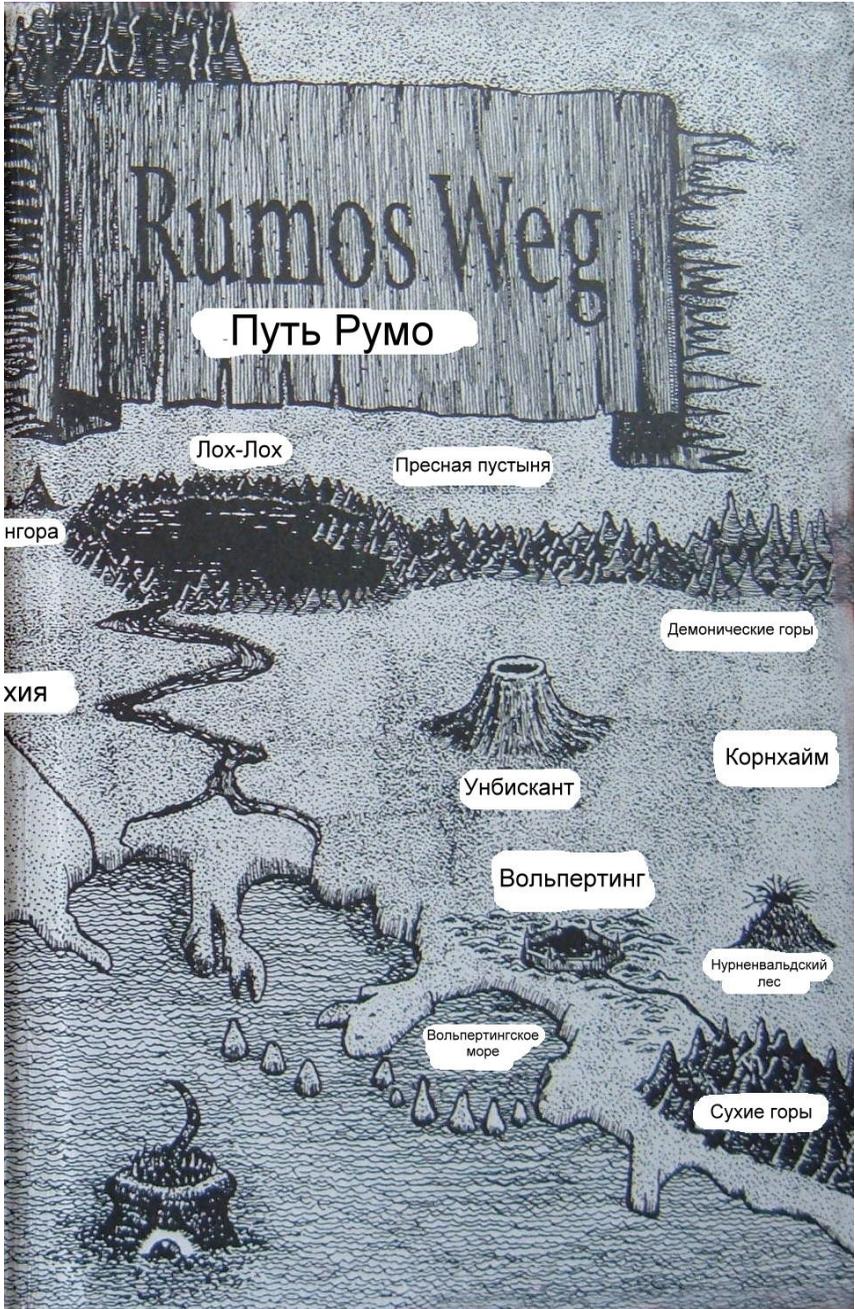

Первая книга
Наземный мир

- I. Серебряная нить.
- II. Несуществующие крошки.
- III. Вольпертинг.
- IV. Путь Смайка.
- V. Гринцольд и Львиный зёв

Путь Румо

Лох-Лох

Пресная пустыня

нгора

Демонические горы

ХИЯ

Корнхайм

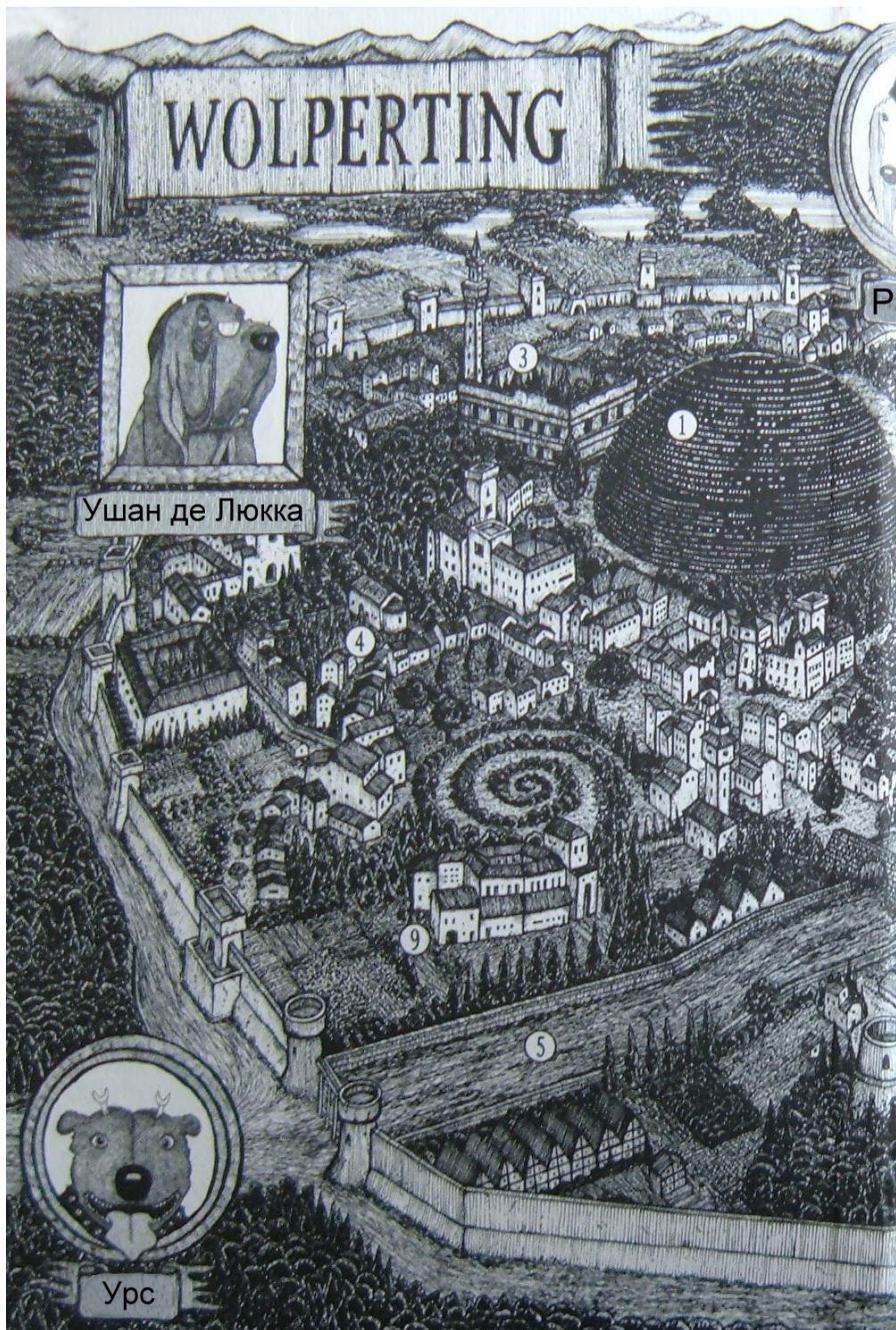
Унбискант

Вольпертинг

Нурневальдский лес

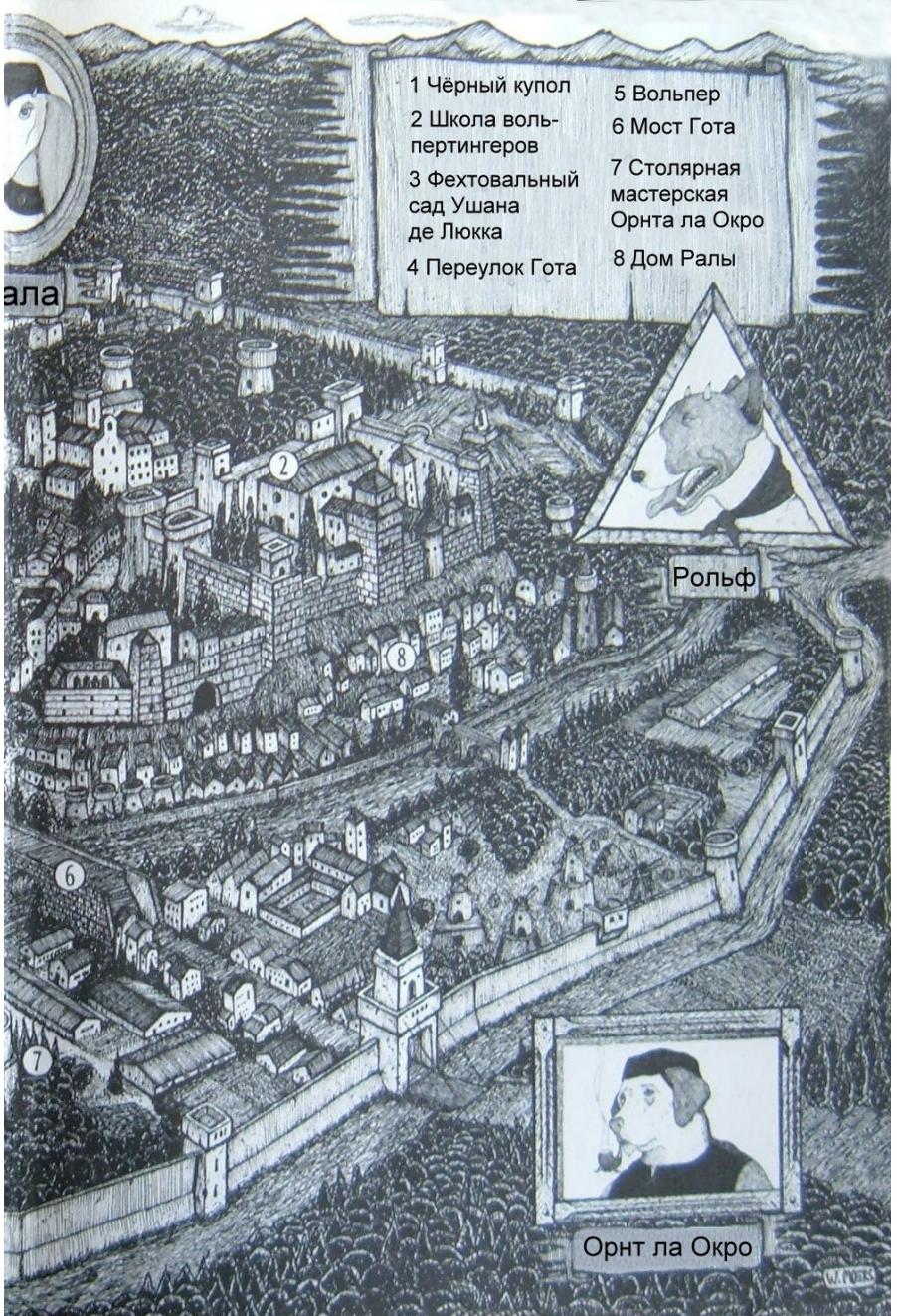
Вольпертингское море

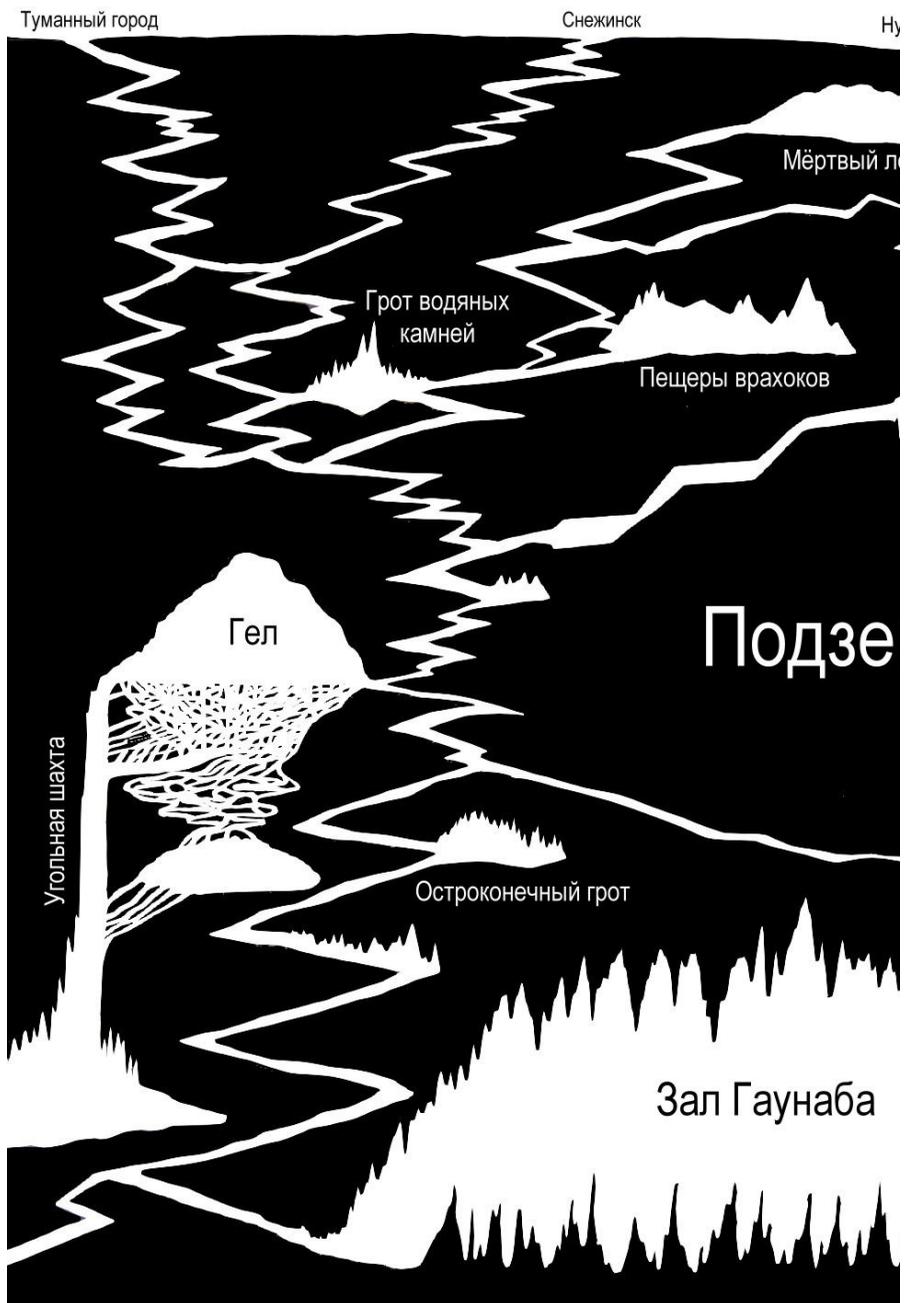
Сухие горы

Ушан де Люкка

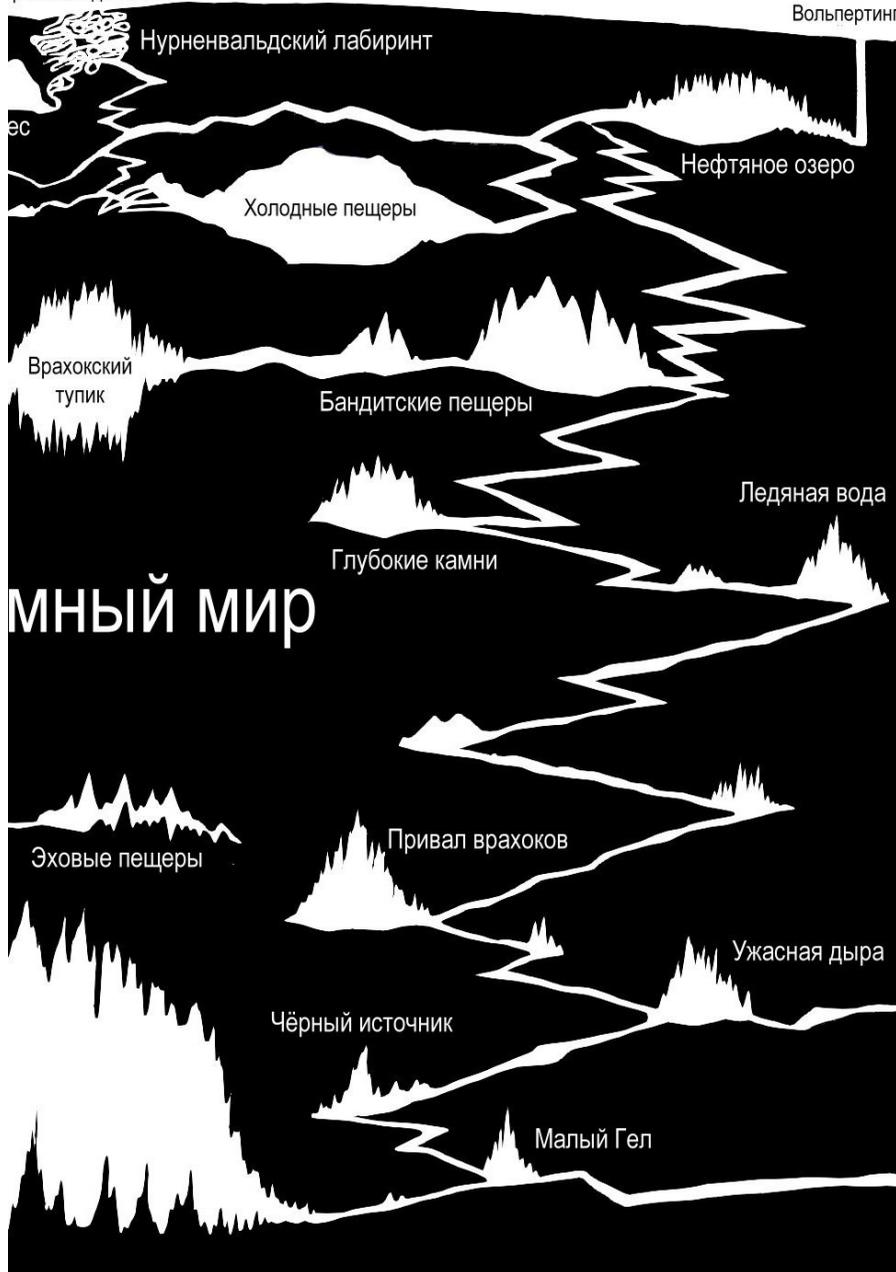
Урс

Нурненвальдский лес

Вольпертинг

МНЬИ МИР

Представьте себе шкаф!

Да, большой шкаф с множеством ящичков,
в котором хранятся все чудеса и секреты Замонии,
абсолютно все, разложенные в алфавитном порядке.

Шкаф, парящий в абсолютной темноте.

Можете это представить?

Хорошо! Теперь смотрите как открывается один ящичек!

На котором написана буква Р.

Р как Румо.

А теперь загляните внутрь! Глубоко во внутрь!

Пока он опять не закрылся.

мог хорошо сражаться.

Но в начале нашей истории он не имел об этом никакого понятия, как и о том, что он вольпертингер и что однажды станет величайшим героем Замонии. У него не было ни имени, ни малейшего воспоминания о родителях. Не знал он, откуда явился и куда пойдет, он знал только, что крестьянский двор, на котором он вырос, был его королевством.

Властелин крестьянского подворья

Каждое утро для Румо начиналось с того, что вся крестьянская семья — семь фернхахинских карликов, собиралась вокруг его корзинки, восхищалась спящим щенком и будила его милой фернхахинской песенкой. Они выплёскивали на него всю свою ласку. Они щекотали у него за ушами, качали его на руках, гладили его, чесали ему спину, на что он реагировал довольным похрюкиванием. Куда бы Румо не пошёл на своих четырёх неловких лапках, он сразу же становился центром внимания. Любое его движение встречалось ликованием, его гладили и почёсывали даже за то, что он спотыкался о собственную лапку. Для Румо оставляли наисвежайшее молоко, для него жарили на гриле самые хрустящие колбаски, для него всегда было оставлено самое прохладное местечко в тени и самое тёплое местечко у печки. Когда он днём спал, все ходили на цыпочках, когда он просыпался, позёвывая, после дневного сна, его угощали тёплым яблочным пирогом, какао и сладкими сливками. Всегда находился кто-нибудь, кто был готов с Румо играть, баловаться или позволяя ему кусать себя беззубой пастью. Вечерами, когда Румо набушевался до усталости, они расчёсывали мягкими щётками его мех и пели ему колыбельные. Да, Румо был негласным хозяином крестьянского подворья.

На подворье было множество других животных: коров, рабочих лошадей и свиней, которые были крупнее, сильнее или полезнее Румо, но никто из них не мог похвастаться той любовью, которой наслаждался Румо. Единственным существом, которое не считалось с единовластием Румо во дворе, был чёрный гусь, с длинной шеей и туловищем в два раза больше, чем у Румо, всегда нагло шипевший, когда Румо проходил поблизости. Так что Румо по возможности обходил его стороной.

Боль

Однажды утром Румо был разбужен не сладким пением фернхахтинских карликов, а колющей болью. Он почувствовал что-то чужеродное во рту. Его пасть изнутри была для него до настоящего момента просто слизкой и влажной областью, где язык мог скользить только по округлым, мягким и гладким местам. Но теперь там было что-то новое, немного беспокоящее. Вверху, недалеко от верхней губы кожа на десне натянулась: будто под ней внутри рос какой-то острый буторок, который и являлся источником этой пульсирующей боли, которая совершенно не радовала Румо. Он решает придать своему недомоганию более широкую огласку, чтобы его соответствующим образом пожалели и окутали нежностью, но поблизости никого не было. Он должен был сам пойти к сараю, где в последнее время фернхахтинцы, по непонятным для Румо причинам, постоянно разбрасывали солому. Путь к сараю, а Румо знал это по собственному опыту, был усеян шипами. Нужно было пройти через кухню, потом через веранду с опасными занозами, спуститься вниз по лестнице, пройти через грязный двор, мимо этого противного гуся, затем вокруг поилки, где всегда валялся свиной навоз. Это был слишком утомительный для Румо путь, поэтому он позволял фернхахтинским ребятишкам переносить его на руках. Ах, если бы ему не нужно было ходить на четырёх лапках и всё время о них спотыкаться! Как было бы хорошо, если бы он, как фернхахтинцы, мог ходить на двух лапках.

Румо вылез из корзинки, встал на задние лапки и, кряхтя, выпрямил вверх туловище. Он качнулся один раз направо, один раз налево и затем встал прямо, как штык. Ха! Это было легко!

Он зашагал вперёд как взрослый фернхахинец. Гордость переполняла его — совершенно новое и окрыляющее открытие. Ни разу не споткнувшись, прошагал он через кухню, толчком открыл дверь и спустился вниз по четырём ступенькам лестницы на веранде. На прямых ногах потопал он через двор. Утреннее солнце грело его шерсть, воздух был прохладным и освежающим. Румо глубоко вдохнул, упёр передние лапы в бока и прошёл мимо чёрного гуся, с которым он был теперь одинакового роста. Гусь отпрянул в сторону, озадаченно посмотрел на Румо и хотел прошипеть ему вслед что-то подлое, но проглотил язык от страха. Румо не удостоил его ни единым взглядом и просто прошагал вперёд. Он был таким высоким и довольным, как никогда ещё в своей жизни.

Серебряная нить

Румо остановился, наслаждаясь солнечным теплом. Он прищурил глаза из-за слепящего солнечного света, а потом закрыл их. Там был снова он, мир, который всегда перед ним открывался, когда он закрывал глаза. Это был мир запахов, который трепетал и развевался перед его внутренним глазом в виде сотен разных цветов: тонкие дорожки из красного, зелёного, жёлтого и синего света, порхавшие в беспорядке. Зелёная дорожка принадлежала пышному кусту розмарина, у которого он стоял, жёлтая — изысканному лимонному пирогу, который недавно испекли на кухне, красная — преющей компостной куче, голубая — свежему утреннему бризу, который нёс запах близлежащего моря, и там было ещё много других цветов, также отвратительных, грязных, таких как коричневый — запах навоза, в котором валялась свинья. Но что удивило Румо на самом деле, так это цвет, который он до сих пор не унюхал — высоко вверху, над всеми этими приземлёнными запахами, летела серебряная лента. Она была тонкая и нежная, скорее нить, но он чётко видел её своим внутренним глазом.

Странное беспокойство охватило Румо, неосознанное страстное желание и ни разу до этого не появлявшееся стремление оставить всё и пойти одному куда-то вдаль. Он глубоко вдохнул, по нему пробежал озноб, так сильно и прекрасно было это чувство, появившееся в нём. Глубоко в своём маленьком детском сердце Румо чувствовал: если он будет следовать этой нити и дойдёт до её источника, его ожидает там счастье, но сначала ему нужно в сарай, чтобы пожаловаться. Он снова открыл глаза и зашагал дальше. Когда он оказался перед большой красной занавеской, закрывающей солому в сарае от солнечного света, который мог её высушить или даже поджечь, он остановился. Какое-то новое, странное чувство побудило его прекратить триумфальный марш: его ноги стали ватными, и ему пришлось побороться с желанием снова встать на четыре лапы. Кровь ударила ему в голову, передние лапы задрожали и на лбу выступил пот.

Румо не знал, что занавеска отделяла его от вступления в новую жизнь, не знал, что вскоре он распрощается со своим животным наследием. Не знал он также, что в будущем на него смотрели бы совсем другими глазами, если бы он сейчас зашёл за занавеску на двух лапах, так как прямоходящий вольпертингер пользовался значительно большим уважением, чем дикий. Но Румо чувствовал, что его вход в сарай был очень важен. Его сердце бешено стучало. Он был испуган и запутан: он испытывал огромное волнение, как перед первым выходом на сцену.

Он сделал то, что делает каждый артист, когда на него находит нервозность — он подглядывает через занавес, чем занимается публика. Румо осторожно просунул голову сквозь щель занавески и оглядел сарай.

Одноглазые великаны

Внутри было темно и его глазам, ослеплённым солнцем, понадобилось время, чтобы привыкнуть к новой обстановке. Сначала он заметил только неясные тени, отбрасываемые деревянными балками и тюками соломы, а между ними широкий луч света, криво падающий из окна сарая. Он моргнул ещё раз и понял, события, происходящие в сарае, совершенно не соответствуют его ожиданиям: фернхахинцы не занимались запихиванием соломы в мешки. Большие, рогатые, покрытые чёрным мехом, одноглазые существа занимались тем, что запихивали в мешки фернхахинцев. Но в данный момент это беспокоило Румо меньше всего.

Он привык к тому, что в мире больших существ ежедневно происходили необъяснимые вещи. Пару дней назад во двор привели нара — и что

тогда началось! Все бегали туда-сюда, как куры во время грозы, а нар ревел несколько часов подряд, как-будто он сошёл с ума. Позже он стоял привязанный к колышку у кормушки пожёвывая сено и стал скучной обыденностью. Так и великаны не вызвали у Румо никакого страха. На любом фернхахинском подворье имелись существа, которые спокойно могли бы поспорить с великанами в уродстве: на орнишенскую свинью, к примеру, можно смотреть без содрогания только, если вы знаете, как она великолепна на вкус, когда с неё снимают бородавчатую шкуру и обжаривают на вертеле. Но кое-чем уродство рогатых отличалось от уродства свиней — злобой, вспыхивающей в их глазах. Для Румо эти вспышки ничего не значили, так как у него не было никакого опыта. Он даже не знал что такое злоба. Так что он зашёл в сарай. Волнение пропало в одно мгновение и наступило спокойствие. Впервые Румо стал свидетелем своих удивительных способностей: сохранять хладнокровие в напряжённой ситуации. Он шагнул вперёд и откашлялся так, как это делают вольпертинги, а именно: дважды важно просопел влажным носом.

Румо понял, что его появление никого не волновало. Великаны продолжали своё занятие — засовывали фернхахинцев в мешки, а фернхахинцы стонали и жалобно плакали. Румо почувствовал себя оскорблённым. Его игнорировали, того, кто мог ходить на двух лапах, того, у кого во рту была боль. Но вдруг он понял, что должен сделать: он должен заговорить. Он научился с первого раза ходить, так что и это у него получится. Он хотел сказать два предложения, чтобы обратить на себя внимание:

Первое: «Я могу ходить!»

Второе: «У меня болит рот!»

Тогда они обратят на него внимание и пожалеют. Румо открыл рот, глубоко вдохнул и сказал два предложения:

«Гра-а ра ра-а!»

«Ра-а рагра ха гра!»

Это было не совсем то, что ему представлялось, но это вышло из его рта, хорошо прозвучало и произвело впечатление. Рогатые перестали впахивать фернхахинцев в мешки. Фернхахинцы перестали плакать. Все усталились на Румо.

Его колени неожиданно задрожали, а ноги стали ватными. Одну секунду он боролся с равновесием, потом отклонился назад и шлёпнулся в пыль. Румо добавил кое-что к своему опыту — совершил первую крупную ошибку в своей жизни. Один из циклопов подошёл к нему, схватил его за уши и сунул в мешок.

История циклопов с чёртовых скал

Циклопы с Чёртовых скал — это род злобных циклопов, который проживает исключительно на Чёртовых скалах.

Антинаучным является отнесение циклопов к представителям Замонийского пиратства, поскольку, в соответствии с точным определением, пираты передвигаются исключительно на кораблях и, как минимум, подчиняются законам навигации. Циклопы с Чёртовых скал передвигаются на объектах, созданных природой, а именно на Чёртовых скалах, размером с многоэтажный дом, состоящих из сплава кислорода и минералов, не тонущих и не подчиняющихся никаким законам, кроме законов природы. Они дрейфуют на своих полых скалах благодаря приливам и отливам и распространяют страх и ужас везде, где их прибывает волной к берегу.

Если спросить жителя Замонии, какой участи он хотел бы избежать, то наиболее частым ответом было бы: "Быть пленником циклопов с чёртовых скал". Известны капитаны, которые топили свои корабли, едва заметив на горизонте дрейфующие чёртовы скалы. Они предпочли утонуть вместе со своей командой, лишь бы только не стать добычей этих чудовищ. Никакой прибрежный регион не был безопасен. За последнюю сотню лет практически все города вблизи берега подверглись нападению циклопов.

Дрейфующие чёртовы скалы изначально были гигантскими глыбами лавы, изверженной тысячи лет назад подводным вулканом. На дне они остыли и благодаря кислороду, заключённому внутри скал, всплыли на поверхность моря. С берега они выглядели как обособленные,

обрывистые, торчащие из воды скалистые острова, на самом деле походили на айсберг — единую глыбу, показывающую только вершину и скрывающую свою большую часть под водой. Неизвестно когда и как заселили циклопы этот плавающий остров, но судя по сообщениям и городским хроникам о нападениях вандалов, похожих на циклопов, произошло это несколько веков назад. Возможно одна из их шаек заметила причалившую к берегу скалу, залезла на неё и врасплох была унесена волнами в море.

Циклопы, видимо, положились на судьбу и не предприняли никаких попыток управлять плавающим островом. Они были недостаточно изобретательны, чтобы оснастить своё необычное средство передвижения парусами, вёслами и якорями, и оставили, таким образом, приливам, отливам и морским течениям право выбора несчастного побережья, к которому они причалят в следующий раз. Как только удачное течение прибывало циклопов к берегу, они незамедлительно отправлялись вглубь страны, грабили города и деревни и брали пленных до тех пор, пока волны не уносили плавающий остров опять в море.

Это и есть, в общих чертах, не особо приятная история циклопов с чёртовых скал. И в этот раз они причалил к побережью Фернхалии.

Даже пока Румо сидел в мешке, он не подозревал ничего плохого. Он привык к тому, что существа, превышающие его в размерах, часто, без всяких на то причин, хватали и носили его туда-сюда. Мешок был лишь новым вариантом переноски.

Настоящей проблемой была зубная боль. Длительная боль не вписывалась в его уютное существование. Заноза в лапе, удар носом — эта боль была ему знакома, но она никогда не была такой длительной, как сейчас. Эта новая боль не была проходящей, она росла и становилась сильнее. Более того: во рту на другом месте началась такая же боль. Но тем не менее Румо сидел тихо и почти не шевелился.

Пища циклопов

Циклопы, оставшиеся на чёртовых скалах, заметили, что волны уже пару дней толкают их жилище. Это означало, что очень скоро их унесёт в открытое море. Они нервно поглядывали на мыс, к которому они причалили. Почти все циклопы вернулись после набегов, только дюжина осталась на берегу. Жуткий звук, похожий на крик, донёсся из тумана, висевшего между морем и побережьем. Это один из циклопов дул

в большую раковину, звучавшую для них как музыка. Наконец-то запоздавшая дюжина возвращалась домой.

Одноглазые вандалы появились на мысе и триумфально подняли туго набитые мешки вверх. К их огромному удовольствию, добыча всё ещё сильно билась и трепыхалась.

При попытке представить само страшное, что может сделать одно существо с другим, вы придёте — в случае если у вас хватит смелости додумать эти мысли до конца — к следующему результату: сожрать заживо. Заколоть как можно быстрее и безболезненнее орнишенскую свинью, содрать её уродливую бородавчатую шкуру, нашпиговать розмарином и жарить на вертеле — это нормально. С этим согласно большинство жителей Замонии, за исключением вегетарианцев. Вырезать же у живой свиньи трепещущее сердце и жадно проглотить его — это совсем не нормально, против этого существуют даже законы. Конечно этим законам подчинялись не все, например, вервольфы и лаубвольфы, ну и ещё пара других бесчувственных существ. Но кто менее всех придерживался договорённости не поедать ещё живущие существа, так это циклопы с чёртовых скал. Одноглазым была по вкусу только та еда, которая при поедании ещё двигалась.

В открытом море они жрали живую рыбу. Если они захватывали корабль, тогда они сжирали живых матросов, пиратов, пассажиров, капитанов, а также последних крыс, тараканов и личинок в трюме. Причаливали они к берегу — жрали живых жителей Замонии. При этом было совершенно не важно, какие существа попадали в добычу, в этом отношении циклопы были неприхотливы, они могли бы сожрать и Лесную ведьмину паучиху, главное чтобы она при этом порядочно трепыхалась. Одноглазые оценивали качество еды в первую очередь по её живости.

Они придумали изощрённые методы пожирания своих жертв, позволяющие жертвам как можно дольше оставаться живыми. Они до самого конца не трогали жизненноважные органы, такие как сердце и мозг, но и их они поедали в конце, вместе с ногтями, костями, чешуёй, глазами, ресницами и щупальцами. Особенно важными для циклопов было как можно дольше сохранять работоспособность органов голосового аппарата жертвы: язык, гортань, лёгкие и голосовые связки считались деликатесом, который оставлялся на конец еды. Крик, стон или визг были щепоткой соли, запахом чеснока или ароматом лаврового листа: циклопам было важно во время еды не только то, что они видели, но и то, что они слышали.

Они разделяли свою еду на три категории: к низшей, используемой только в случае острой необходимости, принадлежали существа, которые вобщем-то были живыми, но практически не двигались и не издавали звуков, например ракушки, устрицы, улитки и медузы. К средней категории относились животные, которые не могли кричать, но могли отлично двигаться — все виды рыб, кальмары, омары, крабы и морские пауки. К высшей категории принадлежали все существа, которые могли говорить, кричать, рычать, квакать, каркать, шипеть, блеять или издавать ещё какие-нибудь звуки, испытывая смертельный страх. Будь это нагиффтифенец или бобёр, фернхахинец или вольпертингер, береговой карлик, чайка или шимпанзе — циклопам было всё равно. Главное, чтобы еда, пока её пожирают, как можно громче по-своему кричала.

Если бы фернхахинцы, сидящие в мешках, знали как от их дрыганья и хныканья разыгрывался аппетит у циклопов, они сидели бы так же тихо как Румо, который всё ещё спрашивал себя, когда же наконец закончится эта странная игра, в которую с ним играли.

Кладовая

Когда Румо наконец-то выбрался из вонючего мешка, он удивился, что находится не крестьянском подворье. К своему ещё большому удивлению, он заметил, что пол под ним колышется. Но он мгновенно успокоился, так как всё его семейство было тут, вместе с одноглазыми. Пол качался, был неровным и скользким, но всё же Румо прошёлся на задних лапах. Он не понял, почему никто не принял это к сведению и не похвалил его. Даже члены его семьи не наблюдали за ним, и вообще, они вели себя странно. Их обычно доброжелательные лица превратились в гримасы, а у некоторых постоянно текла вода из глаз. Румо подумал, где же, собственно говоря, его корзинка. Не мог же он путешествовать без своей корзинки!? Нет, это невозможно. Всё, он окончательно наигрался в эту игру, теперь бы хорошо поесть, послушать колыбельную и немного вздремнуть.

Фернхахинцы смотрели на происходящее по-другому: до них доходили слухи о Чёртовых скалах, да и родственники некоторых из них были похищены циклопами. Они знали что с ними будет, если не случится чуда.

Для циклопов же всё происходящее не было ни печальным, ни загадочным, а наоборот, вызывало радость: в данный момент они заполняли свою кладовую. Они вернулись после успешного набега домой и теперь

возвращались в открытое море к прекрасной и свободной жизни. Румо вместе с его фернхахинцами пригнали в большой грот в центре Чёртовых скал. Этот грот был для циклопов налюбимейшим помещением на острове. Тут хранились их продукты питания. Сюда утром в первую очередь они шли за завтраком, а перед сном выбирали еду для второго ужина. Некоторые приходили сюда и ночью, сонные, но с огромным желанием чем-нибудь перекусить.

На стенах огромного грота висели кольца, к которым цепями приковали фернхахинцев: за шею, за руки или за ноги. Выбитые в полу и заполненные солёной водой ямы кишели толстыми рыбами и кальмарами. В клетках сидели дикие звери: рыси, медведи и львы. Безобидные домашние животные, такие как свиньи, куры или коровы, могли свободно передвигаться по гроту, огороженному высоким, возведённым циклопами, деревянным забором. Каменные чаны и глиняные кувшины с морской водой были битком набиты омарами, лангустами или устрицами. От чего на Чёртовых скалах не страдали, так это от недостатка живой еды.

Плохая ночь

В эту ночь Румо, как и большинство пленников в гроте, не сомкнул глаз. Колющий пол, брызги воды, плачь, вопли, стоны, кудахтанье и крики — никогда ранее не приходилось Румо спать в таких невыносимых условиях. Он мог свободно передвигаться по гроту — вероятно его причислили к категории безобидных домашних животных. Но самым ужасным для Румо было то, что фернхахинцы совершенно не обращали на него внимания, когда он захотел к ним приласкаться. Они плакали, прикованные цепями к скале.

Обиженный Румо бродил по пещере в поисках других существ, которые смогли бы его приласкать. Но всюду царил такая же угнетающая атмосфера: никто не хотел с ним играть, каждый был занят лишь самим собой, везде плакали и ныли.

В конце концов Румо забрался в нишу в скале, образованную пузырьком воздуха в лаве, диаметром около метра, с небольшим входом, защищавшим его от брызг. Он свернулся клубком и закрыл глаза, и сразу же почувствовал волны сильнее. Так что он снова открыл глаза и просто лежал в темноте, но теперь такой же печальный и испуганный, как все в гроте.

Это была самая длинная и кошмарная ночь в жизни Румо до настоящего момента. Каждую минуту в грот за едой приходили циклопы — за курицей, омаром, свиньёй или фернхахинцем. Если это была свинья, то она визжала, если курица — то кудахтала, при таких обстоятельствах невозможно было сомкнуть глаза.

Громче всех был лев, когда у одного циклопа неожиданно возникло желание сожрать его. Румо никогда раньше не видел львов, но он ну-тром чувствовал, что эти златогривые звери в больших клетках принадлежат к гордым и опасным существам. Пока циклоп ковырялся в замке клетки, рёв льва приводил всех в гроте в ужас. Это был низкий рокот, походивший скорее на звук во время природной катастрофы, нежели на рёв живого существа. Звук, от которого все мало-мальски думающие существа, бегут куда глаза глядят. Циклоп же только зевнул и без промедления зашёл в клетку. От непрерывного рёва льва стены грота начали сотрясаться. Циклоп быстро подошёл ко льву и схватил его за загривок. Хвост огромной кошки он обмотал вокруг другой руки. Затем он закинул льва за плечи, как мешок с углём и ушёл прочь.

Румо свернулся опять. Кроме постоянного шума заснуть ему мешала боль во рту. Там появились ещё две точки, где болезненно натянулась кожа. Это пугало его больше, чем всё происходящее в гроте. За один день весь мир стал враждебным, даже его собственное тело было против него. Он похныкал немножко, из его глаз выкатилась пара слезинок. Только рано утром впал Румо в короткий, беспокойный сон, полный диких кошмаров.

Завтрак

Когда Румо проснулся, то сразу заметил, что пол шатается уже не так сильно. Его мех был мокрым от брызг. Ему срочно нужно было в туалет, что он и сделал недалеко от входа в пещерку, ставшей теперь его домом. Затем он решил сделать контрольный обход грота, чтобы проверить не улучшилась ли там обстановка. Может быть сейчас кто-нибудь захочет с ним поиграть.

Ему хватило одного взгляда, чтобы понять, что ситуация даже ухудшилась. Была пора завтракать и циклопы, в плохом настроении, побрякивая, толкались в гроте, выбирая еду для своей первой сегодняшней трапезы. Большинство предпочитало к завтраку свиней. Их хрюканье оглушало. Один циклоп выбрал себе кальмара. В одном из тазов он выловил огромного осьминога, попав при этом в ситуацию, рассмешившую

его товарищей. Осьминог обхватил тело, руки и ноги одноглазого, везде громко присосавшись присосками. Циклоп зашталкался, споткнулся и упал на пол, в то время как его друзья, закинув назад головы, издавали булькающие звуки. Теперь Румо знал, как смеются циклопы. Еле-еле поднялся великан с пола, схватил одно из щупалец осьминога и оторвал его. Осьминог ослабил хватку, но было слишком поздно. Циклоп зажал трое щупалец в кулаки и начал раскручивать его над головой, как молотометатель. Затем он швырнул его о стену грота, где осьминог разбился как чернильница, обрызгав чёрной жидкостью всех находившихся поблизости. Румо вытошнило.

После того, как циклопы покинули свою кладовую, Румо направился на дрожащих лапах к луже прополоскать рот. Он был до того испуган, что начал опять передвигаться на четырёх лапах — так казалось ему безопаснее. Вода была тёплой, солёной и пахла рыбой. Из-за этого Румо вытошнило ещё раз. Но он тут же почувствовал кое-что утешительное: в одном месте во рту боль исчезла. На этом месте появился острый, гладкий вырост, необычный, но вызывавший приятное чувство, когда Румо обследовал его языком. В других местах боль всё ещё продолжалась, но она перестала волновать Румо, так как теперь он знал в какую чудесную вещь она скоро превратится.

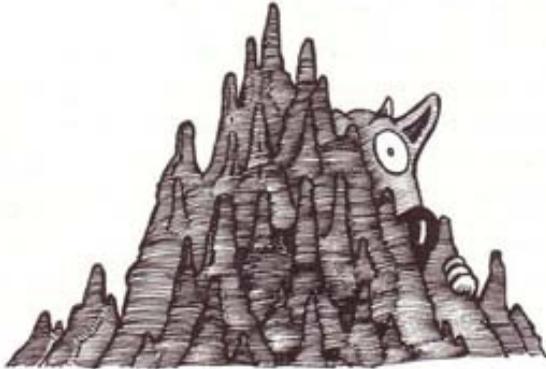
Теперь он был тоже голоден. Он нашёл корыто с липкой кашей и начал её есть, сначала неохотно, затем с жадностью, так как заметил, что чувство голода пропадает. После еды он вернулся в свою крохотную пещерку, чтобы внимательнее осмотреть свой новый зуб. Снова и снова ощупывал Румо языком во рту своё новое приобретение. Он был доволен.

Отовсюду в гроте раздавались предсмертные крики. Циклопы завтракали, но пара из них пиروвали прямо около кладовой. Фернхахинцы прижимались друг к другу, плакали и выли сильнее, чем прежде. Румо заметил, что крестьянин, бывший главой его семьи, исчез, такое случалось и раньше, в деревне, он часто исчезал на несколько дней, а затем неожиданно возвращался.

Румо всюду принюхивался. Но ему было трудно привыкнуть к новым морским запахам, которые так отличались от запахов в деревне. Там всё пахло землёй, травами и жизнью. Тут воняло рыбой, тухлятиной и смертью. Клетки с дикими животными он обходил подальше. Невероятно какими огромными и сильными были некоторые из них! Красная горилла. Двуглавый дикий пёс, одноглазый лев, белый медведь с покрытой кровавыми пятнами шерстью. Эти звери пугали и восхищали Румо одновременно.

Чёрные водоёмы

По настоящему пугающими были для Румо чёрные водоёмы. Это были восемь круглых выбоин в полу грота, заполненные чёрной водой. Чёрной вода стала из-за осьминогов, которые, постоянно пугаясь, выпускали облака чернил. Из тухлой воды периодически показывались слизкие щупальца, острые рога или светящиеся глаза. А из одного бассейна раздавалось монотонное жалобное пение. Ночью Румо видел, как одна любопытная коза подошла слишком близко к водоёму. Вдруг из чёрной жидкости выскочила жёлтая рука с толстыми присосками, мгновенно обвилась вокруг козлиной шеи, и раньше, чем коза успела заблеять, с глухим бульканьем исчезла под водой. С тех пор Румо держался от этих выбоин на приличном расстоянии.

В трёх искусственных водоёмах, судя по всему, были животные, которых циклопы оставили на чёрный день. Кажется даже они побаивались этих существ — они обходили эти водоёмы подальше. Вода в них была прозрачнее, так как в них не было осьминогов, и Румо с удивлением увидел в них маленьких, необычных, глубоководных существ, в хрящевых панцирях и с ужасающими челюстями. У них были свирепые морды, с выдающимися вперёд нижними челюстями, а их глаза горели и дико поворачивались, как будто эти существа сошли с ума. У некоторых впереди на длинном щупальце были маленькие светящиеся шарики, похожие на фонарики. Румо видел прозрачную круглую рыбу, будто выдутую из стекла, с пульсирующим красным сердцем внутри. И длинного морского червя, плавающего у поверхности воды и беспрерывно меняющего цвета. Румо приходил сюда снова и снова, чтобы наблюдать за этими чудесами из морских глубин, чтобы изучать их повадки, потому что эти удивитель-

ные создания были единственными в гроте, кто мог хотя бы на некоторое время заставить его забыть где он находится.

Но загадочнее всех был последний водоём, находившийся немного в стороне от остальных, в конце пещеры. Его вода, была такой же непрозрачной, как и в водоёмах с чёрной водой, но в отличие от них была окрашена в темно-зеленый цвет. Румо заметил, что не только циклопы не подходили к этому водоёму, но и свободно передвигающиеся по пещере звери держались от него подале. На столько отвратительным был запах, исходящий из него.

Румо особенно сильно интересовало, какое существо прячется под этой маслянистой жидкостью. Чаще всего можно было увидеть серый спинной плавник над тёмной поверхностью или подкарауливающий глаз хищной рыбы. Изредка из воды появлялась спина, напоминавшая спину большой рыбы или морской коровы.

Что Румо особенно притягивало к этому водоёму, так это слабые вибрации, которые он ощутил прошлой ночью перед сном. Его внутренний глаз видел их как круглые красные волны исходящие из водоёма с плавником. Маленький вольпертингер не мог объяснить эти сигналы, но он понимал, что они хотели ему что-то рассказать, да, как-будто он унюхал, что загадочное подводное существо хочет установить с ним контакт. Может быть оно хотело его приманить и словить. Румо сдерживал себя, чтобы не последовать сигналу и всю ночь оставался в своём укрытии.

Но сейчас, когда все проснулись и в гроте царил шум и гам, Румо был смелее. Он болтался какое-то время около водоёма, но не так близко, чтобы какое-нибудь скользкое щупальце с присосками смогло утащить его в тёмную воду. Он семеня на четырёх лапках вокруг водоёма. Глаз под водой поворачивался во все стороны и следил за каждым движением Румо, а после того, как он два раза обожеал вокруг водоёма, из-под воды медленно приподнялся спинной плавник. Он был похож на железную стрелку солнечных часов и повернулся один раз вокруг своей оси, следуя за Румо, обходившим водоём в третий раз.

Так продолжалось некоторое время: плавник то уходил под воду, то выныривал снова. Румо отошёл от водоёма, вернулся, опять убежал, обнюхивая грот, но при этом не сводил с водоёма глаз. Двое следили друг за другом не зная точно, чего они хотят друг от друга.

Несколько циклопов пришли в кладовую за добавкой к завтраку. Румо всегда прятался в своей пещерке пока циклопы обыскивали грот. Так что и сейчас он побежал к ней. Его пещерка была занята чёрным гусем, тем самым, который раньше постоянно раздражал его на подворье.

Один циклоп, рыча, разгонял кур, пока другие в поисках еды оглядывались вокруг. Один заметил Румо и, ухмыляясь, направился к маленькому вольпертингеру. Румо зарычал на гуся, чтобы выгнать его из пещерки, но тот зашипел ему в ответ. Циклоп остановился в нерешительности около кучки поросят.

Румо вспомнил кое-что. Он поднялся и встал на задние лапки. Теперь он был такого же роста как и гусь. Тогда он зарычал ещё раз, громче и с угрозой. Он оскалил пасть и показал гусю свой единственный зуб. Гусь не зашипел в ответ, а просто в развалку вышел из пещерки, освободив её для Румо. Сбитый с толку стоял он перед пещеркой, чем вызвал внимание циклопа. Циклоп облизнулся, в три шага добежал до гуся и схватил его за шею. "Га!" — успел ещё сказать гусь, и больше Румо его не видел и не слышал.

Глаз и плавник

Когда великаны ушли с гусем и парой поросят и в гроте восстановилось спокойствие Румо решил вылезти из своего укрытия. Как-будто притягиваемый магнитом, направился он к вонючему водоёму, с таинственным глазом в глубине воды. Он крадучись обходил водоём, поглядывая с опаской на воду и ожидая, что существо покажет себя целиком. Но кроме уже известных действий — плавник выныривает, плавник уходит под воду — ничего не происходило. У поверхности воды появился глаз, несколько пузырей медленно поднялись к поверхности и громко лопнули.

Наконец Румо решил ещё придвинуться — подползти на животе. Он полз очень медленно, сантиметр за сантиметр, пока не оказался в полуметре от края водоёма. Неизвестное существо ушло полностью под воду, не было видно ни глаза, ни плавника. Только большие зелёные пузыри громко лопались распространяя вокруг ужасную вонь. Румо отважно

продолжал лежать, закрыв глаза и пытаясь что-нибудь учуять. Ага! Красные вибрации были чрезвычайно сильны! Они, как-будто, пульсировали в такт большого сердца, медленно, равномерно, успокаивающе.

При этом он не заметил, что из темно-зеленой воды беззвучно появилось громадное серое существо. С головой и челюстью крупной акулы и с телом неестественно распухшей личинки.

— Привет! — сказала существо низким голосом.

Румо распахнул глаза и в ужасе отпрыгнул на три-четыре шага назад. Там он остался стоять, на всех четырёх лапках, лая так угрожающе, как только мог щенок-вольпертингер. Существо не пыталось вылезти из водоёма и напасть на Румо. Справа и слева на его личиночном теле находилось по семь маленьких ручек, которыми он помахивал в воздухе.

— Иди сюда! — пробормотало существо, спокойно и дружелюбно. — Я не сделаю тебе ничего.

Румо не понял ни слова, но мягкий и звучный голос внушал ему доверие. Всё же он не двинулся с места. И, перестав лаять, перешёл на тихое рычание.

— Иди сюда, — сказал червякул. — Просто иди сюда! Я твой друг.

— Граа ра граа, — ответил Румо. Он не знал, что это значит, но чувствовал необходимость что-нибудь ответить.

— Ты можешь говорить? Всё лучше и лучше! Знаешь, что ты вольпертингер?

Было не важно, что Румо не понимал, что говорила гигантская личинка. Важно было, что кто-то пытался наладить с ним контакт.

— Вольпертингер, — повторило существо ещё раз, указав пальцами на Румо. — Ты — вольпертингер.

— Вольпаграа, — сказал Румо.

— Ты быстро схватываешь, — ответила личинка и засмеялась. Из-за чего вода начала выплёскиваться из водоёма. — Скажи: "Смайк"! — предложила она Румо. Румо насторожился.

— Смайк! Смайк!

— Гра?

— Смайк! Скажи: "Смайк!"

— Смай, — сказал Румо.

— Молодец, — засмеялся червякул. — Смайк. Волтоцан Смайк. Так меня зовут.

История Волтоцана Смайка

Волтоцан Смайк был червякулом (акуловидной гусеницей), поэтому мог обитать как в воде, так и на суше. Но во время пребывания на Чёртовых скалах он притворялся морским обитателем. По собственной грубой оценке ему было минимум пятьсот лет, и за это время он слышал достаточно историй о Чёртовых скалах, среди которых были и те, в которых говорилось, что циклопы предпочитают существа, живущие на суше, морским обитателям.

Когда циклопы захватили корабль, на котором находился Смайк, тот мгновенно нашёл бочку с водой, влез в неё и с большим актёрским талантом сыграл немое и неповоротливое морское животное. Циклопы поверили, но всё-таки притащили его в грот и поместили в водоём. На чёрный день. Пиратов они сожрали за месяц, Смайк продолжал жить.

В воде Смайку было неуютно. Конечно, если он хотел, он мог дышать под водой, но это было лишь жалко наследие его плавающих предков, которое презирал. Он с удовольствием бы отрёкся от такого родства, но в теперешнем положении он отчаянно хватался за него. Можно сказать, что его предки день за днём спасали ему жизнь. Смайк жил уже два с половиной года на Чёртовых скалах, и это был своеобразный рекорд в кладовой циклопов. У него было достаточно времени, что бы изучить привычки циклопов, как минимум те, которые они проявляли в гроте. Он вынужден был слушать их чудовищное пение, неблагозвучное гудение рогов из ракушек, абсолютно неритмичный барабанный бой. Всё это, по расчетам Смайка, повторялось примерно каждые полгода, в определённые лунные фазы, и продолжалось несколько суток подряд. Отсюда он знал, когда они свои праздники, а точнее отвратительные оргии праздновали. Эта информация была жизненноважной, так как в эти дни пленники грота пожирались в огромных количествах. Он видел, как в дни оргий в короткое время исчезали целые экипажи захваченных циклопами кораблей, некоторые пленники были проглочены на его глазах. В кульминационный момент празднества опьянённые циклопы часто врывались в пещеру, разрывали на куски кричащие жертвы и пожирали их на глазах у испуганных пленников. Казалось, что кровь в это время оказывала на них действие, схожее с действием высокоградусного алкоголя.

Во время оргий Волтоцан Смайк погружался как можно глубже в свой водоём и его сальные железы вырабатывали секрет, превращавший воду в темно-зеленую, неаппетитно пахнущую жижу, которая отталкивала даже циклопов. Он ненавидел это, так как это напоминало ему о дру-

гих корнях его генеалогического дерева, у которых стояли древние серные черви, существа, выжившие в мире голодных динозавров только благодаря своему отвратительному запаху. Сам Смайк с трудом переносил этот запах, но в данном случае цель оправдывала средства.

Что бы не сойти с ума в этой ситуации Смайк создал свой собственный сумасшедший мир. Он рассматривал своё пребывание на Чёртовых скалах как своеобразный экзамен судьбы, который сделает его сильнее для последующей жизни. Он был мечём, который закаляли специальным образом, — эта картина была часто перед его глазами, хотя его внешний вид едва соответствовал такому описанию. В мире нет ничего страшнее, чем постоянный страх в любой момент быть сожранным заживо, но Смайк был так же уверен, что это было самым действенным в борьбе с прочими страхами. Если он выживет на Чёртовых скалах, внушал он себе постоянно, то смерть ему будет не страшна.

Другим важным средством в борьбе за выживание на Чёртовых скалах были его воспоминания. Сначала в плену Смайк научился ценить счастливые моменты из прошлой жизни. В коридорах своего мозга он создал комнатку, в которую он заходил, когда его покидала надежда или охватывало отчаяние. Это была Комната Воспоминаний.

Как холсты в рамах висели там важные и не очень моменты его жизни, замороженные во времени, ждущие, когда Смайк запустит их в действие. Для любого другого эти картины не имели никакого смысла: вид на мрачную бухту или маленькая таверна в сумерках, построенная на крутом берегу. Суматоха во время сражения. Шахматная доска с особо сложным положением фигур. Свиное жаркое, разрезаемое ножом. Но когда Смайк подходил к этим картинам и обращал внимание на одну из них, то она оживала, открывалась и как бы всасывала его в себя. Тогда он переживал это ценное воспоминание, как впервые. Такое вот необычное искусство изучил он на дне своего водоёма. Это уже не было мыслями и ещё не было мечтами, это было что-то посередине, то, что он нескромно назвал смайкованием: искусство жить в воспоминаниях, а не искусство вспоминать. Тут были и большие, драматические моменты, и маленькие, личные, простые воспоминания, которые Смайк по необходимости активировал. Если его мучил голод или тоска по еде, более разнообразной, чем водоросли и планктон, которые бросали циклопы в его водоём, тогда Смайк подходил к картине, изображавшей маленькую таверну в сумерках.

Там, более ста лет назад, он испытал один из восхитительнейших кулинарных моментов своей жизни. Он сидел на улице, на террасе, с невозможным видом на бухту, которая в это время года из-за обилия

огненных медуз светилась оранжевым светом. В качестве закуски Смайку подали целый Трюфель, запечённый в гусиной печени, затем потушенную огненную медузу на подушке из водорослей к ней ризотто с ракушками и имбирным салатом со сливочным соусом, ароматизированным лимонной травой. А на десерт был Гралсундерский сыр с голубой плесенью пятилетней выдержки и бутылка "Бленхаймер Рубикон". Вино пахло персиковыми цветами. Это было достаточно простое воспоминание, но Смайк активировал эту картину чаще всех остальных.

Только одна картина в Комнате воспоминаний была всегда завешена. Она была особенно большой, её закрывал чёрный платок. Смайк пробегал очень быстро мимо этой картины, но удалить её из Комнаты было невозможно.

Остальные воспоминания были законсервированы в урнах. Вдоль стен стояли маленькие столбики, на которых находились урны разных расцветок. Когда Смайк открывал один из этих сосудов, оттуда выходил запах: запах падающего снега, аромат книжной пыли, поднимающейся при открытии старинной книги. Весенний дождь на мостовой большого города. Костра. Свежевытащенная винная пробка. Свежий хлеб. Кофе с молоком.

Каждый из этих запахов включал в Смайке цепную реакцию воспоминаний, которым он мог часами предаваться, с помощью которых он на некоторое время забывал о своих страхах и отчаянии, пока рёв труб из ракушек или грохот решётки грота не возвращали его в действительность.

В эту суровую действительность попал щенок-вольпертингер, бегающий всё ещё на четырёх лапках, всё ещё не умеющий говорить и которого периодически рвало. Но Смайк знал, что этот щенок олицетворял собой причину, по которой он построил Комнату воспоминаний. Он олицетворял надежду, которая не позволяла ему отчаяться на дне вонючего водоёма, он представлял собой последнее желание, которое было у него в этом жутком мире: желание быть спасённым с Чёртовых скал. Этому желанию требовалось имя. То, на что мы надеемся, должно иметь название. Он думал не долго: в Замонии существовала карточная игра, которую Смайк особенно ценил. Главная карта, давшая также и имя игре, называлась Румо. С одной стороны играть в Румо означало бросить вызов судьбе и всем — действительно всем — рисковать. С другой стороны — огромный выигрыш. Так и получил Румо своё имя.

Спящие слова

- Румо! — сказал Румо.
- Точно! — воскликнул Смайк. — Ты Румо — я Смайк!
- Ты Румо — я Смайк! — повторил Румо старательно.
- Нет, нет, — засмеялся Смайк. — Ты Румо — я Смайк!
- Ты Румо — я Смайк! — сказал Румо упрямо, и стукнул себя лапой в грудь.

Смайк учил Румо говорить. Или правильнее: Румо мог уже говорить, но ему не хватало правильных слов. Он получал их просто сидя у водоёма и слушая червякула. Смайку было что рассказать. Сначала Румо казалось, что он слушает зверя издающего дикие, рахитичные звуки, шущуканье, кряхтенье, звуки, не имеющие никакого смысла. Скоро он заметил, что некоторые звуки возбуждали в нём картинки, другие вызывали чувства, страх, замешательство и радость. Были ещё такие, которые заполняли его голову геометрическими фигурами и абстрактными узорами.

Маленький волпертингер впитывал как губка необычные звуки, которые издавал Смайк. Во время некоторых высказываний в ушах у Румо неожиданно звучала чудесная музыка и он чувствовал необъяснимое счастье, распространявшееся по всему его телу. Иногда он видел вещи, о существовании которых он не мог знать: большой чёрный город, в котором горело множество огней, горы, покрытые сверкающим снегом. Пустынную, раскалённую от жары долину. Потом он снова впадал в транс, как будто он спал с широко распахнутыми глазами и бешено стучащим сердцем. При этом он всё ещё видел Смайка, плавающего в воде, жестикующего всеми четырнадцатью ручками, но через его тело протекал

поток событий, чувств, понятий. Ему казалось, что слова проникают в его тело через тысячи точек, взрываются внутри и становятся рисунками, группирующимися в неясные и несвязанные сцены, летящими друг за другом и стирающими друг друга. Будто огромные способности и древний опыт дремали в нём и теперь были насильно разбужены. Нет, Смайк не учил его говорить — он будил в нём слова ото сна.

— Да! Да! — вскрикивал постоянно Румо. — Рассказывай! Рассказывай!

Слова. Рисунки. Чувства. Но Румо было этого мало.

С наибольшим удовольствием Смайк рассказывал о сражениях. Легко можно было заметить, что сам он не был воином, но о теоретических аспектах сражений он знал больше, чем любой другой. Он изучил до мелочей все виды сражений: спортивные сражения, битва в поле, смертельно опасные дуэли на шпагах, бокс специально накаченными кулаками, стрельбу из маленьких арбалетов, древнюю борьбу ногами жителей болот, жуткие кровавые драки моргенштернами. Смайк видел дуэли, в которых противники, облитые смолой, пытались поджечь друг друга факелами. Он, вооружённый дупой и счётчиком муравьёв, сутками наблюдал битвы между враждующими муравьиными родами, сопровождаемые чудовищными потерями. Он мог так рассказывать о сражениях, что слушателей бросало в пот, они видели разваливающихся на части противников и слышали хруст их костей. Иногда Румо сидел перед водоёмом, как перед боксёрским рингом, и боксировал воздух своими маленькими, сжатыми в кулачки, лапками, так захватывали его рассказы Смайка.

Смайк был судьёй на профессиональных боксёрских состязаниях и военным советником во время Наттифтофских малых войн, официальный лицензированный секундант для дуэлей флоринтской знати и хронометражист в шахматных турнирах вольпертингеров в Бухтинге. Его профессиональный спектр охватывал также: организацию петушинных боёв, работу в качестве казначея Замонийской Червяковой лотереи (в которой орнистские черви боролись друг с другом), в качестве натравливателя в Мидгардийских боях карликов и в качестве крупье в Форте Уна, городе вечных азартных игр. Нет, Смайк не был воином, он был игроком. По-этому он изучал битву, наблюдал за сражающимися, анализировал победу и поражение в любой форме. Тот, кто знал как работают сражения, мог предугадать их исход. Это было его страстью, целью его жизни — как можно глубже развивать способность знать, кто победит.

— Как-то раз я наблюдал за битвой двух скорпионовых гидр, — внешне начал он однажды и Румо прислушался.

"Скорпионовые гидры", — насторожился он и что-то маленькое, с множеством ножек проползло у него в мыслях.

— Скорпионовые гидры — это очень маленькие, но очень ядовитые звери с семью чрезвычайно подвижными хвостами. Каждый из них заканчивается ядовитым жалом, — продолжил Смайк.

Румо встряхнулся.

— Хочешь узнать, как проходила битва?

— Рассказывай, — сказал Румо.

История скорпионовых гидр

Это происходило в пустыне, мне нечем было заняться, по-этому я начал наблюдать за этими двумя ядовитыми чудищами в песке, ставя сам себе ставки. Я поставил на меньшую, более подвижную скорпионовую гидру. Сначала некоторое время танцевали они в песке по кругу, этакий танец вежливости и уважения, как два придворных танцора, развлекающих публику. Затем, неожиданно, они приступили к делу: большая гидра сделала отвлекающий манёвр, и одним ударом убила меньшую. Чик! Готово. Всё. Потом она её съела. Итак, я проиграл сам себе, и одновременно сам у себя выиграл.

Румо наморщил свой маленький лобик.

— Но самое поразительное произошло позже: после того, как победившая гидра съела свою соперницу, она ужалила себя в голову своим же жалом и умерла мучительной смертью.

— Ух! — выдохнул Румо.

— Позже, кто-то, знающий толк в пустынных скорпионах, всё мне объяснил. Он разъяснил мне, что это были самец и самка.

— Самец и самка?

— Это была пара, — закончил Смайк свою историю, как-будто это всё объясняло. — Чудо любви.

— Это я не понимаю, — сказал Румо.

— Я тоже, — вздохнул Смайк и ушёл на дно.

В эту ночь Румо долго бодрствовал, пытаясь найти объяснение словам "самец" и "самка". У него не получалось. Кроме того, ещё в трёх местах во рту прорезались новые зубы. Четыре первых уже прорезались и Румо с удовольствием водил по ним языком, радуясь тому, какие они гладкие и острые. Скоро у него во рту будет много зубов, также, как у того белого медведя в клетке.

Затем он всё-таки уснул. Ему снилось, что он медведь, медведь с белым мехом и серебряными зубами. Он охотился, он был огромный, сильный и опасный. Он шагал на двух лапах и ужасно рычал, а чёрные тени толпой убегали от него. Маленький вольпертингер засмеялся во сне.

Пять правил

Теперь Румо передвигался в гроте увереннее. Существовало пять правил, которые ему объяснил Смайк и которых он жёстко придерживался:

Правило номер 1: Держись подальше от клеток с дикими животными!

Правило номер 2: Держись подальше от водоёмов со щупальцами!

Правило номер 3: Никогда не пытайся перелезть через ограду!

Правило номер 4: Прячься в пещерке, когда проходят циклопы!

Правило номер 5: Если не успеешь спрятаться в пещерке, двигайся как можно меньше в присутствии циклопов!

Румо наслаждался своей наибольшей среди пленников грота свободой: он не был ни закрыт в клетке, ни привязан, ни прикован цепью, и не должен был прятаться в воде. Он питался у всех кормушек и поилок, кроме кормушек диких зверей, он обнюхивал все углы, и у него была спальня, в отличие от прочих свободно передвигающихся пленников, в которой он мог прятаться от циклопов. Кроме того, Румо наслаждался возможностью ходить к Волцотану Смайку, когда на него нападал страх, чтобы послушать его истории. Особенно когда циклопы дули в трубы из ракушек

и гремели в барабаны, что, в последнее время, происходило всё чаще. Тогда Румо прибежал к Смайку, чтобы отвлечься от беспокойного шума.

— Рассказывай! — приказывал Румо.

Смайк любил рассказывать что-нибудь Румо, так как это уносило его так же далеко с Чёртовых скал, как и маленького вольпертингеру.

— Хочешь услышать историю битвы у Драконгоры? — спросил Смайк.

— Битва! — воскликнул Румо. — Рассказывай!

История Драконгоры

Смайк глубоко вздохнул, как-будто он хотел рассказать историю на одном дыхании.

— История Драконгоры — самая старая история Замонии, вероятно даже самая старая история в мире, — начал Смайк. — Готов ли ты, сын мой, услышать древнейшую и величайшую историю Замонии?

Румо кивнул.

— Ей миллиарды лет. — Смайк драматически замахал своими четырнадцатью ручками.

— Миларды? — Румо не удивился, а просто повторил слово.

— Да, миллиарды! Один миллиард — это тысяча миллионов лет. А один миллион лет — это тысяча раз по тысяче... но скоро ты это выучишь. Важно, что миллиарды лет назад в море появилось первое животное, первое живое существо в мире.

— Там, снаружи в воде?

— Да, там, в воде.

— Какое животное?

Смайк задумался. Этот малыш задаёт удивительные вопросы. Какое животное? Что-то на "А". Название крутилось в голове. Амёре? Амёсе? Чушь! Подходило ли вообще слово "животное" к тому что он описывал? Смайк был потрясён. В конце концов он прослушал трёхнедельный курс Замонийской палеонтологии, в Вечерней академии в Сундхайме. Это было... Ух, это было сто пятьдесят лет назад!

— Какое животное?

Смайк не мог вспомнить. Кажется клетки были первыми живыми существами. Они потом делились и ... Или клетки не считаются живыми существами? Не должны ли сперва две клетки встретиться, чтобы создать новую жизнь? Которая затем делилась или что там ещё?

Ему необходимо освежить свои познания в палеонтологии. И в биологии. И вообще.

— Это не важно. Важно что животное было очень маленьким и делилось.

— Делилось?

— Да, делилось! Ты что, попугай?

— Попугай?

Смайк понял, что слишком размахнулся, история получилась очень длинной.

— Короче, это животное разделилось, из него появились другие животные, с челюстями, с чешуёй, с зубами...

— Жубами! — воскликнул Румо и гордо показал свои зубы. Но Смайк не позволил себя больше перебивать. — ... они становились всё больше и потом вышли на сушу. Это были динозавры. "Ну вот, так тоже пойдёт", — подумал Смайк. "Кратко и безболезненно".

— Динозавры?

Первый раз Румо начал раздражать Смайка. До этого вопросы Румо его только веселили и приводили к развёрнутым объяснениям. Но сегодня его терпение подходило к концу. Барабанный грохот начался опять и продолжался уже несколько дней. Он знал, что могло произойти со всеми пленниками в гроте, и это лежалом грузом у него на сердце. История Драконгоры должна была и его немного отвлечь, а Румо влезает постоянно со своими глупыми вопросами!

— Да, динозавры. Или драконы. Змеи, если хочешь. Большие, мощные ящеры. Некоторые было просто большими — травоядные. Другие были опасными — хищные. У них были огромные когти и челюсти. Их кожа была покрыта чешуёй и хрящами. Некоторые из них были высотой в сто метров. Динозавры. Гигантские чудовища.

— О! — выдохнул Румо.

"Теперь он попался", — подумал Смайк. "Чудовища. Это всегда затягивает."

— Хорошо, динозавры, эти чудовища, они вылезли на сушу, везде в мире. Только в одном месте они остались в воде. Это были динозавры озера Лох-Лох, самого крупного вулканического озера в Дулле, около Демонических гор. В отличие от всех морей, которые стали остывать, озеро Лох-Лох оставалось тёплым, так как подогревалось вулканом. Кроме того под водой были большие пещеры, в которых можно было жить. Динозавры озера Лох-Лох подумали: "Почему мы должны там, на суше, бегать,

если тут так тепло?" И они остались в воде, в то время как остальные динозавры покоряли сушу. Затем произошла большая катастрофа.

— Катастрофа? — ужасно сложное слово вызвало у Румо плохие предчувствия.

— Точно! Гигантские метеориты упали из космоса, огромное облако пыли накрыло всю Замонию на миллионы лет и все динозавры погибли. Кроме тех, что жили в озере Лох-лох. Они просто жили дальше в пещерах под водой, разные виды спаривались друг с другом и развили большой мозговой аппарат. И только тогда вышли они на сушу.

Румо хотел уточнить значение слова "спариваться", но Смайк быстро продолжил дальше:

— М-да, вот так стояли динозавры на суше и не знали, что им дальше делать. Было холодно и ветрено, наступала очередная зима. И ещё эта гора, возвышавшаяся около озера Лох-Лох. В горе было много дыр, пещер и тоннелей, а внутри не было сквозняков и было тепло, так как гора многие тысячи лет стояла около озера и нагревалась от него, как кафельная печка. Итак, динозавры забрались внутрь горы, по крайней мере те которые смогли пролезть в проходы. Эти динозавры были около четырёх-пяти метров в высоту. Остальные вынуждены были остаться снаружи и замёрзли. Вот так!

— Замёрзли! — пискнул Румо и ему стало зябко.

— Гора кишела слепыми Каменными червячками, которых легко было ловить и которые были не плохи на вкус. Так пережили динозавры первую зиму. Сначала они ели каменных червячков сырыми, затем в хранилище с соломой ударила молния и они открыли для себя огонь. Они научились варить и жарить на гриле. С этого момента они ели каменных червячков на шпажках и суп из каменных червячков. Они обмазывали червячков глиной и запекали в глеющих углях, пока они не пропекались насквозь, внутри — сочные, снаружи....м-м-м-м!

Рёв рогов донёсся издалека и опять начался душераздирающий стук барабанов. Смайк откашлялся.

— Динозавры выдолбили гору глубже и сделали её пригодной для жизни. А так как зимой было слишком холодно, а динозавры привыкли жить в тёплой воде, то они начали носить одежду. Сначала накидки из сшитых вместе шкурок каменных червячков, затем они стащили в соседних деревнях пару овец и получили шерсть. Они придумали прялки и нашли способ добычи железа из горной руды. Ну, короче, динозавры, очевидно, были одарёнными мастерами на все руки и быстро становились цивилизованнее и умнее. Жители окрестных деревень не имели никакого

понятия о динозаврах, поскольку те давно вымерли, по-этому они думали, что это драконы или змеи, верили, что они плюются огнём и пожирают молодых девушек. Ха-ха! М-да, в любом случае, они жили в смертельном страхе и назвали эту гору Драконгорой.

Румо запомнил название.

— Динозавры, так они себя называли, держались на расстоянии от окружающего гору населения, но относились к нему дружески. Они покончили с парочкой суеверных предрассудков, типа пожирания молодых девушек, занялись торговлей, обменивались товарами и продуктами питания, но никогда не пускали они кого-либо в свою гору. Её они достраивали постоянно: укрепляли входы, обрабатывали скалы, вырубали каменные лестницы, строили окна и двери, тоннели и пещеры. Гора превратилась в отлично защищённый замок. Умственные способности динозавров тоже развивались, в то время, как их дикие инстинкты чахли. Раньше они общались с помощью языка жестов и хрюканья, теперь они, общаясь с крестьянами и торговцами, выучили замонийский язык. Затем они начали записывать свои слова и мысли. У них обнаружили великолепные языковые способности. Они привыкли говорить стихами. Они носили длинные одежды и необычные украшения и ... м-да...они стали художниками. Понимаешь? Поэтами!

Румо непонимающе посмотрел на Смайку.

— Нет, это ты не понимаешь. Ни одно нормальное существо не понимает этого. Не важно. Они ценили это — быть чем-то особенным. Они думали, раз они могут писать стихи, то их пот будет пахнуть духами. Они...

Маленький вольпертингер зевнул.

— Итак, динозавры стали слабыми — понимаешь? Они потеряли свои инстинкты и переоделись в дерзкие наряды. Они заказали у портных эксцентрические шлямы, так как в горе часто обрывались камни. Они носили напоказ свои украшения, изготовленные из руды и кристаллов их горы. Нечего удивляться, что жители окрестностей начали сплетничать.

Вскоре прошёл слух, что Драконгора населена изнеженными ящерами, купающимися в золоте и алмазах. Лёгкая добыча для каждого, кому хватило бы храбрости штурмовать гору. Одно за другим и вдруг однажды первое осаждающее войско стояло у подножия Драконгоры.

Румо подскочил. Наконец-то битва!

— Это была шайка плохо организованных Йети, наверное пара сотен. Они буйнили, стучали в закрытые ворота и кричали динозаврам оскорбления. М-да, а те выплеснули на них пару кадок смолы и на этом всё закончилось. Йети, запачканные, убрались вон и с тех пор нападали только на незащищённые деревни.

Румо снова поник.

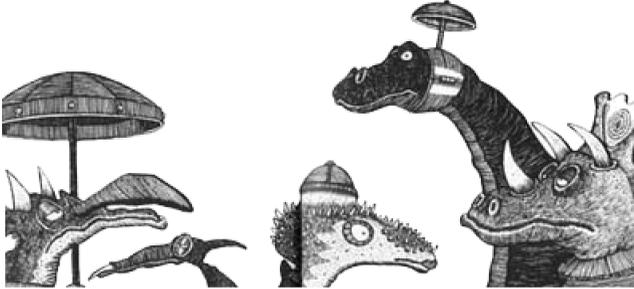
— Затем пришли Чёрные люди.

— Румо опять подскочил. Ещё сражение!

— Их было в два раза больше, чем Йети. Они были лучше вооружены. У них были лестницы и тараны. Они выглядели устрашающе, так как с головы до ног обмазались смолой — отсюда и их прозвище. Не было никакого смысла выливать ещё больше смолы на Чёрных людей, так что вместо этого динозавры взяли кипящий свинец. И опять осада закончилась. Чёрные люди никуда уже не смогли уйти, — ухмыльнулся Смайк. — Но затем всё и началось! Слухи о сокровищах Драконгоры становились всё фантастичнее и безграничнее. Если динозавры так настойчиво защищались, значит они что-то прятали! Рассказывали о пещерах, набитых золотыми монетами и драгоценными камнями, о шахтах, в которых можно вырубать молотком из стены рубины величиной с кулак.

Появились легенды о Динозавровом алмазе размером с дом и о тайном проходе к центру земли, который, в соответствии с тогдашней наукой, состоял из жидкого золота. И это были наиболее распространённые предположения сокровищах. У каждого же путешественника, путника, ярмарочного шарлатана была своя собственная версия. И вскоре половина замонийского населения фантазировала о размере сокровищ. Каждый

наёмник, желавший побыстрее добраться к деньгам, ставил покорение Драконгоры на первое место. Можно себе представить, что осады шли теперь одна за другой. Приходили армии кровомясников, оборотней, демонических воинов, то есть весь бегающий и ползающий сброд. Но динозаврам достаточно было вскипятить смолу или свинец и выплеснуть их. И осаждавшие отступали. Некоторым хватало даже кипящей воды.

Смайк перечислял армии одну за другой: Безумный Князь Эгнарк со своими вечно голодными каннибалами, каменные великаны, пустынная орда, армия кровопийц, беспощадные копыеносцы, клан скелетов. Всех их обливали или смолой, или свинцом, или водой, или всем вместе. И каждый раз было одно и то же.

Глаза Румо начали закрываться.

— И тут появились Медные парни, — неожиданно очень тихо произнёс Смайк.

Румо не знал, что это значит, но что-то в том, как Смайк эти слова произнёс, заставило его встрепенуться.

Медные парни

Казалось эти слова дремали глубоко внутри, а теперь они проснулись. Они звучали угрожающе. Румо проснулся окончательно. Кто-то постучал по ограде грота и послышался злобный смех циклопов. Румо и Смайк вздрогнули. В пещере все зашумели. Циклопы, смеясь, ушли, и пленники постепенно успокоились.

— Циклопский юмор, — сказал Смайк.

— Рассказывай! — потребовал Румо.

— Хм, Медные парни! В этот раз качество осады заметно повысилось, так как о Медных парнях говорили, что они наполовину люди, наполовину машины. Это делало их заметно опаснее и крепче, не говоря уже

о том, что их нельзя было убить, как обычных наёмников. Они появились после легендарной битвы в Нурненвальдском лесу.

— Битва! — прошептал Румо.

Смайк ухмыльнулся и нагнулся вперёд.

— Хочешь услышать историю битвы в Нурненвальдском лесу, прежде чем я продолжу рассказ о Драконгоре? Уверен, что этого хочешь?

Румо кивнул.

— Это очень умное решение, так как без этой истории нельзя понять другую. Но я должен тебя предупредить! — Смайк поднял вверх ручки. — Так как это очень страшная и чрезвычайно кровавая история. И вероятно самая сумасшедшая в замонийской истории! Точно хочешь её услышать?

Лицо Смайка слегка покраснело. Это означало, что он волновался. Он разговорился, казалось, он забыл временно о своих проблемах и его рассказ потёк, как по маслу.

— Сумасшедшая, да! — воскликнул Румо. — Рассказывай!

Битва в Нурненвальдском лесу

— М-да, битва в Нурненвальдском лесу — самая отвратительных резня в замонийской истории, сын мой. Резня между двумя армиями наёмников, состоящих из всех наиболее опасных существ континента: демонов, кровавых колбасников, медволков — сплошная дрянь! Из-за чего началась битва уже никто не помнит, известно лишь, что ни одна из сторон в конце не могла сожалеть о том, что начала эту резню, поскольку все были мертвы.

— Все мертвы? — спросил Румо. Битва уже закончилась?

— Ну, не совсем мертвы. Большинство было на самом деле зарезано, но какое-то количество воинов осталось в живых: ужасно избитые, разрубленные на куски, но всё ещё более менее живые.

Смайк громко вдохнул, как-будто он был одним из тех воинов, испускавших дух в Нурненвальдском лесу.

— Нужно представить себе эту картину: угрюмый Нурненвальдский лес, накрытый туманом. Везде в залитой кровью траве лежат мечи, латы, щлемы, копыя, железные перчатки, наколенники, дубинки, окровавленные щиты, арбалеты, моргенштерны, ножи, топоры, алебарды, разбитые стеклянные кинжалы, железные плётки, кастеты. Рассказывали, что воины нурненвальдской битвы имели на то время лучшее оружие. М-да, там же

лежали мёртвые и изувеченные, отрезанные ноги и руки, головы, уши, носы, пальцы, губы, брови и всё прочее, что можно отрубить. Вокруг стоящие деревья были черны от ворон, прилетевших на стоны умирающих и на запах крови. Голодное карканье, дополняемое болезненными криками, проклятьями и предсмертными хрипами, заполнило лес. Птицы нетерпеливо перепрыгивали, выгалкивая друг друга с лучших мест. Скоро, очень скоро, когда последний воин умрёт, в Нурненвальдском лесу начнётся новая резня — пир зверей, пожирающих падаль.

Румо замер. Смайк поднял руку и сделал жест, как-будто он прислушивается.

— Но вдруг — голоса, всё громче и громче! Шаги в сухой листве, скрип телег, клацанье металла приближались, э-э-э, с запада к полю битвы. Ещё одна армия?

Румо наострил уши, как-бы пытаясь услышать удалённый шум.

— Да, внимание, малыш, поскольку самая безумная часть истории только начинается. С запада по лесу шла не армия, а делегация Гларсундерских хирургов, направлявшаяся на Конгресс слепой кишки.

— Хирурги?

— Ага. Это врачи, медицинские специалисты, обученные проводить наисложнейшие операции: сшивание отрезанных частей тела, лечение ран, кровопускание и переливание крови, ампутации, трансплантации, трепанации.

"Ции, ции, ции", — кружилось у Румо в голове. — Но и это не самая сумасшедшая часть истории, о нет, сын мой! Так как с востока шла группа Вагабундирендских Часовщиков. Они направлялись на рынок карманных часов в Веллингере. Эти люди специализировались на постройке и ремонте часовых и прочих точных механизмов. Работа для самых спокойных рук, для самых лучших глаз и для железных нервов.

Румо понял не всё, но снова кивнул.

— Это тоже пока ещё не самая сумасшедшая часть истории! Поскольку с юга шло более ста кузнецов и слесарей, специализирующихся на оружии. Они направлялись во Флоринт, где должны были построить, по приглашению какого-то жаждущего власти князя, чудовищную военную машину. Мастера, разбирающиеся в сборке и плавке железных деталей, в создании сложных замков и осколочных бомб, ковке металла, заточке клинков, покрытии золотом, серебром и медью. Мастера войны.

— Война, — сказал Румо.

— Теперь, для обычной сумасшедшей истории, этих безумных совпадений было бы достаточно. Но в истории Нурненвальдской битвы речь

идёт о достоверно известной самой невероятной концентрации совпадений в замонийской истории. Так что в лес вошла, теперь уже с севера, ещё одна делегация — делегация Алхимиков.

— Ал... Алши...

— Алхимиков! Это такой вид профессии, который, э-э-э... скажем это были учёные со склонностью к искусству или люди искусства с научными амбициями, как кому угодно. В любом случае высокообразованные личности, доктора, возможно также шарлатаны и знахари, кто может сейчас это оценить? В то время было возможно все основные знания объединить вместе, хм, как минимум сами алхимики так считали. Они пытались комбинировать и смешивать научные знания чтобы, например, создавать средства против болезней, формулы для получения редких металлов или микстуру против смерти. Или найти философский камень. Создать вечный двигатель или колодец вечной молодости. Мази, защищающие от ран или делающие невидимым. Или сыр, на котором можно кататься на катке.

В ушах у Румо теперь шумели не только волны, разбивающиеся о Чёртовы скалы. Непрерывно выплёвываемые Смайком новые слова формировались в голове в бурный поток, несущийся по извилинам его маленького мозга и смывающий все его мысли.

— Итак, — беспощадно продолжил Смайк, — у нас имеются алхимики, хирурги, часовщики и кузнецы — четыре совершенно разные профессии, не перекрещивающиеся друг с другом в нормальной жизни. И для чего, собственно? И они встречаются, как нарочно, в Нурненвальдском лесу, на поле битвы, усеянном смертельно ранеными воинами, на залитой кровью поляне, сплошь покрытой частями тела, оружием, кусками металла и повреждёнными доспехами.

Румо нетерпеливо ёрзал.

— И? — спросил он.

— То, что дальше произошло, было и остаётся беспрецедентным событием в истории Замонии. Эти, на столько отличные друг от друга, специалисты решили объединить свои знания, инструменты, способности и приспособления для оказания скорой помощи. Кузнецы строили свои плавильные печи и устанавливали кузнечные меха. Хирурги стерилизовали инструменты для операций. Часовщики протирали лупы и настраивали микроскопы. Алхимики нагревали секретные жидкости в стеклянных колбах и размешивали в огромных котлах травяные отвары. Там, где несколько часов назад гремели мечи и раздавались предсмертные вопли, теперь кипел металл, пели точильные камни, вспыхивал из-за накачивае-

мого воздуха огонь в печах, стучали в такт кузнечные молоты. Отрубленные части тел, оружие и доспехи были собраны в одну огромную кучу, а затем тщательно рассортированы. Сюда — руки, туда — ноги, тут — головы, там — шлемы, здесь — колени, а там — наколенники, и так далее. Раны были очищены, обезболивающее применено, к переломам приложены шины. Тут и там оказывалась помощь. Вежливо и качественно обменивались они желаниями, советами, частями тела и органами. Постоянно возникали короткие, но конструктивные споры, в результате которых каждый раз находили простое решение, позволяющее продвинуться вперёд. Тончайшие медные трубки были соединены с артериями, проволоки — с мускулами, кожаные ремни — с сухожилиями, шёлковые нити — с нервами. На место предплечья встал железный топор, на место глаза — алмазная лупа, на место ноги — молот. Почему бы не заменить сломанный позвоночник большой часовой пружиной? А ухо — воронкой? Язык — языком от колокола?

Продолжение битвы в Нурненвальдском лесу

Румо непроизвольно потрогал свой язык.

— Одному алхимику срочно потребовалось жидкое серебро, хирургу — микроскопически малый ножик, столяру — действующий железный сердечный клапан, часовщику — пружина из золота. И мгновенно соответствующие специалисты выполняли эти пожелания. Вместо зубов — катеты, вместо мозгов — часовые механизмы, вместо печени и почек — натуральные губки и газовые фильтры, вместо лёгких — кузнечные меха, вместо нервных стволов — наэлектризованные провода, вместо крови — ртуть. Жизненные соки были восполнены травяными отварами, шлемы с забралами заменили черепа, железные перчатки, наполненные искусными точными механизмами заменили руки. Тут не хватает носа — быстро прикручиваем кран от бочонка! Не хватает пальца? Заменим его раскладным ножиком. Тут раньше было сердце — на его место ставим паровой насос! Ни один хирург ранее не заменял артерию медной трубкой, ни один алхимик не ассистировал слесарю, ни один слесарь не работал с пинцетом и ватным тампоном. Безумная концентрация совпадений привела к этой вспышке креативной энергии, к неповторимой совместной игре науки, искусства и ремесла, с помощью опыта, фантазии и точности, что, в свою очередь, породило Армию Медных парней.

Смайк ещё раз глубоко вдохнул.

— И когда утих последний молот, потух огонь в печах и все эликсиры были использованы, на поляне Нурненвальдского леса стояла начищенная до блеска, новая армия. А поскольку в то время было модно украшать доспехи и оружие декоративным орнаментом из меди и этот красноватый металл блестел и сверкал на солдатах, то их назвали Медными парнями.

— Ух! — сказал Румо.

— Но армия просто там стояла. Стояла как огромный памятник солдатам и не двигалась. Часовщики зашептались. Хирурги зашушукались. Слесари ругались. Пока вперёд не вышел один алхимик по имени Цолтеп Цаан и не сказал: "Эта армия не будет двигаться, пока не получит приказ. Так всегда с солдатами. Им нужен предводитель". Цаан указал на неиспользованные остатки доспехов, частей тел, оружия и мусора. "Давайте построим из этого предводителя, генерала для Медных парней! И на этот раз в качестве замены для сердца, мозга и чувств я применю Замоним."

— Цамоним? — отозвался Румо.

— Замоним! Редчайший химический элемент Замонии! Утверждают, что он может не только думать, но и то что он сумасшедший! Я же предупреждал тебя, что это самая безумная история. Румо попытался запомнить слово "Замоним", но оно ускользало от него, как слизкая рыба.

— Остаток ночи врачи, алхимики и мастера провели собирая последние части вместе. Честолюбие заставило их использовать всё до последнего шурупчика, пружинки, зубчатого колёсика. Из-за чего их творение становилось всё больше и сложнее.

— В самом конце работы Цолтеп Цаан вставил последнему Медному парню небольшой кусочек Замонима. Он сделал это, накрывшись по-

крывалом и громко шумя, чтобы никто не знал, куда именно он его приделал. Когда последний воин был готов, специалисты отошли назад и осмотрели свою работу. Он был в два раза выше всех остальных и выглядел более угрожающе. Металлическое создание подняло голову, открыло челюсти из острейших лезвий и заговорило жестяным голосом, к которому примешивалось, как икота, тиканье часового механизма: "Мы созданы <тик>, чтобы убивать! Мы <тик> — Медные <так> парни!" Затем он ударил себя в грудь кулаком и остальные воины повторили за ним, ещё раз и ещё раз, так, что это пронеслось над всем Нурненвальдским лесом и все птицы с испуганным карканьем взлетели вверх. И они скандировали: "Мы — Медные парни! Мы — Медные парни!" Предводитель поднял руку и сделал жест, из-за чего все смолкли. Он крикнул: "Я <тик> самый большой из всех <так> Медных парней. Зовите меня <тик> Генерал Тиктак!"

— "Генерал Тиктак! Генерал Тиктак!" — закричали Медные парни и застучали в такт в свои щиты. Теперь все ожидали первого приказа генерала Тиктака. Огромный медный парень указал на хирургов, часовщиков, алхимиков и мастеров, которым он был обязан своим существованием.

— "Эти <тик> люди", — крикнул он, — "создали <так> нас. Они <тик> создали нас <так>, чтобы мы убивали. Мы не хотим их <тик> разочаровать! Убьём их <так>! Убьём их качественно!"

Румо засопел. Что за дьявол был этот генерал Тиктак!

Смайк уже давно заметил, что Румо воспринимает историю слишком близко к сердцу. Поэтому он решил пощадить его, не рассказывая подробности последовавшей далее резни.

— Это была ужасная бойня. Но она продолжалась всего несколько минут. Они были заколоты как скот. Лишь малой части механиков, часовщиков, врачей и алхимиков удалось сбежать и поэтому они остались в живых. Они же и рассказали позже о событии в Нурненвальдском лесу. Один из них был Цолтеп Цаан — создатель генерала Тиктака.

Смайк глубоко вдохнул.

— М-да. Это была история сражения в Нурненвальдском лесу. Но история Медных парней начинается только сейчас.

— Дальше, — потребовал Румо.

Смайк ухмыльнулся.

— Ты заметил, что это уже третья подряд история? А история, с которой мы начали, всё ещё не закончена.

— Дальше! Рассказывай!

Смайк покорно поклонился.

— Итак, эта армия бесчувственных и непобедимых боевых машин годами бродила по Замонии, распространяя везде страх и ужас. Они захватывали все города, которые они брали в осаду. Они убивали в них всевозможными ужасными способами все живые существа, а затем стирали эти города с лица земли. Медные парни убивали и разоряли не для того, чтобы выжить, так как они, вообще, уже были мертвы. Они грабили не для того, чтобы утолить голод, они не нуждались в еде и питье. Они убивали, чтобы убивать. Медные парни были как судьба, как природная катастрофа, приходящая неожиданно, без предупреждения, без всякого смысла, яростная и беспощадная, как война. Сначала было слышно отдалённое бряцанье, затем быстро приближающиеся тиканье и топот, и вот они уже тут. М-да, и это, конечно, не заставило себя ждать — в один прекрасный день армия медных дьяволов во главе с генералом Тиктаком стояла перед Драконгорой.

— Ой! — сказал Румо.

— Точно! Что-то подобное должны были сказать и динозавры, когда они увидели у своих ворот армию Медных парней. Всё вокруг было заполнено металлическими, механическими и электрическими звуками: скрип шарниров, вздохи кузнечных мехов, потрескивание алхимических батареек, тиканье механизмов, заменяющих в Медных парнях органы, связки или мышцы. Казалось, что армия часов подошла к Драконгоре. Звенели колокольчики и будильники. Затем, наконец, всё стихло. Было слышно лишь тиканье тысяч часовых механизмов и звяканье насосов.

Смайк наклонился вперёд и сморкнулся в воду. А затем продолжил:

— Медные, полированные части солдат блестели на солнце. Чёрные флаги трепетали на ветру. Они выглядели абсолютно непобедимыми.

— Смола! — воскликнул Румо. — Кипяток! Расплавленный свинец!

Смайк усмехнулся.

— Ну да, динозавры были конечно поражены, но не испуганы. Они привыкли видеть у своих ворот наводящие ужас, вооружённые до зубов армии. Но они так же привыкли видеть этих диких воинов, побеждённых и сломанных, разбегающихся в разные стороны. Так что они лениво посмотрели вниз и крикнули: "Эй, вы, консервные банки, исчезните! Вы только теряете своё время. То, что вы планируете, пробовали многие. И они все быстро сбежали, если они всё ещё могли ходить. А мы, как видите, всё ещё здесь. Так что забирайте свои военные игрушки, расходитесь и нападайте на беззащитные деревни, как вы к этому привыкли!" И они со смехом сбросили на Медных парней пару цветочных горшков.

Какое-то время армия стояла в абсолютной тишине. Динозавры спрашивали себя — может этим типам хватило цветочных горшков? И тут начался многоголосый грохот и стук, как будто включилась огромная машина. Металл тёрся о металл, шарниры скрипели и толпа Медных парней разделилась на группы. Один из медных парней подошёл к подножию Драконгоры.

Он был в два раза больше и в два раза страшнее, чем остальные воины и он заговорил дребезжащим голосом: —

Я <тик> — генерал Тиктак. Мы <так> — Медные парни. Вы <тик> — победимы. Мы <так> — непобедимы. Вы <тик> — смертны. Мы <так> — бессмертны.

Смайк поднял все свои четырнадцать лапок вверх.

— И тут поднялся невероятный шум! Медные парни застучали мечами, дубинами и топорами в щиты, а из их железных глоток раздался фантастический крик.

Румо взволнованно ёрзал туда-сюда.

— Угроза генерала Тиктака не произвела на динозавров почти никакого впечатления. За время осад они привыкли ко всяким лихим высказываниям. Они выдали пару неуважительных звуков и бросили несколько маленьких камешков, которые громко отскочили от Медных парней. Во всяком случае они весело подшучивали над неподвижно стоящими металлическими существами и собрались вскипятить смолу. Осаждающие же не двигались с места, чем, по мнению смоловаров, представляли великолепную мишень. Они наиточнейшим образом расположили котёл, намного точнее, чем при подвижных мишенях. И затем, под весёлые выкрики, вылили его на нападающих.

— Хо-хо! — язвительно ухмыльнулся Румо.

— Но Медные парни не сдвинулись ни на миллиметр. Они просто неподвижно стояли. А смола постепенно остыла на их доспехах и превратилась в чёрную плёнку. Генерал Тиктак поднял вверх руку и все начали отряхиваться. Сухая смола просто с них свалилась. Затем они начали натирать друг друга политурой для металла.

— Кипящий свинец! — воскликнул Румо.

— Динозавры были недолго озадачены. Раскалённый до бела свинец уже кипел в чанах. Они вылили его в приличном объёме на Медных парней и ожидали привычных испуганных криков. Но те просто стояли на месте, поджидая пока свинец остынет, и затем отломали его от доспехов. Ни один из них не получил ни царапинки. Генерал Тиктак подал сигнал к штурму главных ворот.

Румо тяжело дышал.

— Динозавры столпились на главной площади. Они вылили смолу, они вылили свинец. Кипяток они могли приберечь для лучших времён. На этом их защитные методы закончились. Сражение в этот список не входило. Ни один динозавр ни разу не держал оружие в руках. Они были писателями, а не воинами. Бургомистр Драконгоры, черный четырёххрогий ящер из семейства Стиракосавров, вышел вперёд и взял слово. Его голос дрожал от возбуждения.

— Это, — торжественно воскликнул он, — Нежелаемый Момент!

— Нежелаемый Момент! — повторили все жители Драконгоры, исполняя уже много раз испробованный ритуал.

— Мы все надеялись, что это никогда не наступит, — сказал бургомистр. — Но мы зря надеялись.

— Мы зря надеялись, — закричали динозавры.

— Жители Драконгоры, — голос бургомистра донёсся даже до Медных парней. — Мы стоим на краю бездны, что нам делать? — И динозавры закричали в один голос:

— Мы станцуем под Музыку звёзд!

Музыка звёзд

Румо взглянул на червякула. Казалось взор Смайка блуждал в каком-то другом мире, далеко-далеко от Чёртовых скал.

— М-да, это был солнечный полдень, — продолжил он. — На небе не было ни звёздочки. Не было слышно никакой музыки, даже звуков других миров! Но речь шла не об этом. "На краю пропасти" и "Музыка звезда" — это были лишь метафоры, придуманные парочкой динозавров много-много лет назад, для придания ритуалу праздничного и претенциозного духа. Вообще эти метафоры были скорее безвкусными, пошлыми, чем вычурными. Но они выполняли своё назначение: динозавры впали в состояние воинственного возбуждения, отлично подходящее для серьёзного момента.

Румо хотел задать вопрос касательно выражений "звуки других миров" и "метафора", но Смайк твёрдо продолжил своё повествование:

— Тут динозавры начали танцевать! Некоторые схватили инструменты: барабаны, флейты, лютни и заиграли весёлую мелодию, заставляющую плясать в такт. Это тоже являлось частью ритуала, мелодия и такт было точно прописаны, а танцевальные движения выучены наизусть ещё в школе каждым жителем Драконгоры. Очень важно было топтать ногами в определённом порядке. Далеко внизу стояли ошарашенные Медные парни.

— Они играют музыку, — проворчал один из адъютантов генерала Тиктака.

Но эта музыка не тревожила генерала Тиктака. Его смущал этот ритмичный топот. Так как когда один динозавр танцует — трясутся стены. Когда танцуют несколько динозавров — сотрясается земля. Но когда все динозавры Драконгоры начинают одновременно танцевать, то вселенная разламывается на куски.

Румо закашлял.

— И вдруг показалось, что небо обрушивается вниз. Каменная скала, размером с дом, свалилась вниз и врезалась в землю недалеко от генерала Тиктака и его адъютантов, похоронив под собой двадцать пять Медных парней.

— Они швыряются камнями! — закричал один адъютант.

— Они швыряются скалами! — закричал второй адъютант.

— Они швыряются горами! — закричал третий. В воздухе над ним зашумело, как-будто к нему неслась стая птиц, и тут же он был вбит на три метра в землю обломком скалы.

— Проклятье! «тик» — закричал генерал Тиктак. — Быстро отступаем «так»!

Он развернулся и, громыхая, зашагал оттуда. Этот приказ совершенно сбил с толку Медных парней. Они ещё никогда не отступали. Они только продвигались вперёд. Может они ослышались? Вместо того, чтобы привычно исполнить команду генерала Тиктака, они топтались пару секунд на месте. Этого секундного замешательство хватило для того, чтобы смерть забрала большинство из них с собой. Прогрохотало ещё раз, громче и более угрожающе, чем до этого, как-будто в земле забурились валуны. И тут они увидели гигантскую лавину, похожую на серую волну из камней, спускающуюся прямо на них с Драконгоры. Она накрыла Медных парней и размолотила их на мелкие части.

Смайк устало вздохнул.

— Две трети Медных парней было уничтожено за несколько секунд и похоронено под обломками. Оставшиеся, и вместе с ними генерал Тиктак, спаслись. Можно сказать, они избежали ада.

Румо с трудом перевёл дыхание. Зло спаслось! Это было неправильно.

— Вот так, — сказал Смайк. — Это была история Медных парней, но это не было окончанием истории осады Драконгоры. О, нет!

Румо был озадачен. Появится сейчас ещё одна армия, ужаснее чем Медные парни? Он был готов ко всему.

— Нет, это был конец военной осады Драконгоры. Никто, даже самые отчаянные армии наёмников не решались на осаду Драконгоры, после того, что случилось с Медными парнями. Наоборот, долгое время было тихо, очень тихо у подножия горы. Никто не решался даже к ней приблизиться. Жители Драконгоры заскучили. Да, они даже тосковали о былых военных временах.

На Чёртовых скалах снова послышался барабанный бой, но он был очень далёким и его шум заглушали волны.

История почитателей

— И тут пришли почитатели и началось первая дружественная осада Драконгоры.

Румо навострил уши. Дружеская осада? Это возможно? Но в эту ночь удивительных историй всё кажется возможным.

— Да, — продолжил Смайк, — почитатели пришли с миром. Это была разношёрстная толпа бродяг со всей Замонии, одетых в разноцветные одежды. Десятки лет следили они за стихами и сочинениями динозавров, и, очевидно, за это время собрали множество последователей. К тому же, все эти истории с осадами Драконгоры создали динозаврам репутацию героев. Ни разу не начинали они военный конфликт, они всегда только защищались. И, невзирая на постоянные угрозы, они продолжали смело создавать свою литературу. Это и был материал, из которого создаются кумиры. Почитатели окружили Драконгору палаточным городком, бросали через ограду цветы и любовные письма, провозглашали динозавров гениями, читали вслух их тексты и отмечали праздники любви и поэзии. Динозавры свешивались через ограду и наблюдали за спектаклем, сначала скорее скептически, у них уже был кое-какой опыт осады, но было очевидно, что эти почитатели пришли с высокими целями. Вокруг Дра-

конгоры появились маленькие типографии, печатающие исключительно творения динозавров и воспевающую их критику. Динозавры сбрасывали вниз стихи, написанные от руки, которые торжественно прочитывались вслух и сберегались, как сокровища. Через пару недель наблюдения и сдержанного обмена динозавры собрались на главной площади, посоветовались и решили послать наружу делегацию, для проверки обстановки. Пять динозавров покинули гору, впервые за много лет. Овации почитателей были нескончаемы, они осыпали их цветами и лавром. Затем их привели в шатёр предводителя почитателей, он обладал внушительной фигурой. И он обратился к динозаврам: «Дорогие динозавры, давайте забудем всю эту ерунду с сокровищами Драконгоры. Это всё сказки глупых Йети. Сокровища, которым вы на самом деле обладаете, имеет гораздо большую ценность.» Динозавры удивлённо оглядели себя. Тон, в котором предводитель начал свою речь, был не такой благосклонный, как они привыкли. «Это, — он поднял стопку динозавровых стихов, — это настоящее золото Драконгоры. Ящеры чувствовали себя польщёнными, но спрашивали себя — к чему он ведёт?»

«Карты — на стол, господа! Я — издатель! Я издаю книги и этим зарабатываю деньги. Много денег.» Динозавры испугались того тона, который неожиданно зазвучал в его голосе. «Героизм, мученичество — так добываются литературные премии, и практически не важно, что вы там пишете. Волшебное слово — известность.» Динозавры всё ещё не могли вымолвить ни слова. «Да, известность! Тут скрыто ваше сокровище, в вашей популярности. Целая гора героев, пишущих стихи, может ли издатель желать себе лучших авторов? Мои милые динозавры, ваши стихи вкупе с моими печатными станками и устной пропагандой почитателей — это лучше чем Наттифтоффская лицензия на чеканку монет. Я прошу вас тщательно это обдумать.» Динозавры были возмущены. Их разочаровали и унизили их писательское достоинство, сделав им неприличное предложение. Ругаясь покинули они шатёр и вернулись в Драконгору, чтобы рассказать об этом своим соплеменникам. Остальные динозавры были тоже возмущены. Пара особо радикальных писателей настаивали на выливание на почитателей кипящего свинца. Разгорелся спор и один из ящеров решился предположить что произойдёт, если они разгонят почитателей. А именно — они уйдут отсюда. Район вокруг горы опустеет. Никто не будет их осаждать, даже с дружественными целями. Они будут читать друг другу свои стихи, пока не упадут замертво, и в не очень отдалённом будущем динозавры Драконгоры вымрут так же, как их глупые предки. Их предадут забвению. Это был один вариант. Другой —

договор с почитателями. Последствия — слава, деньги, литературные призы, бессмертие. Не такие ли цели ставит себе настоящий поэт?

«Нет, — закричал другой динозавр — Правда. Работа. Достичь и сохранить Орм. Это есть добродетель, это есть настоящая цель, которую должен ставить перед собой поэт и ничего иного.» Но его заглушили. Тогда первый взял опять слово. Он говорил очень громко и очень медленно: «Вы, жители Драконгоры! Если бы вы стояли на краю пропасти — не было ли уместным станцевать под Музыку звёзд?»

— Он попал в прямо точку. Пропасть — это художественная анонимность. Музыка звёзд — аплодисменты публики. «Я хочу результатов!» — крикнул один ящер. «Я хочу хорошей критики!» — воскликнул другой.

— Шум голосов заполнил площадь, все говорили наперебой. «Мы же продадим себя!» — крикнул один из старейших динозавров, но это был последний критический комментарий. Постановили, что на главной площади Драконгоры будет организован большой праздник для почитателей. Драконгора откроет впервые и только для самых дорогих почитателей свои врата. Это будет началом золотого будущего.

Румо постепенно терял терпение. Он спрашивал себя — когда же наконец опять начнётся действие.

— И важный день скоро наступил. Длинная торжественная процессия почитателей втянулась в город, разбрасывая вокруг себя цветы и записки с хвалебными речами. Музыка, пение, красное вино для всех. Когда процессия пришла на главную площадь, толстый предводитель почитателей выполз немного вперёд и взял слово. Он поприветствовал бургомистра и воскликнул: " Это — начало нового летоисчисления! Будущего без динозавров!"

Бургомистр в ужасе поглядел на него. Может это была шутка? Как может он позволить себе так бестактно осквернять такой торжественный момент? Но тут предводитель почитателей сунул руку под накидку, вытащил короткий меч и приставил его к горлу бургомистра. «А теперь, народ, серьёзно! — закричал он. — Мы можем пойти двумя путями. Если вы хотите остаться в живых, то должны просто ответить на пару вопросов: где этот алмаз размером с дом? Где изумрудное озеро? И где проход к центру земли?»

Румо ошарашено поднял голову. У почитателей было оружие?

— Некоторые динозавры закричали. Почитатели сорвали с себя яркие одежды и под ними обнаружили доспехи, мечи и ножи.

Румо закашлялся. Эти почитатели были хуже Медных парней. Даже его они разочаровали.

— Вот так-то. Почитатели на самом деле были солдатами, принимавшими ранее участие в осадах Драконгоры. Их тела были покрыты шрамами от ожогов. Их глаза горели ненавистью. Как-то несколько из них встретились в пресловутом солдатском кабаке в Гралсунде и начали с яростью разговаривать. Хозяин этого кабака и был тучным предводителем почитателей. У него родился изощрённый план — собрать всех солдат Замонии, покалеченных при осадах Драконгоры, и захватить гору хитрым способом. И это на самом деле сработало.

Румо зарычал. Какая подлость!

— С одной стороны — до зубов вооружённые, опытные, жаждущие мести и крови, наёмники, с другой — разнеженные, пишущие стихи, безоружные динозавры, без кипящей смолы, без кипящего свинца. Казалось, последняя битва за Драконгору будет очень неравной.

Румо серьёзно закивал. Это была бы не битва, а резня, ещё ужаснее той, которую устроили Медные парни своим создателям.

— Но-о-о-о..., — что-то в голосе Смайка заставило Румо насторожиться, — тут произошло что-то поразительное. Поразительное для солдат, но ещё более поразившее самих динозавров. Одну секунду над площадью царило молчание. А затем что-то начало меняться во внешности динозавров, в их позах, в глазах, в чертах лиц. Вместо испуганных гримас появились пугающие хищные морды, показались, так заботливо ранее скрываемые, клыки, челюсти щёлкали как капканы, на губах выступила пена, а из глоток разразился такой рёв, от которого армия красных горилл с испугом попряталась бы на деревьях. Некоторые из них начали срывать с тел бархатные одежды, оголяя огромные мускулы. Да, в динозаврах проснулись инстинкты их древних хищных предков, разбуженные непосредственной угрозой. Из разнеженных существ в одно мгновение они превратились, — Смайк щёлкнул пальцами, — во взбешённых древних ящеров.

Румо сжал маленькие кулачки и возбуждённо боксировал ими воздух. Битва! Наконец-то!

— И только теперь началась настоящая битва за Драконгору, настоящая резня, по сравнению с которой сражение в Нурненвальдском лесу покажется детским лепетом. Динозаврам не нужно было оружие — они были сами оружием. Идеально построенные боевые машины с чешуёй драконов вместо железных щитов, с острейшими хищными зубами вместо ножей, с огромными когтями вместо мечей, опаснее Медных парней.

Конечно же, солдаты не побросали от страха оружие. Они были озадачены, так как не рассчитывали получить отпор и смотрели на разошедшихся, мстящих динозавров. Они были самыми опытными солдатами Замонии, участвовавшими в тысячах битв, прошедшими через огонь и воду, встречавших угрозу и страшнее, чем парочка диких животных. Кроме того они были вооружены до зубов, а динозавры не были неуязвимы. Что тут началось!

В закоулках Драконгоры разыгрался никогда ранее невиданный тут спектакль: солдаты против древних чудовищ, сабли против зубов, ножи против когтей. Рёв ящеров, крики солдат. Клинки, врезавшиеся в тела динозавров. Челюсти, отгрызавшие головы солдат. Брызги крови, разлетающиеся во все стороны куски мяса. Пики, пробивающие панцири ящеров. Хвосты динозавров, разрубающие одним ударом солдат пополам. Сражение бушевало целый день и каждый был облит кровью, своей или вражеской. Половина жителей Драконгоры погибла в этот день. Но из почитателей выжил только их предводитель. Никто не знает, как его зовут, и как он выжил в это резне. К концу дня все улицы были покрыты горами трупов. Кровь стояла везде по колено, стекала в канализацию и далее, по склонам горы, вниз, окрашивая её в кроваво-красный цвет.

Румо тяжело дышал. Он получил больше сражения, чем ожидал.

— Это, — закончил Смайк своё повествование, — была история осады Драконгоры. Она может преподать нам множество уроков. Подумай об этом на досуге.

Смайк покрутил глазами и медленно погрузился в воду.

Пост

За восемь недель, проведённых в плену на Чёртовых скалах, у Румо появились двадцать пять новых зубов. Одни были широкими и короткими, другие — длинными и острыми как иглы, третьи — плоскими и тонкими, похожими на острые ножи. Боль от растущих зубов стала со временем постоянным гостем во рту у Румо, периодически сменявшим комнату. То она появлялась сзади на верхней челюсти, то спереди на нижней, то за левой щекой, то за правой, то в трёх-четырёх местах одновременно. Румо пытался просто её игнорировать, помня о награде, получаемой им за эти пытки. Так как, когда в каком-то месте исчезала боль, там стояло новое чудо природы.

Он уже разобрался, как с ними обращаться. В одном углу в гроте лежала деревяшка, которую он обрабатывал своими новыми инструментами, так часто, как это было возможно. И уже через пару дней она выглядела так, будто её обгрызли термиты.

Румо заметил и другие изменения в своём теле. Забавные передние лапки превратились в тонкие руки с четырьмя пальцами, вооружёнными острыми, элегантными когтями. Но самым удивительным было то, что Румо мог хватать ими предметы. Это было чудесное чувство, будто он получил новую власть над вещами. В задних лапах тоже развились мускулы. Шерсть стала более гладкой. Казалось всё в нём стало прямее, пластичнее, больше, твёрже и сильнее. Его розоватая шерсть стала белоснежной. Детская миловидность сменилась красотой. Его пухлый носик вытянулся в элегантную узкую мордочку, детские жировые складочки превратились в симметричные брюшные мышцы, передние лапки стали атлетическими, мускулистыми руками. Плечи расширились, в то время как талия осталась тонкой. Его большие, широко распахнутые глаза стали загадочными, хищными щёлками. Румо вступил в фазу роста, протекающую у вольпертингеров с головокружительной быстротой.

— Видно как ты растёшь, — говорил ему Смайк. — Ты идёшь по пещере и когда ты доходишь до другого конца, ты уже подросток на голову.

Румо смущённо засмеялся. Пару дней назад он перестал вмещаться в своё укрытие в скале. Теперь он должен был, как и все в пещере, оставаться на виду, когда появлялись циклопы. То, что циклопы вскоре обратят на него внимание, не заставило себя долго ждать. У них потекли слюнки от того что они увидели. Большим деликатесом считалось съесть льва или красную гориллу, наблюдая, пока с живого зверя сдиралась шкура, за сокращением его мышц и подёргиванием сухожилий. Но такого су-

щества, такого рогатого пса с чёрными глазами и белой шелковистой шерстью, на Чёртовых скалах ещё не было. Он сулил такое наслаждение, какого они ещё не испытывали, пожирая диких зверей. Циклопы обходились с ним, как особо ценной бутылкой вина, дозревавшего в их гроте.

Постоянно приходили одноглазые, чтобы им полюбоваться, а Румо думал каждый раз, что пришла его очередь. Смайк строго приказал ему бегать на четырёх лапах, пока циклопы находятся поблизости. Но даже таким образом он не мог уменьшить своей привлекательности. Иногда приходили несколько циклопов, загоняли его в угол и, хрюкая и чмокая, обсуждали, по-видимому, телесное развитие Румо. Они щипали его руки и брюшные мускулы, нюхали его шерсть и вырывали у него волоски, чтобы их получше рассмотреть. Они радовались его отличным рефлексам, а в это время слюни текли из их вонючих ртов. Было видно каких усилий им стоило не схватить Румо прямо сейчас своими клыками. А он чувствовал себя каждый раз заново рождённым, когда они уходили и оставляли его в пещере.

Схожий прогресс, как и в росте, наблюдался у Румо в разговорной речи. Он мог уже свободно разговаривать со Смайком. И даже если некоторые предложения Румо оставались ещё на уровне путешественника, изучающего пару недель иностранный язык в другой стране, то понимал он почти всё.

Ценные сведения о вольпертингерах

— Что происходит со мной? — спросил Румо Смайка однажды вечером, когда тяжёлые волны особенно сильно бились о скалы, заполняя их ужасным шумом и грохотом. — Почему я расту так быстро?

— Потому что ты вольпертингер, — ответил Смайк.

Румо наклонил набок голову. Так он делал всегда, когда был недоволен ответом. Смайк усмехнулся.

— Ну, ладно, — сказал он, — я думаю пришло время, когда ты должен узнать кое-что о себе и о своих соплеменниках. Я знаю не так много, но...

— Рассказывай! — приказал Румо.

Смайк глубоко вздохнул.

— Существует одно выражение о вольпертингерах, которое, наверное, объясняет всё быстрее, чем любая другая информация: "С таким же успехом ты мог бы разозлить вольпертингера", — Смайк ухмыльнулся. —

Это выражение с удовольствием используют в Замонии, когда хотят удержать кого-то от несказанного безрассудства, от действий, заранее обречённых на провал или опасных для жизни. Вольпертингеры несут в себе наследие волков и косулей одновременно, это делает их сильными, дикими, застенчивыми, ловкими, быстрыми и опасными. Они обладают инстинктами и рефлексам, которыми не обладает ни одно другое существо Замонии, а их разнообразные органы чувств развиты удивительнейшим образом. Они могут видеть, когда это необходимо, с помощью носа и ушей. Они так быстры и гибки, что иногда кажется они передвигаются с помощью волшебства.

Румо поднял уши. Даже если Смайк выражался слегка напыщенно, Румо всё равно понял, что тот ему фактически хотел объяснить. А именно, что вольпертингеры были чем-то особенным. Почему же он до сих пор утаивал от него такую удивительную информацию?

— Вольпертингеры делятся на два вида: дикие, которые никогда не научатся говорить и всю жизнь передвигаются на четырёх лапах, и цивилизованные, которые рано или поздно встают на задние лапы и начинают говорить. В том возрасте, когда у щенка-вольпертингера появляются первые клыки, можно определить принадлежит он к диким или цивилизованным. Ты однозначно принадлежишь к последним.

Эти слова, дремавшие внутри Румо. Эта странная смесь из мыслей и чувств, повившаяся в нём. Теперь он начал понимать.

— Дикие вольпертингеры в умственном развитии находятся примерно на уровне волков и живут, главным образом, в лесах и степях. Некоторых из них приручают, и тогда они живут в деревнях, охраняя хозяйство.

Перед тем, как продолжить, Смайк внимательно посмотрел на Румо. Да, он скажет ему это, даже если сейчас Румо этого не поймёт.

— Ты — сирота, Румо. Это — жестокое наследие твоей расы, заставляющее как диких, так и цивилизованных вольпертингеров оставлять своих новорождённых щенков в диком лесу, одних. Если это дикий вольпертингер, то он уже нашёл свой дом. Если это говорящий вольпертингер, то он должен собственными силами найти дорогу к цивилизации.

Румо чувствовал себя переполненным информацией. Слова "сирота", "жестокое", "новорождённый" и "цивилизация" не имели для него никакого смысла.

— И куда я должен идти? — спросил он.

— Ты никуда не идёшь, — засмеялся Смайк. — Ты на Чёртовых скалах.

Румо опять склонил голову набок.

— Послушай, — сказал Смайк и понизил голос. — Что ты скажешь, если я расскажу тебе план, о том как можно освободить из этого грота себя и всех пленников?

— Это было бы хорошо, — сказал Румо.

— А что, если ты являешься наиважнейшей частью этого плана?

— Я могу только этим гордиться, — сказал Румо.

— А что, если я скажу, что для этого ты должен рисковать своей жизнью?

— Я буду гордиться ещё больше.

— Хорошо. Я ещё раз хорошенько обдумаю план и как только наступит правильный момент, я расскажу его тебе, — сказал Смайк и протянул ему одну из своих ручек. Румо пожал её. Она была влажная и липкая, но, тем не менее, на душе у него было хорошо.

Мочеиспускание

Каждый день Смайк рассказывал Румо что-нибудь новое о борьбе. Реже речь шла о технике или артистических трюках. Охотнее рассказывал Смайк о теоретических аспектах сражений. Румо иногда не понимал ни капельки. Например, однажды Смайк сказал: "Это прописная истина, но это на самом деле мешает, когда ты во время сражения слишком много думаешь. Не пойми меня неправильно — хороший воин не должен быть идиотом. Он просто должен иметь силы в нужный момент перестать думать и начать действовать. Нет, что это я болтаю, сила не имеет к этому никакого отношения. И даже наоборот. Для принятия этого решения нельзя прилагать усилий. Это должно происходить так, как при мочеиспускании."

Румо возбуждённо зарычал и наморщил лоб.

— Когда ты начинаешь мочиться, то ты расслабляешься и выпускаешь то, что долгое время скапливалось. Правильно? Это как освобождение, это легко и приятно, это доставляет удовольствие, для этого не прилагаются никакие усилия, это происходит само собой. Если бы ты хотел, то мог бы мочиться дни напролёт, везде, где ты идёшь или стоишь, но ты этого не делаешь. Это было бы отвратительно. Ты собираешь это, пока не станет больно, и тогда только выпускаешь всё наружу. И это — освобождение. Именно так должен ты сражаться — как ты мочишься.

Румо был сбит с толку. Всё время Смайк рассказывал ему о героических битвах и победах, а теперь он говорит о мочеиспускании. Вольпертингеры делали это охотно и часто, как и любое существо Замонии, в котором текла кровь древних псов. Но он не понял, куда клонил его толстый друг.

— Подумай-ка об этом на досуге! — сказал Смайк.

Но когда, позже, Румо мочился в тёмной нише грота, тогда он вспомнил про замечание Смайка. Но он всё ещё не понимал этого. Что общего имело это со сражением?

Тёмное желание

Почти вся семья фернхахинцев, в которой он жил, к настоящему моменту исчезла. Одного за другим утащили циклопы из грота и ни один не вернулся назад. Он горевал по ним, так как теперь знал, что с ними произошло. Вместе с зубами и мускулами в Румо росло ещё что-то — какое-то неприятное чувство, касающееся циклопов. Это было безнадежное, отчаянное, беспомощное чувство, имеющее что-то общее с желанием отдать должное своим мёртвым друзьям и наказать циклопов за содеянное — он желал мести. Одновременно с этим он знал, что ничего не может против них предпринять, он такой маленький и слабый, по сравнению с ними. Да, он рос. Рос стремительно, но даже если бы он стал самым большим, самым сильным и самым опасным вольпертингером, что мог бы сделать один воин против сотен циклопов? На помощь маленьких и слабых карликов он не мог рассчитывать, как и на помощь Смайка — этой толстой, неподвижной глыбы жира. Да и если бы самые сильные животные в гроте объединились с ним, то даже тогда у них не было бы ни одного шанса против одноглазых.

Что же за план был у Смайка?

Слизь

Со временем судьба сплотила пленников грота. Стало ясно, что абсолютно бесполезно целыми днями реветь. Страх тоже не может держаться долго. При постоянной угрозе он превращается рано или поздно в безразличие. Сердце всё ещё убегало в пятки, когда в грот входили циклопы, но большинство фернхахинцев начали применять следующую стратегию: старались не бросаться в глаза, делали себя непривлекательными и неаппетитными. Они обмазывали себя слизью из водоёма Смайка, которую Румо, как свободно передвигающийся по гроту пленник, охотно им приносил. Было рассказано, что движения однозначно возбуждают аппетит циклопов, и когда один из них обходил грот, нужно было не шевелиться или притворяться спящим.

Но особого влияния на вкусовые пристрастия одноглазых это не оказывало, так как тем были известны способы, заставляющие еду, когда это необходимо, трепыхаться. Они не подходили только к водоёму Смайка — источнику той вонючей слизи.

Румо был очень горд, так как он, единственный в гроте, овладел волшебством, спасающим от страха — он мог приходить к Волцотану Смайку и тот переносил его в другие миры. Слова могут обладать удивительно силой! Некоторые всё ещё ничего для него не значили, были лишь бессмысленными звуками, но превращались, слетев с губ Смайка, в большие картины, заполнявшие голову Румо и прогонявшие страх. Иногда, когда Смайк особенно хорошо рассказывал, одна картина сменяла другую, сливаясь в поток впечатлений, уносивший Румо далеко с Чёртовых скал, в неизвестные места, в другое, лучшее время. На каждый вопрос у Смайка был ответ, иногда удовлетворительный, а иногда ещё больше сбивавший Румо с толку. Последнее было всё равно лучше, чем пребывание в отчаянии.

Подземный мир

Это произошло вечером того дня, когда циклопы снова особо ужасно вели себя в гроте и на глазах у Румо разорвали на куски поросёнка, когда его беспомощность грозилась превратиться в страх. Мрачные вопросы пришли ему в голову. А поскольку он сам на них не мог ответить, то он отправился к Смайку.

— Что нового, Румо? — спросил Смайк, положив, как ленивый тюлень, голову на край водоёма. Тело оставалось погружено в воду.

— Я спросил себя, — ухмыльнулся Румо, — есть ли место, ужаснее этого?

В этот раз Смайк думал очень долго, но тут он вспомнил.

— Говорят — есть, — сказал он.

— Хуже чем это? И как оно называется?

— Подземный мир, — сказал Смайк.

— Подземный мир..., — повторил Румо. Очень тёмные слова.

— Я не знаю точно, существует ли это место или это просто слова.

Может быть это страшная сказка. Я часто слышал про него у солдатского костра. Солдаты рассказывали, что существует мир под миром, полный зла и опасных созданий. У каждого рассказывающего было своё собственное представление о нём. Но я пока не встречал никого, кто побывал там на самом деле.

— Может быть потому, что из плохих мест никто не возвращается?

— Что-то, малыш, у тебя сегодня мрачное настроение. Хочешь загадаю загадку?

— Да, — сказал Румо, — загадывай!

Смайк привык давать Румо простые задания. Это улучшала его умственную работоспособность и отвлекало от мрачных мыслей.

— Что проникает сквозь стену, а не гвоздь? — спросил Смайк.

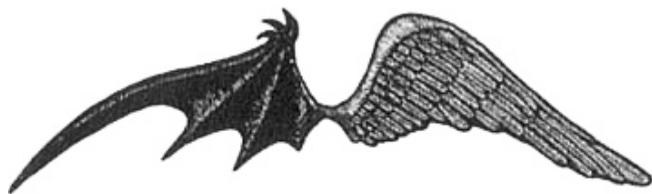
— Без понятия, — сказал Румо.

— Я знаю. Но я хотел бы, чтобы ты нашёл правильный ответ.

И он опять ушёл на дно, так как ещё одного трудного вопроса от Румо в этот вечер он бы не вынес.

Однажды после обеда ограда загремела и в грот ворвались четыре орущих циклопа. Румо предчувствовал недоброе, когда те шли по пещере. Они подошли именно к нему, схватили его за руки и вбросили в пустую клетку, из которой недавно вытащили льва. Циклопы закрыли дверь клетки на замок и ушли. Время свободного передвижения закончилось. Он тряс прутья клетки и рычал на одноглазых. Клетка была узкой. Он должен был справлять свои дела там же, где он спал. Теперь и он был брошен на произвол циклопов. Румо опять потряс решётку. Прутья сидели крепко. А против металла не помогли бы даже такие зубы, как у него. Как теперь расскажет Смайк ему свой план? Он не может больше подойти к водоёму, а червякул ещё ни разу не покидал своего укрытия. Румо даже не знал, мог ли он это делать.

Смайк ушёл на дно и не показывал даже плавника. Из жижи поднимались вверх пузыри, лопающиеся с отвратительным звуком и распространяющие по пещере тошнотворный запах серы.

Смайк ломал себе голову. В его плане освобождения был один пункт, требующий доработки. Для этого требовалась определённая информация; туманные воспоминания о ней существовали где-то внутри него. Но он знал, что может освежить свою память в Комнате воспоминаний. Он выпустил ещё парочку особо крупных пузырей слизи и отправился в коридоры мозга, так же медленно и неторопливо, как он это делал в обычной жизни.

И вот Смайк зашёл в Комнату воспоминаний. Как и всегда, он проигнорировал завешенную картину, и направился к одному полотну, которое он давно не рассматривал. На картине был изображён стол, игровой стол, обтянутый красным войлоком. Такие столы стояли везде в игровых домах Форты Уна. Войлок был засыпан разноцветными деревянными фишками. Как только Смайк посмотрел на эти фишки, он сразу услышал шум голосов, жужжание лотерейных барабанов, стук катящихся кубиков — все эти звуки продаваемого счастья, которые какое-то время были частью его жизни. И вот он уже сидел за столом, за своим игровым столом, которым он — официально экзаменованный крупье и сдающий карты — заведовал. Это было та, особая ночь, которую он хотел вспомнить, в которую за его стол сел сумасшедший профессор.

История профессора с семью мозгами

— Извините, — сказал необычный гном, — не будете ли Вы так великодушны, позволив мне сыграть за вашим столом?

Его вежливый тон поднял Смайку, привыкшему, как крупье, к совершенно другой манере обращения, настроению.

— Да, конечно, — ответил он. — Сыграем одну партию в Румо?

— С удовольствием, — сказал гном и сел за стол. Однозначно это был эйдет, одно из существ Замонии, обладающее несколькими мозгами. До этого Смайк не встречал ни одного из них, но причудливые наросты на голове пучеглазого и горбатого существа соответствовали описанию, слышанному Смайком ранее.

— Разрешите представиться, моя фамилия Соловейчик. Профессор доктор Абдул Соловейчик.

Смайк поклонился:

— Смайк. Волцотан Смайк. Итак, для начала, партию в Румо, — и он раздал карты.

Они играли и профессор выигрывал каждую партию. Сначала они играли в Румо, затем в Мидгардское Рамми, Пик и Стик, Слови Тролля и, наконец, опять в Румо. Через три часа около профессора возвышалось небольшое состояние в виде стопочек игральных фишек. На сколько понял Смайк, он определённо играл по какой-то системе, базирующейся на цифре семь.

Соловейчик ставил семь стопочек фишек на семь числовых полей, сумма которых делилась на семь. Карты он тоже раскладывал по системе, каким-то образом касавшейся цифры семь — каждый раз он даже намекал Смайку на это и делился с ним своими сложными расчётами, в которых суммировались, умножались и делились семидесятизначные числа. У Смайка уже шёл пар из ушей. А эйдет каждый раз выигрывал. Он уверял, что он тут не для того, чтобы выиграть деньги, а для того, чтобы опробовать свой математический метод. К настоящему моменту на его столе собрался выигрыш в несколько миллионов пирас.

Пот катился по телу Смайка. И его причиной был не спёртый воздух игрового зала. Это был ледяной пот, вызванный смертельным страхом. Вокруг стола собралась толпа любопытных. Среди них были и двое владельцев салона — хундлинги по имени Хенко и Хассо ван Дрилла, однойцевые близнецы, бывшие бродяги и разбойники, заработавшие своё первое золото задушив зажиточных путешественников в Дьявольском ущелье. И вот их, жульническим трудом добытое состояние, переходило во владение профессора.

В игровых домах Форта Уна напрямую никого не обманывали, но всё там протекало по полукриминальной схеме, по которой, в конце концов, выигрывали не игроки, а владельцы игровых домов. Для того, чтобы это беспрепятственно функционировало, существовали такие люди, как Смайк — профессиональные карточные игроки, которые могли без шулерства обыграть обычного игрока. Кто-то выигрывал, кто-то проигрывал, один раз даже была выплачена внушительная сумма, но в итоге каждую ночь игровой дом получал приличный выигрыш. То, что тут устроил профессор, ломало все планы Форта Уна. Он просто, без исключения, выигрывал одну игру за игрой. И это не было удачей, это было нарушением неписаного закона Форта Уна: все рано или поздно проигрывают.

Смайк не мог ничего предпринять против Соловейчика, увеличивавшего с каждой игрой свой выигрыш в четыре раза. Если он и дальше так продолжит, то через пару игр игровой дом ван Дриллов разорится. Хундлинги бросали Смайку взгляды, красноречиво объясняющие, что с ним произойдёт на заднем дворе игального дома, если ему в ближайшее время не удастся оборвать полосу удачи профессора.

— Сыграем ещё одну партию? — спросил профессор весело, выстраивая из выигранных фишек семь пирамидок. — Эта удачная игра начинается доставлять мне удовольствие.

— Как пожелаете, — выдавил Смайк. — Для нас желание клиента превыше всего.

— Вы должны что-то предпринять против повышенного потоотделения, — посоветовал профессор, взглянув на потоки пота на лице Смайка. — Таблетки, выводящие соль, замечательно помогают.

Смайк, мучительно улыбаясь, раздавал карты. Профессор, бормоча ряды чисел, поставил всё своё состояние на Румо, открыл по своей абсурдной семёрочной системе карты и — выиграл.

— Ой, ты господи, — засмеялся он, собирая выигранные фишки. — Что же мне теперь делать со всеми этими деньгами? Инвестирую я их в Исследования темноты! Или построю комод-предсказатель! Столько возможностей! Ещё игру?

Он выиграл четыре последующих игры и почти стал владельцем всего состояния ван Дриллов. Сердце Смайка бешено стучало. Мысли дико крутились в голове. Охотнее всего он бы сейчас свернул сумасшедшему профессору шею, но братья Дрилл сделают это за него. Очередной загадочный несчастный случай в городе без законов: рассеянный профессор, перебравший спиртного — вся его одежда будет им вонять — упал с лестницы на заднем дворе игрового притона, и никому не будет до этого дела.

Один из подкупленных братьями Дрилл шарлатанов выдаст свидетельство о смерти ("Несчастный случай по вине пострадавшего, употребившего чрезмерное количество спиртного") и в пустыне на окраине Форта Уна появится ещё одна безымянная могила.

Отчаявшийся Смайк с удовольствием объяснил бы эйдету, что он рискует не только жизнью крупье, но и собственной. Гости и братья ван Дрилл тесно столпились вокруг стола и наблюдали за вежливой беседой игрока и крупье.

— **Я в курсе**, — сказал вдруг голос в голове Смайка.

— Ну, великолепно! — подумал он. — Я сошёл с ума от страха. Я начинаю слышать голоса.

— **Ты слышишь только один голос и это — мой. Это я, Соловейчик**, — сказал голос. — **Не подавай виду, что ты меня слышишь.**

Смайк судорожно взглянул на профессора. Тот делал вид, что занят своими картами.

— **Послушай, я обладаю способностью телепатии. Ерунда для эйдетов, мы все это умеем. А теперь вернёмся к твоей проблеме: может я и кажусь существом не от мира сего, но я не самоубийца. И я не собираюсь быть зарезанным или ещё там что-нибудь из-за презренного металла двумя всем известными преступниками в тёмном переулке. Но я хочу проверить мою систему до конца, я хочу насладиться моим триумфом. И я совсем не против, чтобы эти воры ещё немного поволноваться. Сыграем ещё раз в Румо?**

Смайк не был уверен, слышит ли он на самом деле голос профессора или он сошёл с ума. Во время беседы профессор ни разу не удостоил его взглядом, и даже напротив — всё это время он шутил со зрителями и бандитами, стоявшими вокруг стола. Смайк автоматически раздал карты.

— О! Ещё одна игра, — сказал профессор преувеличенно громко. — Вообще-то я хотел уже закончить, но так уж и быть! Сыграем последнюю игру перед уходом, на всё, что имеем?

Близнецы ван Дрилл нахмурились и сунули руки в карманы, чтобы убедиться, что их флоринтские стеклянные кинжалы всё ещё на месте.

— Всё или ничего! — воскликнул весело профессор. Все затаили дыхание.

— Э-э-э, 7777777777 и 77 сотых делим на 7777777 и 777 тысячных, разделённые на 77, это будет, э, будет, э-э-э ... , — негромко бормотал профессор себе под нос, взволнованно перекладывая карты туда-сюда. Тонкие струйки пота превратились в сплошной поток, обливающий тело Смайка. Он блестел, как навощённое яблоко.

— Профессор! — закричал он, полный отчаяния, у себя в мозгах. — Профессор? Вы же не планируете выиграть ещё раз? Это было бы самоубийством. Двойным убийством, если и меня посчитать.

Но ответа не последовало.

— Посмотрим-ка, — бурчал эйдет, — корень, э, седьмой степени из 7777777777777777 и 7 десятых разделённый на сумму цифр произведения 77777777 и 777 тысячных и 777, это будет, э... всего, всего, всего..., — далее никто ничего уже не понял. Профессор открыл свои карты. Он снова выиграл.

— Профессор? — если бы кто-то слышал мысли Смайка, он бы слышал дикий вопль.

Соловейчик безучастно посмотрел на него.

— А где тут можно фишки обменять? — спросил он. — Надеюсь мне дадут парочку мешков для перевозки моих денег.

— Само собой разумеется, — сказал один из братьев ван Дрилл ледяным голосом. — Мы уладим всё в нашем бюро. За рюмочкой за счёт заведения.

Мозг Смайка горел. Он уже видел себя лежащим в переулке, хрипящим в луже собственной крови.

— Ещё одну партию? — закричал он отчаянно.

Когда он фактически сам определил свою дальнейшую судьбу, так это сейчас, сказав это предложение. Может быть братья ван Дрилл и отпустили бы его с выговором и парочкой поломанных рук, но сейчас он переключил всеобщее внимание на профессора, когда братья вели его в своё бюро и это означало смертный приговор.

— Ещё одну партию в Румо? — спросил профессор. — Всё или ничего?

Смайк кивнул.

— Почему бы и нет! — ухмыльнулся профессор.

Карты были снова перетасованы и Смайк раздал их. Соловейчик начал шептать свои числа, а братья еле сдерживались, чтобы не убить профессора и крупье прямо тут, на глазах у всех.

— 7777777 и 7 десятых делим на 7, — шептал профессор. Это делает братьев ван Дрилл..., — и он засмеялся, глядя в их сторону, чтобы убедиться, что они услышали его шутку.

Смайк предпринял робкую попытку установить телепатическую связь.

Профессор? — подумал он. — **Профессор Соловейчик?**

Ответа не было. Соловейчик тербил увлечённо свои карты.

— 7777777 и 77 десятых умножаем на 7 в седьмой степени, минус корень из 777, ага, получается, э-э-э...

— **Профессор!** — кричал Смайк внутри себя. — **Вы тут?**

Ничего. Ни звука, никакой реакции на лице Соловейчика. Значит паника на самом деле вызвала галлюцинации у Смайка.

— 777777 и 777777 миллионных делим на 77, всё это делим ещё раз на 7777 плюс 777777 умноженное на 777, и в итоге делим на шесть..., — пробормотал профессор.

Смайк насторожился. Делим на шесть? Первый раз в расчётах Соловейчика проскочила цифра отличная от семи.

Эйдет, весело улыбаясь Смайку, открыл свои карты. Стоящие вокруг зрители нагнулись над столом и по залу прокатился всеобщий стон. Профессор проиграл.

— **Да, пожалуйста?** — сказал профессор в мозгах Смайка. — **Вы меня звали?**

Смайк не отвечал. Он был занят, убирая со стола игровые фишки профессора и обмениваясь взглядами, полными облегчения, с братьями ван Дрилл. Они уже отпустили рукоятки своих кинжалов.

— Это был интересный опыт, — сказал профессор Смайку своим нормальным голосом, пока народ расходился. — Как нажито, так и прожито. Судя по всему пора уже вывести математическую систему, на которой основана наша судьба. Моя, по крайней мере, блуждает в Комнате незосревших патентов — самокритика имеет право на существование.

Смайк посмотрел на него:

— Вы точно знаете, что могли бы выигрывать бесконечно, — сказал он.

Профессор встал и положил руку на плечо Смайка:

— Существует только одна бесконечная вещь. И это — темнота.

И в этот момент произошло то, из-за чего Смайк вошёл в Комнату воспоминаний и посмотрел на картину с игровым столом: когда рука профессора коснулась Смайка, тогда через его мозг понёсся поток информации, такой неожиданный и мощный, что он откинулся назад и чуть не упал со стула.

Это были мысли, находившиеся в момент касания в голове рассеянного эйдета. Он передал их, хотел он этого или не хотел, Смайку, поскольку обладал способностью телепатического инфицирования интеллектуальными бактериями. Для Соловейчика это было обычным действием, для Смайка — тяжёлым событием. Вот о чём были эти мысли: о сейсмографических колебаниях в Тёмных горах; об астрономической ви-

хревой физике (чёрные дыры, движение туманных звёзд, вращение солнечной системы); о химической коммуникации южнозамонийских насекомых, рептилий и орхидей (олфакториальная передача информации, обмен веществ чулковой гадюки, вибрация пыльцы мёдопроизводящих мухоловок и хватательная дискуссионная готовность пчеломаток в контексте флористической передачи сообщений); о геодезических аномалиях в Узбиканте и их влиянии на приключенческую литературу; о связи между музыкой хутценбергских рожков и сходом лавин в районе Хутценбергских гор; о воздействии эйдетской филофизики на псевдонаучные труды Хильдегунста Мифореза; о цанталофигорском прославлении тупости; об отложении морских солей в водорослях; о телепатическом ощущении многопозвоночных существ под воздействием селсилленового облучения и облучения блуждающими огоньками; об уплотнении темноты в извилинах мозга с помощью искусственного повышения уровня депрессии маршевой музыкой и барометрическим низким давлением; а так же и о — именно по этой причине Смайк активировал это воспоминание — аномальной анатомии языков циклопов и её влиянии на равновесие циклопов с Чёртовых скал.

Смайк нашёл в Комнате именно то воспоминание, которое усовершенствует его план освобождения.

Annemum

Последующие недели Румо рос ещё стремительнее, чем прежде. Почти каждый день он замечал изменения в своём теле: новый сильный мускул, подросший коготь, выросшую кость, новёхонький зуб.

С тех пор, как его заперли в клетке, интерес циклопов к нему резко возрос. До этого он питался как и все пленники — остатками рыбы и объедками, которые циклопы швыряли в грот, кашами неизвестного происхождения и зерном, предназначенными для пленников-вегетарианцев. Пил он тоже как и все — из корыта с пресной водой. Циклопы не отличались особым умом, но и не были настолько глупы, чтобы заставлять голодать свою еду. То, что они оставляли своим пленникам — пшено, сырые овощи, обглоданные кости и тому подобное, не представляло для них,

с их кулинарной точки зрения, никакой ценности: это не могло ни кричать, ни дёргаться.

С тех пор, как его заперли в клетке, Румо начали кормить такой едой, что все пленники грота завидовали ему. Одноглазые собственноручно приносили ему в кадках прохладную дождевую воду, свежевывловленную рыбу, омаров, крабов и лангустов, ошипанных морских птиц и мясо тюленей. Румо чувствовал себя немного неловко, но он проглатывал всё с огромным аппетитом, он мог бы есть не останавливаясь и не насыщаться. Было такое ощущение, будто его тело немедленно превращало каждую трапезу в новый, большой мускул, в новый зуб или в один сантиметр роста. Румо проглатывал китовый жир, половину акулы и однажды проглотил даже щупальце осьминога, которое было почти такого же размера, как он сам. Циклопы радовались, видя его аппетит, смеялись и тыкали в него прутьями, чтобы проверить его рефлексy. И чем больше и сильнее становился Румо, тем явнее видна была жадность в глазах циклопов.

Одна и та же группа из восьми циклопов постоянно приходила в грот понаблюдать за Румо. Это были руководители острова, самые сильные и злобные циклопы. Румо уже и раньше замечал эту группу, они определённо наслаждались властью над остальными одноглазыми. Они имели право выбирать наилучшую еду, им принадлежали клетки, в которые они сажали диких зверей для откорма, к которым другие циклопы не имели права даже притронуться. В последнее время они приходили несколько раз в день и бросали через решётку живую рыбу, которую Румо без отвращения и даже с жадностью проглатывал, что чрезвычайно радовало королей острова. Дикая еда ел живую еду, как и они сами — просто великолепно! Затем они обсуждали на своём хрипящем языке что-то, что их сильно возбуждало, так как их голоса дрожали от наслаждения, а изо рта текли слюни. Они ударяли друг друга с грохотом в грудь. А Румо и не знал, что так циклопы выражали предвкушение радости.

Короткий рассказ об иерархии циклопов на Чёртовых скалах

Большую часть времени циклопы Чёртовых скал прозябали без дела, они били кулаками по скалам или лежали на солнышке, таращась на море или дивясь облакам, которые они считали летающими горами, на которых они будут жить после смерти. В остальное время они спали или ели.

Какого-либо правительства на Чёртовых скалах не существовало, для этого циклопы были слишком тупы. Уровень их умственного развития соответствовал уровню пещерного человека, открывшего для себя огонь, но не знающего, что с ним делать. Все инструменты на острове, клетки, цепи и дубинки были добыты во время набегов. Понимание принципа работы украденного замка с ключом относилось к высочайшим интеллектуальным достижениям на Чёртовых скалах. Циклопы верили, что солнце — это глаз одноглазого великана, держащего корыто с водой, в котором плавают Чёртовы скалы и ещё парочка островов. Это было их представление о мире.

Время от времени на скалах возникало что-то типа общественной жизни, например, когда два циклопа выбирали одно и тоже место на солнышке или одно и тоже существо к ужину. В большинстве случаев это решалось быстро. Наблюдать за двумя дерущимися циклопами — не самое весёлое занятие. О тактике они не имели никакого понятия, всё зависело только от силы и жестокости, скомбинированными с выдержкой и способностью выносить больше ударов, чем среднестатистический циклоп. Великаны дрались не уворачиваясь от ударов и не прячась в укрытие. Они просто молотили кулаками друг другу в лицо, пока один из них не падал замертво, так как во время драки циклопы стояли на ногах так долго, как это только было возможно. Со временем группа из восьми циклопов пробила себе кулаками путь наверх. Очевидно, они обладали более крепкими челюстями и могли бить сильнее, чем обычный циклоп. Это были владыки острова. Их управленческая деятельность ограничивалась разгоном других циклопов с лучших солнечных мест и выхватыванием у них из-под носа лучших кусков. При налётах на суше они управляли шайкой и требовали себе лучшую часть добычи. Более точного представления о власти и силе на Чёртовых скалах не существовало.

Страх Смайка

Смайк проводил всё время на дне водоёма, выделяя свой гнойный секрет. Грохот барабанов каждый день усиливался и в виде ритмических вибраций был слышен даже на дне его пруда. Согласно его прогнозу кулинарное безумство должно очень скоро начаться. За последние месяцы запасы в гроте заметно поубавились и циклопы стали менее прихотливыми. Поэтому каждая капля вонючего гноя повышала шансы Смайка на выживание.

Но у него была другая актуальная проблема. Смайка одолевал страх, сильно возросший за время его пребывания на Чёртовых скалах и почти парализующие его сейчас, боязнь жизни вне его водоёма. Он должен покинуть защищающую его жижу и сходить к клетке, чтобы рассказать Румо свой план. Но уже от одних этих мыслей Смайку становилось плохо. Это страх, как стокилограммовый якорь, держал его там, на дне.

В ту ночь Румо приснился сон. С тех пор, как он жил в клетке, его сны стали напряжённее и страшнее. Чаще всего в них были циклопы. Часто в снах все одноглазые приходили в грот, чтобы устроить последнюю кровавую резню и каждый раз всё это происходило на глазах у Румо, так как он был прикованный цепью, или сидел в клетке, или просто стоял и не мог пошевелиться, пока циклопы, в конце концов, не набрасывались на него.

Но этот сон был другим. Румо был свободен, он находился на суше, он шёл по полю в высокой траве под голубым небом. И над ним, высоко в воздухе, летела серебряная нить, та, которую он впервые учуял на подворье. И Румо охватило неизвестное чувство, чувство бурной радости от ожидания чего-то, чего он ещё не знал, но понимал, что это лучшее, что приготовила ему жизнь. Румо не знал этого, но ему снилась любовь.

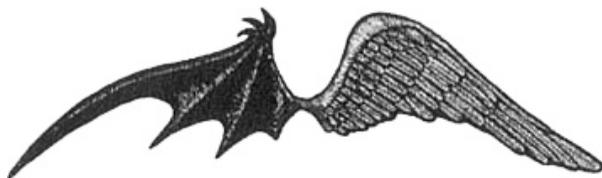
Пробуждение алчности

На следующее утро Румо проснулся из-за того, что кто-то стучал по его клетке — привычная утренняя проверка. Один глупо тарачившийся циклоп стоял перед клеткой, в одной лапе — мёртвый тюлень, в другой — палка. Он просунул тюленя через прутья решётки, а затем потыкал палкой в Румо, чтобы проверить его рефлекс. Он не относился к главарям, поэтому выполнял своё задание вяло и неохотно, так как он знал, что не получит ни кусочка от этой вкуснятины. Румо зарычал, циклоп развернулся и решил заглушить своё плохое настроение, сожрав жирную свинью. Так что он направился к свинарнику. Ещё один циклоп, зевая, вошёл в грот и тоже направился к свинарнику. Наверняка он тоже хотел полакомиться хрюкающим поросёнком. Они почти одновременно подошли к ограде и толкнули друг друга, немного потеряв равновесия из-за пошатывающихся скал.

Они зло захрипели друг на друга, первый циклоп поднял палку, но кулак уже врезался ему в лицо. Покуда он отходил от этого удара, за ним последовал другой, прямо в челюсть, он пошатнулся назад, споткнулся

и упал на спину. Его противник склонился над ним и душил его кулаками, пока тот не перестал двигаться. Затем, похрюкивая, он утащил его из пещеры.

Смайк наблюдал одним глазом из водоёма за этим варварским действием. Он спрашивал себя, были ли циклопы каннибалами и съедали ли они своих мёртвых собратьев. Это, как минимум, подходило этому прожорливому племени. Большинство одноглазых были сейчас легко возбудимы и могли каждую минуту впасть в коллективное безумие. Смайк вздохнул. Это был тот момент, к которому он так стремился и которого он больше всего боялся. Дверь открылась и если Смайк сейчас не воспользуется случаем и не проскользнёт через неё, тогда она закроется навсегда. Наступило время действовать.

Смайк выходит

Румо застыл. Из водоёма Смайка раздавались странные звуки, неаппетитные и хлопающие. Червякул кричал и ругался, вода из водоёма разбрызгивалась во все стороны. И тут из жирного ила поднялось тело, стена и задыхаясь, перевалилось оно через край и поползло через грот прямо к клетке Румо, оставляя за собой оливково-зелёный маслянистый слизистый след. Все пленники кладовой молча наблюдали это необычное действие.

Румо встал на ноги и просунул морду между прутьев решётки. Смайк выбился из сил, пока дополз до клетки.

— Слушай внимательно...ух...у меня не так много времени...ох... Если циклопы меня увидят..., — Смайк тяжело вздохнул и взглянул на Румо. — Я боюсь.

Румо кивнул.

— Но у меня есть план. Я хочу его тебе сообщить.

— Хорошо.

Смайк рассказал о своём плане. Он был невероятным. Он был абсолютно сумасшедшим. Он звучал как ужасная сказка, как кровавое возмездие, и он был без всякой надежды на успех.

— Что скажешь? — спросил Смайк.

— Я попробую, — ответил Румо.

— Отлично. Но послушай: я научил тебя всему, что я знаю о сражениях. Практический опыт ты должен получить самостоятельно. Я уверен, что это придёт к тебе совершенно естественным путём. Просто дай этому течь. Как при...

— Я знаю, — перебил его Румо. — Ты должен вернуться в водоём. Тут слишком опасно.

— Кое-что ещё! Самое важное. Слушай меня внимательно, это ключ к моему плану! — Смайк вцепился в решётку, а Румо навострил уши. — Я хочу рассказать тебе кое-что о циклопских языках, мой мальчик...

Жажда крови

Заточение в клетке продолжалось уже так долго, что Румо оставил попытки из неё освободиться. Он больше не тряс прутья решётки, не грыз замок, а просто сидел без дела, ел или спал. В лучшем случае — бегал без остановки в своём ограниченном пространстве, туда-сюда. Несколько дней назад пропали боли во рту, да и его вечный голод тоже исчез. Он удовлетворялся маленькими порциями и становился всё избирательнее в отношении еды, бросаемой ему циклопами сквозь решётку.

Последние дни скалы шатались сильнее, а волны разбивались о них всё громче. Наверное плавающий остров попал в шторм. В гроте царил хаос, фернхакинцы висели беспомощно на цепях и ударялись, как языки колокола, головами о стены. Поросята начали друг друга кусать, и те немногие дикие звери, пока ещё оставшиеся в живых, ревели и бесились в своих клетках. Вонючая вода выплёскивалась из водоёма Смайка и растекалась по гроту.

Торжество циклопов достигло апогея. Они играли на своих инструментах, кричали и пели в штольнях Чёртовых скал. Но что было хуже всего — они приходили в грот в три раза чаще чем обычно.

Румо крепко держался за прутья клетки и в тысячный раз пробежал по всем пунктам плана Смайка, их было всего два, когда в пещеру ввалились три циклопа, очевидно совершенно одурманенные, так как они были с головы до ног облиты кровью.

Какое-то время они бесцельно шатались по пещере, обнюхивая запасы. Один из них поскользнулся на слизи Волцотана Смайка и рухнул на пол грота. Это вызвало приступ дикого смеха у двоих оставшихся цик-

лопов. Циклоп в бешенстве рванул к водоёму Смайка и опустил в него руку, вероятно, чтобы сожрать его в наказание. Румо в ужасе схватился за решётку.

Циклоп, грязно ругаясь, пытался выловить свою жертву, но Смайк только усложнял ему эту задачу — он постоянно выскальзывал у него из рук. Вдруг раздался ужасающий треск — огромная волна накрыла остров, пол затрясся и слизь выплеснулась из водоёма Смайка и облила циклопа. Два других циклопа рассмеялись ещё громче. Испачканный великан впал в ярость: он наклонился над водоёмом и бил кулаком ушедшего на дно Смайка. Один из двух других великанов вспомнил, зачем они сюда пришли, и схватил одного фернхахинца. Он просто сорвал его со стены, не снимая цепей, из-за чего оторвалась одна из тонких ручек карлика. Фернхахинец закричал как сумасшедший и затряс ножками и оставшейся ручкой, чем привлёк внимание третьего циклопа. Он подошёл и схватил несчастного за ногу. Первому великану это совершенно не понравилось, он угрожающе заревел и стал тянуть к себе свой ужин. Другой же циклоп не выпустил ногу, а яростно стал тянуть её в свою сторону. Таким образом они разорвали карлика на две части. Это взбесило одноглазых ещё сильнее, поскольку их добыча потеряла ценность — она не могла дёргаться и кричать — карлик ужасным образом избежал ещё более ужасающую смерть. И пока третий циклоп продолжал ловить Смайка, эти двое разочарованных циклопов ругались, издавая укоризненные клокочущие звуки.

Кровь Румо закипала. Перед глазами танцевали красные огоньки, он зарычал и залаял, как его древние дикие предки, и затряс прутья своей клетки. Циклопы посмотрели на беснующегося вольпертингера, сначала озадаченно, потом — весело, и жажда крови исказила их гримасы. Из ртов потекли слюни, глаза загорелись. Губы задрожали и оголили жёлтые клыки. Они пока не решались нарушить табу и покуситься на собственность главарей. Они отбросили остатки фернхахинца и стояли покачиваясь, будто загипнотизированные свирепствующим вольпертингером.

Румо удвоил свои старания. Он бился плечом в дверь, он бешено носился по клетке, дёргал прутья так, что они трещали. Это разъярило остальных диких зверей, и они ревели и шипели в своих клетках и пытались, как Румо, освободиться.

Такой грохот и шум вывел циклопов из себя. Они подошли к клетке Румо и как безумные стали бить по решётке и трясти её прутья. Ключа у них не было, но они были настроены открыть клетку силой. Они налегли всем телом, пытаясь сорвать дверь с петель. Румо растянулся на полу и тихо рычал. Перед собой он видел только прутья клетки и циклопов.

Из-за их чёрного меха и искажённых гримас он больше не видел грота. Клетка была сделана полностью из железа, но это был только вопрос времени когда шарниры поддадутся напору трёх гор мускул. Вдруг раздался звонкий хлопок. Один из трёх буянящих циклопов замер и посмотрел на Румо стеклянными глазами. Затем он рухнул на пол, чем снова открыл вольпертингеру вид на пещеру. Там стояли восемь циклопов. Один из них держал в руках дубинку. Это были владыки острова.

Затем последовала короткая потасовка, закончившаяся не в пользу оставшихся двух одурманенных циклопов. Кулаки градом обрушились на них и вот они уже лежали на полу, испуская последний хрип.

Румо знал, что это не было привычное контрольное посещение. Решение было принято. Он замер и не издавал ни звука, пока те открывали клетку, хватали его и вытаскивали наружу. Он вёл себя именно так, как научил его Смайк.

Циклопы были удивлены и даже немного разочарованы отсутствием самообороны со стороны Румо. Пока они несли его по освещённым факелами коридорам, они били его кулаками по рёбрам и дёргали за уши, но он оставался неподвижным. Когда они вынесли его наружу, на лицо ему упали капли ледяного дождя. После спёртого воздуха и вони в пещере свежий морской бриз был великолепен. Он глубоко вдохнул. Небосвод был затянут чернильно-синими тучами, сверкали молнии, брызги волн разлетались во все стороны. Впервые Румо увидел Чёртовы скалы снаружи — они возвышались из воды как башни затопленного города. В некоторых пещерах горел огонь, вокруг которого грелись циклопы и играли свою демониическую музыку.

Праздничный стол

Румо принесли на плато, где циклопы отмечали свои праздники. В его центре возвышался грубо вытесанный из камня подиум. Это был праздничный стол главарей. От крови бесчисленных жертв он стал темно-красным. Некоторые циклопы сидели на соседних скалах, гремя в барабаны и дуя в рога из ракушек наблюдали они жадными и завистливыми глазами за ритуалом. Главари положили Румо на спину на подиум. Четверо держали его руки и ноги, а пятый стал у него в изголовье. Ещё один поднял руки к небу и закричал в сторону облаков. Загремел гром и циклопы восприняли это как знак божий. Пир может начинаться. Одноглазый, стоящий позади Румо, наклонился к нему и открыл пасть, чтобы впиться своими жёлтыми клыками в свежее мясо вольпертингера.

Челюсть

Из его пасти в нос Румо ударил металлический запах крови, смешанный с ужасной вонью нечищенных десятки лет зубов. Циклоп был уверен, что его жертва сейчас, когда он вырвет у неё из тела первые сухожилия, начнёт наконец дёргаться и кричать.

Румо тоже открыл пасть и оскалился. Впервые обнажил он свою челюсть и представил такую комбинацию зубов, которую можно увидеть только у вольпертингеров: восемьдесят восемь резцов, клыков, жевательных и иглоподобных зубов, новёхонькие, белоснежные и безукоризненные, как фарфор, только что покрытый глазурью.

В полумраке от них исходило слабое сияние, поскольку зубы вольпертингеров содержали больше фосфора, чем зубы других существ Замонии. Они стояли в один, два или три ряда, начиная с длинных клыков и заканчивая махонькими, похожими на кусочки наждачной бумаги, зубками. Клыки выглядели как рыболовные крючки, коренные зубы, казалось, были покрыты поблёскивающей алмазной пылью, а резцы были тонкими и острыми как лезвие ножа. И ещё там были тонкие, как иглы, почти невидимые зубы, заполнявшие пространство между основными зубами.

Эта пасть, полная кусательных инструментов, казалось, была придумана гениальным оружейным мастером, на горе тем, кто в неё попадёт! Циклопы завистливо застонали и облизали свои клыки. Четверо державших Румо циклопов инстинктивно усилили хватку. Эта дворняга могла сколько угодно хвалиться своими зубами, но пока они её так крепко держали, она была безопасна. Любой циклоп на много превосходил Румо в физической силе. Одноглазые на соседних скалах будто сорвались с цепи, они танцевали, пронзительно кричали, всё бешенее стучали в барабаны и ужасающе фальшиво трубили в свои трубы-ракушки. Яркая вспышка, сопровождаемая оглушительным грохотом литавр нетерпеливых облачных богов, на одну-две секунды осветила плато. Циклопы, ослеплённые вспышкой, зажмурились на мгновение и слегка ослабили хватку. Румо решил, что наступил подходящий момент для нападения. Он

сделал то, что с анатомической точки зрения было невозможно: он повернул голову в сторону, его шея вытянулась в два раза и он укусил в запястье циклопа, держащего его правую руку. Это произошло настолько быстро, что никто ничего не заметил: белоснежные зубы вольпертингера вдруг окрасились в красный цвет, а орущий циклоп отпустил его руку и тряс своей в воздухе. Из дюжины микроскопических дырочек брызгала кровь. Освободившуюся руку Румо сунул во всё ещё открытую от удивления пасть циклопа, хотевшего его укусить. Он схватил его за язык и повернул его энергично два раза: один раз направо, один — налево. Он захрустел, как ломающаяся трухлявая ветка. Румо сделал самое ужасное, что можно причинить циклопу, за исключением смерти: он сломал его язык.

Языки циклопов

После того, как Смайк приполз к клетке Румо и посвятил его в свой план, он поделился с ним сведениями об Анатомии языка циклопа, полученными им от профессора доктора Абдула Соловейчика. Обобщая, речь шла о следующем: в то время, как обычные языки состоят исключительно из мускул, сухожилий и связок, язык циклопа содержит филигранную и сложную систему костей и хрящей, напоминающую уменьшенный позвоночник. Эта система необходима, поскольку языки циклопов тяжелее, чем у прочих живых существ и содержат существенно больше нервных окончаний и вкусовых рецепторов. Это позволило Соловейчику установить, что у циклопов существует связь между этой уникальной частью тела и органом, отвечающим за чувство равновесия. Что означает: если сломать циклопу язык, то это не только вызовет ужаснейшую боль, но и превратит его в абсолютно беспомощное существо.

Пункт первый и пункт второй

Главарь зажал рот рукой и душераздирающе выл. Он проковылял пару шагов назад, запутался в собственных ногах и свалился через каменный парапет в море. Это был Пункт первый плана Смайка:

Сломай первому циклопу, который захочет тебя укусить, язык!

Это он уже выполнил. Но пункт второй был очевидно сложнее:

Прикончи как можно больше циклопов!

Предводители циклопов отпустили Румо от страха, и, прикрыв для защиты свои рты руками, отпрянули назад. Сломанный язык! Как только могло одно живое существо причинить такой вред другому?

Румо перевернулся и замер, стоя всеми четырьмя лапами на покрытом засохшей кровью каменном столе. Он прицелился прищуренными глазами в одного циклопа, напряг всё тело и слегка согнул задние лапы. То, что затем произошло, было настолько быстро, что одноглазые великаны заметили лишь очередную белую молнию: вылетевший, как из катапульты, вольпертингер подпрыгнул в воздух, кувыркнувшись, перелетел через великана, при этом послышался звук ломающегося дерева, и приземлился за ним на двух лапах. А циклоп, к всеобщему удивлению, стоял на своём месте без головы.

В воздухе раздался вопль. Все, кроме Румо, посмотрели вверх. То, что они увидели, было головой их товарища, летевшей высоко в воздухе и издававшей продолжительный крик до тех пор, пока не шлепнулась в море.

Пока циклопы озадаченно смотрели по сторонам, Румо порвал ещё двоим из них когтями горло. Великаны, объятые ужасом, схватились за перерезанные глотки. Туловище безголового циклопа несколько раз повернулось вокруг своей оси, будто бы ища голову. Из горла, в такт всё ещё дико бьющегося сердца, забила тонкая красная струя. Он сделал пару нетвёрдых шагов вперёд и, перевалившись через край скалы, последовал за своей головой в море. Румо понадобилась всего лишь пара секунд, чтобы вывести из игры четырёх из восьми сильнейших циклопов Чёртовых скал.

Вольпертингер выпрямился. И хотя он был всё ещё на треть ниже своих противников, всё равно он казался великаном. Четверо оставшихся главарей застыли на месте. Они считали себя сильнейшими созданиями в мире, непобедимыми полубогами, которые были опасны только друг для друга. И вот перед ними стоит существо, значительно меньше и слабее их, уже выведшее из строя четырёх самых сильных главарей. Два циклопа, которым Румо перерезал горло, упали на пол и метались в луже крови. Циклопы, сидящие на соседних скалах и видевшие всё произошедшее, закричали и ринулись внутрь скал.

Наконец один из четырёх оставшихся главарей вышел из оцепенения. Он в ужасе поглядел на Румо и просто понёсся прочь, удирая внутрь острова. Трое остались стоять и продолжали наблюдать за невиданным действием: впервые убегал циклоп от живого существа. Они растерянно уставились друг на друга и затем тоже помчались прочь.

Румо постоял немного под дождём, вдыхая свежий морской воздух. Грохот барабанов и рёв рогов утих. Он раскрыл пасть и закинул голову назад, чтобы морозящий дождь смыл кровь с зубов. Затем он встал на четыре лапы и большими прыжками понёсся в коридор, в котором исчезли циклопы.

Смайк прислушался. Музыка резко оборвалась — для него ясный признак, что вольпертингер исполнил Пункт первый плана. Он слегка сожалел, что не мог видеть это великолепное представление — всё в соответствии с его планом! — элитного боевого искусства, но радость всё перевесила. Медленно поднялся он к поверхности водоёма. Половины воды расплескалась и края водоёма минимум на полтора метра возвышались над ним — практически непреодолимое препятствие для опухшего и неповоротливого тела червякула. Но Смайк прижался своим жирным телом к каменной стене, крепко к ней присосался и начал ползти вверх. Он полз вверх, как гигантский слизень, сопровождаемый чавкающими звуками. Смайк перелез через край водоёма и, тяжело сопя, огляделся вокруг. Волны снаружи поутихли, пленники напряжённо молчали. Смайк прислушался ещё раз. Сейчас должны начаться крики.

Печальная история одного из главарей циклопов

Предводитель циклопов, первым сбежавший от Румо, стоял в темноте, крепко обхватив кровотокающую лапу, и думал, что он сделал неправильно. Он же никогда никого не обижал — за что его теперь карают?

Он всегда старался вести простое, удобное богам циклопье существование. Он просыпался утром, завтракал (хрюкающей свиньёй, орущим карликом, дерущимся кальмаром или ещё чем-нибудь), до обеда он лежал на скалах на солнышке и спал, просыпался, обедал, опять немного спал, ужинал и шёл в пещеры, где засыпал, покачиваемый волнами. Иногда он со своими товарищами охотился на китов: сидя на каменных башнях острова они бросали гарпуны в морских великанов, запутавшихся среди скал. Когда скалы прибывало к берегу, он спускался вместе с другими циклопами на сушу, чтобы пополнить запасы еды. Крики добычи, собранной в последний набег, всё ещё звенели у него в ушах. Циклопы смеялись тогда и пели, он сам дул в ракушечный рог — что это были за чудесные и беззаботные дни!

Из глаза циклопы выкатилась большая слеза. А теперь он стоит тут, в темноте, с бешено бьющимся сердцем, и прячется от привидения.

Ну да, он ужасно избил парочку циклопов, ещё парочку он отправил прямо к их солнечному богу, на летающие над водой горы. Но он, в конце концов, имел право, он же был одним из предводителей!

Циклоп вдруг вспомнил своего друга Оха. Согласен, его он кошмарно отделал, о да! А что тот забыл на его любимой солнечной скале? Он дупил его кулаками в челюсть, пока она не отлетела в сторону, а затем бил ногами по голове, пока не вывалились глаза. Но он же мог просто уступить место, тупой пёс, по крайней мере после того, как он попрощался со своей челюстью. Но нет, Ох хотел позадирать нос!

Может это был дух Оха, несущийся по коридорам и мстящий? От него можно всего ожидать, он никогда не прощал. Но откуда у него теперь эта невероятная сила, именно у этого хлюпика? Может на летучих горах можно получить такую силу? Но почему он вернулся в образе белой собаки? С другой стороны: если это на самом деле Ох, тогда может всё-таки есть шанс с ним справиться, с привидением или с непривидением.

Никогда ещё за один раз не возникало столько вопросов и мыслей в голове у циклопа. Почему его сердце бьется так быстро? Что это за неприятное чувство безнадежности, заставляющее трястись колени и обливаться потом? Это его тень движется там на стене? Или Оха? Это собака у него на спине? Укус?

В темноте раздался хруст шейных позвонков, Румо спрыгнул со спины безжизненно осевшего на землю циклопа. Если его душа на самом деле полетела бы к летучим горам, то она попала бы в жуткую грозу.

Привидение

Внутри Чёртовых скал было темно. В своём безумии циклопы забыли про обычное ночное освещение — лишь кое-где горел одинокий факел. Так что им приходилось пробираться вперёд на ощупь — чужаки в своём собственном доме. Около огня и света собирались сразу же несколько циклопов и рассказывали друг другу о привидении, нагрянувшем на Чёртовые скалы, несущемся теперь по проходам и желающем всех убить. Кто-то утверждал, что оно может становиться невидимым и появляться в нескольких местах одновременно. Оно обладает волшебной силой, утверждали другие, и может летать. Ещё кое-кто предполагал, что оно спустилось с летающих гор, что это — карающее божество, рождённое грозой, поскольку циклопы недостаточно поклонялись солнечному богу.

Но большинство циклопов заблудились в проходах. Они постоянно сталкивались друг с другом, затем следовала жестокая драка, после

которой в живых оставался только один. Множество циклопов погибло в эту ночь от рук своих же товарищей; некоторые в отчаянии бросались в море, где их уже поджидали хищные рыбы, привлечённые запахом крови.

Внутренний глаз

К своему удивлению Румо не нуждался в свете — он видел собственным носом. Темнота была заполнена цветными волнами и тонкими нитями запахов. Он чуял, где этой ночью бьётся испуганное сердце, где выступает капля пота, он чуял страх и отчаяние. Найти след вспотевшего циклопа было для него детской игрой. Пути отступления циклопов выглядели для Румо широкими жёлтыми дорожками с отвратительнейшим запахом. Ему нужно было идти по такой дороге и в конце её в темноте стоял дрожащий циклоп, не имеющий ни малейшего понятия, о том, что его ждёт. Румо чуял стук его сердца — он видел пульсации своим внутренним глазом. Затем раздавалось свирепое рычание, сопровождаемое резко обрывающимся криком, и ещё один безжизненный циклоп падал на пол. А Румо уже искал новые следы.

Но не всегда было так легко. Циклопы были испуганы, но они не были трусами, а растерянность удвоила их силу. Иногда Румо не удавалось с первого раза убить противника, тогда начиналась драка. И тут ему приходилось иметь дело с бушующей горой мышц, боксирующей огромными кулаками в темноту, пока Румо пригибался и пытался уклониться от ударов. В этих случаях Румо помогала его быстрота: он проскальзывал под противника и надкусывал в его подколенной впадине пару сухожилий или прыгал прямо к его горлу.

Если у циклопа был факел или в одном месте собралось сразу же несколько великанов, то Румо не нападал в открытую. Он выскакивал перед ними на одно мгновение, демонстрировал им свои испачканные кровью зубы, шипел на них и исчезал в темноте, чтобы найти поблизости одинокого, заблудившегося циклопа. Вскоре проходы были забиты мёртвыми, умирающими и тяжело ранеными циклопами. Их крики наполняли ужасом коридоры Чёртовых скал и сердца всё ещё живых циклопов. Первый раз почувствовали они собственной шкурой смертельный страх, это кошмарное состояние, в котором вынуждены были жить день за днём их пленники в гроте, это постоянно ожидание того, что сверхъестественная сила в любой момент может оборвать твою жизнь.

Румо бежал в темноте. Теперь он знал о системе ходов и пещер в дырявых Чёртовых скалах гораздо больше, чем любой циклоп. Она стояла перед его внутренним глазом, как трёхмерный чертёж, пронизанный и освещённый цветными нитями, плывущими следами запахов, пульсирующим страхом. Он без усталости бежал по лабиринту Чёртовых скал, иногда он убивал свои жертвы, иногда просто ранил. Раненые циклопы криками сообщали о победах Румо, драться они уже не могли. Время от времени вольпертингер останавливался у развилок, опускался на все четыре лапы и издавал такой холодящий душу вой, что его было слышно в каждом уголке Чёртовых скал.

Наконец Румо решил, что пора освободить пленников из грота. Он знал, что особой помощи они ему не окажут. Ни один фернхаинец не рискнёт даже дотронуться до циклопа. Это не имело ничего общего с трусостью, фернхаинцы были смелыми и отважными, когда речь шла о нормальной жизни, но они не умели обижать. Румо хотел лишь их уверить, что с ними больше ничего плохого не произойдёт.

Фернхаинцы пришли в ужас, когда Румо появился в гроте. Его белая шерсть была полностью залита кровью и в пляшущем свете факелов он выглядел, как статуя бога мести, разбуженная ото сна. Румо сунул рукоятку потухшего факела в железное кольцо, за которое крепилась к стене основная цепь, и одним резким нажимом вырвал его из крепления. Затем он пошёл к Смайку, выглядевшему чрезвычайно довольным.

— Чистая работа, — сказал он.

— Грязная работа, — ответил Румо, — и более напряжённая, чем я думал.

Затем он снова исчез в лабиринте.

Дюжина циклопов

Румо вернулся в мир запахов. Выше всех находилось зеленоватое свечение — запах солёного моря, волнующегося под ними. По проходам тянулись тонкие красные нити — запах пролившейся крови.

Румо беззвучно пошёл по жёлтой дорожке — запаху циклопа. К ней добавилась ещё одна, третья, четвёртая, пять, семь, двенадцать

дорожек вместе и все ведут в одну сторону. Двенадцать циклопов собрались вместе и укрылись в пещере. Румо знал, они были готовы на всё, воодушевлённые размером своей группы. Он чуял запах их пота и слышал бешеный стук их сердец.

Они ярко осветили пещеру факелами, так что свет падал даже в проход. Румо замер недалеко от входа, прижался к каменной стене и глубоко вздохнул. Двенадцать циклопов одновременно — с таким количеством он ещё не имел дела, никто никогда не имел дела, но, в конце концов, он же справился с восьмью сильнейшими циклопами острова, и они не были настолько морально измотанными, как эти там, внутри. Он решил быстро погасить факелы и напасть на великанов в темноте. Юркой ящерицей Румо на четырёх лапах скользнул между ног циклопов в пещеру. И в следующий момент кто-то ударил его факелом прямо в нос. Румо, сам того не зная, нарвался на циклопа-рыболова, обладавшего лучшей реакцией среди сородичей. Он годами глушил дубинкой проплывающих мимо пещеры акул и увидев тень крадущегося Румо молниеносно ткнул факелом. Это был лучший удар в его жизни.

Мир запахов Румо взорвался в виде бури цветных искр. Факел опалил его нос и одновременно ослепил его. Брызги смолы, попавшие ему в глаза, танцевали теперь перед ним в виде пульсирующих, красных пятен. Глаза болели, как-будто их кололи иглами. Пока Румо ползал по полу пещеры и пытался вытереть из глаз обжигающие красные пятна, озадаченные циклопы выстроились вокруг него в круг. Они и не представляли, что всё так легко получится. Они готовы были сражаться с летающим духом не на жизнь, а на смерть. А теперь — удар и готово! Циклопы, смущённо посмеиваясь и счастливо похлопывая лапами по плечу циклопа-ловкача факелобросателя, пытались снять напряжение. Они не разговаривали, но взгляды, которыми они обменивались, были понятны каждому: они сожрут вольпертингера, здесь, сейчас, живём.

Берег

Волцотан Смайк снова прислушался, но на этот раз внимательнее. Крики прекратились. Он слышал только стоны одного-двух циклопов, криков ужаса больше не было. Ясно, что силы Румо постепенно истощались, а реакция ослабевала. Смайк знал, что на самом деле у него не было никакого плана, он просто рискнул сыграть в игру. И его многолетний опыт подсказывал: если поставить всё на одну карту, то шанс выиграть бу-

дет точно таким же, как и шанс проиграть. Но по непонятным причинам проигрывали намного чаще, чем выигрывали.

В этот момент произошёл сильнейший толчок и все пленники грота упали на пол. Фернхахинцы возбуждённо закричали, а звери замычали и заревели. Даже тяжеленный Смайк пролетел несколько метров в воздухе и ударился о небольшую скалу, возвышающуюся в пещере. Постанывая, лежал он в луже воды, выплеснувшейся из одного из водоёмов, а вокруг него прыгали толстые чёрные рыбки со свирепыми челюстями. Смайк сед. Вода в корытах была неподвижна, ни одна цепь не гремела на стенах. Это могло означать только одно: Чёртовы скалы прибило к берегу.

Мир звуков

"Звук!", — пришло Румо неожиданно в голову. Это был ответ на загадку Смайка! Что проходит через стены, но не гвоздь? Конечно это был звук!

Слух у Румо всегда был хороший. Однажды, ещё на подворье, он слышал как потрескивая распускалась роза. Он слышал хлопанье крыльев бабочек и шорох копающихся в земле насекомых, но он не уделял особого внимания этому чувству, пока он мог видеть и чувствовать. Но сейчас Румо почти ослеп, а его нос был так испорчен, что не чуял ничего, кроме бешено крутящихся цветов боли. Но в тот момент, когда циклопы сжимали свой круг с целью сожрать его, Румо открыл для себя новый мир — мир звуков.

Практически каждое существо, обладающее обычным слухом, могло бы услышать смех циклопов и шарканье их ног. Ну и конечно шипение факелов и скрежет рукоятки вставляемого обратно в крепление факела, ослепившего Румо. Но Румо слышал больше, намного больше. Он слышал хруст суставов, хрипящее дыхание циклопов и стук их сердец. Он слышал электрическое потрескивание их шерсти, когда они касались друг друга, и шуршание, издаваемое ими при малейшем движении. Своим внутренним глазом он увидел всю пещеру, на этот раз бесцветную, в туманных тонах и очертаниях, не так подробно и точно, как он мог бы видеть её глазами и чувствовать носом. Но Румо мог с уверенностью сказать, где в данный момент стоит циклоп и какое движение он совершает. Он слышал, где в пещере располагались три факела. А для сражения этой информации ему было достаточно.

Вдруг произошёл сильнейший толчок. Румо покатился по полу, а циклопы ударились о стены. Пару секунд они оставались растеряны

и удивлены, как их главари во время удара молнии на каменном плато, и Румо решился воспользоваться моментом. Он, пытаясь игнорировать боль в носу и глазах, прыгнул прямо на шипящий факел. Румо успел вырвать потрескивающий факел из крепления до того, как хоть один из циклопов пошевелился. Первый циклоп вышел из оцепенения и прыгнул в сторону Румо — треск его коленных суставов был очень чётким. Он размахнулся своим оружием — короткой цепью из массивных звеньев, которые звонко бренчали в ушах у Румо. Кроме того, циклоп совершил глупейшую ошибку — он моргнул, а для Румо этот звук прозвучал, как закрывшаяся и снова открывшаяся липкая пасть ящерицы. Он мгновенно ударил факелом в сторону чавкающего звука. Шипение факела и зверский крик подсказали ему, что он попал точно в цель — в глаз циклопа. Факел, шипя, потух и остался торчать в голове ослеплённого, а пронзительный крик никак не прекращался. Этот хладнокровный поступок парализовал остальных циклопов, их дикая решительность и желание сожрать Румо мгновенно испарились — летающий дух воскрес! Румо вырвал из крепления второй факел и, ткнув его в сторону крика, потушил пламя в широко разинутой пасти визгливого и слепого циклопа.

Это было уже слишком для остальных циклопов. Они начали в панике метаться, попытались все одновременно выскочить из пещеры и загнули, таким образом, самим себе путь к отступлению.

Румо снял со стены последний факел и сунул его в толкающуюся кучу циклопов. Языки пламени перескочили на шерсть одного циклопа, оттуда перебросились на двух его соседей и через несколько секунд пламя охватило всех циклопов. Нескольким из них всё же удалось выскочить из пещеры и они, крича, неслись по коридорам, как живые факелы. Остальные катались по полу пещеры, отчаянно пытаясь потушить огонь. Они больше не интересовали Румо и тот, перепрыгнув через горящих великанов, отправился наружу.

Бегство

Снова начались крики, на этот раз многоголосые и более отчаянные, чем прежде. Значит Румо всё ещё жив и продолжает выполнять Пункт второй их плана. Смайк решил, что сейчас самое подходящее время начать организовывать пленников к уходу из грота.

— Эй, вы, послушайте! — закричал он. — Кажется наши скалы сели на мель. И я могу лишь каждому из вас посоветовать как можно быстрее

покинуть этот проклятый грот и бежать к воде. Не бойтесь циклопов — у них сейчас другие проблемы. Когда вы окажетесь снаружи, то просто прыгайте в воду и плывите. Берег не должен быть далеко. А если вас сожрут акулы, то это всё равно лучше, чем если это сделают циклопы.

С тех пор, как Чёртовы скалы сели на мель, испуганные фернхахинцы сидели не шевелясь. Но сейчас они вскочили и побежали к выходу.

— И, кстати, — крикнул им быстро Смайк, пока те не исчезли в проходах, — вашего спасителя зовут Румо. Это имя вы должны запомнить!

И тоже пополз к выходу.

Румо шёл по проходам Чёртовых скал. Буря цветных искр перед его глазами исчезла, лишь время от времени появлялись красные или белые пятна. Но чуют он всё ещё не мог. Ноги еле держали его, он устал, он был ранен — сражения давали о себе знать. Вдруг он услышал треск. Он не мог определить источник звука, вероятно это был упавший факел, судя по теням, танцующим на стенах. Но когда он повернул за угол, то увидел перед собой трёх циклопов. Они молча стояли вокруг дымящегося тела их соплеменника, и они были вооружены дубинками. Обе стороны были одинаково удивлены этой встречей. Румо, в его теперешнем состоянии, мог бы, вероятно, стать для циклопов лёгкой добычей. Но он тихо зарычал, оскалив свои окровавленные зубы, и циклопы, развернувшись, унеслись по тоннелям внутрь острова. А Румо, пошатываясь, направился в сторону свежего ветра, дувшего ему в лицо.

Бухта блуждающих огоньков

Как только вольпертингер вышел на каменное плато, он сразу взглянул на море. Шторм утих, а горизонт начал светлеть, освещаемый первыми лучами восходящего солнца. Чёрно-синие густые облака всё ещё висели над водой, но дождь перестал. На расстоянии около двухсот метров Румо увидел берег — небольшие пляжи и невысокие скалы из песчаника. Куча циклопов и фернхахинцы, нашедшие выход из лабиринта, плыли к берегу. Над морем танцевали стаи светящихся насекомых, наполняя своим старательным жужжанием воздух.

Из пещер позади Румо появлялись ещё карлики, с уважением проходили мимо него и прыгали со скал в воду. Кто-то освободил красную гориллу — неожиданно она появилась около облитого кровью Румо и долго смотрела на него. Затем тоже прыгнула в море. Только вольпертингер оставался стоять на скалах.

Он смотрел вниз на воду и от одного только взгляда на волны у него подгибались колени. Там, впереди, был спасительный берег и тут не могло быть очень глубоко. По близости не было видно ни одной акулы. Хищники наверняка пиروвали там, далеко в море, на поле битвы. Но нет, не они были причиной глубоко сидящего в Румо страха.

— Ты не умеешь плавать? Да?

Румо не нужно было оборачиваться, чтобы узнать, кто произнёс эти слова. Из тоннеля выполз Волцотан Смайк.

— Да, — сказал Румо.

— Ни один вольпертингер не умеет плавать, — сказал Смайк. — Никаких оснований для стыда. Это — наследственное. Скажи спасибо, что я ещё не уплыл. Залезай ко мне на спину!

Румо послушался. Он ухватился за его жировые складки. Тело червякула было одновременно и мягким и твёрдым. Смайк подполз к краю скалы, переполз через него и заскользил по почти отвесной скале вниз, как капля скользит по стеклу. Румо ещё сильнее вцепился когтями и упёрся задними лапами в тело червякула.

— Мне немного неприятно, что я так умею, это наследие моих противных предков, — сказал Смайк, издавая своей задней частью тела хлюпающие и чмокающие звуки. Он мягко сполз в море, а Румо мгновенно поднял ноги выше, как только солёная вода коснулась его лап.

— Как только мы окажемся на берегу, я отправлюсь в самое декадентское общество, которое я только смогу найти, — сказал Смайк. — Я хочу жить в самой роскошной и богатой обстановке, которую только можно найти. Я хочу активную жизнь. Диваны и паланкины. Каменные мостовые и мраморные ступени. Природу я хочу видеть только в виде ухоженных парков и картин маслом. Я не хочу никогда больше видеть море, а если всё-таки видеть, то только издалека, с террасы моего летнего дворца, через подзорную трубу, испытывая отвращение.

В воздухе танцевали насекомые, светящиеся как разноцветные кристаллики. Это было похоже на дождь из бриллиантов, казалось разноцветные языки пламени охватили воздух.

— Весна, — сказал Смайк. — А это — свадебный танец блуждающих огоньков. Чудо любви, малыш! Судя по всему мы находимся в Бухте блуждающих огоньков. Столько этих насекомых можно встретить лишь в ней. У тебя ещё один повод для радости! Мы находимся на побережье Фернхахии. Можно сказать, что ты опять дома.

Как распухший лебедь скользил Смайк по волнам, проплывая мимо устало гребущих циклопов и пищащих фернхахинцев. Красная го-

рилла плыла тоже поблизости, расслабленно, на спине, широко загребая лапами. Солнце почти полностью поднялось над горизонтом и блуждающие огоньки вынуждены были потушить своё сияние. Они собрались все вместе, образовав длинный, гудящий ковёр, который полетел, словно притягиваемый волшебной силой, в сторону горизонта к ослепляющему шару.

Первые циклопы доплыли до суши и затравленно метались по берегу. Некоторые уже карабкались на скалы из песчаника.

— Я не уверен, что ты хорошо прочистил им их куриные мозги, — сказал Смайк, — но я уверен, что теперь они будут с большим уважением относиться к другим существам. Хотя, на это я бы не делал ставку. Ах, наконец-то земля!

Лёгкий прибой пронёс его ещё на пару метров вперёд и Смайк остановился.

— Теперь можешь слезть. Тут всего по щиколотку!

Румо соскользнул с его спины и сразу же начал мыться. Вода стекала с него тёмными ручьями и окрашивала море у его ног в красный цвет. Последние фернхахинцы выходили из волн друг за другом и вереницей, низко опустив головы, молча проходили мимо Румо.

Румо вышел на берег только когда его шерсть наконец опять стала белой.

Суша

Смайк ползал по песку и стонал от удовольствия. Он ковырял песок и просыпал его сквозь пальчики. "Суша!" — кричал он. "Твёрдая почва. Грунт. Я всё ещё не могу поверить!"

Румо поднял нос вверх и попытался принюхаться. Из носа всё ещё текло, но он чувствовал, что его способности к нему возвращаются. Даже если и очень ограниченно в настоящий момент, но нос работал. Румо закрыл глаза.

Нити запахов были тоньше и прозрачнее, чем обычно, всё было покрыто лёгкой пеленой. Но он чувствовал море и влажный песок, он унюхал поблизости поля. А там высоко, высоко надо всем, это не серебряная ли нить? Да, это она, тонкая, намного тоньше, чем раньше, танцует над остальными нитями. Но Румо чувствует её очень чётко, в этом можно не сомневаться. Он просто временно потерял её из вида.

— Что будешь теперь делать? — прервал Волцотан Смайк его мысли. — Какие у тебя планы? Вернёшься к фернхахинцам?

Румо открыл глаза и посмотрел на карликов, возвращающихся в опустошённые и разрушенные деревни.

— Нет, — сказал он. — Я пойду в ту сторону, — он указал в сторону, откуда летела серебряная нить.

— Хорошо, — сказал Смайк. — Если ты не против, я буду сопровождать тебя часть пути.

Он осмотрел Румо с ног до головы.

— Но сначала мы должны тебя одеть.

Вольпертингер оглядел себя. Утреннее солнце уже начало подсушивать его шерсть.

— Зачем? — спросил он.

Волцотан Смайк ухмыльнулся:

— Скоро мы вернёмся в цивилизацию. А ты, мой мальчик, стал взрослым.

II. Несуществующие крошки

Смайк и Румо шли весь день. Свет, чистое небо, невообразимый вид, природа, облака — они должны были постепенно заново привыкать к этим обычным, само собой разумеющимся вещам. И хотя под ними теперь была твёрдая земля, они, казалось, всё ещё пошатываются, как на Чёртовых скалах в море. Пока они шли по дюнам, Смайк завалил Румо тысячей вопросов. Смайк передвигался как это делают морские коровы — верхняя часть тела высоко вертикально поднята, нижняя часть передвигается вперёд с помощью ритмичных волнообразных движений. К огромному удивлению Румо они быстро продвигались вперёд, хотя Смайку отдых был необходим чаще, чем вольпертингеру.

Вопросы Смайка касались в основном сражений в лабиринте Чёртовых скал: как вели себя циклопы во время битвы? Какими методами и инстинктивными стратегиями пользовался Румо? И он требовал снова и снова рассказать сцену, когда Румо был ослеплён.

К вечеру плоский прибрежный ландшафт перешёл в изредка покрытые лесом холмы. Тут и там постоянно встречались кусты, с которых можно было сорвать пару ягод или орехов. Затем они нашли даже одну яблоню, сплошь покрытую кислыми маленькими яблочками. Румо было совершенно не важно, что он ест. После того, что произошло на Чёртовых скалах, он определённо предпочитал быть голодным, нежели сытым. Можно было подумать, что всю еду, необходимую для его жизни, он уже съел в клетке циклопов-главарей. Одна мысль о принятии сырой пищи будет ему всю жизнь напоминать о зверстве циклопов, а чувство сытости и приходящая с ним тяжесть в желудке вызывали у него недомогание.

Смайк же, когда они прилегли отдохнуть в маленьком лесочке, наоборот предался кулинарным фантазиям. Свежие яблоки разбудили в нём едва сдерживаемое желание поесть приличной пищи, которое он старательно подавлял на Чёртовых скалах. Теперь они были на суше, а суша означала для Смайка культивированные земли, на которых здоровые коровы жуют сочную траву, увеличивая свои жировые отложения и наполняя вымя жирным молоком, из которого можно сделать божественные сливки, из которых, в свою очередь, можно сделать божественные торты...

— и так далее, и так далее. Его фантазия была нескончаемой, пока он наконец сладко не уснул представляя себе одно блюдо, в котором главную роль играли фаршированные мышинные пузырьки.

Румо тоже, впервые за долгое время, уснул глубоко и крепко. Ему снилась серебряная нить, летящая над золотисто-жёлтыми хлебными полями.

Цивилизация

Местность, куда рано утром вышли Румо и Смайк, была покрыта бесчисленными речками и ручейками. Для вольпертингера было невозможно самостоятельно переправиться через ручей, если его глубина была выше колена. И поэтому способность Смайка плавать оказалась более чем полезной, правда теперь им приходилось, по вине того же Смайка, отдыхать на много чаще.

Вода превратила всю местность в рай: везде росли ягодные кусты, ревень, яблони и цветы, привлекающие разнообразных животных. Гудели пчёлы, птицы охотились на насекомых и всё вокруг просто кишело кроликами, куропатками, косулями, утками и голубями. Румо мог бы без проблем убить козулю или кролика, которые совершенно их не боялись, но после событий на Чёртовых скалах это казалось ему преступлением, о чём Смайк постоянно громко сожалел.

После нескольких часов марша ландшафт стал более равнинным и однотонным, реки стали встречаться реже, дороги — чаще и они были натоптаннее. То тут, то там на холме стоял домик с подворьем, хлебные поля и огороженные пастбища сменили леса и дикие лужайки.

— Чувствуешь? — спросил Смайк.

Конечно Румо чувствовал это, он чуял это даже своим поврежденным носом. Уже какое-то время в воздухе висел навязчивый запах: аромат свинины, жареной на буковых поленьях. Румо пытался игнорировать этот запах, поскольку он смешивался с другими, скорее неприятными запахами. С запахом табачного дыма и пота. С запахом конского навоза.

— Там кто-то серьёзно готовит, — сказал Смайк дрожащим голосом.

— Три существа. Там, впереди, за холмом, — и Румо указал в ту сторону, откуда шёл запах. Смайк ускорил шаг.

В ложбине за холмом, на перекрёстке двух дорог стоял тёмный ... дом. Он не был профессионально построен из брёвен, нет, он состоял

из кривых балок, треугольных окон и абсурдной крыши. Теперь и Смайк почуял запах холодной золы, сгоревшего жира и отстоявшегося пива. Такой запах был только у одного определённого вида строений.

— Трактир, — простонал он.

У поилки около дома были привязаны две рабочие лошади, с чёрной шерстью и белыми гривами.

— Там, внутри — кровомясники, — прошептал Смайк. — Минимум двое. Только кровомясники ездят на рабочих лошадях без седла. Так что, если считать трактирщика, их минимум трое.

Румо кивнул:

— Три существа. И все немые.

Смайк немного подумал.

— Послушай, — сказал он. — Я бы хотел попросить тебя кое о чём, что тебе наверняка не понравится.

Румо слушал внимательно.

— Я бы хотел, чтобы ты встал на четыре лапы, когда мы зайдём в этот трактир.

— Почему?

— Это немного связано с боевой тактикой, которую я бы назвал Фактором неожиданности. Ты можешь изучить её в процессе.

— Хм, — Румо вспомнил, как он на четырёх лапах вошёл в пещеру с двенадцатью циклопами. Это оказалось не совсем удачной идеей.

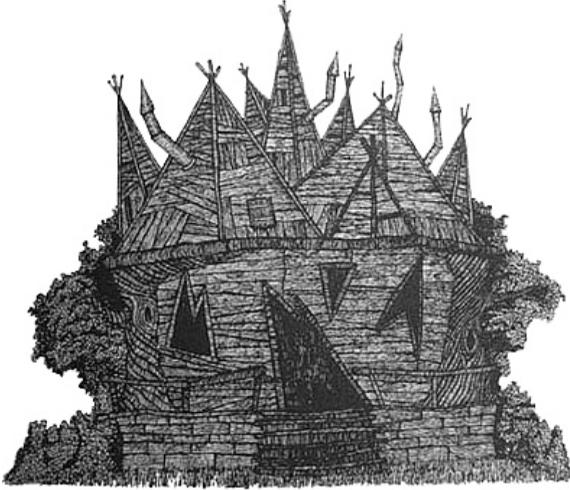
— Послушай! Когда мы будем внутри — молчи. Не говори ни слова, ни одного слова, понятно? Говорить буду я. В какой-то момент я выйду на минутку из комнаты, а ты просто внимательно слушаешь, что будет в это время сказано. Есть только два варианта: или это будет что-то хорошее, или что-то плохое. Если это что-то плохое, то, когда я вернусь, ты подай мне знак — поскребёшь пол правой лапой. Остальное решим уже на месте.

Румо кивнул и встал на четыре лапы.

История одного дома

У каждого дома есть история. Эти истории могут быть увлекательными и не очень, в зависимости от того, кто в этих домах живёт. Если в доме живёт натгифтоффский нотариус, можно, соответственно, вести речь о бедной событиями истории, в которой регулярно пропальвают полисадник и платят налоги. Если в доме живут оборотни, тогда жильцы

дома днями напролёт лежат в закрытых гробах в подвале, а ночами, после того, как гробы откроются, разыгрывают такие спектакли, для которых, собственно, и были придуманы толстые стены. Такими разными могут быть истории домов в Замонии. А это — история трактира “У стеклянного человека”.

Кромек Тума был кровомясником второго класса, это означало, что он, даже среди кровомясников, считался не особо одарённым. Кровомясники когда-то, когда именно, не знает никто, так как не нашлось ни одного учёного, для которого изучение истории кровомясников имело бы ценность, создали не особо сложную двухклассовую систему, которая должны была разделять кровомясников на не очень тупых и очень тупых. Но скоро стало понятно, что слишком тяжело определять разницу между умеренной и абсолютной тупостью и переход из одного класса в другой был очень лёгким. Так что, со временем, все забыли об этой системе. Но что тут нужно сказать, так это то, что если бы к Кромеку Тума применили мерки старой классовой системы, то к системе пришлось бы добавить третий класс.

Кровомясники в Замонии считались среди говорящего населения существами с наименее развитыми социальными инстинктами. Большинство кровомясников работали там, где грубость и бесчувственность не только терпелись, но и даже требовались: охранники в кабаках и мойщики трупов, ярмарочные боксёры и солдаты пехоты, палачи. А кому даже для этой работы не хватало квалификации, те открывали кабаки, как, например, Кромек Тума.

Но так было не всегда, Кромек сделал достаточно солидную для кровомясника карьеру. Он двадцать пять лет служил в личной армии мелкого князя по имени Хуссаин Йенадепор. Службу он начал в возрасте десяти лет. Он побывал с князем Хуссаином во всех бесчисленных приграничных войнах, потеряв при этом один глаз, четыре пальца на ногах и два на руках. Его тело покрывали сто четырнадцать больших шрамов и несчётное количество маленьких. Он оглох на одно ухо, так как слишком часто стрелял из пушки. А также страдал от частых подёргиваний с тех пор, как ему в спину попала отравленная стрела.

Но всё это ни за что бы не привело Кромека к мысли сменить профессию. Нет, это сделали экономическая конъюнктура и судьба. В один прекрасный день князь Хуссаин вышел к своим солдатам и сказал: "Ребята! Я разорён! Мне очень жаль, что я не могу вам рассказать ничего радостного, но казна княжества пуста. Усовершенствование этой безумной огненной катапульты, которая всё равно стреляла назад, стоило бешеных денег, а нападение на Флоринг, к сожалению, не закончилось той победой, которой следовало бы ожидать от гения стратегии, разработавшего эту операцию. Короче, ребята, вы уволены!"

Кромек даже не мог себе представить, что князья могут разоряться. В сто восемьдесят лет он видел себя бодрым руководителем, в двести пятьдесят — военным пенсионером с пожизненной пенсией. А теперь ему только стукнуло сто двадцать и он уже безработный. Вместе с остальными кровомясниками они линчевали князя, затем ходили вокруг пару часов с его головой, насаженной на пику, но это не вернуло им их рабочих мест. Так что они разошлись в разные стороны и по одному или группами бродили по Замонии.

Кромек отправился в путь со старым ветераном по имени Ток Текко. Пару лет они занимались грабежом на дорогах и, таким образом, оплачивали свои долги, но затем однажды в лесу оборотни так ужасно отделали Тока, что Кромеку пришлось похоронить его заживо. Это считалось единственным средством против того, чтобы укушенный сам не превратился в оборотня. Кромек пошёл дальше один, избивал время от времени путешественников, имевших несчастье попасться ему на пути, забирал у них деньги и еду и продвигался всё дальше на юго-запад Замонии. Однажды он подошёл к перекрёстку и задумался, в какую сторону ему идти. И вдруг он услышал голос.

— Кромек Тума, — произнёс голос.

— Хэ? — ответил Кромек Тума.

— Кромек Тума, — повторил голос, — Сррт финц.

— Что?

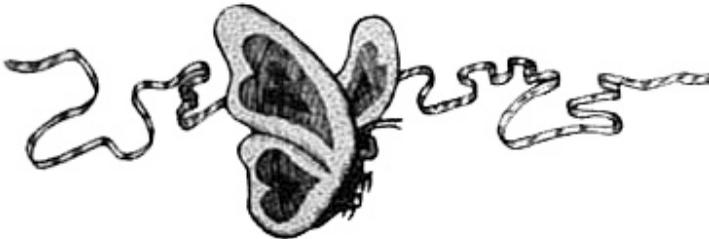
— Снрт финц. Ммфи. Дратбла.

Кромек Тума почесал затылок. Из сказанного он не понял ни слова, кроме своего имени. И это не удивительно. Дело было в том, что в данный момент он сошёл с ума. Конечно он этого не знал, но он страдал душевной болезнью, нередко встречающейся у кровомясников и вызываемой нарушением обмена веществ в мозге. Именно сейчас она у него и началась. Это была легко диагностируемая болезнь с достаточно типичными симптомами: её жертвы слышали обычные голоса и приказы или музыку других планет, иногда они кружились несколько дней по кругу или выли без перерыва. А затем несколько месяцев подряд опять всё было в порядке. То, что происходило в настоящий момент на перекрёстке, так это то, что болезнь пыталась сформулировать свои первые приказы. Следующие три дня Кромек стоял на перекрёстке, выл, кружился по кругу и пытался понять неразборчивое бормотание у себя в голове. Но вдруг голос стал кристально чистым и произнёс: "Я приказываю тебе построить на этом месте таверну."

— Ты кто? — спросил Кромек.

— Я, э-э-э, я — Стекланный человек, — ответил голос.

Этого объяснения хватило Кромеку Тума и он построил таверну. Можно сказать, что его болезнь протекала достаточно спокойно, так как многие её жертвы получали очень причудливые приказы, а некоторые приказы были по-настоящему кровавыми. В случае же Кромека его больной мозг создал мало-мальски сносную основу для собственного дела, поскольку таверны всегда пользовались спросом, особенно в таких отдалённых от цивилизации местах.

Цордас и Цорилла

Кромек Тума пребывал в достаточно стабильном для его болезни душевном состоянии, когда Смайк и Румо подошли к его трактиру. Вольпертингер, как договорились, рыча и на четырёх лапах. Последний припадок у Кромека был три недели назад, поэтому в ближайшие два-три месяца его ожидало спокойствие. В последнее время у него впервые появилось что-то типа постоянных клиентов — двое кровоясников по имени Цордас и Цорилла, нашедших его без сознания после последнего припадка и приведших его в себя. К своему ужасу Кромек установил, что эти бессовестные бандиты воспользовались его беспомощностью и опустошили ночью его запасы. К тому же теперь Цордас и Цорилла приходили к нему каждый день, что б проверить как идут дела. Вскоре они стали постоянными проверяющими таверны "У стеклянного человека", они много пили и ели и всё время играли в карты. Они не платили, а просто записывали долги на свой счёт, который рос с каждым днём.

В отличие от Кромека Цордас и Цорилла были раздражены, но они не показывали этого. Когда они пару недель назад впервые зашли в Стеклянного человека, Кромек стоял за стойкой и выл. Сначала их это развеселило, но когда они стали сами себе наливать вино из бочонка и трактирщик не потребовал оплаты, тогда они поняли насколько тот беспомощен. Они уселись, пили вино, ели жаркое и ждали. Через пару часов Кромек, не переставая выть, начал вертеться вокруг своей оси. Всю ночь они смотрели на него, подзадоривали и зверски напились. Когда они утром проснулись, Кромек, скуля, всё ещё стоял за стойкой. Тогда они начали грабить его кладовую и пошли прятать добычу в свой тайник. Они вернулись в трактир, чтобы забрать остатки добычи, но в это время Кромек пришёл в себя. Они оказались в дурацком положении и начали нести что-то про бандитов, которые, увидев их, разбежались. Кромек поблагодарил их и Цордас с Цорилой стали приходиться в трактир каждый день, ожидая, когда же он опять начнёт выть.

Но духовное состояние Кромека оставалось стабильным. Он замечал каждый напиток и каждый кусок еды, который они выпивали или съедали, и рисовал соответствующие значки на своей доске. Цордас как раз в этот момент обдумывал, что неплохо бы решить эту проблему традиционным путём — ударив Кромека винным кувшином. Таким образом он решал большинство проблем в своей жизни. Но этому мешало то, что трактирщик был крепким парнем, ветераном войны и пребывал, всё ещё, в отличной форме. Поэтому результат был более, чем очевиден.

Клиентура

— Доброго дня вам, господа! — оторвал Цордаса от размышлений о насилии мелодичный бас Смайка. — Надеюсь, мне позволено войти.

Смайк и Румо огляделись вокруг. Таверна хоть и была примитивно обставлена, но соответствовала требованиям торговли спиртными напитками. Тут была и убого сколоченная стойка, и несколько кривых столов со стульями, сделанными, очевидно, из пней, и два початых бочонка — один с вином, другой — с пивом. Обгоревшая свинья жарилась над огнём в камине. Смайк часто мечтал о таком сидя в своём водоёме на Чёртовых скалах.

Кровомясники испуганно устали на дверь. Цорилла инстинктивно схватил под столом свой моргенштерн, а Кромек уронил от страха стакан. Появление в этой глуши гостя было уже огромной редкостью, но такая необычная парочка ещё ни разу не переступала порога Стекланного человека. Цордас и Цорилла ещё ни разу не видели вольпертингеров, не говоря уже о червякуле. В отличие от них Кромек уже встречал червякулов — один из них был долгое время военным министром у Хуссаина Йенадепора. Этот, тут, был очень похож на военного министра, но вероятно все эти чудовища были одинаковы. Румо же он принял за обычного дикого пса.

Смайк подполз к прилавку, в то время как Румо остался стоять у двери.

— Я надеюсь Вы позволите мне пару минут погреться у огня, — сказал Смайк.

Кромек неохотно хрюкнул:

— Пить будете?

— Э, нет, к сожалению нет. Мой пёс и я придерживаемся в настоящее время строгой диеты. Из-за, э, проблем со здоровьем, — взгляд Смайк приклеился к бочонку с вином.

Рот у него наполнился слюной, как только воспоминания, собранные ранее его вкусовыми рецепторами при питье сброженного виноградного сока, добрались из его мозга до слюнных желез: "Тралсундерский Жабий колодец" — отборное вино из вяленых ягод. Лёгкий привкус корицы в "Девичьих ягодах" из Орнишии. Охлаждённое в подвале белое вино в летнюю жару. Танин, деликатный тон горечи, тонкий привкус дубового дерева. Карминно-красный мидгардский "Трольберг" — словно бархатным шлейфом обволакивает язык мускатным ароматом. Три года уже не пил Смайк вина, не курил фогарр, не ел жареного мяса.

— Только не долго, — пробурчал Кромек Тума, выдернув Смайка из транса, — Это таверна, а не зал ожидания!

Смайк подполз к огню и начал втягивать в себя запах жареной свинины. Под слегка обуглившейся свиной кожей вздувались и опадали толстые пузыри, время от времени они с тихим свистом лопались и тяжёлые капли жира и сока сползали вниз и шлёпались в огонь, где они шипя превращались в пар. И как только такое возбуждающее аппетит облачко достигало носа Смайка, все его четыре желудка начинали неистовствовать, как болото в середине лета. Газы брожения пробирались по его кишечникам, внутри Смайка стоял писк, как в мышинном гнезде, и, пребывая в абсолютном кулинарном возбуждении, он чрезвычайно громко пукнул.

Кромек Тума боялся, что сейчас этот необычный гость, как изголодавшийся волк, набросится на его жаркое. Он убедился, что его арбалет находится на своём месте под стойкой. Если эта жирная гусеница сделает одно неверное движение, то он пригвоздит её двумя дротиками к стене.

Румо в это время стоял выжидаяще у двери. Всеми своими органами чувств он ощущал растущее напряжение, он чуял текущий от страха пот, бешено бьющиеся сердца. Всё, так казалось Румо, пахло фальшиво — и это не имело ничего общего с его обожжённым носом. Даже в голосе Волцотана Смайка слышалась лживость, хотя он очень старался звучать весело. С огромным усилием перенёс Смайк своё внимание с жаркого на кровоясников:

— Можно поинтересоваться, что это за карточная игра?

— Румо, — сказал Цордас.

Румо прислушался. Смайк засмеялся:

— О! Румо — это моя любимая игра!

Румо очень хотел что-то сказать, но он должен был придерживаться договорённости. Так что он тихо зарычал.

— Ты бы привязал свою псину, — недружелюбно посоветовал Цоррилла.

— Он ничего не сделает.

— Прикольно, так говорит каждый, у кого есть собака, — сказал Цоррилла, а Цордас зло рассмеялся.

— Послушайте, — сказал Смайк торжественно, — я не хочу вас обманывать. Как бы я мог это сделать, у меня ведь нет одежды, нет багажа. Отсюда ясно видно, что у меня нет и денег.

Оба кровоясника разочаровано хрюкнули.

— Но всё-таки я бы с удовольствием немного с вами поиграл. У меня есть предложение: видите этого великолепного вольпертингера

там? Он принадлежит к диким экземплярам, и вы, наверняка, знаете как ценятся они в качестве охранников, особенно у крестьян в этой местности. Известно, что за вольпертингеров уже выплачивалось по тысяче пир.

Кровомясники скорчили недоверчивые рожи. Они не имели никакого понятия о продаже вольпертингеров. Но слышать об этом они уже слышали. Теперь они заметили и рожки на его голове.

— Это — вольпертингер?

— Тысяча пир. За одного обычного вольпертингера. Но этот — особенный. Вы наверняка знаете, что эти звери очень своенравные, точнее говоря, неприручаемые. Этот же подчинится приказам. Внимание! — Смайк пристально посмотрел на Румо, — Сидеть! Давай, сидеть!

Румо продолжал стоять и опустил обиженно уши. Кровомясники засмеялись.

— Сидеть! — закричал Смайк гремящим голосом и пронзительно посмотрел на Румо.

Румо неохотно подчинился требованию взгляда Смайка и сел, рыча, на задние лапы.

— Видите! Надрессированный экземпляр. Исключительно редкий! — триумфировал Смайк. — Создание без собственной воли. Послушный инструмент в руках своего хозяина. Но осторожно! Некоторые лживые хозяева используют вольпертингеров в качестве опасного живого оружия! Вы должны мне обещать, что вы будете использовать его только в мирных целях.

Кровомясники заинтересованно перегнулись через стол.

— А как мне поможет то, что псина слушается тебя? — спросил Цордас, — Если я его выиграю, это же не значит, что он будет мне подчиняться.

Для кровомясника такое возражение было исключительно разумным.

— Он, э-э-э, принадлежит тому, кому я передам силу власти над ним, — сказал Смайк и замахал одной из своих ручек в сторону Цордаса, — Вот. Теперь ты обладаешь властью. Прикажи ему что-нибудь.

— Я?

— Да. Смелее! Что-нибудь!

Цордас раздумывал. Затем он ухмыльнулся и повернулся к Румо.

— Давай! Вываляйся в грязи!

Румо не поверил своим ушам. Он нагнул голову набок и закрыл глаза.

— Ну и что? Он слушается каждого? Да он даже не понимает, что я ему говорю!

Цордас и Цорилла захохотали. Смайк посмотрел на Румо. Его взгляд на этот раз не требовал, а умолял. Румо понял, что преодоление собственного "я" тоже принадлежит к изучению этой новой техники сражения. И даже хуже — готовность унизиться. Румо это показалось тяжелее, чем битва с десятью циклопами.

— Прикажи ему ещё раз! — сказал Смайк. — Он тебя понимает, просто он немного медленно соображает.

— Давай! Вываляйся в грязи, тупая псина! — заорал кровомясник.

Румо лёг на бок и начал кататься туда-сюда по пыльному полу таверны. Щепки и комки пыли прилипли к его шерсти.

— Хорошо, — сказал Цорилла.

Смайк сел за их стол.

— Господа же позволяют...!

Цордас бросил Смайку карты:

— Ты раздаёшь. За псину ты получаешь сто пир кредита. Если ты их проиграешь, то он принадлежит нам. Минимальная ставка — десять пир.

— Эти условия меня устраивают, — сказал Смайк и начал тасовать карты.

Несколько Румо, моргенштерн и двойной гралзундерский арбалет

— Как румо? Опять румо? — заревел Цорилла и швырнул карты на стол. — Этот мешок жира не так глуп, как кажется! Шесть румо подряд!

Не прошло и часа, как Смайк стал самым состоятельным клиентом в Стеклянном человеке. Он шесть раз поставил на румо и выиграл. Цордас и Цорилла остались без денег и уже две игры играли за счёт кредита Кромека Тумы.

Смайк решил, что сейчас самый подходящий момент провести запланированную проверку. Он поднялся и спросил Кромека:

— А где, э-э-э, можно тут, это...?

— На улице! — засмеялся Кромек. — Выбирай любое дерево.

Волцотан Смайк пополз к выходу, бросая при этом Румо заговорщицкий взгляд. Вольпертингер продолжал делать то, чем он всё время занимался — он лежал на сальном полу таверны и притворялся спящим.

— Что будем делать? — спросил Цорилла. — Он разбил нас в пух и прах!

— Мы можем треснуть его кувшином, — предложил Цордас, — ну, как обычно.

Цорилла согласился:

— Хорошо. Мы играем. Затем ты встаёшь, берёшь себе вино. Когда ты возвращаешься к столу, то проходишь позади него и бьёшь его кувшином по голове.

— Это же гусеница. Неизвестно же где у него начинается голова, а где заканчивается!

— Ну так это же была твоя идея! Ты должен просто очень сильно врезать. А если он будет продолжать дёргаться, то я ударю его своим моргенштерном.

— Но кувшин я запишу на ваш счёт, — пробурчал Кромек из-за стойки. Он всё хорошо слышал.

— Мы загоним этого вольпертингера или как он там называется, а деньги поделим на троих, — сказал Цордас, а сам подумал: "А следующим кувшином мы врежем по твоей тылке, воющий идиот, и сожжём твой идиотский балаган".

— Мы утащим этого жердя в лес. Дальше с ним разберутся оборотни, — на последнем предложении Цорилла понизил голос, так как Смайк громко полз к двери по скрипучей веранде.

Румо притворился, что ему снится беспокойный сон — он начал вертеться, тихо скулить и царапать правой лапой пол.

Когда Смайк проползал позади Цордаса, он совершил то, на что Румо не считал его способным: он молниеносно ударил своей головой в спину кровомясника и тот без сознания шлёпнулся на стол. Его голова ударилась о стаканчик с кубиками и тот подлетел в воздух. Цорилла мгновенно среагировал. Он вскочил и вытащил свой моргенштерн, который он до сих пор прятал под столом. Кромек спрятался за стойкой. Стаканчик и кубики упали на пол и на них выпало четыре, два и шесть.

Румо, встав на задние лапы и приказав Цорилле: "Брось это!", привёл всех ещё в большее замешательство.

Цорилла был ошарашен. От удивления он так раскрыл рот, что Румо были видны обломки его зубов на нижней челюсти, но оружия он не отпустил. Он поднял его двумя руками вверх и начал медленно раскручивать. Железная звезда с угрожающим свистом летала по кругу, пока Цорилла отходил назад от стола. И он даже не заметил, что Румо исчез со своего места, а тот уже проскользнул под столом и между его ног, выпрямился у него за спиной, ухватил Цориллу за запястье и немного потянул его руку вниз. Цепь моргенштерна начала наматываться на шею кровомясника, звезда три раза пролетела вокруг Цориллы, приближаясь всё ближе и ближе, и в конце концов ударила его по голове. Оглушённый собственным оружием, кровомясник, подняв облако пыли, рухнул на пол.

Трактирщик вылез из-за стойки держа в руках двойной арбалет. Он направил его на Румо и крикнул:

— Вон отсюда! Оба! Быстро!

— Ты забыл его натянуть, — сказал Смайк.

Кромек насторожился и начал ощупывать на арбалете фиксирующую пружину.

Для Румо это было открытием — механическое оружие. Смайк много ему об этом рассказывал, о всевозможных существующих видах, о принципах их действия, о скорости выстрела. Тут он увидел гралсундерский двойной арбалет с двумя тетивами, сделанный из берёзовой древесины и оленьих сухожилий, с кованой рукояткой и спусковым механизмом, который имели право конструировать только официально аттестованные механики. Стрелы были сделаны из спрессованного тростникового волокна, скрученного как трос, и снабжены бронзовыми наконечниками с засечками, дающими им во время полёта необходимое вращение, так что они врезались в каменные стены, как сверло.

Щёлк! И Кромек снова направил арбалет на Румо.

— Давайте! Проваливайте отсюда! — закричал кровомясник.

— Что скажешь по поводу маленького пари, Кромек Тума? — спросил Смайк.

— Что? Откуда ты знаешь моё имя? — кровомясник от страха на мгновение опустил арбалет.

— Солдат пехоты Кромек Тума, вес сто шестьдесят килограмм, рост два метра двадцать семь сантиметров, сорок семь наград за храбрость перед врагом, канонир, глухой на одно ухо, — перечислял Смайк, — я трижды увеличивал тебе жалование — ты уже забыл?

Кромек был сконфужен. Это был на самом деле министр?

— Когда мы расположились около Флоринта, — продолжил Смайк и в его голосе послышались решительные нотки, — то князь Хуссаин хотел послать четвёртую дивизию, к которой принадлежал и солдат Кромек Тума, на захват города, хотя все знали, что флоринтинцы приготовили кипящую смолу — её запах доходил до нашего лагеря. Помнишь как я тогда уговорил князя прекратить осаду?

Смайк приберёт этот призыв к чувствам Кромека до настоящего момента. Он узнал кровомясника сразу же, тот слегка постарел и пополнел, но это тупое выражение лица всё ещё у него оставалось. Прирождённый воин, хранящий свою преданность до смерти. Смайк иронически улыбнулся и распротёр две ручки, будто он хотел обнять Кромека.

— Ты же всё ещё помнишь своего старого военного министра?

Да, Кромек помнил его. Тогда он посчитал его трусливой мямлей и лучше бы пошёл за своего князя под смоляной дождь. Он лучше бы умер, чем спасовал перед этими ублюдками. Отступление у Флоринта было самым большим позором в его жизни. Он плюнул на пол перед Смайком.

— Ты — трусливая собака! Мы бы играючи победили эти задницы!

Кажется маленький экскурс в прошлое не произвёл того эффекта, на который Смайк рассчитывал.

— Хорошо, оставим прошлое в покое. Нам нужно немного еды и воды, одежда и, скажем, сто пир для нашего дальнейшего путешествия. Держу пари, что ты не сможешь застрелить вольпертингера из арбалета.

Кромек задумался.

— А что ты предлагаешь взамен?

— Твою жизнь.

— Нет, я имею ввиду, что получу я, если я выиграю?

— А ты не можешь выиграть.

— Вы, тупые идиоты! Проваливайте отсюда! — в кровомясника вселилась неуверенность.

— Давай! Кромек Тума! Стреляй уже! — жёстко приказал Смайк.

Румо рассердился. Неужели Смайк хотел провести ещё одну проверку? Румо ещё никогда не видел, как действует механическое оружие. Самое быстрое, на что он должен был реагировать, был кулак циклопа.

Кромек механически подчинился. Двойным щелчком открылась фиксирующая пружина, оленьи сухожилия со скрежетом освободились и вытолкнули одновременно обе стрелы вперёд. Стрекочущий звук повис в воздухе. Будто направляемые двумя невидимыми нитями, летели в вольпертингера стрелы, а он видел как пылинки позади стрел закручивались в вихри.

Стрёкот стал растягиваться в ушах у Румо, зазвучал ниже и медленнее, пока не превратился в глухой, рокочущий бас. Румо уже знал, что это — момент большой опасности, в который близким к волшебству образом его движения и мысли ускоряются. Такое он пережил первый раз на каменном плато на Чёртовых скалах, когда он оторвал циклопу голову. У него неожиданно появилось достаточно времени, чтобы обдумать, как реагировать на стрелы. Было три варианта: просто наклонить голову в сторону — это было бы скучнее всего, он мог бы присесть и проскользнуть под стрелами — это было бы по-спортивному, или он мог бы полностью наклонить в сторону верхнюю часть тела, уперев кулаки в бедра — это бы выглядело безрассудно смело. Румо никак не мог определиться.

А пока он обдумывал, на пути одной из стрел появился комар. Гудя, пролетел он перед левой стрелой, и, хотя он не был напрямую ею задет, его затянуло в вихрь воздуха, что, с сочувствием понял Румо, оказалось намного хуже. Комар потерял оба крылышка и, тяжело раненый, упал на пол, вместо того, чтобы быть милосердно и быстро убитым.

Стрелы были в нескольких сантиметрах от Румо, и он уже различал на наконечниках клеймо товарищества по выплавке наконечников для стрел. В этот момент он услышал позади себя кровомясника. Это был Цордас, пришедший в себя и вынимающий кинжал из ножен, закреплённых у него на ноге под одеждой. Цордас старался делать это бесшумно — голова его всё ещё тихо лежала на столе, а он очень медленно вытягивал кинжал. В ушах же Румо это звучало, будто кто-то точил о точильный камень топор.

По этой причине Румо выбрал четвёртый вариант увёртывания. Он упёрся одним кулаком в бедро и слегка наклонил торс в сторону, чтобы уклониться от стрел. Одновременно с этим он поднял другую руку и слегка коснулся оперения одной из стрел. Этого хватило, чтобы заметно изменить траекторию её полёта. Другую стрелу Румо хотел ухватить сам. Он

взялся за неё и мгновенно понял, что это было не особо хорошей идеей — с таким же успехом он мог бы положить свою руку на раскалённую печь. При торможении стрелы в его ладони возникло сильнейшее трение и мельчайшие волокна тростника вырвали кусочки его кожи. Но Румо не отпустил стрелу, он сжал её сильнее и остановил её верчение. Другая стрела летела дальше, пробуравив стол, на котором лежала голова Цордоса и пригвоздила руку, вытаскивающую кинжал, к ноге. Кровомясник был так шокирован, что не издал ни звука, и снова потерял сознание. А Румо стоял там же, крепко сжав стрелу зубами, а из его ладони текли тонкие нити крови.

Смайк тихо и похвально присвистнул. Кромек Тума снова завыл.

Румо и Смайк вышли из таверны на улицу. Смайк отбросил в сторону обглоданную свиную кость и глубоко затянул сигару. Фогаррен там не было, но он нашёл коробку с дешёвыми сигарами из Южной Замонии. После длительного воздержания он был рад и им. Его веки отяжелели от вина, но вообще Смайк чувствовал себя так легко, как не чувствовал уже много лет. После того как он одним залпом выпил бутылку красного вина из запасов Кромека Тумы, он почувствовал себя снова свободным, освобождённым от воспоминаний и страхов, засевших в нём на Чёртовых скалах. Только теперь он по-настоящему вернулся в цивилизацию.

— Я быстрее чем другие, — сказал Румо. Он всё ещё был ошеломлён своими способностями.

— Намного быстрее, — сказал Смайк и выдул колечко дыма. — Ты — вольпертингер.

Он одёрнул свою новую одежду — кожаные штаны Цориллы, спускавшиеся ниже колен, и жилетку из меха троллей, которую он забрал у Кромека Тумы. Всё это воняло кровомясниками.

— Это обязательно? — спросил он Смайка.

Смайк взвесил одной из ручек мешок с деньгами. Он потряс его и восторженно послушал звон монет.

— Да, — сказал он, — это обязательно.

— Кое-что показалось мне забавным, — сказал Румо, когда они направились на восток от Стеклянного человека.

— Что же?

— Карточная игра называется моим именем.

— Да, — ухмыльнулся Смайк, — это забавно.

Эйдем

На ночёвку они остановились в маленьком лесу, показавшемся им безопасным — Румо не заметил никаких подозрительных сигналов. Они разожгли костёр, точнее Румо под руководством Смайка собрал сухую траву, ветки и кору и бил камнем о камень до тех пор, пока не высек искру, которая подожгла траву.

— Вот ты опять выучил что-то новое, — сказал Смайк. Он развалился на мягкой куче кленовых листьев и потягивал из мешка красное вино из Стеклянного человека. Румо понюхал его и с благодарностью отказался, так что всё досталось Смайку. — У тебя ловкие руки. Разжигать огонь — это занятие не для людей моего возраста. В больших городах на каждом углу горит огонь, поддерживаемый искряными карликами. Платишь символическую сумму и можешь взять с собой горящий факел. Так и должно быть.

Эльфийские осы, звеня, кружились вокруг пламени, хрустящие жуки гудели около головы Смайка и угрожали ему своими крошечными клещами. Весна рассыпала везде армии насекомых. Пыльные моли прези-рая смерть бросались в тлеющие угли и сторали в виде цветных миниатюрных взрывов. Смайк брезгливо скривил лицо.

— Это именно то, что мне больше всего мешает в природе — она принадлежит насекомым. И нужно её им отдать. Насекомым — природу, остальным живым существам — города. Мы держимся подальше от природы, а насекомые не лезут в города — это было бы правильным решением. Что потеряли пауки в спальне? То же, что и мы в этом болотном лесу!

Румо был занят тем, что, согласно указаниям Смайка, дул в огонь. Он был очарован — как же быстро из-за этого разгоралось пламя.

— Если мы встречаем насекомых в цивилизованном мире — мы убиваем их, — причитал Смайк дальше. — Насекомые поступают с нами так же, только они пользуются изощрёнными способами. В этой местности обитают Мумифицирующие клещи, чей укус не умерщвляет жертву, а делает её неумирающей — можешь себе такое представить? Они не больше песчинки. Они годами висят на деревьях, а потом, когда ты по ошибке сядешь под такое дерево, они падают тебе на голову. Они пролазят внутрь, до мозга и откладывают в него яйца. Ты этого не чувствуешь, но когда личинки вылупятся из яиц, тогда твоя голова покроется изнутри плесенью и ты превратишься в ходячий труп, питающийся молью.

Румо посмотрел вверх на листья и взборошил руками шерсть.

Взгляд Смайка преобразился, когда он снова взглянул на огонь. Он думал об огнях большого города. О каменных домах, высоких, как горы. Об улицах, заполненных живыми существами. О кабаках. О! Он знает там один кабачок, в Гралсунде, который... Одна из веток взорвалась в огне и вернула Смайка в реальность.

— Было бы здорово, если бы у нас был маленький поросёночек, которого мы могли бы зажарить над костром, — вздохнул Смайк. — Я знаю великолепный рецепт для свинины, в котором тмин играет важную драматическую роль. Знаешь ли, что тмин исключительным образом подходит к харцерскому сыру?

Румо желал, чтобы Смайк хоть на одну минуту прекратил свой монолог. Он кое-что учуял и хотел прислушаться, но глупая болтовня червякула его отвлекала. Результаты, которые ему сообщали слух и обоняние, были противоречивы и путаны. Румо чуял только одно существо, спрятавшееся в кустах на расстоянии около двадцати метров. Он слышал стук одного сердца: спокойный, равномерный, медленный, из чего он заключил, что, как минимум, не следует ожидать нападения. Или там находилось существо, обладающее такой самоуверенностью, что даже возможность предстоящей битвы не ускорила его сердцебиения. Но он слышал работу ещё четырёх органов — непрерывный скрип, хруст и скрежет. Румо ещё ни разу не встречал существо, внутренности которого издавали бы такие звуки.

— Завтра мы идём на охоту, — решил Смайк. — Ты должен наконец преодолеть своё отвращение, так как это против твоей природы. Я научу тебя охотиться. Может быть мы даже найдём свинью, местность тут достаточно топкая для...

— Там кто-то есть, — прошептал Румо. — В кустах. Одно или несколько существ. Я слышу непонятные звуки.

— Непонятные звуки? — Смайк тоже понизил голос. — Что за звуки?

— Треск. Это может быть каким-нибудь органом. Но я никогда ещё такого не слышал. И их там четыре.

— У таракрыс, кажется, четыре печени, — прошептал Смайк, — но они передвигаются только в стаях.

Смайк был зол, оттого, что в его общем образовании имелись пробелы и он был совершенно неуверен в верности этих обоих утверждений.

В кустах загорелись два огонька. Они были абсолютно круглыми, желтоватыми и не особо яркими, но их появление было таким неожиданным, что Румо вскочил и приготовился к нападению, а Смайк схватил тон-

кий прутик. Но тут огоньки зашевелились, кусты раздвинулись и огоньки направились к Румо и Смайку. Из леса появилась ужасающе худое тело с большой, невероятно непропорциональной головой на плечах. Огоньки оказались глазами, большими, круглыми, светящимися, а движения странного существа были такими неуклюжими и неловкими, что готовность Румо к бою инстинктивно утасла.

— Надеюсь, я не испугал господ, — произнёс ночной гость высоким, почти надменным голосом, — Но я увидел огонь, и поскольку я странствую по региону, ставшим, из-за своей недостаточной изученности, непривлекательным для туристов, то во мне проснулось любопытство и я позволил себе подойти поближе. В связи с научно доказанной высокой плотностью проживания Лаубвольфов и Лунных теней в этом регионе, я лично не отважился бы разжигать огонь в этой местности. Но небольшое, постоянно готовое к обороне общество может себе позволить маленький костерок, не правда ли?

"Эйдет", — подумал Смайк.

— Да, верно, я — эйдет. А значит — безобидный, господа! Опасен только на духовном уровне — и даже не пытайтесь тягаться со мной в вопросах интеллектуального развития, ха-ха! Позвольте представиться: моё имя — Колибрил. Доктор Оцтафан Колибрил.

Смайк был поражён бесстрашием, с которым этот хилый гном подошёл к нему и Румо. Очевидно он мог читать мысли и он был чем-то похож на того профессора из Форты Уна, которому Смайк обязан своими познаниями в области циклопных языков. У него были такие же светящиеся глаза, такое же хрупкое тельце, такая же огромная голова. Но что-то в нём было другим.

— Подходите спокойно ближе, — сказал Смайк, — Для нас было бы радостью предоставить место у нашего костра дружелюбно настроенному путнику.

Это было традиционной фразой, которую, согласно постановлению Антлантического союза путешественников, следует произносить в подобной ситуации. Это предложение, выдуманное наттиффофскими политиками, предающимися в своё свободное время многочисленным путешествиям, обозначало гостеприимность и вежливость, но содержало также подсознательную угрозу. Оно чётко давало понять, что в случае возможного злоупотребления гостеприимством будет оказано активное сопротивление. Ни какой закон не предписывал обязательного использования этой глупой фразы, но она была признана всеми и изучалась во многих школах. Правильный ответ на неё звучал так: "Я благодарен

за предоставленное гостеприимство и клянусь не преступать границ дозволенного."

— Я благодарен за предоставленное гостеприимство и клянусь не преступать границ дозволенного, ответил торжественно Оцтафан Колибрил и добавил, — Кроме этого хотелось бы упомянуть, что в моём владении находятся нескольких эббигских колбасок из вяленого мяса, которыми, по правилам гостеприимства, я бы с готовностью поделился с господами-хозяевами костра — это ли не подобающе?

Определённая странность речи, вызываемая, по мнению некоторых учёных, болезнью, возникающей из-за бесконечного словарного запаса во множественных мозгах, считалась фирменным знаком эйдетов. Колибрил поднял вверх тряпичный мешок и вынул из него длинную тонкую колбаску.

— Подобающе, подобающе! — воскликнул восхищённо Смайк и топорливо замахал ночному гостю, приглашая его к костру.

Румо прекратил принимать оборонительную позу, но продолжал с недоверием наблюдать за Колибрилом.

После того, как маленькое общество, сидя вокруг потрескивающего, костра молча расправилось с подарком гостя (при этом Смайк получил большую часть, эйдет съел всего чуть-чуть, а Румо совсем отказался), Смайк попытался завязать непринуждённую беседу:

— Позвольте узнать куда вы направляетесь? — спросил он.

— Я направляюсь в Туманный город.

Смайк озадаченно уставился на эйдета.

— Это расположено за Флоринтом, на западном замонийском...

— Я знаю, — прервал его Смайк, — я просто удивлён. Вы добровольно направляетесь в Туманный город?

Колибрил улыбнулся:

— Я знаю всем известное изречение о Туманном городе: Направляюсь в Туманный град...

— ...не неси туман назад! — закончил Смайк и оба вежливо рассмеялись, в то время как Румо, не понимая ни слова, смотрел на костёр.

— Мне известны только слухи, — сказал Смайк. — Город, с древних времён покрытый туманом. Истории о пропавших людях. Ну и тому подобное.

— Уровень моей осведомлённости не превышает ваш. Я направляюсь туда для проведения нескольких научных исследований. Возможно мне удастся с помощью доказуемых фактов развенчать пару диких слухов и историй.

- Что за истории?
- Вам это на самом деле интересно?
- Истории мне всегда интересны.
- Известна ли вам легенда о Подземном мире?
- Подземном мире? — спросил Смайк.

Румо тоже прислушался.

— Да. Мир под Миром. Царство зла и так далее, — Колибрил помахал в воздухе своими тонкими пальцами.

— Не совсем, — сказал Смайк. — Парочка слухов доходила до моих ушей. Суеверия. Солдатские байки.

— Тогда позвольте? — спросил Колибрил.

— Я прошу вас! — ответил Смайк.

Туманный город

Доктор подбросил в костёр сухое полено.

— Уже много сотен лет в Замонии происходят вещи, для которых не существует удовлетворительного объяснения. И всегда, когда такое случается, народ начинает распространять слухи о Подземном мире. Откуда появились кроваво-красные листья? Из подземного мира! Куда пропали жители Снежного города? В подземный мир! Куда сбегал генерал Тиктак со своими медными парнями? В подземный мир!

Румо навострил уши — карлик знал генерала Тиктака?

— И из-за чего это происходит? — спросил Смайк. — Существует ли на самом деле взаимосвязь?

— Вот в этом всё и дело! Народ был всегда склонен к разделению всего на две категории: верх и низ. Светлое и тёмное. Хорошее и плохое. Наука же, наоборот, старается определить и изучить области между этими категориями. Говорят, что в подземном мире собираются те, кого Замония сталкивает со своей поверхностью. Что там, так сказать, собираются отбросы, для того, чтобы в один прекрасный день подняться наверх и захватить власть над континентом. Существует теория о пещерном мире, говорящая о гигантской системе пещер, которые, якобы, расположены под Замонией. Мир тьмы, полный демонических и опасных существ. Существует множество легенд, рассказывающих об этом. И одна из них касается Туманного города.

— Ух! — выдохнул Смайк.

— Да уж, ух! — рассмеялся доктор. — Неискоренимые рассказы! Но ведь множество людей исчезают в окрестностях Туманного города. И это необычное поведение его жителей. И, не в последнюю очередь, абсолютно научно необъяснимое поведение тумана над городом — он никогда не исчезает.

— Вы пробуждаете во мне любопытство, — сказал Смайк.

— Остановимся просто на фактах, — сказал Колибрил. — На западном побережье Замонии, не далеко от Флоринта расположен Туманный город, обязанный своим названием тому факту, что он покрыт туманным колпаком. Наиболее наивные полагают, что этот туман — живое существо. И вы удивитесь, узнав сколько ещё более абсурдных легенд существует об этой местности. Но как обычно, во всех этих легендах есть крупица правды, и если эта крупица прячется в Туманном городе, то я её найду, законсервирую, разрежу, измерю и сформулирую в конце мои научные заключения. Я специализируюсь на изучении мельчайших форм.

— А какие методики вы используете? — спросил Смайк. — Имеется ли у вас какая-нибудь научная... тактика?

— Сперва я хочу добраться до Туманного города. Я уже выслал туда моё оборудование и арендовал маяк. Жители Туманного города гораздо услужливее, чем о них думают. Мне достаточно было написать всего лишь пару писем. Вот практически и противоречие в легендах. В конце концов существуют люди, регулярно проводящие там свой отпуск. Так что не может быть всё так плохо.

— Вы — смелый! — похвалил его Смайк.

— Ну, что вы! Если бы никто не принёс в темноту свет, то мы до сих пор жили бы в пещерах и верили бы, что облака — это летающие горы.

— И чем вы займётесь, когда доберётесь до Туманного города?

— Конечно, я буду изучать туман. Я проведу ауокардиографическую съёмку.

— Ауо... что?

— Пожалуйста, не требуйте объяснений. Я же не хочу испортить наш вечер. Только вкратце: я хочу заглянуть в микроскопическое сердце тумана. Так как все секреты исчезают в мелочах.

— Ага, — сказал Смайк.

Соловейчик

— Поверьте мне, даже я сам моими четырьмя мозгами едва понимаю, как работает аурокардиограф. Для этого нужны семь мозгов, как у его изобретателя — профессора Соловейчика.

— Вы знакомы с Соловейчиком?

— Он мой научный руководитель. Я у него учился, когда он ещё преподавал в Гралсунде. А вы тоже с ним знакомы?

— Знаком — это преувеличение. Я с ним однажды встречался.

— Замония огромна, но Соловейчик — везде! — засмеялся эйдет. — Я могу пойти куда мне захочется, а Соловейчик уже там был. Он как дух — везде и нигде. А где вы его встретили?

— В Форте Уна.

— В городе счастья! — Колибрил рассмеялся. — Старый ловелас!

— Он был там в научных целях, если я его правильно понял. А вы в курсе, где он сейчас находится?

— Никто не знает точно. Соловейчик склонен скрывать информацию о своём передвижении. Тут он или там? Пробирается он сейчас сквозь горы или путешествует в H₂O-стужающих сапогах по воде? Я слышал, что он планировал основать элитную академию в Тёмных горах. Другие говорят, что он изобрёл машину способную замораживать торнадо. Ещё кто-то утверждает, что он сошёл с ума и спрыгнул с горы Блоксберг. А самый последний слух, который до меня дошёл, говорит о том, что Соловейчик путешествует с каким-то ярмарочным аттракционом. Но что я могу сказать — никто не знает ничего конкретного. Может быть он опять сидит в темноте и вынашивает новые планы по Научному исследованию тьмы.

— Занимаетесь ли вы тоже Научным исследованием тьмы? — спросил Смайк.

— Нет, точнее, уже нет. В молодые годы я ассистировал профессору Соловейчику и кое-что изучил по этой тематике. Но мне пришлось с ним расстаться, стать самостоятельным, поскольку я не хотел провести всю свою жизнь в Тёмных горах. А если хочешь расстаться со своим идеалом, то лучше всего будет, если ты пойдёшь в противоположную от него сторону. Видите, чем в большинстве своём отличаются мои научные методики от методик Соловейчика, — перспективой. Взгляд Соловейчика направлен на огромное — на космос. Мой же, наоборот, направлен на совершенно малое — на микрокосмос.

Знания — тьма

— Завидую я вам, эйдетам, из-за ваших мозгов, — ухмыльнулся Смайк. — Я почти уже всё забыл, что учил в школе. Мне пришлось двадцать лет протирать штаны на школьной скамье, чтобы восстановить всё забытое мною.

— Не хотели бы вы полнить ваш мозг новыми знаниями? — спросил Колибрил странным, подозрительным голосом.

— Хочу ли я этого? — сказал Смайк. — Если бы это было так легко!

— Это на самом деле легко! По крайней мере, если речь идёт об этих примитивных базовых знаниях, которые вы так оплакиваете. Замо-нийская древняя математика. История. Существоведение. Все эти вещи, не об этом ли идёт речь? Это легко передать. Это происходит так быстро.

Колибрил щёлкнул пальцами.

Смайк вспомнил поток мыслей, накрывший его тогда в Форте Уна, когда профессор Соловейчик положил ему руку на плечо.

— Что-то подобное, — сказал Колибрил, будто-бы чтение мыслей Смайка было само собой разумеющимся. — Но это было случайная передача мыслей, это, собственно говоря, не имеет ценности.

— Но мне это уже однажды помогло, — засмеялся Смайк, подумав о циклопных языках.

— Нет, — сказал Колибрил, — я говорю о том, чтобы за несколько секунд освежить ваши школьные знания и добавить к ним кое-что новое.

— Вы шутите!

— Эйдеты никогда не шутят, если речь идёт о передаче знаний.

— Не могли бы вы немного разъяснить?

— Видите ли, я обладаю несколькими мозгами. Четырьмя, если быть точнее. Это делает меня эйдетом четвёртой категории. Эйдеты четвёртой и выше категорий обладают способностью бактериальной передачи знаний.

— На самом деле?

— Но только, если вы этого желаете. Не каждый хочет этого. И я должен вас сначала предупредить. Даже если это занимает очень короткое время, не причиняет боли и не приносит вреда здоровью, это может вызвать колоссальные последствия. Это расширит ваше сознание. Изменит вашу жизнь. И нет гарантии, что эти изменения будут положительными. Знания могут быть опасны. Знания — тьма! — и Колибрил захихикал.

— Я бы рискнул, — ответил Смайк.

— Видите ли, знания, которые я могу вам передать, — ограничены. Я могу вам предложить только то, что я сам изучил, ограниченное вместимостью моих мозгов. Возьмём для сравнения Соловейчика. У него семь мозгов. У меня только четыре.

— Но тем не менее! — теперь Смайк понял, чем отличался Колибрил от Соловейчика. У него отсутствовали наросты на голове, в которых у Соловейчика располагались дополнительные мозги.

— Хм. Видите ли, я могу думать столько, сколько хочу, могу учиться столько, сколько только возможно, но я никогда не достигну высот Соловейчика. Известна ли вам гралзундерская Гильдия кулачных боёв?

— Да, конечно. Я тренировал даже нескольких бойцов.

— Тогда вам должно быть известно, что там существует несколько классов. Там есть бойцы с двумя руками, с тремя, с четырьмя и с пятью. Существуют высокоодарённые боксёры с тремя руками, но они никогда не будут играть в наивысшей лиге.

— Вы очень осведомлены.

— Я просто не хочу, чтобы вы были разочарованы предлагаемыми мною знаниями. Ещё одно ограничение состоит в том, что вы получите только те знания, которыми в данный момент заняты мой мозги. Это может быть что-то абсолютно неважное для вас. Груз, который вам никогда в жизни не понадобится.

— Скажем, я готов рискнуть. А сколько будет стоить это удовольствие?

Эйдет поднял голову и бросил на Смайка полный негодования взгляд.

— Извините, — пробормотал Смайк, — я принадлежу к такому роду существ, которые привыкли думать торговыми категориями.

Колибрил мгновенно успокоился.

— Я вижу, вас уже практически не удержать. И должен вам сказать, что мне доставит удовольствие вас немного инфицировать. Я уже давно этим не занимался. Я не открою вам секрета, если скажу, что мы, Эйдеты, при инфицировании впадаем с состоянием схожее с опьянением, близкое к эйфории. Эдакое триумфальное чувство, удовольствие без раскаяния.

— Начнём? — нетерпеливо спросил Смайк.

— Ещё один момент! Нам необходимо сделать ещё парочку вещей. Сперва я должен объяснить вашему товарищу, что во время всей процедуры он несёт за нас двоих ответственность. В процессе инфицирования мы будем с вами абсолютно беспомощны. Мы впадём в какое-то подобие

транса и нас можно будет съестть заживо, а мы этого даже и не заметим. Так что в случае опасности...

— В этом случае я не могу представить себе лучшего телохранителя, чем Румо, — ответил Смайк.

— Имеется ли у него боевой опыт?

Смайк ухмыльнулся:

— Имеется ли! Когда мы закончим наши дела, я расскажу вам интереснейшую историю о боевом опыте Румо.

— О, великолепно! Я обожаю захватывающие истории, — эйдет хлопал в ладоши. — Тогда начнём! Какой уровень инфицирования вы желаете? Лёгкий? Средний? Или по полной программе?

— Если уже начал, то по полной!

— Хорошо. При "лёгком" нам не пришлось бы даже друг до друга дотрагиваться. При "среднем" потребовался бы телесный контакт. Но если вы хотите полную программу, то вы должны засунуть палец мне в ухо.

— Что?

— Один из ваших пальцев. В это отверстие, тут, — Колибрил указал на маленькую дырочку чуть пониже виска. — Это — ухо эйдета. Вы должны на это решиться, иначе ничего не получится.

— Понимаю, — Смайк колебался лишь одно мгновение. Затем посмотрел на Румо. — Румо, ты следишь!

Румо угрюмо кивнул.

— Эта местность достаточно опасна, — сказал Колибрил. — И, пожалуйста, не важно, что будет происходить, не пытайся нас разнять. Если мы прервёмся, то существует вероятность, что оба навсегда сойдём с ума.

— Что, правда? — заколебался Смайк.

— Ну так что, вы желаете всё ещё или уже передумали?

— Ладно, всё в порядке, — сказал Смайк. — Румо, ты слышал, что сказал доктор. Будь настороже!

Румо кивнул.

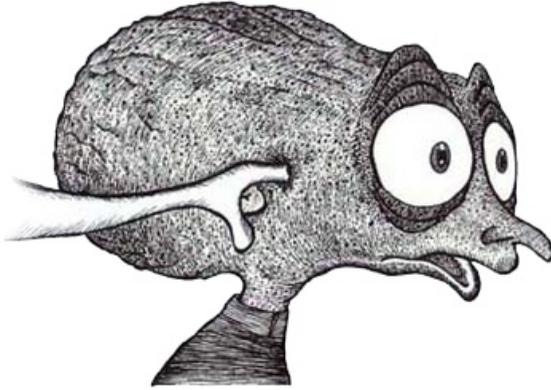
Смайк глубоко вдохнул, как-будто готовясь к длительному погружению под воду, и сунул свой палец эйдету в ухо. Было такое чувство, будто погрузил свой палец в банку с тёплым джемом.

— Наслаждайтесь полётом, — сказал доктор Колибрил и засмеялся. — И не удивляйтесь, если встретите там внутри профессора Соловейчика.

— Соловейчика? Что вы имеете...

Белая молния ослепила Смайка, затем у него в глазах потемнело. "Я теряю сознание", — подумал он, но затем, мгновенно, снова пришёл

в порядок. Он находился высоко-высоко в воздухе, а внизу было что-то, что напоминало план-схему огромного города.

— Я могу летать, — подумал он. — Здорово! Это Атлантида?

— Нет, — ответил голос доктора Оцтафана Колибрила. Он звучал сверху, снизу, везде, как голос невидимого бога. — Нет, вы не можете летать. Это просто метод передвижения в мозгу эйдета, который выбрало ваше сознание. А это, внизу, не Атлантида. Это — Оцтафан. Мой город. А если точнее, это только часть города — Северный Оцтафан. Есть также Южный Оцтафан, Западный Оцтафан и Восточный Оцтафан. Каждая часть представляет один из четырёх моих мозгов. Спустимся вниз!

Румо вздрогнул. Смайк кричал как ужаленный, долго и громко, будто он падал в бесконечный колодец. Но его палец всё ещё оставался в ухе эйдета. Так что Румо ничего не стал предпринимать. Смайк и Колибрил стояли не шевелясь, рот червякула был широко открыт и его язык то вываливался наружу, то опять исчезал во рту, как язык колокола.

Эта ночь была необычной, но Румо уже удалось пережить пару ещё более необычных ночей. Он подбросил полено в огонь.

Северный Оцтафан

Смайк находился в свободном падении. Он больше не парил, он летел вниз, к городу, как камень. Ещё немного и он разобьётся о землю.

— О-а-а-а-а-а! — кричал Смайк.

— Ну что вы там творите! — закричал Колибрил вверх. — Вы не падаете, это только иллюзия. Если вы орёте тут внутри, то вы орёте и там, снаружи. Это может привлечь нежеланных гостей к нашему костру.

Смайк перестал шуметь.

— Это — иллюзия, — бурчал он. — это просто иллюзия. В реальности я стою около эйдета и держу палец у него в ухе. Ничего этого не происходит. Это — иллюзия.

— Правильно, — сказал Колибрил, — мы летим, а точнее иллюзионируем по центральной улице. Это — Оцтафан-аллея.

Падение Смайк перешло в парение по горизонтали. Он нырнул в самую широкую из улиц Северного Оцтафана, и только сейчас заметил, что это никакой не город и никакая не улица. То, что он принял за дома было на самом деле геометрическими фигурами всех мыслимых форм, цветов и размеров: полушары, пирамиды, параллелепипеды, трапецоэдры, октаэдры, конусы, кубы и баумкухен. Ни у одного из них не было окон или дверей.

— Баумкухен? — спросил Смайк.

Баумкухен

Румо сидел на пне и подозрительно наблюдал за странной сценой: Смайк, драматически освещённый костром, с пальцем в ухе Колибрила. Хорошо хоть, что он прекратил кричать. Румо прислушался: всё было спокойно. Он понюхал прохладный вечерний ветерок. Он чуял только мелких зверюшек, уснувших под листвой, везде замедленное, равномерное сердцебиение, спокойное дыхание, сонное посапывание. Никакой опасности. Румо решил, что с утра они ускорят темп. Они продвигались вперёд слишком медленно. У Смайка не было никакой цели, поэтому ему было безразлична скорость их передвижения. У Румо же было по-другому. У него была цель. У него была серебряная нить.

— Баумкухен? — услышал Румо Смайка, будто разговаривающего во сне.

— Строения, напоминающие по форме баумкухен, являются хранилищами знаний, — сообщил Колибрил. — Законсервированные знания, упорядоченные по темам на разных этажах — что-то похожее на библиотеку. Не желаете заглянуть в один из них?

— Конечно, — сказал Смайк и уже повернул направо, прямо к среднему этажу одного оранжевого строения. Высотой оно было, кажется, сотни метров, с круглыми, кверху постепенно сужающимися, этажами. У него не было окон или дверей или других отверстий. Смайк нёсся к нему со скоростью пушечного ядра.

— А-а-а-а-а! — кричал он.

Румо вскочил. Снайк снова начал шуметь — продолжительный, полный ужаса крик, отнесённый лёгким дуновением ветра в сторону леса.

Румо настроился, что это будет не только странная, но и очень длинная ночь. Он не имел ни малейшего представления, чем эти двое занимались в мире мыслей Оцтафана Колибрила, но не было похоже, что они скоро закончат. Румо с удовольствием бы лёг спать, чтобы увидеть во сне серебряную нить. Но он нёс ответственность за этих двоих. Как можно совать палец в ухо неизвестному, странному существу? Ну и правильно, что там теперь происходят такие страшные вещи, заставляющие Смайку кричать от страха.

Музыка мозга

— А-а-а-а-а! — всё ещё кричал Смайк, налетев на стену. Но он не разбился: раздался чавкающий звук и он исчез внутри.

— Это как ныряние, но только я остаюсь сухим, — подумал он. Пару секунд его окружал оранжевый, пульсирующий свет, в ушах что-то громко трещало, затем ещё один чавкающий звук и он парит внутри хранилища знаний. Он находился внутри шахты из света, вниз и вверх расходились светящиеся круги оранжеватого света. Одно мгновение Смайк висел, не шевелясь, в воздухе, а затем он рухнул вниз, как марионетка, которой обрезали ниточки.

— А-а-а-а! — закричал он снова.

— Пожалуйста, успокойтесь! — попросил Колибрил, который, кажется, находился вместе с ним в хранилище. — Соберитесь же наконец. Это же что-то типа библиотеки.

Падение Смайку резко прекратилось и он замолк.

— Это только иллюзия, — бормотал он, — толь-ко-ил-лю-зи-я.

Он висел в пустом помещении, а вокруг него двигалась стена с множеством круглых отверстий. Он услышал нежное пение, сопровождаемое ритмичным гудением.

— Странно, — подумал Смайк, — эта музыка звучит разумно.

— Это — музыка мозга, — объяснил Колибрил. — Пение синапсов. Так звучит мышление.

— Где я? — спросил Смайк. — какие знание хранятся тут?

— Хм, это, наверное, немного скучно — Древняя история Замонии и существование.

— Ага! А о каких существах, например, идёт речь в существоведении? — спросил Смайк. В нём проснулась жажда знаний.

— Ну, вообще-то, обо всех. О червякулах, например. Хотите узнать что-нибудь о червякулах? — засмеялся Колибрил.

— Нет, спасибо, — ответил Смайк, — то, что я знаю, уже слишком много.

— Или о наттифтоффенцах. О карликах из дождевых лесов. О фэнгах, йети, мумиях, рюбенцёлерах. Всё что пожелаете! Также у нас имеется в наличии информация о пренеприятнейших существах: лаубвольфы, нурнии, циклопы, лунные тени, врахоки.

— Всё необходимое о циклопах мне известно, — сказал Смайк. — А кто такие врахоки?

— Ах, тут я могу вам предложить лишь слухи. Ничего научно обоснованного.

— Тогда — лунные тени. Это те, о которых вы у костра говорили? Об этих существах я ещё никогда не слышал.

— Редкий вид. Неприятные существа, — голос Колибрила звучал, будто его знобило. — Не желаете ли узнать кое-что о лунных тенях?

Нетерпение Румо начало расти. Эти двое всё ещё продолжали стоять, почти не двигаясь, как абсурдный памятник посвящённый чистке ушей. Время от времени они говорили, бормотали что-то непонятное, как два лунатика, которые пытались беседовать.

— Непртные суцств, — пробормотал прямо сейчас Колибрил. — Не жлте ли узнтъ к-чт о лннных тнх?

Румо не имел ни малейшего понятия, что это означало, да он и не хотел этого знать. Он бы лучше поспал, чтобы завтра совершить приличный марш-бросок. Он подбросил пару сухих веток в угасающий огонь и стал смотреть, как взлетающие в небо искры превращались в звёзды.

Комната знаний

Смайк повернулся горизонтально вокруг своей оси, направился к одному из круглых отверстий и проскользнул внутрь. Теперь он находился в прохладном гроте, чьи полупрозрачные стены светились янтарным светом.

— Вы находитесь в одной из комнат знаний. Такое существует только в мозгах эйдетов. Мы можем всю жизнь хранить огромные объёмы знаний не теряя ни капельки. Идеально законсервированная информация.

— Докторская работа о лунных тенях?

— Докторская работа? — рассмеялся Колибрил. — Нет, для этого требуется отдельное строение. А тут лишь короткий устный доклад, который я прочитал, будучи студентом. Каждый получал какое-то понятие или выражение и должен был быстро рассказать всё, что ему приходит в голову по этой тематике. Этаким простой обмен знаниями, не более.

Раздался удар гонга. Зазвучал голос Колибрила, но он звучал определённо моложе.

Лунные тени

Описать лунную тень — не самое простое задание: она бесцветна, те, кто её видел, говорили, что она выглядит как чёрный шимпанзеподобный силуэт с короткими ногами и длинными руками. Она не издаёт звуков и запахов. Говорят, у них нет лиц. А в некоторых регионах Замонии их называют — Несущие холод. Некоторые учёные относят лунные тени к семейству вампиров, поскольку то, что они делают, похоже на высасывание крови: они ищут спящих и, до сих пор никому неизвестным образом, высасывают у них из ушей жизненную энергию, пока жертва не остынет, а точнее — не умрёт. Отсюда и это прозвище. В средние века в Замонии лунные тени встречались гораздо чаще, чем теперь, и считались настоящим бедствием. Они явились причиной появления запирающихся ставней на окнах и, так называемых, противовампирных решёток. Лунные тени не могут открывать окна или двери, они предпочитают действовать снаружи и проникают внутрь через открытые двери и окна. Таким образом решётки и ставни за несколько веков серьёзно уменьшили их популяцию. Теперь они обитают лишь в лесах в отдалённых местностях, где путешественники вынуждены ночевать под открытым небом. Так или иначе лунные тени принадлежат к одним из наименее изученных существ Замонии. Некоторые учёные даже считают сомнительным отнесение лунных теней к живым существам.

Гонг. Смайк завертелся по кругу, вылетел через дыру и снова парил в главном зале.

— Боже ты мой! — вскрикнул Смайк. — И эти монстры бродят тут в лесу?

— Вы же говорили, что ваш юный спутник — превосходный охранник, — опять сверху раздался голос Колибрила, он звучал старше и ниже. — Лунные тени такие же трусы, как гиены — они нападают только на спящих.

— Это хорошо, — сказал Смайк. — Румо не любит спать.

Румо сел на землю, откинулся на ствол дерева и наблюдал за причудливой парочкой, едва освещаемой угасающим костром. Темнота, будто вытекая из леса, постепенно заполняла поляну и покрывала всё серым покрывалом. Ему надоело поддерживать огонь, пусть этим занимаются те, двое, когда они, будем надеяться что скоро, выйдут из транса.

Румо прислушался и принохался. Ничего, никаких угрожающих звуков или запахов, никакой опасности. Он потянулся, зевнул и ещё немного сполз вниз по стволу дерева. Ему всё ещё казалось, что земля под ним колыхается, такой далёкий привет с Чёртовых скал, но в этот раз это было успокаивающее чувство. Румо закрыл глаза, всего на секундочку. Нет, он не будет спать, всего лишь на пару секунд прикроет глаза в этом тихом лесочке! Едва он это сделал, сразу же увидел серебряную нить. И это было слишком прекрасно, чтобы их сейчас же снова открыть.

Стройка

Волтоцан Смайк парил над пустыми улицами Северного Оцтафана. Геометрические строения справа и слева светились невероятным светом и он радовался этому совершенно искусственному виду, практически полностью соответствующему его представлению о метрополии. Здесь не хватало лишь пары приличных кабаков. Постепенно Смайку начинал нравиться этот способ передвижения. И чем больше это ему нравилось, тем лучше мог он контролировать свои движения. Как он успел понять, всё зависело только от его желаний.

Вдалеке он заметил большое строение, чьи причудливые очертания сильно отличались от остальных построек. Оно возвышалось надо всеми прочими зданиями и выглядело как дворец архитектора, сошедшего с ума в процессе его постройки. Там были кривые башни и бесформенные пристройки, купола, возведённые на куполах и разнообразные наросты — это не было строением, это было огромной строительной площадкой.

— Боже мой, — удивился Смайк, — что же это?

Колибрил сверху смущённо кашлянул.

— Это тоже хранилище? Почему оно выглядит так странно?

— Это не хранилище.

— Что же тогда?

— Ничего.

— Как — ничего?

— Это не имеет значения.

— Почему же тогда это — самое заметное строение города?

— Я не хочу об этом говорить.

— Колитесь, доктор, что это?

— Это, э-э-э, докторская диссертация.

— Докторская диссертация? — рассмеялся Смайк. — Теперь я спокоен. Я подумал уже, что это ужасная болезнь.

— В какой-то степени так можно назвать и докторскую диссертацию.

— Посмотрю-ка я это поближе, — воскликнул Смайк и направился к странному строению.

— Ни в коем случае! — ответил Колибрил. — Она ещё не закончена! Это одна из множества моих неоконченных докторских работ. Неделанная постройка.

— Ничего страшного! — Смайк продолжал спускаться вниз.

— Пожалуйста, не делайте этого! Давайте лучше осмотрим пару научных окружностей.

Смайк продолжал лететь к зданию. С удовлетворением он заметил, что Колибрил не пытался управлять его движениями, когда он этого не хотел.

— Мне стыдно, — воскликнул доктор. Его голос звучал умоляюще.

— Да ладно! — засмеялся Смайк. Он всё лучше овладевал техникой иллюзорного полёта и из-за этого ему стало весело. — У-у-ух! — воскликнул он, дважды перекувыркнулся в воздухе, полетел вертикально вниз и нырнул в чёрный покров причудливого строения.

— Пожалуйста, нет, — простонал Колибрил ещё раз, но Смайк уже исчез в докторской диссертации.

— У-у-ух! — воскликнул Смайк и его задорный крик понёсся по тёмному лесу.

— У-у-ух! — ответил ему филин издали.

Смайк и Колибрил продолжали стоять, как замороженные. На месте огня остались только тлеющие угли и лишь матовое желтоватое сияние освещало поляну.

— Пожжалста, нт! — пробормотал Колибрил.

Румо сидел опёршись спиной о дерево. Его подбородок упёрся в грудь, из уголка губ у него сползала тоненькая ниточка слюны, он храпел. Он спал и ему снился сон. Ему снилась любовь.

Докторская диссертация

Смайк нырнул. Он нырнул в темноту, в черноту, как-будто в бочонок полный чернил. Он слышал вперемешку сотни, тысячи голосов, он не понимал почти ни слова, но это звучало, будто кто-то монотонно читал научные формулы и определения. Но вдруг голоса пропали и он снова смог видеть — он находился внутри купола, паря, окружённый рассеянным светом, в середине огромного собора. Смайк огляделся вокруг. Сверху он не видел пола — помещение внизу терялось в постепенно гущающемся мраке.

Недостроенные стены возвышались оттуда, будто из тумана, винтовые лестницы появлялись как-будто ниоткуда, в башнях не было окон. Это было похоже на недостроенный новый дворец, у хозяина которого закончились деньги.

— Мне стыдно, — сказал Колибрил, — я не люблю, когда кто-то видит мои ещё не готовые вещи. Это всё выглядит таким недоработанным.

— Безобразие! — воскликнул Смайк, — это наинтереснейшие руины, которые я когда-либо видел.

— Это — строение мыслей, — ухмыльнулся Колибрил. — Моя вечная стройка. Полуготовые теории, руины идей. Я сомневаюсь, что доведу когда-либо эту диссертацию до конца.

Клубок серых змей, двигаясь по куполу, пролетел мимо Смайка. Они не были по-настоящему осязаемыми и Смайка возникло ощущение, будто эти червяки состоят и мельчайших, чёрных частиц. Удивлённо наблюдал он за ними.

— Сноски, — объяснил Колибрил, — они назойливы, но неизбежны в докторской работе. И они нужны в огромном количестве.

Смайк прочитал:

Стр.244: Проф. Докт. Абдул Соловейчик, "Флоринтское орнаментирование глав и его влияние на замонийское волыночное барокко в период правления Регонама Салиаса III", стр. 4567-4896. Гралсунд, Издательство Соловейчика.

Смайк рассмеялся, из-за чего оскорблённая сноска отлетела обратно к своим товарищам. Они зашущукались, завертели и затем вся стайка, хихикая, исчезла в темноте.

Раздался грохот, как-будто кто-то высыпал камни из вагона, и из мрака низу вверх вытянулась, как побег спаржи, чёрная башня. Едва она закончилась строится около неё возникла ещё одна, но в два раза ниже.

— Видите? — воскликнул доктор, — Даже сейчас я не могу перестать над ней работать. Это две новые идеи, опровергающие главный тезис.

— А как звучит тема вашей диссертации? — спросил Смайк.

— "Влияние Несуществующих крошек на замонийскую микромеханику", — резко ответил Колибрил.

— Ага, — сказал Смайк, — звучит захватывающе.

— Нет, — усмехнулся Колибрил, — не звучит. Это звучит странно и совершенно безнадежно. Но всё равно спасибо.

— Опять вы что-то утаиваете!

— Тут вы правы. Поверьте мне, за этой темой, вероятно, скрывается решение наших важнейших проблем.

— Какие проблемы вы имеете ввиду?

— Ну, к примеру, процесс умирания. Смерть.

— Хо-хо! — засмеялся Смайк. — А не замаскированный ли вы алхимик?

— Я учёный, а не шарлатан, — голос Колибрила звучал деловито и уверенно. — Здесь не варятся отвратительные эликсиры и дохлые жабы не обрабатываются электричеством. Здесь занимаются измерениями. Точнейшими, мельчайшими измерениями.

— Измерениями? Чего?

— Да, чего, собственно говоря? Фактически я измеряю то, что уже давно не существует. Я измеряю Несуществующих крошек.

Опять Соловейчик

В одном из соседних коридоров послышался шум. Смайк посмотрел туда и не поверил своим глазам — к нему из темноты шёл профессор доктор Абдул Соловейчик. Он невнятно бубнил себе что-то под нос, тут он был прозрачным и в четыре раза больше, чем в обычной жизни. Эйдет не обратил на Смайка никакого внимания, а просто продолжал идти дальше, перешагнув через него, и пропал в тумане купола. Смайк протёр глаза.

— Это был на самом деле Соловейчик? — неуверенно спросил он.

— Нет. Да. Нет. Ну, в какой-то степени... это было воплощение одной из докторских диссертаций Соловейчика, а именно: "Применение биполярных линз в многократных предписаниях". Она мне срочно нужна для теоретической надстройки.

— Это была тоже диссертация?!? Но почему она выглядит как существо?

— Они могут принимать различные образы, — ответил Колибрил.
— Это зависит от их качества. Все докторские диссертации Соловейчика похожи на него, он — сильная личность, это его стиль. Их ни с чем не спутаешь.

— А почему Соловейчик был так недружелюбен?

— Эта диссертация немного недовольна, так как она всё ещё не подружилась с моей базовой теорией. Она всё ещё ищет точку сопряжения, где она сможет пристыковаться. Я же вас предупреждал, что есть вероятность встречи с профессором Соловейчиком.

— Теперь я понимаю!

— Знаете ли вы, что докторская диссертация в большинстве своём состоит из других докторских диссертация, — произнёс Колибрил. — Новая докторская диссертация похожа на оргию старых диссертаций, которые друг друга, э-э-э, оплодотворяют, что произвести на свет что-то, никогда ранее не существовавшее.

Голос доктора звучал возбуждённо.

— Это очень поучительно, когда научные действия демонстрируются таким наглядным образом, — сказал Смайк. — Но вы должны объяснить мне одну вещь — кто или что есть эти Несуществующие крышки?

— Крошки, а, не крышки. Если честно — это сорт особых знаний, который для вас будет только ненужным грузом. Как на счёт небольшой порции практической математики? Или курс по биологии? Что-то полезное?

— Вы сами начали, вот и доводите до конца. Я требую полного разъяснения.

Колибрил снова ухмыльнулся, но эта ухмылка прозвучала, как ухмылка дивы, соизволившей наконец после бесконечных оваций исполнить ещё одну арию.

— Ну хорошо, — простонал он. — Вы сами захотели.

Помещение вокруг Смайка начало вертеться. Лестницы, башни и стены изменяли свои формы, весь купол двигался. У Смайка закружилась голова и он на мгновение закрыл глаза. Когда он их снова открыл — всё закончилось. Он находился на какой-то поляне, сидел на чём-то прохладном очень похожем на камень, а перед ним стоял подиум с пультом. За пультом стоял доктор Колибрил и улыбался Смайку.

— Доктор Колибрил? — спросил Смайк. — Это вы?

— Конечно нет, — ответило видение, — это иллюзия. Как и всё вокруг. На самом деле я стою на поляне с вашим пальцем в моём ухе. Всё

это лишь для наглядности. Так же приятнее, чем постоянно висеть в какой-нибудь комнате и слышать только мой голос.

Смайк посмотрел на него внимательнее. Доктор казался слегка прозрачным, как привидение.

— А я тут внутри тоже в виде иллюзии? — спросил Смайк.

— Нет, — сказал Колибрил. — Вы — настоящий. С помощью телесного контакта в моём мозгу появилась трёхмерная телепатическая проекция, имеющая на самом деле настоящее тело. Очень маленькое тело, но всё же. Сам я не могу материализоваться в своих мозгах. К сожалению. Но вы можете.

— Ага, — кивнул Смайк ничего не понимая.

— Итак, поехали, — воскликнул Колибрил, — начнём-ка мы лекцию.

Оцтаскоп или Колибрилочки

— Я же уже вам рассказывал о моей, хм, назовём это своим именем — одержимости микроскопией, — Колибрил откинул крышку пульта и вытащил из него занятный предмет. Это были очки состоящие из огромного количества линз, установленных друг перед другом и постоянно уменьшающихся в размере. Колибрил нацепил этот предмет на свой нос и уставился на Смайка. Он был похож на механическое насекомое с другой планеты.

— Используя супермаленькие линзы я изобрёл очки-микроскоп, которые я считаю моим личным гениальным творением в области оптометрии, и назвал их Оцтаскоп. Или Колибрилочки — как желаете. Ну и как они мне подходят?

— Великолепно! — солгал Смайк.

— В то время как для астрономии и для изучения тьмы изобретаются всё большие линзы для всё больших телескопов, я пришёл к мысли о создании всё более маленьких линз для всё более маленьких микроскопов. Знаете ли, существует естественные ограничения, когда инструменты для создания линз становятся так малы, что их невозможно брать руками. Так что я нанял карликов, которые под моим наблюдением были обучены шлифовке линз. Это уменьшило мои линзы ещё на две трети. Но для меня они были всё ещё недостаточно малы. Я стал искать мне подмогу в природе и в конце концов нашёл. На пляжах флоринтского алмазного побережья встречаются песчинки, точно в центре у которых, будто маленькое стеклянное сердце, находится идеально отшлифованная микролинза

мельчайшего размера. Но тут появилась новая проблема — как освободить линзы из панциря? Это мне удалось с помощью дуновения эолистского шлифующего ветра, основанного на принципе..., но мы заходим слишком уж далеко.

— Что вы можете делать с помощью этих очков?

— С их помощью я могу заглянуть в структуру вещей. Любой твёрдой материи. В камень, например. Так же я могу видеть такие вещи в воздухе, которые невооружённым глазом не видно. Знаете ли вы что цвета состоят из цветов? Из более деликатных, несравненно нежных, неопишимо красивых световых нюансов, по сравнению с которыми цвета нашего большого мира кажутся абсолютно безвкусными, обычными, грязными, как же ещё можно объяснить... да — они кажутся бесцветными.

— Нет, — ответил Смайк, — этого я не знал.

— А то, что я могу видеть чувства? Бешенство? Страх? Любовь? Ненависть? А запахи? Их тоже можно увидеть. Вы представляете каким невероятно красивым выглядит аромат розы? И как отвратительна вонь сточной канавы? Можете ли вы себе представить, какие формы может принимать звук? Если бы вы знали как восхитительно выглядит хорошая музыка — и как ужасающе плохая! О, вы не поверите, но у микрокосмоса имеются свои тёмные стороны! Да, да — это всё то же самое, только меньше, многограннее и сложнее, — Колибрил снял очки.

— Должен признать, что у меня развилась зависимость от моего изобретения. Везде, где бы я не находился, я проводил оцтаскопические исследования, днём и ночью, я переворачивал каждый камень, каждый листок, каждую песчинку. И затем в один, особо прекрасный день, я сделал это — открытие моей жизни.

Слова Колибрила продолжали звучать над поляной. Он стоял, как будто забыл зачем он здесь, и, кажется, с восторгом предавался своим воспоминаниям.

— Профессор, ну не тяните вы больше!

— Итак, — продолжил Колибрил и прищёлкнул языком, — это произошло у подножия древнего дуба. Я начал систематично миниатюрным пинцетом переворачивать каждый листок, каждую крупинку земли и обследовать их с помощью моего оцтаскопа. Я никогда не забуду этого мгновения: я приподнял пинцетом один старый дубовый лист, а под ним я увидел..., — Колибрил остановился.

— Что? — нетерпеливо воскликнул Смайк. — Что было под ним?

— Под этим листком был город.

— Город? — переспросил Смайк. — Вы имеете ввиду муравейник?

— Нет, я имею ввиду настоящий город. Точнее говоря — большой город, метрополию, возведённую определённо высокоразвитыми существами, с десятками тысяч строений, клубком улиц, переулков и аллей. С башнями и дворцами, с трущобами и высоченными домами, с магазинами и заводами. Он был размером примерно с грецкий орех и зарос высокой травой.

— Невероятно.

— Конечно. Я был ошеломлён. Я протёр глаза, проверил пульс, ущипнул себя, протёр пару линз и посмотрел снова. И снова. Но сомнений не было: я открыл миниатюрную, да, микроскопически маленькую цивилизацию. Археологическая находка ничтожного размера, но имеющая бесценное значение. Это были самые маленькие и одновременно с этим самые большие руины в истории замонийской археологии!

Доктор на минуту закрыл глаза, помассировал пальцами веки и продолжил.

— Сначала я провёл первое микроскопическое общее обследование города. Как я уже сказал, там были строения — жилые дома, общественные сооружения, заводы, — всё, что имеется в обычном большом городе, но всё это было построено в неизвестном мне стиле. У зданий были стены, крыши, окна и двери, но всё было — прошу прощения за научно неточную формулировку — каким-то странным. Здания не были по-настоящему причудливыми, но меня не покидало ощущение, что строители этих домов были совершенно не в курсе наших обычных привычек. Круглые ступеньки, например. Или экстремально узкие и высокие дверные и оконные проёмы. Если это вообще двери и окна были. Сплошные сбивающие с толку детали. Не было никаких признаков жизни. И никаких признаков смерти. Никаких кладбищ. Никаких скелетов или останков прошлой жизни. Я назвал строителей этого города из-за их микроскопического размера и их ещё более микроскопического присутствия Несуществующими крошками.

— Теперь я начинаю понимать, — сказал Смайк.

Несуществующие крошки

Для начала я перенёс мою находку в безопасное место. Я очень осторожно выкопал его из земли и перенёс в свою лабораторию, где я много месяцев подряд изучал его под микроскопом. Я смонтировал три оцтаскопа и закрепил их друг за другом на штативе, чтобы изучить

каждый уголок города. У меня не было таких маленьких инструментов, которыми я бы мог дотронуться до чего-нибудь в этом городе. Но я мог рассматривать его во всех немыслимых ракурсах, — Колибрил вздохнул.

— Однажды я обнаружил великолепное здание, общественное здание, судя по всему. Может быть музей или университет. И вы не можете представить то волнение, которое меня охватило, когда я увидел, что крыша верхнего этажа, по счастливому стечению обстоятельств, обвалилась и я могу заглянуть с помощью оцтаскопа вовнутрь! И это было на самом деле что-то типа музея. Помещение полное артефактов! Искусство исчезнувшей цивилизации! Так мне казалось. Тем больше было моё удивление, а также и разочарование, когда я обнаружил, что несуществующие крошки не имели никакого понятия об искусстве, в том смысле, что мы под этим словом подразумеваем. Я тщетно искал картины, скульптуры, книги. То, что я там в конце концов нашёл, были машины. Моя теория состоит в том, что несуществующие крошки преодолели искусство уже тысячи лет назад, а точнее их искусство перетекло в то, что для них было значительно важнее. А именно — в науку.

Колибрил помолчал минуту, затем продолжил.

— Я уверен, что несуществующие крошки дошли до такого уровня цивилизации, до которого нам, надеюсь, только предстоит дойти. Искусство и наука, которые у нас тщательно отделены друг от друга, у них были объединены и это позволило сделать огромный скачок в развитии. Представьте себе научные дисциплины усиленные концентрированной креативностью гениев искусства! Или искусство, основанное на сложнейших научных расчётах! Биология, литература, математика, изобразительное искусство, музыка, астрономия, ваение скульптур, физика — все эти дисциплины объединены в одну... да, я пока не придумал, как можно было бы её назвать.

— Искука? — предложил Смайк. — Или науство?

Колибрил проигнорировал его предложения.

— Что отличало эти предметы в музее от предметов искусства, так это то, что они все, судя по всему, имеют практические функции. Они просто выглядят все так, как-будто с ними что-то можно делать. Только я не знал что. — Колибрил возбуждался всё больше. Он размахивал руками и выразительно крутил своими большими светящимися глазами.

— Вы можете поверить, что я практически потерял надежду: технология древней исчезнувшей цивилизации, стоит тут, её можно потрогать, но мои пальцы слишком толсты, чтобы это сделать, — он с презрением посмотрел на свои тощие пальцы.

— У меня не оставалось выбора, кроме как теоретически изучить эти микромашины. Я начал их оптически измерять и производить расчёты. И с их помощью и дедуктивной работы моих четырёх мозгов мне удалось разгадать функции этих машин. Если бы у меня было семь мозгов профессора Соловейчика! — он с отчаянием схватился за голову.

— Благодаря моим расчётам в гипотетической механике, — продолжил Колибрил, — я выяснил, что один из этих приборов являлся доильным аппаратом для инфузорий-туфелек. С помощью другого возможно вводить в транс вирус гриппа. Там же была и бактериальная мельница, размалывавшая бактерий в мельчайшую бактериальную пыль. Но это были только мелочи — по-настоящему интересные машины могли совершать такие вещи, о которых мы до сих пор только могли мечтать.

— Например?

— Вы мне не поверите. Подумайте о самых невозможных вещах, которые наша наука до настоящего времени не осуществила. Так вот, эти машины могут это!

— Я бы хотел посмотреть эти машины, — вздохнул Смайк.

— Правда? Я могу вам показать несколько.

— На картинке?

— Нет, вживую.

Тело Колибрила слегка заколебалось, его очертания исказились, профессор стал почти полностью прозрачным. От него осталось лишь что-то похожее на фантом. В конце концов он начал парить в воздухе.

— Следуйте за мной, — нетерпеливо приказал он. Даже его дрожащий голос звучал прозрачно. — Мы же не можем тут вечно сидеть. Подумайте о вашем бедном друге на поляне.

Лекционный зал свернулся как огромный веер, камень на котором сидел Смайк и пол растворился в воздухе и он снова парил в пустом помещении огромного строения, бывшего докторской диссертацией Колибрила.

Духи исследований

Смайк поспешил за профессором. Они неслись по бесконечно длинным проходам. Доктор постоянно неожиданно поворачивал то направо, то налево, то летел вверх, то вниз. Вдруг навстречу им вылетели маленькие цветные точки света, сперва лишь несколько, с тихим жужжанием и гудением, поблёскивая и вспыхивая огоньками, затем всё

больше и больше, пока они не превратились в ураган цветных светящихся снежинок.

— Это эйдетские духи исследований, — сообщил Колибрил. — Не бойтесь, они не имеют ничего общего со сверхъестественными явлениями. Мы их просто так зовём. Они являются лишь олицетворением стремления к познанию в моих мозгах. То, чем занимаются кровяные клетки в кровеносной системе, тем же занимаются и духи исследования в мыслительной системе. Они — смазывающее средство для идей. Любопытные маленькие существа. Хотят всё знать. Никогда не устают. Тщеславнее чем муравьи. Трудолюбивее чем пчёлы.

Колибрил весело захихикал и исчез в боковом коридоре. Смайку в голову пришла мысль: что бы произошло, если бы он потерял связь с доктором и заблудился бы в этом лабиринте? Были ли возможно заблудиться в эйдетской диссертации? Вероятно тогда он и Колибрил будут стоять на поляне в состоянии экстаза пока не умрут от голода и их тела не превратятся в скелеты. Но он вспомнил, что там был ещё Румо. Когда-нибудь он же поможет вытащить палец из уха. Но тогда возможно и он и доктор — оба сойдут с ума...

Он не успел углубиться в эти мысли, как уже догнал эйдета — Колибрил остановился в коридоре у светлого проёма. Смайк тоже остановился.

— То, что я вам сейчас покажу, — произнёс Колибрил дрожащим от напряжения голосом, — является шедеврами несуществующих крошек.

Тут просто кишело духами исследований. Жужжа они стремительно влетали и вылетали из проёма.

Подводная лодка, космический корабль и машина времени

Колибрил полетел в светящееся отверстие. Смайк последовал за ним. Теперь они находились в светлой комнате, которая, казалось, состояла только из света: пол, стены и потолок светились пронзительным белым светом. Красные, зелёные, жёлтые и синие духи исследований беспорядочно носились, как испуганная стайка бабочек, и наполняли комнату электрическим гудением.

— Это мои сокровища! — сказал Колибрил вибрирующим от гордости голосом.

В середине комнаты парили, вероятно поддерживаемые текущим светом, три машины.

— Согласно моим расчётам — это самые высокоразвитые микромашины несуществующих крошек, — сообщил Колибрил. — Как минимум, самые сложные. Их внутренности должны быть ужасающе сложными.

— А что они могут? — спросил Смайк.

— Хм, — ответил Колибрил, — одна функция у них у всех одинакова — они могут передвигаться в пространстве.

— Вы имеете в виду, что это транспортные средства? — спросил Смайк.

— Ну если вы так хотите, то — да. Хотя ездить в классическом смысле этого слова они не могут. Это было бы слишком примитивно. Машина посередине согласно моим измерениям создана для передвижения в жидкостях повышенной плотности. Эта слева способна передвигаться в условиях невесомости. А третья, кажется, обладает способностью передвигаться в четвёртом измерении.

— Вы имеете в виду...

— Совершенно верно, я утверждаю, что это подводная лодка, космический корабль и машина времени.

Румо снился сон. Ему снилась серебряная нить, дрожащая высоко в воздухе под белоснежными ватными облаками и издающая прекраснейшую взнезменную музыку. Эти звуки наполняли его теплом, благодать разливалась волнами по его телу и он опять вспомнил, что там, где заканчивается эта нить, его ожидает счастье. Румо засмеялся во сне.

Но что это? Вдруг облака потемнели, стали серыми и мрачными, подул холодный ветер. Его порывы разорвали серебряную нить и унесли её вдаль. А вместо прекрасной музыки у него в ушах гудел отвратительный звук. Из облаков появились большие тяжёлые капли и упали на Румо и там, где они коснулись его тела, появилось ощущение ледяного холода. Румо проснулся. Открыв глаза он увидел вокруг себя пять существ, похожих на чёрные тени с длинными руками и короткими ногами. Они склонились над ним и его ощупывали. И как им только удалось так близко к нему подойти? Почему он даже сейчас ничего не чувствовал? Почему они не издавали никаких звуков? Он попытался найти их лица, но у существ не было лиц! Может он всё ещё спал? И почему их прикосновения так холодны?

Румо проснулся окончательно. У него появилась идея, как разогнать эти существа. Он повернул голову направо, чтобы вцепиться в горло следующего, кто его коснётся.

Но он укусил только холодный воздух, как если бы он пытался схватить холодный ветер. Его челюсти больно ударились друг о друга, а существа, не обращая на это никакого внимания, придвинулись ближе.

Румо становилось всё холоднее и холоднее.

Доктор Колибрил подлетел к машине посередине, отмахнул рукой пару особо любопытных духов исследований и сказал:

— Это — подводная лодка.

— Вы имеете в виду, что в ней можно плавать под водой? — спросил Смайк.

— Нет, под кровью! Вот такое и происходит, когда не используешь конкретные определения. Я должен был сказать: это — подкровная лодка. По форме её линий обтекания я понял, что она была создана для передвижения в гораздо более консистентных жидкостях, чем вода. Кровь же гуще воды, не правда ли? Эта машина была построена для передвижения по артериям.

— Боже мой! А для чего?

— Я предполагаю, по медицинским причинам. Согласно результатам измерения корпуса машины можно предположить, что внутри неё находятся хитроумные приборы, с помощью которых возможно проведение микроскопических операций внутри кровеносной системы.

— Невероятно!

— М-да, — сказал Колибрил и полетел к следующей машине. — С помощью неё, я полагаю, можно улететь в космос. Благодаря её внешнему покрытию она способна без каких-либо последствий пролететь вблизи солнца. А мотор, вероятно, обладает достаточной мощностью для полёта со скоростью на много превышающей скорость света.

— Вы имеете в виду, что этот прибор может передвигаться быстрее чем свет?

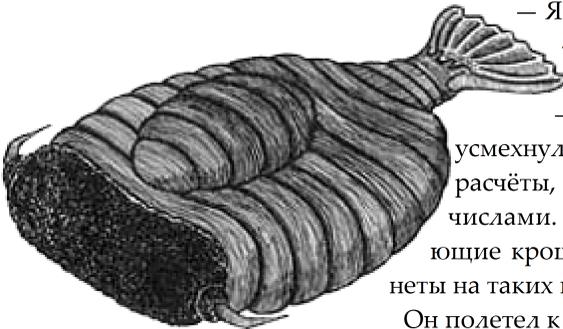
— Нет, он может быть меньше, чем свет.

— Я не понимаю.

— Я, честно говоря, тоже не совсем это понимаю!

— Колибрил грустно усмехнулся. — Я всё ещё провожу расчёты, с невообразимо малыми числами. Может быть несуществующие крошки улетели с нашей планеты на таких машинах?

Он полетел к последнему прибору.

— А это, если мои расчёты, теоретические размышления и эйдетские умозрения меня не подводят, — машина времени.

— Что, правда?

— Может быть несуществующие крошки исчезли не в космосе, а во времени. В другом, лучшем времени. Или в меньшем измерении, которое им лучше подходит.

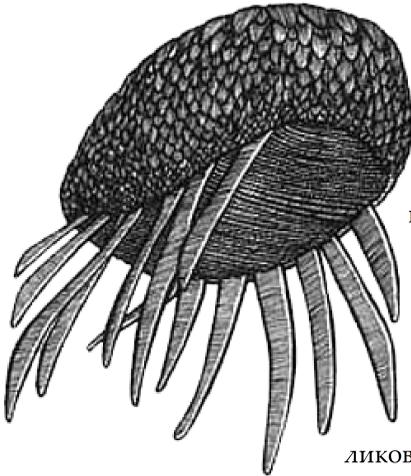
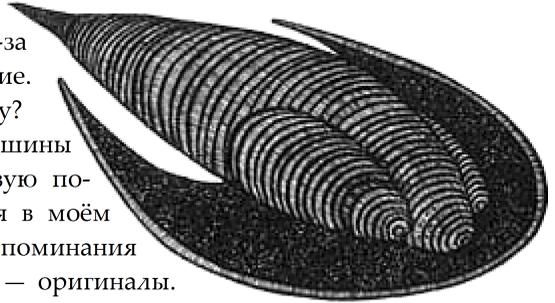
— Но эти машины не выглядят иллюзиями, — сказал Смайк. — Я не хочу вас обидеть, но всё в вашем мозге, включая вас, выглядит как-то неестественно. А эти машины — нет. Они выглядят так конкретно. Так... по-настоящему.

— Это, наверное, из-за того, что они и есть настоящие.

— Что вы имеете в виду?

— Эти три микромашины — настоящие, они существуют по-настоящему. Они находятся в моём мозге. Не как эйдетские воспоминания и сохранённые знания. Это — оригиналы. Я их имплантировал.

— И как это возможно?

Колибрил застонал:

— О-о-о, вы на самом деле хотите это знать? Но это абсолютно неаппетитная история. Но хорошо, вкратце: сначала я решил весь город, в котором находился музей, законсервировать в формальдегиде, чтобы избежать дальнейшего разрушения под влиянием кислорода. Из жидкости с помощью природного шланга я смог высосать лишь несколько отдельных предметов, эти машины, например. Этот шланг я вытащил из печени карликового микроба, который... но это уже не важно. Просто поверьте, что мне удалось высосать эти три машины из города несуществующих крошек.

Смайк согласно кивнул.

— Всё остальное было просто. Я втянул их через иглу в шприц вместе с раствором солёной воды, вставил шприц мне в голову и впрыснул всё

в один из моих мозгов, прямо в докторскую диссертацию. Дальнейший перенос машин в эту комнату осуществили мои любознательные друзья. — Доктор указал рукой в сторону жужжащих духов исследований.

— Вы впрыснули эти машины себе в голову?

— Я же вам сказал, что это не очень аппетитная история. Но это было совершенно безопасно. Я изучал эйдетскую медицину по специальности — трепанация. Дайте мне обычную открывашку и резиновый шланг и я обезвожу за пять минут ваш мозг.

— Нет, спасибо, — замотал головой Смайк. Он рассматривал машины поближе. После того, как он узнал, что они настоящие, они очаровывали его ещё больше.

— Можно их потрогать? — спросил Смайк.

— Вы можете даже их испытать, — сказал вдруг Колибрил странно дрожащим голосом.

— Испытать? Машины несуществующих крошек? Я?

— Ну да. Раз вы тут находитесь...

Смайк насторожился. Голос Колибрила зазвучал подозрительно. Эйдет покашливал и лёгкие волны побежали по его призрачному силу-эту.

Тут Смайка как громом ударило: он был тут совершенно не потому, что добродушный профессор делал ему одолжение. Нет. Он не был тут для проведения бесплатного инфицирования знаниями. Он был тут, потому что Колибрил так хотел.

Он уставился на эйдета:

— Чистенько вы провернули это дельце, — ухмыльнулся он.

— Какое? — невинным голосом спросил Колибрил. — Что вы имеете ввиду?

— То, как вы меня сразу же в нужный мозг направили. То, как вы меня совершенно случайно провели мимо вашей диссертации. Как же правдиво вы тогда ломались! Ну, давайте, доктор!

Колибрил закашлял.

— Я же тут только потому, что вам требуется подсобный работник. Потому, что вам нужен кто-то, кто их испытает, не правда ли?

— У вас идеальное тело для испытания подкровной лодки, — согласился Колибрил. — Я заметил это как только вас увидел.

— А-а-а-а! — триумфировал Смайк. — Я так и знал! Я должен стать подопытным кроликом!

— Я бы не так это сформулировал, — возразил Колибрил. — Я бы назвал это, скорее, историческим шансом. Вы могли бы изменить историю.

— Ах, да? А что если я нажму неверную кнопку и машина времени перенесёт меня в замонийский ледниковый период? Или космический корабль перенесёт меня в другую галактику? А? Что тогда?

— Так просто эти машины не действуют. И в них нет никаких кнопок. Чтобы совершить такие действия нужно что-то гораздо больше, чем повернуть рычаг. Но я не могу вас принуждать. Просто оставим это. Вы просто не примете никакого участия в вероятно самом главном открытии замонийской научной истории. Пусть это сделает кто-нибудь другой.

Смайк ухмыльнулся.

— Ну что же вы, доктор? Вам больше нечего предложить? Вы думаете вам достаточно апеллировать к моей жажде славы и я соглашусь на самоубийство?

— Несмотря на то, что я не хочу испытывать ни машину времени, ни космический корабль, — сказал Колибрил, — что бы я получил, если бы вы переместились на машине времени из моего мозга в другое измерение? Из этого я узнал бы только, что она функционирует. Но сама машина бы исчезла. И что я получил бы, если бы вы включили космический корабль и улетели? Самое большое — дырку в черепе. — Колибрил пощупал свою голову. — Нет, всё что я хочу, чтобы вы сели в подкровную лодку и привели в действие ещё скрытые инструменты. Здесь, в этом помещении. Вам даже не нужно куда-то погружаться.

— А почему вы не сделаете это сами?

— Я же уже вам сказал — я существую здесь внутри без тела. Я не могу тут ни до чего дотронуться, ничего с места сдвинуть. Это можете только вы.

— Но у вас же эти светящиеся помощники.

— У этих организмов нет мозга. Они смогли перетащить эти машины сюда, но управлять этим чрезвычайно сложным инструментом должно разумное существо. Для управления нужны руки. Нужны глаза. Нужен голос. Вы обладаете всеми этими условиями. Судьба привела вас ко мне, вы не понимаете?

Колибрил умоляюще посмотрел на Смайка.

— А что получу я, помогая вам?

— Вы должны спросить себя, что получают от этого жители Замонии! Я лелею надежду, что эта машина способна победить смерть!

Смайк глубоко вздохнул.

— На это никто не способен. Это было бы чудом.

— Вы правы. Чудес не существует. Только научный прогресс. Но некоторые научные достижения достигают масштабов чуда.

— Что может предпринять против смерти столь микроскопически малый прибор.

— Элементарно: он может заставить сердце снова биться.

— Это невозможно.

— Садитесь в машину, следуйте моим указаниям и я докажу вам это.

— Почему вы так в этом уверены?

— Из-за моих расчётов, построенных мною теорий, многолетней работы моих четырёх мозгов. Но что я ещё могу сказать — или вы делаете это, или нет. Шансы составляют пятьдесят на пятьдесят, — голос Колибрила зазвучал равнодушно.

"Теперь он меня поймал", — подумал Смайк и улыбнулся. Колибрил, сознательно или бессознательно, обнаружил слабый пункт Смайка — его страсть к играм. Чёрное или красное. Остаться или уйти. Выиграть или проиграть.

— Ну, ладно, — сказал Смайк. — Подкровная лодка, говорите? Я это сделаю. Что я должен делать?

— Я знал! — воскликнул облегчённо Колибрил. — Вы — человек науки! Вы — любопытны! Вы — пионер!

— Ну хорошо, хорошо! — покачал головой Смайк. — Просто скажите, что я должен делать? Как вообще я попаду туда вовнутрь?

Колибрил хлопнул в ладоши и духи исследований гудя выстроились в большой, медленно кружащийся над лодкой круг.

— Встаньте около машины! Да, вот тут. Не двигайтесь! А теперь дойдите до неё. Неважно где!

Смайк наклонился вперёд и робко погладил панцирь машины. Он был шероховатым, твёрдым и прочным на ощупь, как доспехи из свинца. Раздалось тихое шипение, будто сдулся воздушный шарик, и на левом борту лодки появилось круглое отверстие. Его размер соответствовал как раз размеру Смайка. Внутренности машины светились пульсирующим красным светом. Колибрил засмеялся:

— Видите! Подкровная лодка подстраивается под размер вашего тела. Это высоко разумная машина. Она принимает вас! Лезьте вовнутрь!

Смайк глубоко вдохнул и полез в отверстие.

Почему Румо был таким медленным? Он находился в огромной опасности, но у него не получалось ускорить свою реакцию как тогда, в та-

верне "У стеклянного человека". Даже наоборот, он становился всё медлительнее. Ему стало сложно думать. Кажется, чем слабее он сам становился, тем сильнее становились эти подкравшиеся тени, окруживших его. Он уже не мог подняться с земли, так истощила его силы эта странная борьба. Его энергия исчезала. Это было не сражение, а физический труд. После которого он когда-нибудь от изнеможения уснёт. Что же хотели эти тени?

Подкровная лодка

Смайк находился внутри машины. Её стены были сделаны из неизвестного ему материала. Они были тёмно-красного цвета, выглядели мягкими и органическими, и слегка светились. Тут не было никаких рычагов, рулей или инструментов, только это овальное красное помещение, похожее на гроб, сделанный специально по меркам Смайка.

— Видите ли вы перед собой мембрану? — голос Колибрила звучал приглушённое, после того как дверь за ним закрылась. Он посмотрел перед собой. Да, на красной стене было круглое пористое пятнышко. Это могло быть мембраной.

— Почему вы решили, что тут должна быть мембрана? — спросил Смайк.

— Благодаря моим расчётам. А что, там её нет? — голос Колибрила дрожал от любопытства.

— Что вы имеете ввиду? — спросил в ответ Смайк.

— Конечно я имею ввиду, что она там есть. Ну, не мучайте вы уже меня!

— А тут нет мембраны, — воскликнул Смайк и ухмыльнулся.

— Нет? — спросил Колибрил. — Нет мембраны? Что, правда нет?

— Есть, — ответил Смайк. — Я просто пошутил.

— Не нервнируйте меня! — зашумел Колибрил. — Делайте просто то, что вам говорят!

— Да, да. И нечего кричать.

— Наклонитесь к ней поближе и помурлыкайте.

— Что?

— Вы должны мурлыкать. В мембрану.

— Зачем?

— Таким образом активизируется лодка. Она имеет Уютное управление. Это и есть акустическая часть.

— Имеет что?

— Вы же меня поняли. Важно, чтобы машина чувствовала себя комфортно. Доверьтесь мне.

— Что? Я не могу мурлыкать! Я же не кошка!

— Ну, давайте уже, начинайте!

— Нет.

— Начинайте, говорю!

— Брррррррр..., — начал Смайк и почувствовал себя несказуемо глупо. Ничего не произошло. Акустическое уютное управление! Машина, чувствующая себя комфортно! Что за бред!

— Это не мурлыканье, это гудение, — нетерпеливо воскликнул доктор. — Что это было, шмель?

— Мурррррррррр, — сделал Смайк, — мурррррррр....

— Уже лучше! Мурлыкайте дальше!

— Муррррррррррр...

К мурлыканью Смайка присоединилось многоголосое жужжание, которое, казалось, исходило от кроваво-красной стены. Часть стены перед ним начала светлеть, пока не стала совсем прозрачной. Смайк мог смотреть наружу сквозь розоватое стекло.

— Я вас вижу, доктор! — сказал он.

— Транслucidная материя! — выдохнул Колибрил. — Невероятно.

— А вы меня видите? — спросил Смайк.

— Нет. Мурлыкайте дальше!

Смайк находился в состоянии эйфории. Пульсирующий стук, похожий на замедленный стук сердца, начал исходить от пола машины. Снаружи возбуждённый доктор бежал вокруг лодки.

— Это мотор! — закричал он. — Он включился!

— Но эта штукавина не собирается же сейчас ехать? — в панике воскликнул Смайк.

— Не прекращайте мурлыкать! — приказал Колибрил.

— Муррррррррр..., — продолжил Смайк. — Мурррррррррррррр...

Румо всё ещё пытался сражаться. Но тут не было никого, с кем он мог бы сразиться. Тесно окружившие его безликие тени невозможно было схватить. Где бы он до них ни дотронулся в руках у него оставался кусок скользкого холода. Тени были над ним, около него, под ним, они, как покрывало, накрыли Румо. Ему стало тяжело дышать. Он чувствовал себя похороненным заживо. Он чувствовал, как тепло и гибкость уходили из его тела. Он становился слабее и медлительнее. В отчаянии он бил вокруг себя кулаками, всё ещё надеясь вырваться наружу из этого клубка холода

и темноты. Но его атаки никак не помогали, он, как-будто дрался с тысяче-руким кальмаром.

Что-то мягкое и холодное накрыло его правое ухо и с причмокиванием крепко к нему присосалось. Это что, рот? О, тоже самое произошло и со вторым его ухом! Болезненно громкий чавкающий звук раздался в его ушных проходах. А теперь и вся его голова заполнилась ледяным холодом. Ему казалось, что тени пытаются высосать его мозг.

А Смайк и Колибрил продолжали стоять, тут, рядом с ужасающим зрелищем, не шевелясь, как замороженные. Смайк мурлыкал, как довольный кот у камина.

Инструменты несуществующих крошек

Духи исследования, жужжащие вокруг доктора Колибрила, заволновались ещё сильнее.

— А теперь попробуем активизировать инструменты, — воскликнул Колибрил. — Вы готовы?

— Всегда готов, — ответил Смайк.

— Тогда вытяните в стороны ваши шесть верхних рук и дотроньтесь ими до стен лодки справа и слева от вас.

Смайк прикоснулся шестью руками к внутренней поверхности машины. Она была мягкой и тёплой. Везде, где он прикасался, стена загоралась оранжевым цветом. Мотор загудел быстрее.

— Очень хорошо! — воскликнул Колибрил. — А теперь погладьте машину!

— Что?

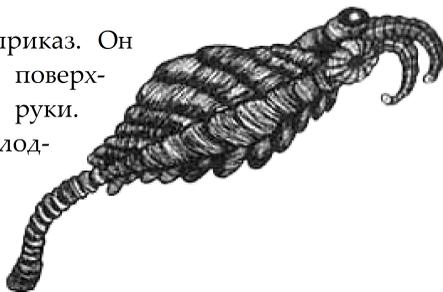
— Погладьте стену в любом месте!

— Вы шутите?

— Это осязательная часть уютного управления. Ну давайте, начинайте уже!

Смайк, вздыхая, исполнил приказ. Он начал почёсывать мягкую тёплую поверхность пальцами верхней правой руки. Оранжевое сияние усилилось, а по лодке пробежала сильная дрожь.

— Именно так! — кричал Колибрил. — Это действует!

Через розовое окно Смайк увидел, как на выгнутой поверхности машины образовалось овальное отверстие и из него выехала змееподобная металлическая рука. В руке находился причудливый инструмент.

— Я знал! — восторженно закричал Колибрил. — Это — Ама-лориканский крюк!

— Так, так! — сказал Смайк.

— Пощекочите в каком-нибудь другом месте! Быстрее!

Смайк послушался, и на поверхности, прямо около первого отверстия открылось второе. Ещё один странный инструмент выехал наружу, а Колибрил ликовал:

— Да! Да! Я всё верно рассчитал! Это — Галлюцигенский ключ!

Колибрил попытался успокоиться.

— Гладьте дальше! В разных местах!

Смайк почесал стену и открылось ещё одно отверстие, из которого показался третий инструмент.

— Да! Да! Опабиниатские щипцы! Я знал! — доктор был вне себя от радости.

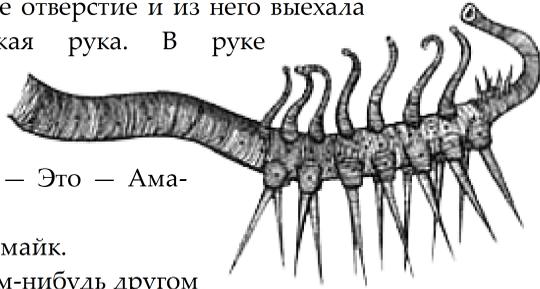
Смайк продолжал гладить машину не ожидая приказов Колибрила. Появился четвёртый инструмент, который доктор радостно приветствовал:

— Йохоянский жгутик! Это, без сомнения, йохоянский жгутик! Продолжайте гладить! — приказал доктор.

— Слушаюсь! — проворчал в ответ Смайк. Но он тоже был опьянен стремлением к познанию.

Появился пятый инструмент.

— Айсхеаианистский закручиватель, — визжал Колибрил. — Мы получили уже почти все инструменты!

Смайк почесал стену в шестой раз и шестой инструмент выехал из своего отверстия. Колибрил укусил свой кулак, чтобы не заорать истерически.

— Одонтагрифский сосальщик! — простонал он. — Это самый счастливый момент моей жизни!

— Мне продолжать гладить стену? — раздался голос Смайк изнутри машины.

— Всё сходится! — кричал восторженно доктор. — Всё именно так, как было в моих расчётах!

Духи исследований возбуждённо гудя разноцветной гирляндой носились вокруг подкровной лодки.

— Вы можете вылезать, — сказал Колибрил. — Это всё, что я хотел узнать.

Смайк вылез через отверстие наружу и присоединился к доктору, который радостно разглядывал выехавшие из лодки инструменты.

— И что теперь? — спросил Смайк. Он тоже находился в приподнятом настроении. — Что мы будем делать с этими инструментами? Прооперируем чьё-нибудь мёртвое сердце? Победим смерть? Я согласен на любую авантюру!

— Для этого нам не хватает подходящего пациента, — рассмеялся Колибрил. — Но я узнал всё, что на данный момент хотел узнать.

— Всё? И это всё? — Смайк даже и не пытался скрыть своего разочарования.

— Всё? — спросил Колибрил и выражение его лица стало серьёзным. — А знаете ли, что вы сейчас сделали?

— Я всё ещё не понимаю, как вы можете помешать смерти с помощью этих микроскопических инструментов? — сказал Смайк

— Это я вам не могу объяснить, — сказал Колибрил. — Могу лишь сказать, что смысл не в том на сколько большим должен быть импульс, который заставит мёртвое сердце снова биться, а в том на сколько он должен

быть мал. В центре каждого сердца есть шесть микроскопически малых точек — мельчайшие нервные окончания, миниатюрные артерии и крошечные мышцы обладающие невероятной чувствительностью. И если все эти точки в сердце — а современная медицина о них даже и не знает, поскольку они так малы, что их можно обнаружить только с помощью оцтаскопа — одновременно простимулировать амалориканским крючком, галлюцигенским ключом, опабиниатскими щипцами, йохоянским жгутиком, айсхеаианистским закручивателем и одонтагрифским сосальщиком, то сердце начнёт снова биться, не важно как давно оно умерло. Понятно?

— Нет, — сказал Смайк.

— М-да, может быть когда-нибудь мы увидим это сами, — сказал Колибрил и подал духам исследований знак, после которого они ещё быстрее закружились вокруг подкровной лодки и инструментов. — Не желаете ли теперь взглянуть на мои знания?

— С удовольствием, — кивнув головой сказал Смайк. — Здорово, что я был вам полезен. Может быть вы даже упомяните моё имя в вашей диссертации.

— О! Вы получите даже собственную сноску, — пообещал доктор.

Румо слабел. Чавканье в его ушах не прекращалось и Румо понял, что тени вытягивали не мозг, а его силы, волю и жизнь.

Он удвоил свои старания и это так удивило нападавших, что они на секунду прекратили чавканье. Или причиной было то, что Румо неожиданно нащупал левой рукой? Нечто, что было не просто холодным и скользким, а имело что-то твёрдое внутри. Он ухватился за это и больше не отпускал. "Странно", — подумал он, — "это похоже на язык циклопа!"

Цвет знаний

Смайк стоял у подножия строения, состоящего из парящих друг над другом круглых прозрачных дисков. Каждый из них был размером с большой дом и имел отличный от других цвет. Они парили друг на другом и уходили высоко в небо над Северным Оцтафаном.

— И как я попаду туда вовнутрь? — спросил Смайк. — Что я должен делать?

— Нырнуть, — опять из ниоткуда раздался голос Колибрила. — Просто падайте сверху вниз сквозь диски.

— Сверху?

Смайк не успел получить ответа, как уже пулей летел к вершине башни. Он не кричал, так как за это время привык ко всему происходящему в мозгах Колибрила. Достигнув вершины он подлетел к середине верхнего диска и посмотрел вниз. Находясь один под другим диски создали такой цвет, которого Смайк ещё никогда не видел.

— Этот цвет называется "разумный", — сказал Колибрил. — Цвет знания. Вы готовы?

— Да я го..., — только и успел сказать Смайк и полетел вниз.

Первый диск, в который он погрузился, был светло-голубого цвета.

— Голубой: астрономия! — торжественно воскликнул голос Колибрила.

Бетельгейзе. Прямое восхождение. Геоид. Гравитационная постоянная. Сверхновые звёзды. Паллада. Монтировка телескопов. Объём солнца. Спиральные галактики. Эмиссионная туманность. Энтропия. Лунное затмение. Орион. Плеяды. Вдруг всё это стало совершенно понятными Смайку словами, определениями, о которых он теперь без предварительной подготовки мог бы болтать часами. Он чувствовал, как голубой свет протекал через его мозг и наполнял его знаниями по астрономии. Альдебаран. Сириус. Южный тропик. Спектральная плотность мощности излучения абсолютно чёрного тела. Тритон. Арктур. Антарес. Вега. Синопе. Эклиптика.

Эти и сотни других понятий были за доли секунды впитаны его мозгом. И тут всё прекратилось. Смайк пролетал бесцветное пространство между дисками, направляясь к зелёному диску.

— Зелёный: биология!, — воскликнул Колибрил.

Цинобактерии. Интерферон. Изогамия. Морфоз. Дубильные вещества. Нижнезамонийские листочные семена. Бактерии гремучего газа. Коралловые полипы. Мимикрия. Секретия. Желудочки головного мозга. Инфузории. Пищеварение таракрыс. Анемофилия. Безрогие единороги. Селсильное оплодотворение...

Опять бесцветное пространство. Боже мой, как это быстро! Смайк летел в бледно-красный диск.

Красный: история! Наттифтофская смена порядков наследования. Войны циклопов. Родовое дерево династии бургомистров Атлантиды. Каменно-угольный период. Конституция Гралзунда. Столетний мир. Друидская гибридополитика во времена правления Регинанама Салиаса III. Утверждение плана дождевых снопов. Кризис канальных драконов. Жёлтая чума. Изгнание пятисот генералов. Амнезия демонов.

Жёлтый: физика! Частотная модуляция. Гидростатический парадокс. Плотность генифского газа. Поляризуемые молекулы. Друидская угловая скорость. Постулаты Соловейчика. Квантовые константы. Фернхатинская интерференционная трубка. Эхоизоляция. Частота телепатических волн. Интолератор Хабермуса. Зоны тишины. Резистенция. Древнезамонийские законы падения. И так далее, диск за диском: фиолетовый — математика, бирюзовый — философия, карминный — замонийская грамматика, оранжевый — медицина. Каждую секунду пролетал Смайк через новый диск. Он пролетел уже сотни цветов и каждый наполнял его мозг знаниями, пока в нём не закончилось пустое место. Сквозь последние этажи он пролетал не запоминая ничего из того, что в них хранилось.

На уровне первого этажа его падение неожиданно прекратилось. Он парил пару секунд над полом и затем плавно, как пёрышко опустился на него.

Оглушённый Смайк пытался рассортировать полученную информацию. Но его голова раскалывалась от боли.

— Это скоро пройдёт, — раздался голос Колибрила откуда-то сверху. — Я имею ввиду это неприятное интеллектуальное чувство переполнение между синапсами. Информация должна сначала осесть в вашем мозгу.

Смайк громко рыгнул.

— Просто выньте палец из моего уха, — сказал Колибрил, — и мы снова увидимся на поляне. Прогулка закончилась.

Холодные тени

Смайк огляделся вокруг. Он был опять на поляне. Костёр почти потух. Его глаза медленно привыкали к слабому освещению. Румо тяжело дыша, сидел на толстом корне. В пыли вокруг костра лежало пять тёмных существ. Они были немного похожи на обезьян. На мёртвых чёрных обезьян.

— Что это за...существа? — спросил Смайк.

— Лунные тени, — ответил Колибрил, наклонившись над одним из существ и с любопытством его ощупывая.

— Лунные тени? Они мертвы?

— Как минимум они холодные. Как лунный свет, — ответил эйдет.

— Они мертвы, — сказал Румо.

— Как ты это сделал? — с любопытством спросил Колибрил. — До сих пор считалось, что они могут умереть только долгое время не получая пропитания.

— У них есть хвосты, — сказал Румо. — Хвосты с позвоночником, который можно сломать.

— Интересно, — пробормотал Колибрил.

— Я опять обязан тебе своей жизнью, — сказал Смайк. — Мы оба.

Румо лишь покачал головой:

— Можем мы наконец лечь спать?

— Ложись спокойно. Доктор и я будем сторожить.

Доктор кивнул:

— Мне была обещана увлекательная история о боевых способностях нашего спасителя.

— Вы её услышите, — сказал Смайк. — Но не удивляйтесь, когда вы встретите в ней профессора Соловейчика и услышите важные сведения о языках циклопов.

— О! Профессора Соловейчика можно встретить везде, — ответил Колибрил. — А информация о языках циклопов никогда не может быть достаточной.

Прощание

Румо чувствовал себя хорошо выспавшимся и отдохнувшим, когда он утром проснулся. Ночью он мгновенно уснул и спал так крепко, что никакие разговоры и смех Смайка и Колибрила не смогли бы его разбудить.

Смайк и Колибрил прощались долго и обстоятельно, в то время как Румо нетерпеливо рядом топтался на месте. Судя по всему они подружились ночью во время их беседы — им явно было тяжело расстаться. Наконец они разошлись в разные стороны. Колибрил направился на северо-запад, постоянно оборачиваясь назад и махая им рукой, а Смайк и Румо пошли в противоположную сторону. Смайк махал ему в ответ, пока доктор не скрылся с глаз.

Некоторое время они шли молча вперёд. Смайк погрузился глубоко в свои мысли, он пытался навести порядок в своей голове. Ему казалось, будто его мозг отремонтировали и построили в нём пару новых этажей. Он радовался свежим, захватывающим мыслям и информации, появившимся у него в голове.

Румо же в это время собирал орехи и ягоды, проверял периодически наличие серебряной нити и наслаждался тем, что Смайк наконец-то

был занят самим собой. Деревья встречались всё реже и реже и вскоре они оказались в холмистой местности покрытой только травой. После обеда они заметили огромного чёрного пса, который был слишком труслив, чтобы к ним поближе подойти. Он шёл за ними до вечера, а когда стемнело он исчез, но они ещё полночи слышали его вой.

Следующие дни они продвигались вперёд по бесконечному полю, заросшему травой и заселённому миллиардами кузнечиков. Своим стрёкотом и попытками подобраться к ним поближе, особенно по ночам, кузнечики почти свели их с ума. Румо и Смайк прошли мимо заброшенного города, сплетённого из травы и стоявшего посередине этого зелёного моря. В одном доме они нашли два скелета, сидевшие за столом друг напротив друга. У каждого в руках было по выстреленному арбалету, а в черепах у них торчали стрелы. Травяные бандиты, предположил Смайк.

Через неделю Смайк, когда он более-менее разобрался со своими мыслями, начал время от времени пытаться разбудить у Румо интерес к красоте флоринтской ультралогики, биологии моллюсков или друидской математики. Но Румо практически не проявлял интереса. Ему важнее всего было быстрее продвигаться вперёд. Смайк знал причину спешки Румо и грустно сообщил ему, что по этой же причине их ждёт вскоре неизбежное расставание.

Лесные пираты, оборотень, минокентавр и ночной удав

Было бы несправедливо сказать, что Смайк и Румо пробирались дальше, на юг Замонии, совсем без приключений, так, сперва, они встретили банду из пяти лесных пиратов, затем бешеного оборотня, потом замумифицированного минокентавра, и в конце концов — ночного удава.

Но по сравнению с тем, что с ними уже произошло, эти встречи нельзя было назвать очень увлекательными. Даже не смотря на то, что лесные пираты получили множество переломов, включая чрезвычайно сложные, что оборотень был похоронен Румо заживо головой вниз, что минокентавр после общения с Румо стал вегетарианцем, а ночной удав, пытаясь задушить, был сам среди ночи задушен.

Но кроме этого у них случались и мирные встречи, как, например, с группой друидов, находящихся в поисках Странствующего яйца, которое, якобы, может думать; с наглым паромщиком, который за переправу через реку Лох запросил такую сумму, размер которой напоминал о пре-

ступном бандитском вымогательстве (но в итоге он сделал это бесплатно); со множеством безвредных пастбищных животных и мирных овчаров и пастухов, населявших огромные луга южной Фернхахии.

Смайк и Румо находились уже далеко на юго-западе Замонии, когда Смайк однажды утром во время завтрака стал необычайно молчаливым. Он вздыхал каждую минуту, а лицо его было печальным. Румо мог объяснить это лишь скудным завтраком. Они сидели посреди широкого поля, чья трава почти до корней была объедена овцами, и грызли сырую репу.

— Послушай, Румо, — сказал вдруг

Смайк. — Время пришло.

Румо наклонил голову
набок:

— Какое время?

— Время расстаться.

— Расстаться? Зачем мы
должны расстаться?

— Для этого есть множество причин. Во-первых, сейчас самый правильный момент для этого. Чем дальше я иду с тобой, тем больше я удаляюсь от моего собственного пути. Я хочу в цивилизацию. Я хочу видеть большие города, знакомиться с новыми людьми. Вместо этого я забираюсь с тобой всё глубже в эти унылые пастбища.

Румо молчал.

— И ещё, — продолжил Смайк, — я не хочу никого обвинять, поскольку не знаю кто именно в этом виноват, но наверняка ты это тоже заметил, что с тех пор, как мы с тобой встретились, мы притягиваем к себе опасность.

— Последнее время было достаточно интересно, — сказал Румо.

— Для тебя это может быть и нормально, мой мальчик! Ты молод. Тебя это только веселит, но я хочу уже наконец покоя. Теперь мы должны пойти каждый своим путём.

— Я иду по своему пути.

— Я знаю. И это последняя и самая важная причина. Поэтому я меняю своё направление. Ты направляешься в Вольпертинг, а мне там делать нечего.

— Ты знаешь куда я иду?

— Ну конечно. Все разумные вольпертингеры когда-нибудь идут в Вольпертинг.

— А почему ты не идёшь со мной?

— Ты это поймёшь, когда придёшь туда.

— Куда ты отправишься?

— Примерное направление — северо-запад. Туда, где большие города. Может быть во Флоринг.

Румо кивнул.

— Хорошо, мальш, расстанемся без кучи слов. Это время было понастоящему хорошим. Может быть мы ещё когда-нибудь увидимся.

— Наверняка!

— Не будь так уверен. Этот континент огромен. Но один совет напоследок я могу тебе ещё дать: когда тебя кто-нибудь спросит, кто ты, тогда отвечай: я — Румо, вольпертингер. Это вызывает уважение, даже у тех, кто ни разу не видел вольпертингеров.

— Хорошо, — сказал Румо и встал.

— Как на счёт последней загадки? — спросил Смайк.

— Почему бы и нет? — ответил Румо.

— Тогда слушай: чем длиннее это будет, тем короче это становится.

Что это?

— Не знаю.

— Я надеюсь ты сможешь ответить на этот вопрос, когда мы снова встретимся.

Прощание Смайка и Румо прошло гораздо менее драматично, чем это можно было ожидать от двух друзей, вместе столько всего переживших. Причиной этого был замкнутый характер Румо. Они пожали руки и разошлись каждый в свою сторону.

Город нитей

У Румо была лишь одна цель. Он следовал за серебряной нитью, желая найти её источник. Ни ландшафт вокруг, ни люди его не интересовали. Без Смайка он мог игнорировать окружающий мир, что в данный момент он считал вполне уместным. Он бежал подня, позволяя себе лишь короткий отдых, во время которого он переходил на шаг. А если он хотел что-то съесть, то просто совал в рот сырые овощи или фрукты. Он избегал деревни и таверны. По ночам он сворачивался клубком где-нибудь в лесу, чтобы поспать пару часов.

Иногда его охватывал страх, что серебряная нить вдруг порвётся или исчезнет. Тогда Румо закрывал глаза и облегчённо вздыхал, так как нить была всё ещё там, и с каждым днём, с каждой неделей становилась ярче и чётче.

Однажды утром, проснувшись, Румо заметил, что к серебряной нити добавились и другие запахи: аромат огня и хлеба, скота и овса, навоза и сена. Те, которые были ему знакомы с детства. Но там были и другие запахи, которые были похожи на его собственный запах и сбивали его с толку.

Однажды вечером, уже в сумерках, Румо поднялся на вершину холма, покрытого виноградником. Оттуда он мог хорошо разглядеть холмистую долину впереди себя. Там, посередине, разделённый пополам рекой и окружённый массивными каменными стенами, лежал город. Румо прикрыл глаза и глубоко вдохнул носом. Серебряная нить и все остальные разноцветные нити спускались с неба прямо в город и терялись в лабиринте улиц и домов. Это мог быть только тот город, о котором говорил Смайк. Это был Вольпертинг.

Румо дошёл до своей цели.

III. Вольпертинг

Если бы города могли разговаривать, то Вольпертинг, скорее всего, говорил бы каждому мимо проходящему путнику:

"Привет незнакомец! Ты вольпертингер? Нет? Тогда исчезни! Да, давай, катись отсюда, иди своей дорожкой! И даже не думай о попытке войти в этот город! Ты пришёл с миром? Хорошо, тогда пройдишь разок вокруг меня, полюбуйся на мои прекрасные защитные сооружения, а затем — исчезни и расскажи каждому, каким неприступным и негостеприимным показался тебе Вольпертинг. Как он хорошо охраняется и как он опасен. Спасибо и прощай!

Если ты пришёл с враждебными намерениями, незнакомец, тогда лучше быстро вырежи своё сердце из груди, поскольку это будет лёгкой смертью, по сравнению с тем, что тебя ожидает, если ты попытаешься что-либо против меня предпринять. Видишь мои готовые к обороне башни? Видишь вольпертингера, спрятавшегося за бойницей и прицелившегося своим двойным арбалетом тебе между глаз? Конечно ты его не видишь, так как он очень хорошо спрятался, да и сейчас ты уже вообще больше ничего не увидишь, когда две стрелы будут торчать из твоих мёртвых глаз. А что ты думаешь о воротах, чёрных и больших, ты же их видишь? Нет, это не дерево, это только так выглядит, тупица, это — прочный замонийский чугун. Свой таран можешь обратно запаковывать. А видишь эти тонкие трубки, торчащие из стен? Если ты умудишься, что абсолютно невозможно, пробраться через ров под градом стрел, то тогда включится специальная система, поливающая тебя особым звериным секретом, собранным у орнистских кислотных червей. Одна его капля за несколько секунд прожёт в тебе дыру от твой макушки до стоп. Тебе бы очень повезло, если бы в это время стрела освободила тебя от боли, но мы принципиально не тратим стрелы на такие милосердные выстрелы. Но ни в коем случае не позволяй этим мелочам удержать тебя от нападения на наш город, незнакомец! Мы еле сдерживаемся, чтобы не опробовать на тебе наши камнемёты, отравленные дрогики, арбалеты, бочки со смолой, огненные катапульты и метательные топоры. Или городская стена? Выглядит как совершенно обычная стена, не правда ли? Забраться

по ней вверх, по этим грубым камням — раз плюнуть! Ты тоже так думаешь? Но когда ты доберёшься до середины, то стена начнёт двигаться. Ты подумаешь: э, что это? Но будет уже слишком поздно, так как одни камни начнут двигаться вовнутрь, а другие наружу, они начнут крутиться и ты поймёшь, что ты попал в крупнейшую мясорубку в истории замонийской защитной техники. Ты, конечно же, можешь ещё спрыгнуть вниз — это всего метров десять, на острые железные копыя, только что выехавшие из земли. Так что, путник, приходи к нам спокойно! Приходи и умри!"

Но города не умеют разговаривать, и когда Румо к нему подошёл, он не сказал Румо ничего. Он прошёл по мосту над городским рвом и остановился перед решёткой у западного входа в Вольпертинг. Он был настроен попасть в город, даже если будет необходимо силой прорываться через эту дверь.

— Ты кто? — крикнул сверху привратник.

Румо не мог его видеть, но он слышал за какой бойницей тот спрятался.

— Я — Румо, вольпертингер, — произнёс он громко и чётко. Он уже обдумывал, сколько времени ему понадобится, чтобы взобраться вверх по стене, пролезть в бойницу, вырубить привратника, вылезти с другой стороны стены и исчезнуть в уличной толпе. Примерно тридцать-сорок ударов сердца, не больше.

— Ты вольпертингер? Эй, тогда заходи! — весело крикнул привратник и включил хорошо смазанный механизм, поднявший бесшумно входные ворота вверх на такую высоту, чтобы Румо смог под ними проскользнуть. Затем решётка снова опустилась вниз.

Городской друг

Румо вошёл в город. Из башни, в которой наверняка находился механизм для поднятия решётки, выбежал вольпертингер. Он был минимум на голову ниже Румо. На нём были серые кожаные штаны, чёрные кожаные сапоги и зашнурованный жилет из коровьей кожи. Он протянул новоприбывшему руку и дружелюбно сказал:

— Добро пожаловать в Вольпертинг!

Румо быстро осмотрел его с ног до головы, кивнул и направился в город. Маленький побежал за ним:

— Эй! — крикнул он. — Так, дружок, не пойдёт! Ты не можешь просто так войти сюда. Существуют правила.

— Я тебе не друг, — враждебно прорычал Румо. Смайк подготовил его к сражению, но не к цивилизованной жизни.

— Нет? Пожалуйста. Но я — твой друг. Нравится тебе это или нет. Я — Урс, твой городской друг.

Румо шёл дальше, Урс следовал за ним по пятам. Он видел вокруг себя десятки вольпертингеров! И тут должно быть их ещё больше — он чувствовал огромное количество их запахов.

— Каждый новоприбывший вольпертингер получает, по закону, городского друга, — сказал Урс. — Это должно помочь быстрее преодолеть ощущение чужеродность. Если бы ты не был вольпертингером, то я был бы твоим городским врагом. Каждый, кто не является вольпертингером и сможет дойти досюда, тот получает городского врага. Тогда бы я не болтал с тобой дружелюбно, а свернул бы твою голову назад и выбросил бы тебя катапультой за стену. Но, во-первых, это ещё никому не удалось, а во-вторых — ты вольпертингер, а значит я твой друг, понял? Ещё раз, как ты сказал тебя зовут?

Румо открылся. Он закрыл глаза, чтобы разыскать серебряную нить, но увидел лишь огромное количество беспорядочно спутанных разноцветных нитей. Запах его соплеменников был так силён, что выделить один отдельный аромат было невозможно.

— Эй! Как тебя зовут? — спросил Урс. — Я не расслышал твоего имени.

Румо открыл глаза.

— Меня зовут Румо, — ответил он.

— Румо? Серьёзно? Тебя зовут Румо? — Урс ухмыльнулся. — А тебе уже кто-нибудь говорил, что тебя зовут как карточную игру?

— Да, говорили, — ответил Румо. — Я тут, потому что я кое-что ищу.

— Знаю, — сказал Урс. — Ты ищешь свою серебряную нить.

Румо был озадачен:

— Откуда ты знаешь?

— А мы все её ищем, — ухмыльнулся ещё раз Урс.

— Ты тоже ищешь свою серебряную нить?

— Да. Нет. Э-э-э, давай-ка обо всём по порядку! Идём, успокойся-ка для начала, ты же теперь дома.

Румо попытался расслабиться. Этот вольпертингер был дружелюбен, он чувствовал это.

— Ты имеешь в виду, что я могу здесь где-то спать?

— И даже больше! Ты можешь здесь жить. Но всё по порядку. Сперва ты должен пойти к бургомистру. Так положено. Идём, я отведу тебя к нему.

Гот

— Кто построил этот город? — спросил Румо, когда они шли по узким переулкам.

— Никто не строил Вольпертингер. Я имею в виду, что кто-то это, конечно, сделал, но никому неизвестно кто. Дело было так: пару веков назад в эту местность пришёл вольпертингер по имени Гот и обнаружил этот город таким, как он и сейчас выглядит — с городской стеной, с домами и улицами. Ворота были открыты, но в городе не было ни одного существа. Легенда гласит, что когда Гот подошёл ближе к городу, то увидел, как один голубь и одна муха попытались влететь в ворота. Голубь был сражён градом стрел, а муха — ядовитым дротиком. Хот подумал минутку и пошёл через ворота. Над головой он держал щит — он был смелым, но не был идиотом. Ничего не произошло. Поэтому он решил, что город принадлежит ему.

— Ага.

— Ну да, так гласит легенда, это было давно, кто же теперь знает правду? Меня это почитание Гота слегка раздражает. Гот тут, Гот там. Улица имени Гота, школа имени Гота, булочная имени Гота. Что бы сказал сам Гот по этому поводу? Большой юбилей Гота. Гот, Гот, Гот. Он просто зашёл в город — ну что тут такого особенного? Если бы пару сотен лет назад я тут мимо проходил, называли бы здесь всё теперь именем Урса.

Можешь себе представить? Тогда бы мы шли сейчас по улице Урса, а не по аллее Гога, — вздохнул он.

— Ты слишком много говоришь, — сказал Румо.

Урс не обратил внимания на это замечание.

— Что это значит? В любом случае я считаю, что это отлично, что защита города всё ещё так хорошо действует, как в легенде. Я имею в виду, что у нас, конечно, нет стрел и дротиков, убивающих голубей и мух, но мы и сами можем быть на стороже, понимаешь? Я бы не хотел быть на месте того, кто решит напасть на наш прекрасный город.

— Понимаю.

— Ну хорошо, будем играть по правилам. Сначала я отведу тебя к бургомистру, затем к твоему новому жилищу.

Одни и другие

Чем ближе подходили они к центру города, тем больше своих соплеменников видел Румо на улицах — прямоходящих собак с маленькими рожками. Некоторые из них было со свирепыми мордами бультерьеров, у других были мощные тела ротвейлеров, у кого-то были узкие глаза северных ездовых собак или обвисшие щёки боксёров. Он видел волков, левреток, такс и овчарок, некоторые даже были похожи на лис. Некоторые были похожи на него, некоторые на Урса, но все они издавали этот миротворящий запах. Румо чуял, что они все похожи на него.

— Эти запахи просто вырубают, а? — сказал Урс. — Сразу же чувствуешь себя дома. Больше никакой опасности. Мы все тут друзья.

Но кое-какое различие сбивало Румо с толку. Тут были одни вольпертингеры и другие. По-другому он в данный момент не мог выразиться. Одни вольпертингеры пахли так же, как и он: дико, безопасно, по-собачьи. А другие пахли дико, по-собачьи и, м-да, как же это сказать? Они пах-

ли хорошо. Даже очень хорошо. В любом случае намного лучше, чем первые вольпертингеры. Они пахли ... интересно. В остальном они лишь едва заметно отличались от своих товарищей. Одежда у них была такой же — кожаные штаны, жилетки, камзолы, меховые куртки, льняные рубашки. Но на них она сидела как-то лучше. Их глаза были другими — больше, красивее, таинственнее. Их движения были элегантнее. Всё это нравилось Румо, но всё-таки эти другие вольпертингеры вызвали у него какой-то страх. Что же это означало?

Урс взглянул на него сбоку:

— Ну, и как тебе наши девушки?

— Девушки?

— Да, девушки. Как они тебе?

— А что такое девушки?

— Ты шутишь?

— Что такое девушки? — спросил Румо ещё раз.

— О, парень, ты что, только что с пальмы спустился? Ты на самом деле не знаешь кто такие девушки?

Смайк никогда не рассказывал о девушках. Этот разговор стал Румо не совсем приятен.

— Тебе повезло, приятель! Я — главный эксперт по девушкам в Вольпертинге! Я крупный специалист в вопросах девушек. Я могу всему тебя научить, но об этом позже, — и он странно засмеялся, что Румо совсем не понравилось.

"Девушки", — запомнил он. Очень красивое слово.

Ещё кое-что заметил Румо: многие, точнее даже большинство вольпертингеров, имели оружие. Маленькие топорики на поясе, то тут, то там кто-то с арбалетом за плечами, но у большинства было режущее или колющее оружие: шпаги, сабли или мечи. А у некоторых из них были маленькие квадратные дощечки в клеточку. Город полный загадок.

Они подошли к реке, с обеих сторон которой была возведена стена. Её течение было очень быстрым, она выглядела очень глубокой и опасной.

— Это — Вольпер, — сказал Урс. — Видишь, она огорожена. И для этого есть свои причины.

— Вольпертингеры не умеют плавать, — ответил Румо.

— Ага, тебе это уже известно. Ты не знаешь кто такие девушки, но ты знаешь, что ты не умеешь плавать. Наверное ты уже бывал около воды?

Румо кивнул.

— Каждый год тут тонет несколько вольпертингеров. И всегда летом. Они просто, не смотря на инстинкты, хотят проверить, могут ли они плавать. Мы можем делать многие вещи, но две из них нам недоступны: мы не можем летать и мы не можем плавать.

Они шли дальше по переулкам. Урс впереди, Румо за ним, оглядываясь с любопытством и нервно нюхая воздух. Смайку бы Вольпертинг понравился, если бы его в него пустили. Тут были и таверны, о которых он так мечтал — вольпертингеры сидели в них за деревянным столами, ели, пили или склонялись над этими дощечками в клеточку. Тут были и магазины, и мостовые, и каменные дома, толпы народу, шум, музыка, всевозможные запахи. И тут были эти другие вольпертингеры, некоторые из них бросали на Румо загадочные взгляды.

Когда они завернули за угол, то неожиданно оказались свидетелями сцены, показавшейся Румо очень странной: два вольпертингера лежали на тротуаре, вцепившись друг в друга и определённо пытаясь задушить один другого. Группа молодых вольпертингеров стояла вокруг дерущихся даже и не пытаясь их разнять. И ещё хуже — они подзадоривали дерущихся!

— Что тут происходит? — спросил Румо.

— Урок борьбы, — скучно ответил Урс. Он остановился у дома, отличавшегося от других своим размером и кичливым фасадом .

— Это — ратуша. Я отведу тебя сейчас к бургомистру. Вытри ноги! И будь осторожен, отвечая на его вопросы. Чувство юмора у него полностью отсутствует.

Йодлер-с-гор

— Как тебя зовут? — бургомистр сидел за простым деревянным письменным столом, уставившись на лист бумаги. Он был потомком сенбернардов — ярко выраженные мешки под глазами и меланхоличный взгляд. Тело его было покрыто бесчисленными складками кожи, а в середине его крупного черепа зияла вмятина, как будто кто-то давным-давно ударил его топором по голове.

— Румо.

Бургомистр первый раз взглянул на него.

— Ты издеваешься? Тебе что, никто не сказал, что у меня отсутствует чувство юмора? Как тебя зовут, я спрашиваю!

— Меня зовут Румо.

Бургомистр отодвинул лист бумаги в сторону и посмотрел на него с сочувствием:

— Как карточную игру?

Румо пожал плечами.

— Какая у тебя фамилия? — спросил бургомистр.

Румо понятия не имел о том, что такое фамилия.

— Когда-нибудь она у тебя появится. Итак, тебя зовут Румо — бедный мальчик! Но всё-таки: приятно познакомиться! Меня зовут Йодлер-с-гор. Ты можешь звать меня бургомистр.

Румо кивнул.

— Что ты умеешь?

Румо подумал лишь секунду:

— Я могу хорошо сражаться.

Бургомистр грустно улыбнулся:

— Это умеет тут каждый. С таким же успехом ты бы мог сказать: "Я умею мочиться". Все вольпертингеры умеют сражаться. Я имею в виду: что ты умеешь ещё, кроме как сражаться?

На этот раз Румо долго обдумывал. Ему ничего не приходило в голову.

— Владеешь ли ты каким-нибудь ремеслом?

Румо напряжённо думал. Считалось ли хорошее обоняние ремеслом?

— Кузнец? Столяр? Повар? Писарь?

Румо покачал головой.

— А что с этим? — бургомистр указал на зубы Румо. — Можешь ли ты произносить речи?

Покачивание головой.

— Значит ты ничего не умеешь.

Румо бы с удовольствием рассказал про сражение на Чёртовых скалах, но это прозвучало бы как хвастовство.

Бургомистр откашлялся, как перед официальным заявлением:

— Каждый вольпертингер что-то умеет. Моё личное мнение — У каждого вольпертингера есть своё призвание. Он должен только выяснить — какое. Некоторые выясняют это очень быстро. Некоторым нужно на это больше времени. Некоторые не узнают этого никогда — им просто не повезло. Это — моя философия. Не особо изысканная философия, но я и не могу особо утончённо философствовать. Лучше всего я могу быть бургомистром.

Румо нетерпеливо переминался с ноги на ногу.

— Вольпертингеры могут не только хорошо сражаться, это просто не всем известно. Но мы над этим работаем. Мы стараемся, чтобы вольпертингерам предлагали работу не только в качестве телохранителей или элитных бойцов. Однажды нас начнут ценить и за наше духовное развитие. Мы великолепно играем в шахматы.

Терпение Румо заканчивалось. Разговор длился дольше, чем ему хотелось. Что такое шахматы? Он же хотел сражаться, а не играть.

— Какие у тебя вообще планы на будущее?

Румо не понял вопроса.

— Какова твоя цель?

— Я ищу серебряную нить.

Бургомистр закатил глаза:

— Мой мальчик, мы все её ищем. Но кроме этого в жизни есть и другие вещи. Например, э-э-э..., — он посмотрел сосредоточенно на стол, как будто на нём было написано про смысл жизни, затем опять на Румо.

— М-да, ну ты уж сам разберёшься. Хе-хе, — неуклюже засмеялся он. — А теперь закончим все формальности.

Бургомистр открыл ящик стола и вынул лист бумаги:

— Как только подпишешь этот формуляр, то сразу же станешь законным жителем Вольпертинга. Тогда у тебя появятся права на бесплатное жильё и еду. Ты можешь бесплатно посещать школу и пользоваться нашей библиотекой. У тебя появятся следующие обязанности...

Румо, как он обычно, когда дело не касалось сражения, слушал невнимательно. Слова влетали в одно ухо и вылетали из другого.

— Здесь подпиши.

— Хм?

— Твоё имя. Тут впиши.

— Я не умею писать.

— Я так и думал. Большинство новоприбывших не умеют писать.

Тогда ты должен пролить свою кровь.

— Что?

— Кто не умеет писать, тот проливает кровь. Сюда!

Бургомистр протянул Румо большую иглу.

— Коли в палец. Оттуда лучше всего кровь льётся.

— Минуточку, — подумал Румо, — а что я тут, собственно говоря, делаю?

Сейчас вот речь шла не об обязанностях ли? Он не хотел связываться с чем-то, отчего у него появлялись обязанности. Он только освободился из плена, он был свободен и хотел познакомиться с нормальной жизнью и Замонией. Он не знал, хочет ли он остаться в Вольпертинге. Хорошо — тут много вольпертингеров. Но Смайк рассказывал, что и в других больших городах можно их встретить. Он особо не жаждал общения со своими соплеменниками. Он был скорее одиночкой. Он хотел только узнать, что значила эта серебряная нить, а потом он бы опять исчез.

Бургомистр привычно вздохнул и произнёс:

— Нужно тебя убеждать?

Румо не был уверен. Нет, вообще-то он хотел уйти.

Сражение

— Две причины: первая — сражение.

Румо насторожился:

— Что именно?

— Мы научим тебя. В нашей школе. Научим по-настоящему сражаться. Не это дуракаваляние, которым инстинктивно владеет каждый вольпертингер. Было бы глупо не развивать эти способности. У нас

лучшие учителя по рукопашному бою. Курс по борьбе с тенью. Борьба. Удары в прыжке. Фехтование в темноте. Битва на топорах. Использование моргенштернов. Арбалеты. Дальневосточная борьба в полёте. Слепое метание ножей. Использование в бою одновременно трёх оружий. И так далее, и тому подобное.

— Вы учите борьбе с оружием?

— Неохотно. Но иногда это необходимо. Было бы наивно полагать, что на этом опасном континенте можно обойтись лишь кулаками, особенно если ты — вольпертинг и каждый бандит считает своей обязанностью с тобой подраться. Учителем фехтования у нас работает Ушан де Люкка!

Голос бургомистра зазвучал восторженно:

— Он лучше всех в Замонии владеет шпагой! И мечом! И рапирой! И ятаганом! И тёрочкой для трюфеля, если это не обходимо. Он лучший во всём, что имеет клинок.

Румо стал вдруг будто наэлектризован:

— Если я пойду в школу, меня там научат фехтованию? — Смайк много рассказывал ему об этом опасном виде сражения.

— Само собой разумеется. Кроме этого ты научишься читать, писать, считать и играть в шахматы. История героев. Немного замонийской литературы. Уход за зубами, конечно. Но боевые искусства — главное в нашей школе. К примеру тридцать часов в неделю посвящены обучению самозащите.

Румо взял иглу.

— Секундочку! — сказал Бургомистр. — Я же ещё не назвал вторую причину.

Румо поднял уши.

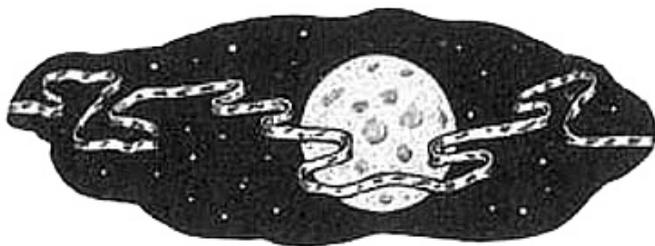
— Вторая причина: только в Вольпертинге ты найдёшь свою серебряную нить.

Румо уколол свой палец и пара капель крови упали на бумагу.

— Эти две причины убеждают каждого вольпертингера, — ухмыльнулся бургомистр. — Если бы вы, молодые попрыгунчики, умели читать, я бы сэкономил кучу времени. Тогда бы я всё это написал на доске и повесил бы её над столом, и мне не пришлось бы столько болтать.

Переулоч Хоты 12

Жильё Румо находилось в переулке Хоты 12, в маленьком домике, в котором вместе с ним жил Урс и ещё три других молодых вольпертингера: Тоби, Аксель и Оберт-из-Родника, тройняшки, уютные длинношерстные потомки овчарок, дружелюбно поприветствовавшие Румо. Его собственная комната была маленькой, но полностью обставленной: у него была своя первая кровать, свой первый стул, свой первый стол, свой первый камин. Румо посмотрел в своё первое окно. Внизу проходили вольпертингеры, как одни, так и другие, они разговаривали и смеялись. Он лёг на кровать и стал обдумывать, на сколько правильное решение он принял. Окружённый успокаивающими запахами и звуками цивилизации, в которой не было ни одного его врага, он незаметно для себя уснул. Румо спал крепко и долго, так как в последний раз он спал в своей корзинке на дворе.

Кофе, одежда, права и обязанности

На следующее утро Урс зашёл за Румо, чтобы отвести его в школу. Он постучал в дверь, принёс хлеб и кофе с молоком и они завтракали с Румо за его первым собственным столом.

— Что это? — спросил Румо, прихлёбывая горячий напиток.

— Это — кофе.

— Кофе, — повторил Румо. Напиток ему понравился. Он не делал тебя усталым или сытым, а наоборот — бодрил.

— А, кстати, пока тебе кто-то другой не сказал: твоя одежда воняет кровомясниками.

— Я знаю.

— Это один из запахов, не особо любимых в этом городе. Будет лучше, если ты переоденешься перед тем как идти в школу. Я одолжил у Акселя пару вещей. У вас примерно одинаковый размер.

Румо был только рад избавиться от запаха кровоясников, к тому же, как утверждал Урс, новая одежда — штаны, жилет и сапоги, всё из чёрной кожи — отлично подходила ему.

По дороге в школу его городской друг попытался вкратце объяснить, как организована жизнь в Вольпертинге. Всё было основано на сложной системе прав и обязанностей, в которой деньги и законы практически не играли никакой роли. Единственный закон гласил: кто не исполняет своих обязанностей, тот лишается прав и должен покинуть город. За этим следит бургомистр и пара десятков членов городского совета — сплошь почтенные седые вольпертингеры. Им докладывают об уклонениях исполнения обязанностей и они принимают соответствующие меры. Это и была вся бюрократия, политика и власть в Вольпертинге. К обязанностям принадлежали, например, посещение школы, уборка улиц, уборка снега зимой, прополка городского огорода, работа на фермах, рубка дров для слабых и больных вольпертингеров, вымешивание теста в городских булочных, помощь в больнице — вся работа, распределяемая согласно годовому плану городского совета между жителями города. Обязанностью была также защита Вольпертинга, рискуя даже собственной жизнью, когда городу угрожала опасность, что, вообще, ещё никогда не случилось. В качестве вознаграждения за выполняемые обязанности каждый имел право на бесплатное жильё и еду, на бесплатное обучение в школе и бесплатное пользование общественной библиотекой, а также спортивными и медицинскими учреждениями. Каждый имел право на посещение большой ярмарки, ежегодно проводимой перед воротами города, для чего каждый получал карманные деньги. Городская казна пополнялась за счёт продажи продуктов сельского хозяйства в близлежащие города. Можно было зайти в булочную и взять себе хлеба на день. Если кто-то приходил второй раз, то это выглядело уже странно. Если же кто-то появлялся в булочной третий раз за день, то его выгоняли оттуда лопатой для угля.

Это всё рассказал Урс Румо, пока они шли в школу. Румо всё это показало справедливой сделкой. Тут речь шла о работе и урегулированном образе жизни, но в конце концов его научат использованию в бою опасных видов оружия. За это он согласился бы даже в одиночку убирать мусор во всём Вольпертинге.

— Там — пожарная вышка.

Урс указывал Румо на достопримечательности и заведения города, мимо которых они проходили.

— Там — городская мясная лавка. Лучшая кровяная колбаса Замонии, мой дорогой.

— Это — театр.

— Театр?

— Да. Культура, понимаешь?

— Нет, — ответил Румо.

— А вот тут — общественная уборная.

Румо непонимающе вытаращил глаза.

— Ты можешь там спокойно мочиться. В специальный резервуар. Это специально для того, чтобы никто не писал на улицах.

— Почему не на улице?

— О боже, хорошо, что ты спросил. В Вольпертинге это запрещено. Ты находишься в цивилизованном городе, а не в диком лесу, понял? Мы — вольпертинги. Мы пишаем с удовольствием, как и все наши предки, но мы пишаем в контейнеры, которые потом можно почистить. Представь себе, если бы каждый начал делать это на улице... какой бы это был свинарник! Запомни это, если тебе важно быть жителем этого города.

"Общественная уборная", — запомнил Румо.

— А вон там — Чёрный купол.

Они пересекли площадь, на которой стояло удивительное строение, самое большое из тех, что Румо когда-либо видел: огромная чёрная полу-сфера, как будто высеченная из одного единственного гигантского чёрного камня.

— А что там внутри?

— Не знаю. Никто не знает. Тут нет входа, нет окон. Никто не входит туда, никто не выходит. Мы называем это чёрным куполом, так как это купол и он чёрный. Больше мы о нём ничего не знаем. Мы пытались прорубить дыру, но после того, как сломались пара кирок, мы перестали. Может быть это памятник, построенный бывшими жителями города. А там — ещё одна общественная уборная!

— Ещё одна?

— В нашем городе больше уборных, чем в любом другом городе Замонии. А вот и школа.

Школа

Школа находилось в самом большом и высоком здании Вольпертинга. Она была даже выше чёрного купола. Своими стенами и башнями из гранита она напоминала замок. Это сходство усиливал тот факт, что школа была построена на скале. В коридорах, похожих на лабиринт, по которым Урс вёл Румо, было прохладно и темно. Они были забиты молодыми вольпертингерами, куда-то спешившими или стоящими в группах, разговаривая и смеясь. Румо даже не представлял, что момент, когда он с Урсом переступил порог классной комнаты, перевернёт его жизнь с ног на голову. Если бы он не решил пойти и в школу и покинул бы Вольпертинг, его жизнь сложилась бы совсем по-другому. Меньше приключений, вероятно, меньше опасностей, может быть и меньше счастья, так как в классной комнате находилось то, о чём он всё это время мечтал. Там было то, что привело его в Вольпертинг и то, о чём он всё ещё не имел ни малейшего понятия. В этом классе была его серебряная нить.

Румо сперва оглядел класс. Двенадцать молодых учеников сидели за старыми, исписанными партами и все уставились на него. Затем он увидел учителя — коренастого вольпертингера с моноклем и в свитере, испачканном мелом, стоявшего у доски, исписанной непонятными символами. А затем он увидел её.

Рала

Конечно Румо не знал, что её зовут Рала. Он даже не знал что она — девушка, не говоря уже о том, что ему было неизвестно, кто такие эти девушки. Но, не смотря на постыдно низкий уровень знаний в этом вопросе, он инстинктивно знал, что она и была причиной его похода в Вольпертинг. Он закрыл глаза, на секунду, и увидел её — серебряную нить, сильную и сверкающую, как никогда, протянувшуюся между его грудью и грудью Ралы.

Румо опять открыл глаза. Он ухватился за дверь, иначе бы он упал, как тогда, когда впервые увидел циклопов.

Молодые вольпертингеры захихикали, а учитель строго на него посмотрел. Урс обернулся и прошипел:

— Давай, иди уже! И не вздумай сбежать!

Румо качнулся вперёд и врезался в спину Урса. Это вызвало у класса очередной приступ смеха.

— Прекрасное начало! — прошептал Урс и громко обратился к учителю, — Это — новенький. Я его городской друг. Он уже официально за-свидетельствован бургомистром. Место жительства — улица Хота, 12. Извиняюсь за беспокойство.

И он вышел из комнаты, проворчав Румо:

— Соберись-ка уже!

Дверь захлопнулась и Румо остался стоять один перед дюжиной незнакомых вольпертингеров. Половина из них были другими.

— Как тебя зовут? — спросил учитель.

"Опять это начинается!" — подумал

Румо.

— Румо, — ответил он.

— Тебя зовут как карточную игру?

— Да, — вздохнул Румо.

Ученики засмеялись.

— А дальше?

— Что дальше?

— Твоя фамилия.

Фамилия? Об этом уже говорил бургомистр... Румо молчал. Он начал потеть. Ученики хихикали. Он даже и не думал оказаться в такой неприятной ситуации, находясь в кругу дружественно настроенных соплеменников.

— У нас у всех есть фамилии, — начал объяснять учитель. — Меня, например, зовут Гарра. Это моё имя. А поскольку я родом из Мидгарда, то меня зовут Гарра Мидгардский.

Вольпертингеры перешёптывались.

Румо лихорадочно думал. Откуда же он родом? Из Фернхалии? Он не был уверен. Кроме того слово Фернхалия звучит очень глупо. И тяжело произносится. А где же он ещё был? На Чёртовых скалах. Ну здорово: Румо-с-Чёртовых-скал, да они же все с криками разбегутся, когда услышат.

С задних парт раздался нетерпеливый стон.

Откуда он родом?

— Давай уже! — крикнул кто-то.

Вдруг его осенило. О чём он мог сказать с уверенностью, так это:

— Меня зовут Румо Замонийский.

Какое-то время в классе царила абсолютная тишина. Затем один молодой вольпертингер с чертами бультерьера откинулся назад и сказал:

— А по чему бы сразу не император Флоринта? Или властелин вселенной?

Раздались смешки.

— Рольф, закрой рот! — сказал Гарра Мидгардский. — А почему бы и нет? Румо Замонийский — красивое имя.

Рольф нагло улыбался. Смех стих.

— Румо, ты можешь сесть там. Попробуй для начала просто послушать, что я рассказываю. Сейчас у нас как раз история героев. Потом я объясню тебе, как у нас тут всё происходит, — и учитель указал на свободный стул в конце классной комнаты.

Всё ещё смущённый Румо сел на своё место. Ученики с любопытством поворачивались к нему и шушукались. Как могло так получиться, что находясь в таком месте, где отсутствовали его естественные враги и опасности, он чувствовал себя настолько беспомощным и неуверенным? Там, снаружи, за воротами Вольпертинга, всё было намного проще. Опаснее, но проще. Тут, внутри было безопаснее, но сложнее. Правила. Обязанности. Вопросы. Фамилии. Другие вольпертинги.

Он бы с огромным удовольствием сбежал сейчас туда, в дикий мир и избил бы парочку кровомясников.

Румо попытался сконцентрироваться. Гарра Мидгардский прохаживался перед классом туда-сюда и бормотал умиротворяющим голосом учебный материал, время от времени он царапал на доске пару знаков, которые Румо не мог расшифровать. Насколько он понял, речь шла о героях.

История героев

Согласно достоверным источникам, рассказывал Гарра Мидгардский, первым героем Замонии был безмяннный замониец размером с большой палец руки. Героизм его состоял в том, что во время сильнейшего урагана он залез на сухой опавший листок, полетел на нём и врезался в вулкан. Вулкан законсервировал в лаве раздробленные останки замонийца, с помощью которых палеонтологи, обнаружившие позднее отпечаток, смогли восстановить события. Этот замониец проявил минимальные требования предъявляемые в то время героям: бессмысленную отвагу под угрозой собственной жизни.

В последующие, более цивилизованные времена, для совершения героического поступка уже требовалась определённая цель. К примеру, поиск мистического предмета — этого было достаточно для обоснования

опасного для жизни глупого поступка. Так стали героями те богатыри, которые во время поиска заколдованного носового платка или трёх четырёхугольных шаров были сожраны оборотнями или погребены под каменной лавиной. Их имена были известны: Саед Гаппи, Минка Морелла, Кнот Фрюгенбард и Кумудаватии Гипитотикки. Умереть за более или менее неясные цели было в те времена основной предпосылкой героического поступка.

Примерно в то же время — а это информация, как подчеркнул Гарра Мидгардский, не была научно подтверждена — у побережья Замонии появился остров, позднее затонувший, на котором воспитывали героев.

Легенда гласит, что на этом острове, называвшемся Гипноз, была запрещена смерть во всех её проявлениях. Там не было похорон, гробов, могил и кладбищ. Не было венков и урн, не было скорби и слёз, и даже само слово "смерть" официально не существовало. Само собой разумеется, что там умирали, из-за инфаркта или несчастного случая, и тогда у них появлялся труп. Но как только такое произошло первый раз, то сразу же появились, так называемые, Чёрные люди с Гипноза, которые забирали тело, увозили его далеко в море и, привязав к нему тяжёлый камень, бросали в воду. Если кто-то серьёзно заболел, то над ним склонялись врачи с озабоченными лицами, душили его подушкой и ждали, когда Чёрные люди за ним придут. А если кто-то спрашивал про больного, то ему отвечали, что тот будет долго-долго находиться на оздоровительном курорте. Если кто-то пытался узнать о состоянии и местонахождении больного более чем один раз, то тогда приходили Чёрные люди и увозили любопытного в открытое море.

Они не хотели, чтобы герои, воспитываемые на острове, узнали о смерти. Только герой не знающий о смерти будет абсолютно бесстрашным. Избранные будущие герои были привезены на остров ещё младенцами. Кормилицы нежили их и вскармливали. Мудрые учителя воспитывали их и обучали всем известным боевым искусствам. Делалось всё возможное для того, чтобы они вели счастливую и полноценную жизнь, до того момента, когда их посылали в бой. С пением они шли на поле битвы, и не только потому, что они были смелыми, а потому, что они не знали страха. И именно поэтому они не должны были быть отличными бойцами. Они были неосторожны, отказывались от доспехов, не мужски они считали прятаться в укрытиях. Нападение — это хорошо, защита — трусость. И на поле боя умирали они, как мухи.

Следующее поколение героев искало другие идеалы. В замонийском раннем средневековье героизм принял особо осторожную форму.

Важными считались наиточнейшее планирование и меры предосторожности. Обращалось внимание на погоду, на собственную физическую форму в конкретный день и на астрологические предсказания. Они охотнее отменяли совершение пары героических поступков, чем бросались безрассудно в сражение. Представителем этого времени был Зигмунд Нерешительный, который так долго переносил дуэль с своим заклятым врагом, ужасным графом Гралсунда, пока тот из-за хронической язвы желудка не потерял боеспособность. Или Эди Бабочкин, который не совершил ни одного героического подвига, зато написал огромное количество наискупнейших, но популярных книг о совершении героических подвигов, а конкретнее — о самых затяжных и подробных подготовках к их свершению.

Герои следующей эпохи, продолжил Гарра Мидгардский, не были безмозглыми аборигенами, не были романтичными дураками или пугливыми мямлями. Они были настоящими бойцами, сражавшимися за справедливые вещи, высокие цели или сердце возлюбленной: Виолетта Валентина, освободившая своего возлюбленного из темницы безумного князя Эгнаррока; Аюндreas Полусильный, погасивший в одиночку и только с помощью золотого топора восстание рюбенцелеров в Мидгарде; Фазольд Фафнирский, который позволил канальному дракону проглотить себя, проглотив перед этим столько яда канальных драконов, что его хватило бы для умерщвления целой армии этих монстров — вот это были герои из крови и плоти, подтверждённые исторически, а не являющиеся мифами и сомнительными легендами.

За последние двести лет спектр героев заметно расширился. Герой не обязательно должен был быть мёртвым. Его героизм не обязательно должен был быть связан с полем битвы, это могло быть искусство, музыка, литература, медицина или какая-то другая область естествознания.

Хильдегунст Мифорез — титан замонийской литературы, профессор доктор Абдул Соловейчик — гениальный учёный и изобретатель, Колофониус Дождесвет — легендарный охотник за книгами, погибший в катакомбах Книгогорода, Хуласебдендер Шрути — автор Жуткой музыки, — это были герои! Представители современных героев для подтверждения своей доблести не должны были больше размахивать кровавыми топорами, теперь для этого хватало пера, опущенного в чернила, или дистрижёрской палочки.

Таким смелым утверждением закончил Гарра Мидгардский свой урок. Представление Румо о героизме, подкреплённое многочисленными

рассказами Смайка, было совсем иным. Даже очень постаравшись, он не мог представить себе героя со скрипичным смычком в руках вместо меча.

Румо не заметил, что его чувство беспомощности и отчуждённости исчезло, а к концу урока он уже даже привык сидеть на стуле. Прозвенел звонок. Румо подскочил, будто очнулся ото сна на яву. Вот он, значит, какой — школьный урок. Будто спишь с открытыми глазами.

Таско, Биала и Олег

Перемена. Большая перемена. Когда Румо вышел из класса, голова его гудела от всех этих школьных правил, о которых рассказал ему Гарри: он должен был взять себе тетради и ручки в школьном управлении; чтению, правописанию и счёту он будет учиться на дополнительных уроках; шахматы и борьба преподаются на специальных курсах; расписания уроков висят там-то и там-то; посещение уроков по истории героев было на добровольной основе; экзамены и домашние задания отсутствовали. Румо пошёл за остальными учениками, которые спешили на улицу. В середине двора стояла палатка, где раздавали горячий кофе, какао, куриный суп и яблоки.

Румо был слишком напряжён, чтобы чувствовать голод. Беспокойно ходил он по двору. Везде стояли маленькие группы и чаще всего одни вольпертингеры стояли в стороне от других вольпертингеров. Они разговаривали и смеялись, то тут, то там кто-то в шутку ругался, они носились друг за другом и бросались яблоками.

В одной из групп других вольпертингеров Румо увидел Ралу. Он быстро отвернулся, так как почувствовал, как кровь ударила в голову. На нетвёрдых ногах он пошёл спиной вперёд — хотел спрятаться за деревом — и оступился. Но он удержался на ногах, не упал, и при этом заметил, что споткнулся о чью-то ногу.

— О! Прошу прощения! — ухмыльнулся Рольф и убрал ногу. — Я виноват.

Он стоял, прислонившись спиной к дереву. Около него стояло ещё три вольпертингера. Они были не из класса Румо. Рольф подбросил блестящее зелёное яблоко в воздух и словил его. Затем он указал по очереди на своих приятелей и сказал:

— Позволь представить: Таско Краснолесский, Биала Бухтинг и Олег Дюнный.

Все трое поклонились. У Таско была белая шерсть и зелёные, опасные, раскосые глаза, как у северных собак. Биала был питбультерьером, как и Рольф, только его шерсть была коричневой. Олег был потомком овчарок.

— А это — Румо Замонийский, — сказал Рольф. — Новичок с громким именем. Ну, и куда же так торопитесь ваше величество? — ухмыльнулся он. — Срочные государственные дела?

Кровь снова ударила Румо в голову.

Банда Рольфа прыснула со смеху. Румо лихорадочно искал непринуждённый ответ, но ему ничего не приходило в голову. Поэтому он сказал:

— Мы можем сразиться, если хочешь.

— Ого! — одновременно выдохнули Таско и Олег.

Биала отошёл в сторону. Рольф заговорил так тихо, что его голос едва был слышен:

— Ты быстро переходишь от слов к делу. Сразиться? А ты сам-то умеешь? Как обстоит дело с твоими рефлексами, Румо Замонийский?

Румо удивился, как быстро полетело яблоко в его сторону — намного быстрее, чем стрелы, выпущенные Кромеком Тума. Рольф, должно быть, бросил его с невероятной силой и этого никто не заметил. Но, несмотря на это, у Румо оставалось достаточно времени, чтобы определить траекторию полёта и обдумать свою реакцию. Он дождался, когда яблоко близко подлетело к его лицу, слегка нагнул голову в сторону, пропуская его мимо себя, и молниеносно вцепился в него зубами. Зажав яблоко между зубов он посмотрел на Рольфа, а затем, закинув голову назад, подбросил яблоко в воздух, одним движением проглотил его и облизал губы.

— Чёрт побери! — воскликнул Олег. — Вот это скорость!

Рольф нервно прищурился. Этот новый вольпертингер был по-настоящему ловким! Он попытался скрыть своё удивление и сказал, всё так же тихо и спокойно:

— М-да, именно так реагируют новички, пришедшие из дремучего леса, на еду. Они съедают её быстрее, чем ты успеешь глазом моргнуть.

"Ну, хватит, — подумал Румо, — он сам напросился."

Теперь ему было почти жалко Рольфа. То, что сейчас с ним произойдёт, случится настолько быстро, что они поверят, что Румо умеет колдовать. Он не хотел причинить ему боль, он хотел лишь его унижить. Он должен упасть на землю до того, как он поймёт, что с ним произошло. Румо очень быстро бросился к Рольфу.

Как только Рольф увидел, что Румо к нему приближается, перед его внутренним глазом на мгновение запылало белое пламя. Но он сейчас же потушил его, так как научился им управлять и не позволял ему каждый раз разгораться.

История Рольфа

Дикие родители Рольфа оставили его вместе с его сестрой-близнецом в Большом лесу. Там их и словил охотник. Он их продал одному крестьянину, который, собственно говоря, им не был. Кровомясник, который купил щенков за две бутылки самодельной сивухи, был, на самом деле, самогонщиком и бандитом и содержал для прикрытия убогую ферму с тремя животными — тощей коровой, тощей свиньёй и тощей овцой. Рольф должен был стать сторожевым псом. Кровомясник, которого звали Нидхуг, не имел ни малейшего понятия о вольпертингерах. И поскольку он постоянно пребывал в запое, то и маленькие рожки на головах щенков он не заметил. Он считал их каким-то подвидом диких псов. Для того, чтобы его сторожевой пёс начал его уважать, кровомясник прибегнул к жесточайшей мере. Он медленно и систематически бил дубинкой сестру Рольфа, пока не убил её и Рольф, прикованный цепью, вынужден был всё это наблюдать. Затем Нидхуг унёс труп в лес в качестве жертвы дикому богу-медведю, в которого он верил.

Нидхуг посадил Рольфа на жёсткую диету — еда, по его мнению, делала пса сонным и невнимательным. Он запер его в клетке во дворе. В неё периодически лился дождь и иногда даже падал снег — пёс должен был быть всегда бодрым. Раз в день кровомясник приходил к Рольфу, чтобы бить его кожаным ремнём. Пьяный Нидхуг избивал вольпертингера до тех пор, пока один из них не падал без чувств.

Когда у Рольфа начался период роста, Нидхуг был сперва озадачен, а затем он обрадовался, что владеет таким быстрорастущим зверем, который день ото дня становился опаснее.

Но это его и немного пугало, поэтому он посадил вольпертингера на крепкую цепь в сарае. Что, с одной стороны, было хорошо, так как теперь Рольф был защищён от дождя и снега, но с другой стороны — плохо, так как Нидхуг мог избивать его и в плохую погоду.

Рольф охотно опробовал свои растущие зубы на деревянной балке, к которой была прикреплена его цепь. Он кусал, грыз и сосал дерево, постоянно думая о побеге. И каким же это было для него сюрпризом, когда однажды погрызенная балка сломалась и упала в солому. На шею Рольфа всё ещё висела цепь, но он был свободен.

Он ещё никогда ни одному живому существу не причинял боли, до сих пор обижали только его. Его тело было сплошь покрыто шрамами и ранами. Одно ухо у него было порвано, когда пряжка от ремня неудачно его задела. Эта рана воспалилась и кровоточила несколько недель. Рольф пребывал в нерешительности. Он мог бы убежать в лес, но он не сделал этого. Он мог бы пробраться в дом и напасть из-за спины на Нидхуга, но и этого он тоже не сделал. Он лежал в сарае и ждал. Ожидал привычного течения событий. Ближе к вечеру дверь сарая распахнулась и ввалился Нидхуг с ремнём, зажатым в кулаке.

В этот момент Рольф впервые увидел белое пламя. Перед ним запылала ярко-белая стена огня и он на самом деле поверил, что в сарае неожиданно вспыхнул пожар. Но тут пламя снова пропала и воцарилась тишина. Нидхуг исчез. Сначала Рольф решил, что кровомясник сбежал от него, в дом или в близлежащий лес. Но затем он заметил, что Нидхуг всё ещё находился в сарае. Рука бандита лежала на полу перед ним. Сено и стены было забрызганы его кровью. Голова его была насажена на кол. Там лежала нога, а тут — ещё одна рука. Рольф оглядел себя — он был полностью облит кровью. Он прошёл с Нидхутом сквозь белое пламя.

С тех пор Рольф много раз видел этот огонь, всегда, когда ему серьёзно угрожали. И только в Вольпертинге он научился сдерживать эту опасную силу. Как и сейчас, когда Румо ринулся к нему.

Ушан де Люкка

Румо бросился к Рольфу, как молния, его действия были точно продуманы. Он знал, что сейчас произойдёт: движения Рольфа замедлятся, он пролетит мимо него, подставит ему ногу и локтем толкнёт в грудь, чтобы противник упал на землю. Рольф и его приятели будут ошеломлены и шокированы быстротой Румо.

Но произошло кое-что другое. Кое-что, из-за чего Румо был почти так же сбит с толку, как и в момент, когда он впервые зашёл в классную комнату: движения Рольфа не замедлились.

Они стали быстрее.

Да, Рольф двигался так же быстро, как и он сам — он отпрыгнул в сторону и Румо пролетел мимо него. Он ещё не успел понять, что произошло, как Рольф схватил его сзади за горло и прижал к земле.

До этого момента Румо не встречал ни одного существа, которое могло двигаться так же быстро, как и он. Циклопы были сильнее его. Кро-вомясники были лучше вооружены. Удав был пластичнее. Скорость была его козырем. Румо понял, что это было козырем всех вольпертингеров. То, что было сенсацией за воротами этого города, тут, на школьном дворе являлось само собой разумеющимся.

Вот поэтому у Румо не получилось повалить Рольфа на землю и теперь они катались, схватившись друг за друга, по двору.

То, что выглядело как спутанный клубок рычащих и шипящих вольпертингеров, фактически являлось точным повторением боевых приёмов. Рольф повторял каждый удар и приём Румо, а каждая атака Рольфа находила своё отражение в атаках Румо. Оба, инстинктивно, не пользовались зубами. Всем было понятно, что это больше, чем обычная школьная драка. Вокруг дерущихся собралась толпа зрителей. Такие серьёзные драки, где обе стороны были столь решительно настроены, являлись редкостью.

Вдруг Румо почувствовал, что его за загривок схватила сильная лапа, не принадлежавшая Рольфу. Его резко поставили на ноги, рядом с ним стоял его противник, откашливаясь и такой же испачканный, как Румо. Его также за загривок держала рука. А затем он увидел такое печальное лицо вольпертингера, какое он никогда раньше не встречал. Лапы и лицо принадлежали Ушану де Люкка, легендарному школьному учителю фехтования. Сегодня он был дежурным. Он отпустил обоих и встал перед ними.

— Вы, двое, что это за нецивилизованные манеры поведения? — спросил он тихо. — Вы ведёте себя как дворняги.

Что каждому в первую очередь бросалось в глаза, так это на редкость меланхоличное выражение лица Ушана де Люкка. Он выглядел так, будто всё его лицо из-за силы притяжения тянулось в сторону земли — уголки его губ, складки и мешки под глазами упорно стремились вниз. Голос его был низким и медленным.

— И вообще, ты кто?

— Румо. Румо Замонийский.

— Новичок. Ага. Румо Замонийский? Это звучит, как псевдоним безумного карточного шулера.

Рольф засмеялся.

— Тебе это должно быть известно, Рольф. Ты уже тут достаточно давно, чтобы знать, что я не терплю драк вне моего урока.

— Он первый начал, — сказал Рольф.

— Ты наверняка нашёл способ заставить его начать. — Де Люкка указал на здание школы. — Почиститесь и разойдитесь. И если я ещё раз застану вас за подобным занятием, то в наказание вы оба будете целую неделю чистить все школьные туалеты.

Они оба разбрелись в разные стороны, вдвойне униженные из-за неудавшейся победы и нагоняя учителя. Ученики тарасили глаза на Румо, когда он отряхнул пыль и ушёл в школу.

Уход за зубами, счёт и шахматы

Время после перемены тянулось бесконечно. Далматин с безупречной челюстью по имени Тассо Флоринский прочитал им лекцию об уходе за зубами. Он продемонстрировал им, как с помощью шёлковой нити можно почистить узкое пространство между зубами. Затем он поднял вопрос о важности зубной гигиены вообще, и в особенности для вольпертингеров.

— Челюсти, — повторял он снова и снова, — важнейший инструмент вольпертингера! И уход за ними — наша наиглавнейшая обязанность. Не огромные дикие звери являются нашими самыми страшными врагами, а крошечные микробы, живущие у нас между зубов. С ними мы должны сражаться каждый день! — Затем он нарисовал на доске типичный зуб вольпертингера в разрезе и объяснил, как маленьким микробам удаётся пробраться внутрь зуба и сотворить там ужасные вещи.

Пока у Румо получалось не смотреть в сторону Рольфа, ему удавалось без труда следить за лекцией. Это было не так просто, так взбудоражило его произошедшее. Но в последующие часы всевозрастающая скука смыла всё возбуждение. В конце Тассо Флоринский провёл урок арифметики, дисциплина, которая не понравилась Румо с самого начала. Никто не требовал от него активного участия в уроке, поскольку уровень класса был достаточно высок, а Румо должен был начать учить арифметику с самого нуля. Он должен был там просто спокойно сидеть и терпеть усыпляющие ряды чисел и формул. К тому же Тассо рисовал на доске не-

понятные знаки, с помощью которых, как он надменно утверждал, возможно рассчитать всё во вселенной.

Румо бы никогда не поверил, но следующий урок оказался ещё мучительнее — Харра Мидгардский два часа учил играть их в шахматы. Это была игра на деревянной доске деревянными фигурами, главной целью которой, судя по всему, являлось заставить своего соперника умереть со скуки. Всё это время его одноклассники молча сидели друг против друга за теми клетчатыми досками, которые он уже несколько раз видел, и скучали. Лишь время от времени кто-нибудь шевелился и переставлял фигуру на доске. Затем все опять впадали в гнетущее оцепенение, а учитель в это время бесстыдно дремал на подоконнике. Единственным развлечением были моменты, когда кто-то говорил "шах" или "мат".

Румо не должен был играть, поэтому у него оказалось достаточно времени, чтобы обдумать, что по-видимому, предметы в школе можно было разделить на те, которые нравятся (история героев, уход за зубами), на те, которые безразличны (шахматы) и те, которые ему совершенно не нравятся (арифметика). Того предмета, которого он с таким нетерпением ждал, в первый день занятий не было.

Вольпертингерки

Когда после обеда Румо вышел из здания школы, Урс уже ждал его на улице, держа в руках пакет со сладкой выпечкой, и жевал бублик.

— Ну? Как всё прошло? — спросил он подавая пакет Румо.

Румо отказался.

— Спасибо. Великолепно. Уже успел подрасться.

— Поздравляю. А с кем?

— С каким-то Рольфом.

— С Рольфом? Именно с ним? Ну, тогда поздравляю! Могу с уверенностью сказать, что ты выбрал себе в противники одного из лучших бойцов Вольпертинга. Это было сложно?

— Ничья.

— Ничья? Против Рольфа? — Урс восхищённо присвистнул.

— Я рассчитывал на лучший результат.

Какое-то время они шли молча, Урс ел один бублик за другим.

— Ну, а вообще как? Как тебе школа?

Румо сморщился:

— Ну, так...

— Это с каждым так. Только идиотам школа нравится сразу. Потом привыкнешь.

— Я точно не привыкну. А особенно к другим вольпертингерам.

— К другим вольпертингерам? Что ты имеешь ввиду?

Румо незаметно указал носом на противоположную сторону улицы, где стояла хихикающая компания вольпертингеров вместе с Ралой.

— А, эти! Ты имеешь ввиду девушек?

— Это и есть девушки??

— Конечно. Вон та, с длинными волосами, — Рала. Девушка что надо!

— Рала, — пробормотал Румо.

Урс с сочувствием посмотрел на Румо:

— Я не верю в это! Ты правда не знаешь ничего про девушек?

Румо не знал почему, но этот вопрос был ему неприятен.

— Это не вольпертингеры. Это — вольпертингерки.

— Ки?

— Боже ты мой! — сказал Урс. — Ты на самом деле ничего про них не знаешь! — Урс положил руку на плечо Румо и посмотрел ему в глаза. Голос его стал ниже. — Бедный мальчик! — сказал он. — Думаю, я обязан срочно рассказать тебе кое-что о девушках...

Чудо жизни

Румо лежал одетым в кровати, без настроения жевал бублик и обдумывал всё произошедшее за последние несколько часов. День выдался не из лёгких. Несколько раз его мировоззрение было перевёрнуто с ног на голову. А то, что Урс рассказал по дороге домой, обеспечило ему бессонную ночь.

Это чудовишно! На самом деле существовала два сорта вольпертингеров: самцы и самки. И это далеко не всё! Чтобы окончательно сбить Румо с толку Урс рассказал ему, что практически каждый вид живых существ в Замонии представлен двумя сортами: два сорта фернхахинцев, два сорта кровомясников, два сорта того, два сорта этого. Затем он рассказал ему о чуде жизни: пчёлы что-то как-то делали с цветами и из этого получались каким-то образом два разных сорта бабочек — или что-то похожее. Самым важным тут были самки. Они издавали запахи от которых самцы сходили с ума. Серебряные нити, которые приводили самцов в Вольпер-

тинг. Каждая девушка посылала такую нить, каждый юноша следовал одной из этих нитей. И никто не знал почему.

Кроме этого Урс рассказал о маленьких вольпертингерах, которые откуда-то появлялись и которых затем оставляли в лесу. Но как и почему, он не мог или не хотел объяснить.

Рала. Девушки. Рольф. История героев. Маленькие микробы между зубов. Шахматы. Счёт. Чудо жизни. Этого определённо было слишком много для Румо, слишком много для одного дня. Несколько часов он беспокойно крутился в постели, потом встал, походил по комнате туда-сюда, лёг опять и стал слушать разговоры на улице. Рала, думал он. Рала. Рала. Рала.

Общее вольпертинговедение Гарры Мидгардского

Когда Румо проснулся утром, он не сразу понял, где он находится. Он уснул очень поздно, три часа ему снились сумасшедшие сны про Ралу и маленьких микробов, живших у него во рту, затем он был разбужен звуками, доносившимися с улицы сквозь открытое окно. По всему дому уже пахло свежесваренным кофе. В дверь постучались, Румо открыл. На пороге стоял Урс с кофейником.

После завтрака они шли недолго вместе в одну сторону, но потом их пути разошлись. Сегодня Урс взял на себя обязательство помочь в общественном колбасном цеху, который находился на западном конце города. Румо сам нашёл дорогу в школу. Он даже с первого раза нашёл комнату, где выдавали тетради и карандаши. Там же он получил кожаную сумку на ремне, пару книг, в которых он не мог расшифровать знаки, зубную щётку, бесконечно длинную шёлковую нить, маленькую коробочку с зубным порошком и одно яблоко. Затем он направился в свою классную комнату. Перед дверью он колебался лишь мгновение, затем решил, что он зайдёт в класс, посмотрит одноклассникам в лицо, сядет на своё место и, если это будет необходимо, будет сидеть там и учиться, пока не нагрёт мозолей на своём заду. Поскольку теперь у него была причина терпеть всё это. И этой причиной была девушка и у неё, даже, было имя: Рала.

Румо открыл дверь и направился к своему месту, пробираясь между шумящими школьниками. Его стул был занят. Там сидел Рольф. Он поджидал Румо.

— Это моё место, — сказал Румо.

— Если это твоё место, — ответил Рольф растягивая слова, — тогда попробуй сядь на него.

Шум затих. Все уставились на Румо и Рольфа.

Румо медленно поставил свою сумку на пол. Он уже знал, что заставить Рольфа врасплох ему не удастся. Теперь это будет правильный, наверняка продолжительный решающий поединок, до тех пор, пока один из них не сдастся.

— Это моё место, — спокойно повторил Румо. — Встань, пожалуйста!

Рольф нагло посмотрел на Румо и плюнул на пол.

— Это твоё место, — сказал он и указал носом на маленькую лужицу у ног Румо.

Хладнокровие Рольфа произвело на Румо впечатление. Его противник явно находился в худшем положении — Румо мог бы легко напасть на него сверху.

— Встань, Рольф, — раздался вдруг звонкий голос. — Сядь на своё место и оставь Румо в покое!

Румо оглянулся. Позади него стояла Рала и длинными пальцами вертела карандаш. Её взгляд был очень серьёзным. Рольф ухмыльнулся, но без возражений демонстративно медленно поднялся. Затем пошёл к своему стулу и сел.

В этот момент Гарра зашёл в класс. Остальные ученики и Румо тоже сели на свои места. Как же удалось Рале парой слов добиться того, спрашивал он себя, что не удалось ему с помощью всей его силы? Что за силой обладает Рала над Рольфом?

— Общее вольпертинговедение, — начал учитель и открыл доску. Он стёр губкой с зелёной доски материалы вчерашнего урока и нарисовал на ней, не особо высокохудожественно, собачью голову. В конце он дорисовал на голове пару маленьких рожек. Затем повернулся к классу. Румо заметил на его вязаном жилете каплю засохшего желтка.

— Вы когда-нибудь задумывались, откуда у нас на головах появились маленькие рожки? — спросил Гарра.

Парочка школьников потрогали свои рожки. Раздалось бормотание и беспомощные смешки.

— Может быть у кого-нибудь из вас среди родственников есть косуля? Горный козёл? Или, может быть, благородный олень был вашим прадедом?

Школьники захихикали.

— Правильно, вы смеётесь! А видели ли вы когда-нибудь собак с рожками? Или косуль с клыками? Почему мы, вольпертингеры, несём в себе наследие таких двух непохожих друг на друга существ? Охотника и жертвы? Диких хищников и безобидных травоядных? Вы никогда не задумывались?

Школьники молчали.

— Тогда я расскажу вам одну историю. Боюсь, она не сможет исчерпывающе ответить на этот вопрос, но, может быть, она кое-что объяснит. В любом случае я должен вас предупредить: это страшная история. Есть ли среди вас нежные создания, которые хотели бы покинуть класс? Рольф? Румо?

Все, кроме Рольфа и Румо, засмеялись. Судя по всему в учительской уже прослышали об их драке во дворе.

— Эта история произошла в Большом лесу. Вы, конечно же, знаете, что Большой лес всё ещё является белым пятном на карте Замонии — мало изучен и полон тайн, поэтому научно подтвердить всё произошедшее я не могу.

Школьники возбуждённо зашумели и уселись поудобнее. История Гарры явно пользовалась большой популярностью. Румо тоже навострил уши.

История Хладнокровного принца и принцессы Серебряное молочко

— Там, где часто в сумерках слышны безутешные стоны, — начал театральным голосом Гарра Мидгардский, — где тени строят злобные гримасы за вашей спиной и туман принимает странные образы, там неподалёку уже и Большой лес. Всего один совиный да два вороньих крика и вы дрожа стоите у его края перед холодящим душу забором чёрных призрачных деревьев, высоко вверх простирающих свои мёртвые ветви. Никто не заходил в лес, поскольку каждому известно, что глубоко в его чаще обитает Стопалая Мума, Вечноголодный Всеяд, Человек-без-лица, Жуткий Волк и Лесная Колдучиха. И так много-много лет жуткий лес оставался неизведанным...

Гарра сел на подоконник и уставился в одну точку.

— Но однажды в это место пришла принцесса Серебряное молочко — молодая косуля. Она уже была знакома со зловещими существами: изначально она была человеческим ребёнком, которого коварная ореховая ведьма превратила в косулю и оставила её на окраине Большого леса.

Все девушки в классе охнули, а юноши ухмыльнулись. Этой косуле грозят большие неприятности.

— Принцесса Серебряное молочко не знала ничего о Стопалой Муме, Вечноголодном Всеяде, Человеке-без-лица, Жутком Волке и Лесной Колдучихе, поэтому ничего не подозревая направилась она в чёрный лес. Вскоре наступила ночь. Лес стал опутывать принцессу Серебряное молочко тёмными тенями, но она заметила невдалеке слабый свет и, радостная, направилась к нему. Подойдя ближе она увидела, что свет исходил от маленького домика на полянке.

Гарра слез с подоконника, подошёл к первому ряду парт, облокотился на стол и посмотрел на школьников.

— В маленьких домиках на полянах в Большом лесу с огромным удовольствием обитают существа со злыми намерениями, не так ли? Ученики дружно, как загипнотизированные, закивали головами.

— Но об этом, конечно же, наша косуля ничего не знала. Невинное существо. Итак, она испуганно постучала передним копытцем в дверь домика.

Гарра повернулся и нежно постучал по одному из крыльев доски, затем осторожно открыл его и петли заскрипели, как у медленно открываемой двери.

— То, что открыло Серебряному молочку дверь, не было.. нет, это было не самое мерзкое создание, которое принцесса когда-либо встречала, или что-то подобное, нет, это была приятная старенькая бабушка, добродушно предложившая принцессе войти. Пожилая дама была рада неожиданной гостье и предложила ей восхитительный гуляш, кипевший над огнём в камине. Принцесса Серебряное молочко поблагодарила её и отказалась, поскольку с тех пор, как её заколдовали, она стала вегетарианкой. Но с удовольствием легла у тёплого огня. Никаких проблем, сказала бабушка, она очень быстро приготовит пару вкусных овощных фрикаделек, и направилась к плите. Серебряное молочко грелась у огня, устало вытянув ноги, и смотрела на успокоительно танцующие языки пламени. Старушка тихо пела и наша принцесса почти уснула.

Голос Гарри становился всё тише, пока не превратился в шёпот.

— Почти! — неожиданно громко воскликнул он и школьники испуганно подскочили.

— Так как вдруг — Бум! — дверь распахнулась и ночной ветер залетел в дом, диким вихрем пролетел по всему дому и вылетел наружу. Когда он исчез, принцесса Серебряное молочко заметила, что она осталась одна. Там, где раньше стояла старушка, теперь была огромная лужа крови, плита тоже была залита кровью, а вокруг лужи, всё ещё подёргиваясь, лежали сто отрезанных пальцев с длинными опасными когтями. В кастрюле на плите кипела оторванная голова злобной Мумы.

— Это мне уже знакомо, — мрачно пробормотал Рольф.

Гарра бросил на него недоверчивый взгляд.

— Поскольку старуха у плиты была ничем иным, как стопалой Мумой, — сказал учитель, — а не гостеприимной бабушкой.

Шепот пробежал по классу.

— Когда на следующий день принцесса Серебряное молочко бежала дальше по лесу, она встретила одного очень-очень худого человека, сидевшего на камне под дубом, — учитель снова понизил голос, он был тихим и серьёзным.

— Я — аскет, — сказал худой человек. — Это означает, что я практически ничего не ем. Только раз в две недели маленький камушек и щепотку песка, чтобы поддержать работу моей пищеварительной системы. С помощью этого я надеюсь достичь духовного озарения. Прекрасное дитя, не хочешь ли голодать со мной?

— Принцесса Серебряное молочко не поняла ни слова. Ей только послышалось "отдыхать" вместо "голодать", а против короткого отдыха она не имела ничего против. Итак, она легла в траву у ног худого человека. Он

монотонно бубнил о своих принципах голодания, слова его были похожи на тихий звон колокольчиков, предложения — на журчание ручейка, и он убаюкивал её, пока она почти не уснула.

У некоторых учеников стали закрываться глаза.

— Почти! — опять крикнул Гарра. — Так как в лесу поднялся ветер, пролетел между берёз, поднял в воздух сухую листву, так, что Серебряное молочко видела вокруг себя лишь танцующие осенние листья. Когда ветер стих, худой человек оказался намотанным на ветви дуба так, что каждая его кость была сломана. Он был совершенно мёртвым. А когда принцесса, осматривая ужасное тело, зашла за дуб, то там она обнаружила гору тщательно обглоданных черепов всевозможных лесных зверей, начиная с лисы и заканчивая единорогом. Там лежало и несколько черепов косуль. Худой человек был никем иным, как Вечноголодным Всеядом, а не голодающим аскетом, и принцесса была на волоске от смерти.

Гарра выдержал театральную паузу.

— Итак, — продолжил он, — Серебряное молочко побежала дальше в лес, так как опять наступала ночь. Она спряталась в кустах, поскольку теперь она не доверяла ни маленьким домикам, ни большим деревьям. Ночной ветер шумел в ветвях ив. На сердце у принцессы будто лежал камень. Её веки отяжелели и в третий раз она почти задремала, — Гарра замолчал.

— Почти! — закричал он так громко, что Румо чуть не свалился со своего стула. — Так как вдруг кто-то засопел прямо ей в ухо. Принцесса Серебряное молочко очнулась и увидела, что над ней склонилась тёмная тень. Она почувствовала, какой ледяной была тень, и в лунном свете увидела, что это был Человек-без-лица. Она ослабла, стала такой слабой, что не могла приподняться, так как тень высасывала через ухо её жизнь. Но вдруг в лесу зашумел ветер и Человек-без-лица замер. Раздался дикий рык, тень отлетела от принцессы и завертелась в воздухе, окружённая танцующей сухой листвой. Как только ветер снова стих, Серебряное молочко увидела, что Человек-без-лица лежит беззвучно на земле в необычной позе, будто ему сломали позвоночник.

— Это мне знакомо, — прошептал Румо. Гарра Мидгардский бросил и на него недоверчивый взгляд.

Затем он пересчитал по пальцам: — Стопалая Мума — мертва. Вечноголодный Всеяд — мёртв. Человек-без-лица — мёртв. Какие опасные существа остались ещё в лесу?

— Жуткий волк и Лесная колдучиха, — в один голос закричала половина класса.

— Правильно — и одно из этих существ стояло теперь около трупа Человека-без-лица и смотрело на Принцессу Серебряное молочко: большой чёрный волк, который мог стоять на двух задних лапах.

— Ух! — выдохнули школьники.

Гарра упёр кулаки в бока и принял небрежную позу.

— "Привет", — сказал Жуткий волк. "Здравствуй", — боязливо ответила Серебряное молочко. "Что тебе от меня надо?" "Я хочу тебя съесть", — сказал волк. И тут Принцесса начала горько плакать, а волк встал на четыре лапы, подошёл к ней и сказал: "Эй, это была просто шутка, только не начинай сразу плакать! У тебя что, совсем нет чувства юмора? Я не хочу тебя есть". Он был, как она дальше узнала из их беседы, ни какой не волк, а заколдованный человек, которого звали Хладнокровный принц. Вот так, Хладнокровный принц влюбился в принцессу Серебряное молочко, когда та зашла в Большой лес, и следовал за ней по пятам, чтобы защитить её от опасностей. Он был ветром, пролетевшим над Стопалой Мумой, Вечноголодным Всеядом и Челвеком-без-лица. И по ужасной случайности он был заколдован той же ведьмой, что и принцесса. Такие вещи сплачивают, поэтому принцесса Серебряное молочко тоже влюбилась в Хладнокровного принца и, ну да, они пошли туда, в самое тёмное место Большого леса, и там, э-э-э, произошло Чудо жизни. Румо и все остальные навострили уши.

— Э-э-э, через некоторое время, — быстро продолжил Гарра, — у принцессы Серебряное молочко родился мальчик. Это был не волк и не косуля. Это был волчонок с двумя маленькими рожками. И таким образом, следуя этой легенде, появились вольпертингеры. Гарра скрестил руки и его лицо приняло озабоченный вид.

— И поскольку это — замонийская сказка, а все замонийские сказки имеют несчастливый конец, то вот её трагическое окончание: однажды принцесса Серебряное молочко и Хладнокровный принц попали в сети коварной Лесной колдучихи и были ею, на глазах их ребёнка, э-э-э, высосаны. И так остался лишь одинокий сирота. Гарра откашлялся, обозначая этим конец истории. Некоторые девушки всхлипывали, а юноши толкались и ухмылялись, чтобы показать всем свою хладнокровность.

— Это была легенда, — сказал Гарра, — но как и во всех легендах, в ней есть доля правды. Человек-без-лица, к примеру, вероятно самое первое упоминание в народных сказаниях существа, которое мы называем Лунной тенью, а Лесная колдучиха...

— А что это было за Чудо жизни? — прервал его Румо. Он сам был больше всех сбит с толку тем, что решился вслух задать этот вопрос. Гарра уставился на Румо. Ученики уставились на Румо. Румо уставился на Гарру.

— Э-э-э-э, — сказал учитель.

У кого-то упал карандаш. Зазвенел школьный звонок.

— О! Урок закончен! — воскликнул Гарра. — М-да, на сегодня хватит. Перерыв. Все выходите! Выходите, выходите!

Так внезапно Гарра Мидгардский ещё никогда не заканчивал урока. Рала повернулась к Румо и одарила его долгим и загадочным взглядом. Гарра Мидгардский вылетел из классной комнаты, ученики последовали за ним.

Румо снова охватило чувство, будто он совершил ошибку, но какую, он не знал. У него не было никакого настроения идти на школьный двор и поэтому он остался сидеть в классе.

— Какой у нас следующий урок? — спросил он ученика, сидящего перед ним.

— Фехтование, — ответил он. — Фехтование у Ушана де Люкки. Румо сидел будто наэлектризованный. Фехтование! Сражение с опасным оружием! Наконец-то! Но у него не было оружия! Может на уроке можно было получить его?

Ога Железнодорожная

— Румо Замонийский? — маленькая, полная учительница с бульдожьим лицом стояла у дверей. — Это ты?

Румо встал.

— За мной! — пролаяла бульдожица.

— Меня зовут Ога Железнодорожная, — сказала учительница, пока она вела Румо за руку по коридорам школы. — Тебя зовут как карточную игру, ты уже в курсе?

— Да, — сказал Румо. — Куда мы идём?

— Я буду учить тебя письму и чтению.

— Но у нас сейчас фехтование.

— У других сейчас фехтование. У тебя — чтение.

Она провела его по коридору в подвал школьного здания, мимо каморки с вениками, мимо стопок пожелтевших школьных тетрадей, мимо отслуживших своё школьных скамеек. Поход закончился в маленькой, слабо освещённой комнате, где уже сидели три других ученика. Румо со сто-

ном сед. Он понял, что отсюда сбежать невозможно. Даже его взгляду невозможно было сбежать — в комнате не было ни одного окна, в которое он мог бы смотреть. Пара толстых свечей заполняли комнату беспокойным, тягостным, сумрачным светом.

В следующие, бесконечно длящиеся несколько часов, учительница поднимала вверх таблички, на которых были нарисованы всем известные предметы и животные — чайник, колесо, кошка, утка, шляпа, мышь, — а затем рисовала на доске значки, которые ученики должны были перерисовывать в тетрадь. Всё это она называла замогильным голосом с безжалостным упорством, картинку за картинкой, значок за значком, а потом опять всё сначала, час за часом, пока Румо и другие пленники не выучили значки так, что могли бы их рисовать даже во сне.

В конце урока Ога объяснила ученикам, что они имеют право посещать уроки фехтования и боевых искусств только после того, как научатся писать и читать. Ропот учеников заставил её заметить, что это — правило и что ни для кого не секрет, что это было сделано для того, чтобы школьники быстрее осваивали основы замонийского алфавита.

— Осёл, — сказала она, — передвигается гораздо быстрее, если у него перед носом висит морковь.

Когда Румо ближе к вечеру вышел из школы, ему понадобилось несколько минут, чтобы привыкнуть к свету вечернего солнца. Урс уже ждал его с длинной связкой колбасок, обмотанной вокруг шеи.

— Уже побывал в склепе? — ухмыльнулся он. — Они преподают чтение и письмо в этой тёмной пещере, чтобы процесс обучения протекал быстрее. Хочется как можно быстрее уйти оттуда, вот и зубришь, как идиот. Я научился писать читать за шесть недель.

— Шесть недель? И это ты считаешь быстро?

— Если ты провалишь экзамен, то будет двенадцать. Хочешь колбаску?

Склеп

Большую часть времени в последующие недели провёл Румо в изоляции от других школьников, заточённый в склепе с товарищами по несчастью и Огой Железнодорожской. Время от времени ему разрешалось посетить урок ухода за зубами и прослушать лекцию по общему вольпертинговедению, но каждый раз, когда его одноклассники дружно направлялись на уроки боевых искусств, его запирали в склепе и заставляли рисовать значки, обозначающие мыло, мяч, дерево и печку.

Слова, которые они выговаривали по буквам, с каждым днём становились длиннее. И вскоре им не нужны были больше таблички с картинками. Всё-таки Румо находил это любопытным, что возможно словить предметы на бумаге, нарисовав их значки. То, что он воспринимал это как охоту, сильно облегчало ему учёбу. Он сидел как пленник в темнице, но в мыслях он был далеко-далеко, в светлой степи, где он со своим карандашом-копьем охотился на дикие слова.

Тяжелее всего было то, что он почти всё время был далеко от Ралы, тогда как она с Рольфом и другими, возможно, училась у Ушана де Люкки разрубать саблей противника пополам.

Вечерами Румо сидел в своей комнате, вздыхая, склонившись над копией замонийского алфавита, так как он поклялся сам себе сдать экзамен с первого раза, чтобы как можно быстрее приступить к урокам фехтования и боя. По ночам ему снились буквы и Рала.

Обязанности

В то время, как здание школы было для Румо настоящим полем битвы, на котором были коварный враг (Рольф), непредсказуемый риск (Рала), бесконечное мучение (шахматы), позорный плен (склеп) и ужасные пытки (арифметика), остальной Вольпертинг был мирной зоной, местом

для его потребностей и способностей. На поле социальных обязанностей он постоянно одерживал победы благодаря своей сноровке: давали Румо мастерок в руку — через пару часов тут уже стояла приличная стена. Давали ему лопату — он в одиночку выкапывал ров для фундамента. К своему собственному удивлению Румо обнаружил, что ему удавалось практически всё с первого раза, при условии, что это был физический труд или ремесленная деятельность. За несколько недель он научился гончарному искусству, у кузнеца научился ковке и плавке металла, он мог обжечь кирпич и выкопать колодец. Румо не гнушался никакой работы, поскольку был уверен, что таким образом он готовит своё тело и рефлексы к урокам борьбы и фехтования. Для каждой работы требовались разные группы мышц и сухожилий: в гончарной мастерской он тренировал кисти рук, разноска писем и поручений укрепляла его ноги и тренировала выносливость, работа штукатурки укрепляла руки, ковка металла — плечи, копка рвов — спину. Работа около печи в булочной закаляла его против боли, а рыбалка в бурном Вольпере улучшала его реакцию.

Столярная мастерская Орнта ла Окро

Когда Румо зашёл в столярную мастерскую, чтобы забрать бревно для оптового магазина Царузо, его охватило странное желание. Для большинства вольпертингеров звуки и запахи в мастерской показались бы безразличными или даже неприятными, но для ушей Румо скрип циркулярной пилы с ножным приводом был прекрасной музыкой, для его носа запах древесного клея и морилки был сравним с изысканным ароматом воскресного жаркого. Свежеструганное дерево. Смола. Льняное масло. Пчелиный воск. Румо восторженно всё вокруг обнюхивал. Солнце попадало в мастерскую сквозь маленькое окошко, отражалось в мелкой древесной пыли, из-за чего инструменты были будто освещены волшебным танцующим светом. В середине комнаты стояли два тёмных и громоздких столярных верстака, обсыпанные стружками. На них лежали разнообразные рубанки, напильники, угольники, коловороты и на каждом столе были прикреплены мощные тиски.

Румо снял бревно с плеча и подошёл к верстаку. На столяра, стоявшего у циркулярной пилы, нажимавшего ногой на педаль и распиливающего бревно, он не обращал внимания. Он подобрал с пола доску, зажал её в тисках и начал обрабатывать рубанком.

Столяр Орнт ла Окро убрал ногу с педали и обернулся. Молодой вольпертингер стоял в его мастерской, за его верстаком и обрабатывал его мусор. Это было не просто необычно, это было неслыханно! Только он имел право обучать столярному мастерству и только он имел право выбирать учеников. И когда ученики находились в его мастерской, то только он мог решать, чем им заниматься.

Орнт заподозрил своих соседей, которые шутки ради послали этого незнакомца к нему в мастерскую, чтобы над ним посмеяться. Он подошёл к двери и выглянул наружу. Но там никого не было. Когда он опять обернулся, то увидел, что этот наглец стоит у его токарного станка и вытачивает ножку для стула.

Вместо того, чтобы отделать Румо и вышвырнуть из мастерской, как он хотел сначала, Орнт облокотился на брёвна. Он ещё ни разу не видел, чтобы кто-то мог так быстро вытачивать ножку для стула. Румо взял со станка ножку, быстро взвесил её в руке, отложил в сторону и принялся за следующую.

Орнт закурил свою трубку.

Когда Румо закончил все четыре ножки — за это время Орнт смог бы выточить лишь одну, — он взял с полки большой кусок дерева, чтобы вырезать сиденье, тоже профессионально и с быстротой молнии. Затем последовала спинка — из трёх круглых планок и поперечной дощечки. После этого Румо быстро обнюхал и не колеблясь выбрал из двадцати различных банок с клеем для дерева нужный ему клей, именно тот, который предпочёл бы и Орнт. Он просверлил в сиденье углубления для планок

спинки, выбрал шурупы, прикрутил ножки к сиденью, склеил спинку и отполировал наждачкой края.

Румо поставил стул в центре мастерской и сел на него. Стул слегка скрипнул — звук шурупов, дерева и клея, принявших новую форму. Только теперь Румо посмотрел на Орнта ла Окро, слегка затуманенным взглядом, будто он только что проснулся от приятного сна.

— Я бы хотел стать столяром, — сказал он.

— Ты уже столяр, — ответил Орнт.

Когда четыре пленника склепа уже могли прочитать связанные предложения, произнести по буквам слова в них и записать их в тетрадь, уроки чтения и письма сократились до двух часов в день и им было позволено посещать больше обычных уроков.

Румо наслаждался такой непосредственной близостью Ралы, а поскольку теперь он уже умел писать и читать, то уроки стали ему более интересны. Он мог расшифровывать то, что учителя писали на доске, он мог даже одно-два слова законспектировать в своей тетради.

С огорчением заметил он, что Рольф всё чаще нагло находился вблизи Ралы. И не только: Рала позволяла ему это! Во время перемен Рольф постоянно увивался вокруг неё, без всякого стыда вместе с другими школьниками валял дурака возле неё, а однажды подарил ей яблоко, которое Рала, как с ужасом заметил Румо, приняла. На что-то подобное Румо ни за что бы не решился — до сих пор он даже не сказал ей ни слова. Самое бесстыдное, что он в данной ситуации сделал, так это написал на листке бумаги рядом имена Рала и Румо. Но сразу же после этого он порвал листок на мелкие кусочки.

Герои

Теперь Румо, даже пока его не допускали к урокам фехтования, считал посещение школы само собой разумеющимся делом, поскольку он понял, что без одного он не получит другого. Как пытку воспринимал он уроки игры в шахматы — это было абсолютной противоположностью того, чем он любил заниматься. Когда противник ставил его в безвыходную ситуацию, что происходило постоянно, он с наибольшим удовольствием взял бы шахматную доску и треснул бы его по голове. Но одно из основных правил игры в шахматы запрещало подобные действия.

Ещё хуже было то, что Рала была лучшей в школе по этой дисциплине. Она могла бы вполне заменить учителя и играла одновременно

с несколькими учениками — иногда даже с десятью. А хуже всего было то, что единственный, кто мало-мальски соответствовал её уровню, был, как на зло, Рольф. Они часто устраивали дуэли на шахматной доске, которые выпрыгивали то она, то он. Румо завидовал Рольфу, так как тому было позволено проводить столько времени вблизи Ралы.

Не намного лучше было с арифметикой. И дело не в том, что Румо не умел считать, нет, он просто не хотел. Всё в нём протестовало против сложения, умножения или деления абстрактных чисел. Слова же, наоборот, ему нравились, он мог наполнить их образами и чувствами, они помогали ему в обычной жизни. Цифры лишь запутывали его. Арифметика была похожа на попытку схватить руками дым или пожевать запах.

Арифметика — это для зануд и будущих кассиров. И правда, самые занудные ученики в его классе были лучше всех в арифметике. Даже во время перемен они стояли вместе и решали математические головоломки, которые они выпросили у учителя. Во время уроков арифметики Румо просто сидел в классе, уставившись в окно и надеясь, что учитель не вызовет его к доске, что тот через некоторое время перестал делать, поскольку понял, что Румо безнадежен и он лишь теряет время, пытаясь от Румо чего-нибудь добиться.

Предметом, который был Румо по вкусу была история героев. Он запоминал с удовольствием все имена героев и их подвиги: Кондор Бервальт, задушивший в розовом лесу трёх медведей, пожиравших детей; Бетузалем Бальдо, который в возрасте ста девятиности девяти лет предотвратил крушение плотины во время наводнения, заткнув дыру в ней собственным телом; Андромека Кристал, замёрзшая на севере в ледяной шторм и превратившаяся в памятник самой себе, после того, как она облила себя водой, чтобы превратиться в щит и защитить свою семью от ледяного ветра.

Кое-что, что Румо понял на этих уроках, неприятно удивило его: героями были всегда другие. Жители Драконгоры, отбившиеся от Чёрных людей, клана скелетов и Медных парней. Принцессы Гралзунда, защитившие свой город от армии туманных ведьм. А Окин из Вольфрика, который — не прекращая петь, хотелось бы заметить! — свалился вниз вместе с мостом через ущелье Одина, чтобы помешать армии кровопийц перейти на другую сторону! Почти каждый вид существ Замонии имел собственных героев, только вольпертингеры нет. Ни один вольпертингер не был героем! Ни один!

И даже Гот. Он, вообще, завоевал всеобщую любовь, но, в конце концов, он не сделал ничего, кроме как вошёл в пустой город. Это не дела-

до его героем. Вольпертинг никогда не был в осаде. Разрушительные природные катастрофы, пожары, армии демонов — так могли вольпертингеры проверить свою способность к доблести, но ничего этого и в помине не было. Такое впечатление, что опасность обходила город стороной, опасаясь его готового к обороне облика и репутации его жителей. Румо считал, что из него спокойно вышел бы герой. То, что он сотворил на Чёртовых скалах, было, без сомнения, как раз тем материалом, который использовался на уроках истории героев. Но отсутствовали свидетели его поступка, которые могли бы о нём рассказать, а Смайк был далеко-далеко отсюда. Возможно какой-нибудь фернхахинец рассказал своим детям о героизме Румо, но он не был уверен, что имя его при этом было произнесено правильно. Может быть они называли его Рому или Умор, кому это было интересно? Нет, тут не стоит дёргаться, у него был шанс стать героем и он его упустил. А шанс, что он встретит опасность и приключения, тут, в городе, был не выше, чем шанс выиграть у Ралы партию в шахматы.

Чёрный купол

Общее вольпертинговедение Гарры Мидгардского представляло собой необычную смесь уроков биологии, истории и правил поведения, огромную кучу правил, фактов и легенд, начиная с деловой информации и заканчивая абсурдными слухами. Это было похоже на солянку из школьных предметов, не получивших собственных учителей. Речь шла то об обонятельном восприятии опасности, то о системе социальных обязанностей, то о гигиеническом значении общественных уборных Вольпертинга, то о риске купания в реках и озёрах — никто не знал, что ожидает их на следующем уроке Гарры Мидгардского. На этот раз речь зашла о Чёрном куполе.

— Чёрный купол, — поучал Гарра Мидгардский, — был тут, когда нас ещё не существовало, сейчас тут, когда мы существуем, и он ещё долго будет тут, после того как мы перестанем существовать.

Он выждал несколько минут, пока ученики ломали головы над этой загадкой, потом продолжил:

— Существуют слухи, что чёрный купол на самом деле не купол, а шар. Шар из внезамонийского металла, прилетевший из космоса. Да, есть такие, кто верит, что это метеорит, врезавшийся в землю, вокруг которого, со временем, построили город. Эту теорию подтверждает факт, что до сих пор никто не выяснил из какого материала состоит купол.

Гарра написал на доске: "1. Теория метеорита".

— Другая теория говорит о том, что строители Вольпертинга начали строить чёрный купол самым последним, из материала, который больше не существует. И по глупости они начали строить купол снаружи во внутрь, забыли про дверь и таким образом замуровали сами себя и задохнулись. Если эта теория верна, то в центре нашего города находится здание, полное скелетов.

Гарра написал на доске: "2. Жуткая теория".

— Третья теория говорит, что купол не упал с неба и не был построен, а является органическим выростом. Каменное растение, металлический гриб или прыщ, вылезший из сердцевины земли. Если последнее является правдой, я бы не хотел находиться поблизости, когда прыщ лопнет.

Школьники засмеялись, а Гарра написал на доске: "3. Теория прыща".

— Что все эти теории, а я мог бы вам рассказать ещё пару дюжин таких, должны нам, собственно говоря, сказать, так это то, что не существует ни одного приличного объяснения существованию чёрного купола. Моя личная теория — неважно, был он уже тут до того, как построили Вольпертинг, или строители города возвели его, для меня он является скульптурой, символизирующей загадку. Огромный каменный знак вопроса, напоминающий нам всем, что пока мы живём, одна работа никогда не закончится — вот здесь, — Гарра постучал пальцем по своей голове.

— Я знаю, что вам не нравится мысль о никогда не заканчивающейся работе. Попробуйте просто смириться с тем, что мышление, стремление к познанию, поиск ответов на вопросы не должны иметь конца.

Румо вспомнил загадку Смайка: Чем длиннее это будет, тем короче это становится. Что это? До сих пор он не нашёл ответа.

Засада

И всё-таки Румо немного гордился тем, что он выучил алфавит. Когда он по вечерам возвращался с Урсом из школы домой, то по дороге прочитывал заново все вывески:

- Ну, как дела в склепе?
- Городская булочная.
- Любишь колбасу с луком?
- Колодец Гота.

— Я хочу закончить работу в колбасном цеху и начать в булочной. А то эти колбасы стоят у меня уже поперёк горла.

— Оптовый магазин Царузо.

— А может мне пойти на городскую кухню? Там можно получать всё одновременно — и мясо, и сладости.

— Пожалуйста, не бросайте здесь мусор.

— Нет, собственный ресторан, вот что! У меня уже целая куча рецептов. И все я сам придумал!

— Чистите зубы пять раз в день!

— Чего в Вольпертинге нет, так это ресторана с флоринтской кухней. У местной жратвы нет никакой утончённости.

— Кожаные изделия на любой вкус.

— Я прикрепил бы ко всем столам шахматные доски. Тогда посетители могли бы во время еды играть в шахматы.

— Пожарная часть! Курить запрещено!

— Ты мог бы стать моим партнёром. Я готовлю — ты моешь посуду и выкидываешь пьяных. Прибыль делим пятьдесят на пятьдесят. Если дело пойдёт хорошо, то откроем сеть ресторанов "У Урса и Румо".

— Мост Гота.

— Ну, хорошо, согласен, "У Румо и Урса". Флоринтская кухня — это свободная ниша на рынке. Лёгкая и изысканная еда — это тенденция на будущее.

— Осторожно — бурный Вольпер! Купаться запрещено!

— Скажи-ка, ты вообще меня слушаешь?

— Прачечная Вольпертинга.

— А как обстоят дела с разбиванием слов на буквы? Есть какие-то продвижения?

Они, как обычно, решили сократить путь и завернули в Бледный переулок, в который выходили запасные выходы городской прачечной. Место, которое вольпертинги с удовольствием обходили стороной, поскольку резкие запахи кислот и испарения чистящих средств оскорбляли их обоняние. Румо и Урс, как обычно, шли, зажав носы, поэтому они и не почувствовали, что их ждёт за углом. Там стояли подчёркнуто расслабленно между огромных, доверху набитых грязными вещами корзин, Рольф и его банда: Таско Краснолесский, Биала Бухтинг и Олег Дюнный

— Засада! — прошипел Урс.

Все четверо без спешки вышли на середину переулка, преграждая путь Румо и Урсу.

— Что вам надо? — спросил Урс.

— От тебя нам ничего не нужно! — ответил Таско. — Так что не лезь!

— А вот это мы ещё посмотрим, — тихо ответил Урс. Румо удивил угрожающий тон, зазвучавший в его голосе.

— Расслабься, Урс, — сказал Биала. — Мы тоже не лезем. Это дело Рольфа и Румо. Они должны кое-что выяснить.

— Подержи-ка, — сказал Румо и отдал Урсу школьную сумку. Таско, Биала и Олег отошли на тротуар, а Рольф сделал несколько разогревающих движений.

— Начнём! — крикнул Олег. — Правила уличного кодекса вольпертингеров: никакого оружия, никаких зубов. Всё остальное разрешено. Продолжительность — пока один не сдастся. Сражение начинается!

Сражение в Бледном переулке

Если бы существовали тайные исторические записи Вольпертинга, хроники всех мыслимых событий, скрытых от глаз общественности, произошедших на задних дворах и в тёмных переулках, в подвалах и руинах этого города, то в них было бы точно отведено несколько глав чёрному куполу. Один абзац в них был бы посвящён происхождению вмятины на голове бургомистра, а другой бы объяснил как удалось Готу заполнить пустой город вольпертингерами. Сообщение о сражении деревянными мечами, произошедшем почти пятьдесят лет назад между красной и чёрной бандами — враждующими школьными группами, недалеко от Бледного переулка тоже было бы там, так же как и подробное описание

трёхдневной дуэли сырыми яйцами, которую затеяли в молодости Орнтла Окро и Гахо Волков. Тогда бы сражение между Румо и Рольфом вошло под названием Сражение в Бледном переулке в тайные анналы города, но, к сожалению, такого исторического описания не существует.

Это было сражением, поскольку всем свидетелям этого происшествия показалось, что они видели не два дерущихся вольпертингера, а как минимум поддюжины. Той силы и выносливости, которую проявили обе стороны, хватило бы для разгона армии оборотней. То, что сталкивалось друг с другом в испарениях отбеливающих средств в Бледном переулке, не было живыми существами. Это было природным явлением или двумя злобными духами, сражающимися с помощью сверхъестественных сил.

В начале сражения Рольф имел небольшое преимущество за счёт подбадривающих выкриков его приятелей, а также потому, что он уже овладел различными техниками, о которых Румо не имел ещё ни малейшего понятия. Его удары были точными и сильными и он был достаточно умён, чтобы пренебрегать защитой. Он проявил неестественную ловкость в уклонении и уворачивании от ударов, из-за чего Румо часто бил в пустоту.

Но Румо не совершил распространённую ошибку, он не разъярился из-за неудач. Он принимал удары или отклонял их, и через некоторое время подстроился под своего натренированного соперника. Он уловил его темп и запомнил его приёмы, он узнал его силу и мог примерно оценить её границы. По своей природе Румо мог отлично сражаться, но этот бой научил его многим вещам.

Теперь удары Рольфа не просто редко попадали в цель, а всё чаще и чаще натывались на защиту Румо. Теперь он сам должен был терпеть болезненные удары. Создалось впечатление, будто они поменялись ролями, будто Румо каждым своим ударом отдавал долг Рольфу, он точно имитировал движения Рольфа, применял полностью его технику. Теперь настала очередь Рольфа бороться с нарастающим бешенством. Один удар попал ему точно в левый глаз, так что он распух через несколько секунд. Подбадривающие выкрики его приятелей звучали всё реже, зато Урс кричал всё громче.

Рольф понял, что должен сменить технику, так что он попытался склонить Румо к борьбе на земле. При этом он не знал, что в этом случае Румо имел преимущество — там, где рефлексыв были важнее, чем техника, Румо мгновенно получал фору. Он нападавал быстрее и с больше силой, его тело было пластичнее, он был сильнее, его руки были длиннее. Они без остановки катались по грязи, рыча и шипя, переворачивали корзины

с бельём и скатывались по лестницам в подвалы. Но всегда при этом Рольф оказывался или лежащим на спине, в то время как Румо сидел у него на груди и покрывал его ударами, или его крепко со спины держали за горло.

Вскоре Рольф получил свой второй синяк, поэтому он закончил с борьбой и перешёл к тем двум техникам, в которых он считался лучшим в школе: удары в прыжке и сражение в полёте. Рольф вскочил с земли и принял позицию для ударов в прыжке — ноги слегка согнуты, плечи — назад, кулаки справа и слева на высоте висков.

— Сейчас я тебя сделаю, — сообщил он.

— Я жду, — ответил Румо.

— Теперь твоя очередь — сказал Рольф.

— Я жду, — повторил Румо.

— Я сверну тебе шею!

— Я жду.

Оба тяжело дышали, шерсть блестела от пота. Некоторое время они двигались по кругу, собираясь с силами, и вели свой странный диалог.

— Сейчас я тебе покажу, чем отличается цивилизованный вольпертингер от дикого, — угрожал Рольф. — Я покажу тебе, чему можно научиться в школе, если быть внимательнее.

Румо приготовился к очередному бешеному обмену кулачными тумаками, но на него неожиданно обрушился град ударов ногами. Рольф использовал кулаки только для удержания равновесия, в то время, как он бил противника ногами, то отклонившись назад, то лёжа на земле, то в прыжке, то поворачиваясь вокруг своей оси. Удары наносились с огромной силой и в переулке звучали глухие звуки — когда удары попадали точно в цель. Каждый раз при этом Урс сочувственно кривил лицо. Его друга пинали как безжизненную соломенную куклу. Удары сыпались так часто, что у Румо не было возможности хоть как-то защищаться.

Рольф приложил все свои усилия. Он бил Румо в спину, в живот, по бёдрам, он попадал по нему тогда, в таких местах и с такой силой, как он желал, но единственное, что не удавалось Рольфу, так это ударить Румо так, чтобы он упал и остался лежать. После каждого удара Румо поднимался, откашливаясь и хрипя, но всё ещё в сознании. Урс надеялся, что Румо скоро сдастся, чтобы наконец-то закончилась эта драка.

Рольф опять начал работать кулаками, градом посыпались они на Румо — слева, справа, сверху, снизу. Уже и у Румо появился синяк под глазом, он едва сопротивлялся, старался лишь стоять на ногах и прикрывать голову, пока Рольф избивал его, как мешок с песком.

Таско, Биала и Олег опять начали подбадривать своего друга и тот ещё больше увеличил скорость своих ударов. Урс впервые отвернулся, так как он просто больше не мог смотреть на происходящее, и из-за этого пропустил лучший удар в этой драке: идеальный удар снизу, с огромной мощностью встретивший подбородок Рольфа. Тот шатаясь отошёл на три шага назад, пытаясь в течении нескольких секунд не потерять сознания, и остановился.

Теперь оба были в одинаковом ужасном состоянии. Рольф полностью выдохся и еле избежал нокаута. Румо хотя и сберёг свои силы, но бесчисленные удары измотали его полностью. С огромным усилием направились они друг к другу.

На улице уже стемнело, прачечная закрылась и все, кто в ней работал, собрались в Бледном переулке и наблюдали за спектаклем. Кто-то зажёл факелы, в свете которых огромные тени Румо и Рольфа танцевали на белых фасадах зданий. Оба без сил продолжили сражение на словах. Их диалог не блистал особой оригинальностью:

- Я тебя сделаю!
- Ну, давай!
- Иди-ка сюда!
- Сам иди!
- Трус!
- Сам трус!
- Тряпка!
- Сам тряпка!
- Котёнок!
- Сам котёнок!

Урс устал смотреть. Он мечтал вырубить обоих лопатой для угля, чтобы они наконец-то успокоились, и пойти домой. Но, судя по всему, скоро им такой меры не понадобится, так как Румо и Рольф уже оба спыткались о собственные ноги. Они пошатываясь ходили друг за другом и оба пытались схватить противника за шею. Да и у других зрителей стал пропадать интерес и они постепенно начали расходиться.

Наконец Румо удалось ухватить Рольфа за горло, в то время как Рольф обхватил тело противника ногами. В такой позе они застыли и лежали так некоторое время не двигаясь. Урс, Биала, Таско и Олег подошли поближе, чтобы развести дерущихся, пока они не нанесли друг другу серьезного вреда. Но Румо и Рольф уже давно не дрались: они, обхватив друг друга, уснули.

Большинство зрителей к этому времени уже разошлись, поскольку результат сражения был ясен. Сражение в Бледном переулке закончилось. Рольфа отнесли домой Биала и Олег, а Таско помог Урсу дотащить храпящего Румо до кровати.

Экзамен

Когда Румо проснулся следующим утром, то сначала никак не мог объяснить происхождение мучавшей его боли. Он уже начал думать о страшной болезни, как в комнату зашёл Урс, принёс кофе и освежил его воспоминания.

— Кто победил? — спросил Румо.

— Это ещё не ясно. Но ты должен обязательно встать и идти в школу. Если ты там сегодня не появишься, они оценят это как победу Рольфа.

— Я не думаю, что я могу идти.

— Я тебе помогу. Выпей для начала глоток кофе.

Опираясь на Урса, Румо заковылял в школу. У входа они встретили Рольфа, которого Таско и Биала скорее притащили, чем он сам пришёл. Они оба добрались до своих мест в классе и оба проспали два часа урока игры в шахматы. В это время легенда о сражении в Бледном переулке стала известна всем ученикам и, конечно же, не без преувеличений.

После шахмат Румо с трудом добрался до sklepa, где у него по расписанию был урок правописания. И даже то, что он едва мог держать глаза открытыми, не скрыло от него необычного поведения учительницы. Ога Железгородская ничего не говоря торжественно раздала чистые листы бумаги и карандаши — и все вдруг с ужасом поняли, что будет экзамен. Никто даже не подозревал, что это произойдёт именно сегодня. И особенно для Румо невозможно было найти другого, наиболее неподходящего времени для экзамена. Он еле-еле мог вспомнить своё собственное имя.

Учительница продиктовала короткий текст, состоящий из простых предложений: Кошка пьёт молоко. Птица отложила яйцо. Курица переходит улицу. Лаубвольф спит в лесу.

Школьники, пока писали текст, вздыхали и сопели, будто они выполняли тяжёлую физическую работу. Затем Ога Железнодорожная собрала листы, встала за своим пультом и не произнося ни слова проверила ошибки. Эти минуты тянулись бесконечно, а перо мучительно царапало бумагу. Правильно ли Румо написал "молоко"? Или правильно будет "ма-лако"?

Наконец Ога Железнодорожная раздала листы, опять не говоря ни слова и скорчив гримасу, будто весь класс провалил экзамен.

— Вы все сдали экзамен, — сказала она в таком тоне, будто они совершили непростительный поступок. — И не думайте, что вы теперь умеете читать и писать. Но вы получили инструмент, с помощью которого вы можете расшифровать каждое слово, и он находится у вас в головах. Берегите его, ухаживайте за ним, как за своими зубами! И лучшее средство для этого — чтение. Читайте, читайте так много, как только возможно! Читайте вывески и меню, читайте объявления бургомистра, читайте даже бульварную литературу, но читайте! Читайте! Иначе из вас ничего не выйдет!

Ога посмотрела внимательно по очереди на каждого ученика:

— С завтрашнего дня вам разрешено посещать уроки фехтования и боевых искусств. Тем, кто считает это наградой или удовольствием, я хочу сказать следующее: это ни то и не другое. Некоторые захотят вернуться ко мне, чтобы по буквам произносить односложные слова. Но пути назад не будет!

Урок боевых искусств

И правда, со следующего дня Румо было разрешено посещать уроки боевых искусств. Но и тут невозможно было бы выбрать наиболее неподходящее время. Каждое движение вызывало боль и он всё ещё не мог хорошо видеть одним глазом, но он пришёл на занятия. Он пришёл бы на них даже если бы его голова отвалилась и ему пришлось бы нести её в руках. Через неделю синяки полученные во время драки в Бледном переулке стали исчезать, освобождая место новым, получаемым на уроках боевых искусств.

Удары в прыжке, бокс, борьба, сражение в полёте, сражение на четырёх лапах, укусы — это были дисциплины без применения оружия. Остальные дисциплины, в которых обучали сражению с оружием, были — фехтование в темноте, использование топора, моргенштерна, арбалета,

стрельба из лука и метание ножей вслепую. Школьники быстро определяли, для какой дисциплины они имеют все данные, для какой нет. Румо же считал, что он пригоден ко всем дисциплинам. Овладение техниками сражения без оружия было условием для начала уроков по обучению сражения с оружием. Полный контроль за собственным телом был козырем. Кто не может контролировать своё тело, тот не сможет овладеть искусством обращения с оружием.

Для Румо было открытием, сколько ему всего надо изучить: хватки, удары, удары ногами, прыжки, техники рычага и увёртывания, защита, тактика, комбинирование. Он никогда ранее не изучал базовые движения, не тренировал выносливость и не занимался растяжкой. Теперь его учили, как растягивать свои сухожилия, разогревать мышцы и как бежать несколько часов без остановки не сбивая дыхания. Уроки часто проходили вне школы. Во время длительных пробежек Румо и его одноклассники изучили не только окрестности вокруг Вольпертинга — леса, горы и поля, но также и все улицы, лестницы, мосты и площади Вольпертинга, а главное — городскую стену, по которой можно было обежать вокруг всего города. Они тренировались там, где местность и окружение подходили именно для конкретного вида борьбы. Это было обычным для города, когда на самой большой площади имени Гота учеников подбрасывали в воздух катапульты для обучения сражению в полёте. Если кто-то шёл по мосту и попадал в массовую драку, он не должен был тут же бежать к бургомистру жаловаться, поскольку это был обычный урок для разогрева мышц. Боевые крики раздавались в воздухе, задыхающиеся вольпертингеры неслись по закоулкам города, подгоняемые криками учителей. Уроки боевых искусств задавали настроение целому городу.

Румо учился обхождению с собственным телом как с наисложнейшей, чувствительнейшей и требуемой тщательнейшего ухода машиной. На уроках теории изучались функции костей, мышц, органов чувств и прочих органов. Позиции, хватки, удары, прыжки, шаги и защита зубрились как алфавит. Ученики должны были запоминать их глядя на плакаты с рисунками и заучивать наизусть их часто причудливые названия, до того как они начнут их использовать на практических занятиях: Двойной кулак, Быстрое удушение, Вырубающий молот, Смертельная бабочка, Куриный удар, Удар двумя пальцами с добавочным ударом локтем.

Предметом, который считался одним из самых важных, был урок укуса. Укус считался у вольпертингеров самым благородным и правильным видом сражения, а свои челюсти они считали самым ценным подарком природы. Существовали следующие виды укусов: предупре-

ждающий, нападающий, удерживающий, давящий, крошащий, рвущий и смертельный. Урок укуса был один из любимых предметов Румо.

Румо заметил, что не все вольпертингеры так сильно интересуются уроками боевых искусств. Те, кто происходил от миролюбивых собачьих пород, например, мопсомордые или таксоухие, стояли в стороне с шахматными досками под мышками и шушукались о тех, кто с восторгом колотил друг друга.

Но были и такие, которые, как и он, особенно выделялись среди других и старались быть лучшими в одном или нескольких предметах. Рала, например, была замечательным стрелком из лука. Рольф был честолюбивым метателем ножей, с такими способностями мог бы свободно выступать в цирке. Биала был лучшим в сражении в воздухе, Таско отлично стрелял из арбалета, а Олег великолепно умел обращаться с камнем — оружием, которое ценили лишь некоторые вольпертингеры.

То, что Румо нравилось больше всего, так это сражение на четырёх лапах — техника, придуманная тут, в школе. На этом уроке учили, как можно вернуться к своим корням, когда руки использовались как ноги, а ноги как руки. Взбежать вверх по стене было не колдовством, как изучил Румо, а зависело лишь от натренированности.

Часто Румо и Рольф встречались на уроках боевых искусств, но теперь с обоюдным уважением. Они не стали друзьями после сражения в Бледном переулке, но их желание победить друг друга, кажется исчезло. Поэтому с молчаливым согласием они не становились друг у друга на пути. А если они и пытались конкурировать, то только в том, кто больше уроков посетит и получит больше знаний.

Фехтование

— Кто хочет со мной сразиться?

Слова Ушана де Люкки затихли в фехтовальном зале. Это был первый урок Румо у легенды фехтования Вольпертинга и он с удивлением заметил, что все ученики вокруг потупили взгляды. Все пытались избежать взгляда учителя.

— И что это? Вы кто — вольпертингеры или овцы? Урождённые воины или урождённые трусы? — Де Люкка прохаживался перед скамейками, на которых сидели школьники и с громким свистом разрезал воздух своей шпагой.

— Вжик, вжик, вжик, — звучала шпага.

— Значит овцы, да? Посмотрите на меня! Ну, давайте! Посмотрите мне в глаза, вы, трусы! — Ушан де Люкка был в одном из своих мрачных настроений, это знал каждый в классе. Каждый, кроме Румо.

— И как я должен вас учить, если вы боитесь сражаться?

— Я хочу сражаться! — крикнул Румо и вскочил. Он жаждал скрестить клинки с Ушаном де Люккой. В начале урока он получил своё первое оружие — шпагу. Её эфес, кажется, горел в руке, как будто она только вышла из-под молота кузнеца.

Остальные ученики сочувственно вздохнули. Румо был наивным простофилей, молящим о наказании.

Ушан де Люкка понимающе улыбнулся, по-доброму, как отец и учитель.

— Ты хочешь сразиться, Румо Замонийский? Ты жаждешь испробовать своё оружие? Это отлично! Ты не из этих трусов. Ты равен мне по духу! Иди сюда, мой сын!

Румо вышел вперёд. Только теперь школьники решились смотреть на Ушана.

История Ушана де Люкки

То, что он лучший фехтовальщик Замонии, Ушан де Люкка узнал в самый худший момент своей жизни. Это произошло около полуночи в тёмном закоулке самого ужасного района Бухтинга. Он был мертвецки пьян и собирался вместе со своими шестью приятелями ограбить какого-то деревенского болвана.

Дикие родители Ушана оставили его в лесу близ Бухтинга. Городской отловщик диких собак словил его, когда тот обыскивал помойку в поисках чего-нибудь съедобного. Ловец бросил щенка за деревянную загородку, где уже сидела пара дюжин вшивых, бездомных псов. Там ему несколько раз была прочитана очень болезненная и унижительная лекция на тему "Права сильнейших", пока он не вступил в период роста и не стал в клетке главным. Когда ловец собак заметил, что Ушан превращается в большого и сильного вольпертингера, а население клетки каждую ночь уменьшается на одного-двух псов, то выпустил его на свободу. Он усыпил

его, выстрелив ему в ногу стрелу со специальной жидкостью, перевёз находящегося без сознания вольпертингера в центр города и бросил его на мостовой в самом жутком районе города, сплошь застроенным пивными заведениями. Поздно вечером Ушан очнулся, голова его раскалывалась. Кабаки были битком набиты пьяными, их бормотание, смех и крики околдовывали вольпертингера. Что произвело на него наисильнейшее впечатление, так это тот факт, что каждый здесь передвигался на двух ногах. Везде были прямоходящие. Он тоже хотел стать прямоходящим. Ушан впервые встал на задние лапы и шатаясь направился в ближайший кабак. Он назывался "На конечной станции" и на протяжении следующих пяти лет был его домом.

Хозяин кабака, полугном с Мёртвых гор, сразу же понял ценность Ушана, так как его дед торговал щенками вольпертингеров. Он знал, что такие существа ценились на вес золота, если завоевать их доверие. Он дал вольпертингеру большой кусок мяса, выделил ему маленькую комнату, выдал ему несколько тёплых одеял и бутылку водки. Утром Ушан проснулся с ещё большей головной болью, чем вчера вечером. Хозяин кабака принёс ему хороший противопохмельный завтрак, а немного позже ещё одну бутылку водки. Через пару дней Ушану разрешили завтракать, обедать и ужинать в кабаке. После еды он тихо сидел в углу и напивался до потери сознания. Так продолжалось пару недель, и когда Ушан так привык к водке, что не мог представить себе существование без неё, хозяин кабака, перед тем как дать ему новую бутылку, сказал:

— Минуточку! В жизни ничего не даётся даром, а в кабаке — тем более. Понимаешь?

Ушан пытался словить бутылку, которую хозяин кабака постоянно отодвигал в сторону.

— Конечно ты ничего не понимаешь! Ты же просто тупой полудиккий вольпертингер, не так ли? Но мы всё изменим. Я научу тебя говорить, ты получаешь свою водку, а я эксплуатирую тебя по полной программе — справедливая сделка?

Ушан заскулил.

— Я принимаю это за положительный ответ, — хозяин кабака отдал ему бутылку и Ушан жадно припал к ней.

— А знаешь ли ты вообще, что за благородный напиток ты пьёшь? — спросил хозяин кабака. — Это чистейший 58-процентный Ушан из района Де Люкка. О! Кстати, а имя у тебя есть?

Сперва Ушан выполнял самую грязную работу в кабаке. Он чистил плевательницы, подметал пол, вытирал кровь после драк, прикалывал

бочонки с пивом, а поздно ночью выбрасывал за дверь последнего пьяного клиента. Когда хозяин кабака заметил, что из всех драк Ушан выходил победителем, то назначил его собственным телохранителем и охранником кассы. С этого момента ему не нужно было больше мыть тарелки. Он должен был просто с грозным видом торчать около кассы, держа пивную кружку в руке, и время от времени избивать клиентов, не желающих платить.

Жизнь без алкоголя Ушан не мог уже себе представить, он даже не знал, что есть существа, которые не напиваются с утра до ночи. "На конечной станции" и её гости — это был его мир. Каждый гость начинал день с водки и заканчивал обмороком. И это считал Ушан нормальным течением жизни. Также само собой разумеющимся считал он то, что ни у одного из его знакомых не было другой работы, кроме как торчать в кабаке и убивать время, мух, а иногда и пару неизвестных пьянчуг на заднем дворе. Его друзей звали Хонко-Палисад или Одд-Забойщик, Хогу-кот или двенадцатипалый Тим. Можно представить, что то, чему он у них научился, было далеко не игрой на арфе. Они научили его воровать, влезать в чужие дома, скрываться в толпе прохожих и в канализации, чеканить и подсовывать фальшивые деньги, обманывать и укрывать награбленное. Короче — они сделали из него отпетого бандита. Если бы в тот вечер Ушан зашёл в булочную или в кузницу, то наверняка стал бы достойным пекарем или кузнецом, но в кабаке он мог стать только разбойником. Ему говорили, что только идиоты ходят в школу и получают профессию, потому что деньги можно получить гораздо более лёгким методом. Их можно просто взять. Время от времени его друзья и знакомые пропадали на короткое и длительное время. Некоторые больше не появлялись. Тогда Ушану говорили, что они или в отпуске, или уехали из города туда, где им предложили более интересный карьерный рост.

К сожалению своих друзей Ушан был плохим бандитом. И это не потому, что он не старался, нет, наоборот, он очень старался, но у него просто не было преступного таланта. Если он пытался украсть сумку, то у переодетого полицейского, если он хотел ограбить дом, то всегда наткнулся на спящего сторожевого пса, а если он подсовывал фальшивые деньги, то ловцам фальшивомонетчиков. Его приятели только тем и занимались, что вытаскивали его из подобных ситуаций. Он также не подходил для кровавой работы, поскольку отказывался носить оружие. Из-за своих боевых способностей он считал это ненужным. Всё это оказалось причиной того, что он опускался всё ниже и ниже в иерархии бандитов

Бухтинга, пока ему не осталась самая простая работа: придерживать лестницы, стоять на стрёме и быть подсадной уткой. Так он стал фонарщиком.

Собственно говоря, профессия фонарщика была престижной во всех крупных городах Замонии. Тебе платили за то, что ты освещал дорогу домой пьяным и гостям города. Особенно популярно это было в слабо освещённых районах. Единственное но — среди таких фонарщиков встречались заблудшие овцы, которые работали вместе с бандитами и заводили своих клиентов в ловушки, где их грабили и нередко убивали. При этом фонарщик стоял рядом и освещал место происшествия.

Чаще всего Ушан был пьянее своих жертв, поскольку он всегда носил с собой бутылку водки. И даже если никто никогда не обвинил его в незаконности происходящего, каждый раз, когда он ночью освещал место работы своих фальшивых друзей, его охватывало необъяснимое чувство вины, погасить которое он мог только высокопроцентным Ушаном.

В ту ночь, которая изменила его жизнь, Ушан был так пьян, как никогда ранее. С огромным трудом он нашёл обусловленное место. И теперь он шатаясь стоял там и смотрел, как его приятели — банда из шести хундлингов, которые постоянно напаивали свои жертвы в Конечной станции — грабили жертву. Это был богатый крестьянин из окрестностей Бухтинга, пьяный, толстый полугном, отмечавший до глубокой ночи удачную продажу скота. Крестьянин с трудом вытащил свою шпагу, когда заметил засаду, но в этот же момент он получил удар по руке и оружие со звоном упало на землю. Ушан стоял рядом и инстинктивно поднял шпагу, как это делают вежливые люди, помогая кому-то поднять упавшее. Он ещё никогда не держал шпагу в руках.

Когда он взял шпагу в руки, с ним что-то произошло: впервые за пять лет он был трезв. Будто весь алкоголь перетёк из его крови в шпагу, которая теперь как пьяная разрежала воздух. Ушан вырезал в тумане месяц и стёр его остриём шпаги. Затем вырезал пятиконечную звезду, затем — летящую птицу, потом контур скачущей лошади. Ушан рассмеялся.

— Эй, посмотрите, что я могу!

— Не занимайся ерундой! — крикнул один из хундлингов.

— Заткнись! — крикнул ещё один.

Ушан почувствовал себя освобождённым от гнёта. Неожиданно он увидел всё так ясно и просто, как никогда ещё в своей жизни: всё, абсолютно всё, что он до сих пор делал, было неправильным. Ушан опять засмеялся.

— Вжик-вжик-вжик! — имитировал он звук шпаги. — Шестеро против одного. Это неправильно. Отпустите его!

Хундлинги озадаченно посмотрели друг на друга. Крестьянин стоял между ними ничего не понимая.

— Вжик-вжик-вжик! — повторил Ушан снова. — Вы меня поняли. От-пус-ти-те е-го!

Предводитель банды первым пришёл в себя:

— Не лезь, пьянь!

— Вжик-вжик-вжик! — свистел Ушан. — Как ты назвал меня, Двенадцатипалый Тим? Ещё никогда в жизни я не был так трезв. Вжик-вжик-вжик!

— Ты назвал моё имя, идиот! Теперь мы вынуждены его убить! Пьянство, наверное, разжижило твои мозги.

— Вжик-вжик-вжик! А я могу назвать все ваши имена: Хонко-Палисад, Одд-Забойщик, Хогу-кот, Томтом-Амфибия и Нариво, которому всё ещё не дали клички, потому что он слишком туп. А меня зовут Ушан де Люкка-Бутылка.

— Ты с ума сошёл? — закричал крестьянин. — Теперь они на самом деле вынуждены меня убить!

— Видишь? — засмеялся двенадцатипалый Тим. — Даже он так считает. Вали, Ушан! Бери эту проклятую шпагу и вали отсюда! Мы без тебя разберёмся.

— Вжик-вжик-вжик! А вы знаете что это? Это не шпага. О, нет! Это часть моего тела. У меня выросла ещё одна рука. Вжик-вжик-вжик.

— Ушан, уйди, наконец! — тихо и угрожающе прошипел двенадцатипалый Тим. Все вытащили свои шпаги.

— Вжик-вжик-вжик, — продолжал Ушан. — Нет, вы исчезните! Оставьте бедного парня в покое и я вас отпущу. Я вам предлагаю сделку. Вжик-вжик-вжик.

Перед последними тремя вжиками он шагнул к бандитам и — вжик — отрезал Хогу-коту штанины, — вжик — разрезал ремень Одду-Забойщику и — вжик — порезал щёку Томтома-Амфибии.

— Ты сбредил? — сказал Томтом, прижав руку к кровоточащей щеке. Нет, бандитов Ушан этим не удивил. Это стало сигналом к началу драки.

— Вжик-вжик! — тихо шипел Ушан. — Вжик-вжик-вжик!

Он легко кружился по камням мостовой и раздавал удары и порезы. У Хонко-Палисада кровь ручьём текла из руки.

Только двенадцатипалый Тимм не был ранен. Он целенаправленно пошёл на Ушана, который — вжик-вжик-вжик — парой лёгких ударов дал ему отпор, со скоростью пули всадил шпагу ему в сердце и вытащил назад. Двенадцатипалый Тимм безжизненно шлёпнулся на мостовую.

— Да, — будто самому себе сказал Ушан, — если уж взял оружие в руки, будь готов убивать.

Он вынул из кармана носовой платок, вытер кровь с клинка и повернулся к оставшимся раненым бандитам:

— Лучше перевяжи рану, — сказал он и бросил Хонко окровавленный платок. — Это начало новой эпохи. Старый Ушан де Люкка мёртв. Мёртв, как бедный двенадцатипалый Тимм. Теперь я не Ушан-Бутылка, а Ушан-со-шпагой.

Пятеро бандитов стали отходить назад, медленно и осторожно, шаг за шагом, пока не исчезли в темноте.

Ушан повернулся к крестьянину:

— Ничего, если я возьму твою шпагу? Не подумай ничего плохого, просто мне кажется, что она была сделана именно для меня.

Крестьянин молча кивнул.

— А ты можешь взять мой фонарь.

Силуэт Ушана растворился в темноте и только некоторое время был слышен его голос.

— Вжик-вжик-вжик! — шипел он. — Вжик-вжик-вжик...

Ушан де Люкка обнаружил то, что он мог делать лучше всех.

Щелчок по носу

— Нападай! — приказал Ушан.

Румо уже обдумал стратегию. Внешность Ушана де Люкки говорила, что он не может обладать быстрой реакцией. Плохая осанка, мешки под глазами, морщины, плаксивая манера говорить, очки на кончике носа — всё это указывала на отсутствие особых спортивных способностей. Вероятно, его сила основывалась на тактике и опыте. Румо планировал начать нападение снизу — нанести удар по ногам, чтобы заставить Ушана де Люкку подпрыгнуть, к чему тот наверняка не был способен. И затем, когда Ушан откроет свою защиту, Румо приставит клинок снизу к его горлу. И он начал атаку.

Ушан двигал свою шпагу кистью руки непонятным для Румо образом. Учитель стоял на месте, как вкопанный и работал клинком,

а не телом. Румо мог приседать и пытаться нанести удар по ногам Ушана так часто, как он только хотел, но каждый раз там был клинок учителя, который легко, даже нежно отводил его собственный клинок в сторону. Вскоре Ушан, продолжая отбивать атаки Румо, засунул одну руку в карман брюк. Некоторые школьники захихикали.

— Вот, уже совсем хорошо, — сказал де Люкка таким тоном, что сразу стало ясно — он имел ввиду совсем обратное. — Но ты должен двигать шпагу кистью руки, а не предплечьем.

Он помахал клинком у Румо перед носом, демонстрируя, как легко ему бы удалось выколоть своему ученику глаза.

Учитель зевнул:

— Дорогой мой, однажды я провёл захватывающую дуэль с маятником моего метронома.

Кто-то засмеялся.

Румо был вне себя от злости. Между ним и де Люккой находилось нечто, что не пропускало его дальше — стена из бесчисленных клинков. Что-то, что не имело отношения к физической силе и выносливости. Тут были важны опыт, интеллект и самообладание. Он понял, что он не просто ничего не знал о владении шпагой, а абсолютно ничего не знал. Он увидел искру в глазах Ушана де Люкки, но было слишком поздно. Он почувствовал боль, неожиданную и сильную, которую он чувствовал ранее лишь один единственный раз в пещере на Чёртовых скалах, когда циклоп ударил его факелом в лицо. Ушан уколол его кончиком шпаги в нос.

Румо заплакал. Он ничего не мог с этим поделать, боль заставляла течь слёзы из глаз. Он безостановочно всхлипывал.

— Ага, — сказал де Люкка, — не трус, а плакса.

Никто не засмеялся, даже Рольф. Каждый из них мог оказаться на месте Румо.

— Итак, — снова тепло и по-отцовски сказал де Люкка, — садись на своё место, Румо. Слушай лекцию и запоминай позиции. Со следующего урока ты можешь принимать участие в практических занятиях.

Румо сел. Кровь текла у него из носа.

Ушан де Люкка продолжил урок, будто ничего не произошло. Сначала было пару упражнений для разогрева. Затем ученики встали в пары и скрестили шпаги. Команды Ушана раздавались так долго, пока все не выбились из сил:

— Базовая стойка!

— Укол!

— Прыжок!

— Перевод!

— Выпад!

— Укол в голову!

— Квинта!

— Базовая стойка!

— Отдых!

Ученики положили оружие и разошлись. Точно к концу урока у Румо перестала течь кровь из носа.

Резьба по дереву и бульварные романы

Когда Румо не был в школе, то с удовольствием проводил время в столярной мастерской Орнта, выполняя свои обязанности, что заключались в помощи Орнту, хотя при более тщательном рассмотрении это выглядело так, будто Орнт ассистирует Румо.

Румо превращал кусок дерева в такие вещи, что никто не мог даже и предположить, что ранее они были скрыты в этом куске. Он делал простые вещи, такие как ложки или гребни, но он создавал и филигранные скульптуры, богато украшенные резьбой деревянные мечи или деревянные резные украшения для фасадов домов. Румо брал в руки берёзовый прут и через несколько мгновений он превращался в элегантный хлыст. Остатки бальзового дерева он превращал в легчайшую чудесную птицу,

парящую в воздухе несколько минут. Румо каждый день удивлял Орнта своими новыми творениями и скоростью, с которой он их создавал.

Огромный стол для собраний городского совета Орнт и Румо изготовили за сутки, а в последующие дни Румо вырезал на его ножках полурельефы четырёх городских достопримечательностей: моста через Вольпер, Чёрный купол, ветряную мельницу Гота и фасад ратуши. Однажды в обеденный перерыв он начал вырезать ножом на большой дубовой двери сцены из повседневной жизни в столярной мастерской. И все с потрясающей точностью. Он вырезал себя и Орнта у двухсторонней пилы, столярные инструменты, верстак, портрет Орнта с трубкой. При каждой возможности он добавлял новые детали. Вначале Орнт ворчал, что Румо портит хорошую дверь, но теперь он был чрезвычайно горд, что вход в его мастерскую украшен такой замечательной дверью. Некоторые вольпертингеры приходили в мастерскую только для того, чтобы посмотреть на новые творения Румо, а Орнт, пользуясь случаем, продавал им стул или табурет.

Если же в жизни Румо и появлялось что-то похожее на свободное время, тогда он проводил его за чтением романов про Хладнокровного принца. В тот день, когда Румо сдал экзамен по правописанию, Аксель-из-Родника зашёл к нему в комнату с большой стопкой потрёпанных книг, бросил их ему на кровать и произнёс пламенную речь о неповторимом качестве этих книг. Это были самые увлекательные, гениальные и полные приключений книги, когда либо созданные в замонийской литературе, по сравнению с ними все работы Хильдегунста Мифореза были детским лепетом. Только тот, у кого нет сердца, мог противостоять гипнотическому действию этих шедевров.

Так это было и на самом деле. Первые страницы Румо пришлось читать с трудом по слогам, но со временем у него получалось всё быстрее и, наконец, он был тоже очарован Хладнокровным принцем. Принц был творением успешного писателя графа Кланту Каиномаца, чьи дешёвые романы чрезвычайно высоко ценились молодёжью всей Замонии. Имя главного героя граф Кланту позаимствовал из легенды о происхождении вольпертингеров, рассказанной в классе Гаррой Мидгардским.

В книгах шла речь о том, что горячо интересовало Румо, — об образцовом героизме. Хладнокровный принц сражался только из благороднейших побуждений с ужаснейшими негодяями и страшнейшими чудовищами, и в каждом приключении появлялась новая красавица-принцесса. В конце каждой книги принц должен был, к огромному облег-

чению Румо, в одиночку отправляться в дальнейший путь, так как его звали новые ужасные опасности.

Ога Железнодорожная научила Румо чтению, а Хладнокровный принц научил его чтению взахлёб.

Второй по счёту лучший фехтовальщик Вольпертинга

— Они уже начали готовиться к ярмарке, — сказал Урс однажды вечером. — Видел?

Конечно Румо обратил внимание на повышенную активность за воротами города. На краю городского рва выстроились шатры, палатки и лотки, а перед городскими воротами проходили толпы чужаков. Румо объяснили, что это такой вид дружественной осады, разрешённый бургомистром.

— Сумасшествие! Вот где будет обжираловка! Паровое пиво!

— Хм, — равнодушно ответил Румо.

— Почему тебе не интересует еда? — он приготовил для Румо великолепный ужин: ножка молочного поросёнка со сладкой репкой на подушке из шафранового картофельного пюре. И, как обычно, без комментариев, половина еды была быстро проглочена, а вторая половина, тоже как обычно, осталась лежать на тарелке.

— Я предпочитаю быть голодным, — ответил Румо, как будто это всё объясняло.

— Ты предпочитаешь быть голодным, ну-ну. Это звучит точно так, как если бы ты сказал: "Я люблю, когда у меня болят зубы".

Румо задумался. Он вспомнил время, когда у него начали прорезаться зубы:

— Зубная боль меня не пугает, — сказал он.

— За всё свою жизнь можно получить лишь одного городского друга, — сказал Урс, — и я получаю именно тебя. Наверное я должен принимать это, как своеобразный экзамен.

— А почему ты так интересуешься едой?

— Я хочу быть лучшим поваром Вольпертинга.

— Почему?

— Ну, ты же знаешь, что каждый вольпертингер может делать что-то лучше других. И поскольку я не могу стать лучшим фехтовальщиком в Вольпертинге, а остаюсь только лишь на втором месте, то я подумал, что повар...

— Ты — второй по счёту лучший фехтовальщик Вольпертинга?

— Да, я.

— Ага! — рассмеялся Румо.

— Как минимум, так было раньше. Сейчас, может быть, уже нет, скорее четвёртое-пятое место. Уже целую вечность не притрагивался к клинку длиннее, чем мой кухонный нож. Но, скажем, в пятёрке лучших я всё ещё остаюсь.

— Ну-ну!

— Пару лет назад официально я был всё ещё лучшим фехтовальщиком Вольпертинга. Если хочешь, можешь проверить в городском совете. Там даже удостоверение висит.

— Хватит уже врать!

— Ну так иди в ратушу, если не веришь!

Искреннее возмущение Урса произвело на Румо впечатление:

— А как так получилось, что однажды ты был лучшим фехтовальщиком Вольпертинга, затем перешёл на второе место, а сейчас о тебе вообще никто не знает? Я тебя ещё ни разу не видел со шпагой.

— Я не люблю оружие, — пробурчал Урс и понурил голову. Кажется, эта тема его огорчала.

Румо будто очнулся:

— Ты был лучшим фехтовальщиком Вольпертинга и ты не любишь оружие? Если сможешь мне это объяснить, то всю следующую неделю будешь получать мою порцию булочек.

Урс снова оживился:

— А я тебе ещё ни разу не рассказывал?

— Нет.

— А ты мне тоже никогда ничего не рассказываешь.

— Я не умею хорошо рассказывать.

— Точно!

— Ну давай уже! Начинай! — скомандовал Румо.

История Урса Снежного

Урс вздохнул:

— Ну хорошо. Сам я не помню, но мой приёмный отец рассказывал, как нашёл меня щенком зимой в северных лесах. Тогда я почти замёрз от холода. Моего приёмного отца звали Корам Марок. Он был хундлингом, а по профессии — дуэлянтом.

— Кто такой дуэлянт?

— Дуэлянтом становится тот, кому нечего терять, либо он не боится смерти, либо у него поехала крыша. У Корама было от каждого по немного. Дуэлянты заменяют участников дуэлей, понимаешь? Они идут на дуэль вместо кого-то, за деньги.

— Захватывающая профессия!

— Можно и так сказать. Мы никогда не скучали. Когда мой приёмный отец уходил на работу, я никогда не был уверен, вернётся ли он вечером. Однажды он вернулся со стрелой в ухе. В другой раз — с поломанным сабельным клинком в спине. Много денег он этим не зарабатывал. Практический каждый мог позволить себе нанять дуэлянта, так много их было. Некоторые шли на дуэль просто за кусок хлеба с маслом. Часто в то время в поединках принимали участие два таких наёмных дуэлянта, а те, кто их нанял, стояли в стороне и делали на них ставки. И ещё, в те времена дуэли проводились по поводу всякой ерунды. Таким образом, я практически каждую неделю мог рассчитывать на то, что снова стану сиротой.

— Какое счастливое детство!

Урс засмеялся:

— Всё было не так плохо. Это же было увлекательно. Несчастный ребёнок тот, которому скучно. Вот что было ужасным, так это еда. Коран знал о еде и её приготовлении столько же, сколько... ты!

— Спасибо.

— Да, это было кошмарно. Например, он клал в суп сахар, понимаешь? Невозможная жратва. Так что, как только я вырос достаточно, чтобы заняться приготовлением еды, я этим занялся. И видишь, мне это нравится. Так я и начал готовить.

— Понимаю.

— М-да, но по-настоящему ужасным было то, что Корам не был особо одарённым дуэлянтом. Он умел немного фехтовать, немного стрелять из арбалета, м-да, немного метать ножи. То есть всего по немножку. Его спасала его выносливость. Из-за стрелы в ухе он не шёл домой, нет! После первой же глубокой раны он не падал на землю и не звал врача, он сражался дальше, даже если кровь лилась из десяти ран. Однажды вечером он вернулся домой блее мела, бледный, как привидение. Я очень испугался! Его противник вскрыл ему две артерии, но Корам продолжил дуэль и выиграл! А затем сам себе забинтовал раны. Следующие две недели он ел лишь сырую телячью печень и пил свиную кровь, пока не встал на ноги. Из-за дуэлей он потерял практически всё, что мог: три пальца

на руках и два на ногах, глаз, половину уха, кусок тут, кусок там. Из этих частей можно было бы собрать гнома. Это и стало причиной, почему я научился фехтовать. Я подумал, что как-нибудь Корам потеряет ещё один кусок и больше от него ничего не останется.

Урс кивнул на недоеденную поросячью ножку:

— Будешь доедать?

Румо отрицательно покачал головой. Урс взял ножку, откусил кусок и, жуя, продолжил дальше:

— Корам бы никогда не догадался отправить меня на дуэль вместо себя. Это было моей идеей. Когда он нашёл меня в снегу, он подумал, что из меня выйдет прекрасный сторожевой пёс. А когда я вырос в большого, сильного вольпертингера, он не испугался меня, как это обычно происходит, нет, он обходился со мной, как с собственным сыном.

Урс опустил поросячью ножку.

— Я упросил его научить меня фехтованию, для самозащиты, так как я часто оставался один, пока он был на дуэлях. И он меня научил. Мы тренировались и сражались и через некоторое время я понял, как плох он был в фехтовании. И на сколько лучше это получается у меня. У меня появилось страстное желание стать лучше его. Прошло совсем немного времени и мне это удалось. Я не раскрыл ему этого, я всё время держался в стороне, позволял ему выигрывать наши поединки, но на самом деле я становился всё лучше и лучше. Я мог бы обезоружить его даже кочергой. И вот однажды, он должен был принять участие в дуэли, где на место его противника был приглашён Хог Хоннский. Это был самый знаменитый и опасный на севере дуэлянт. Огромный дикий свинух. Он имел за плечами более четырёхсот дуэлей и во всех он вышел победителем. Для Корама это было бы самоубийством, а я был в отличной форме и жаждал испробовать свои способности в настоящем сражении.

Я придумал простой план: я уговорю Корама, чтобы он разрешил выступить мне за него в этой дуэли. И я уговорил его лопатой для угля — треснул его по голове. Я почти убил его, таким сильным оказался удар. Я взял две наших лучших сабли и пошёл на дуэль. Я сказал, что я — Корам Марок, и поскольку Хог не был с ним лично знаком, то он поверил. Этот Хог Хоннский был не плох, пару минут он сдерживал мои атаки, но потом я порезал его на куски. Я не убил его — я никого никогда не убивал во время сражений -, но он получил столько ран, что больше никогда не смог участвовать в дуэлях. До сих пор помню, о чём я думал, когда шёл домой. Я думал: Ха, и я кое на что способен! Станным было то, что это меня не радовало. Неважно. Когда я вернулся домой, Корам как раз

пришёл в себя и я ему сказал: "Да уж, с этим Хоннским ты хорошо разобрался. Жаль только, что в самом конце и тебе от него досталось." "Не помню", — сказал Корама. А я приготовил ужин: седло барашка с тимьяново-хлебной корочкой и салат из помидорок черри.

Урс откусил ещё кусок.

— Проблемой стало то, что Хог Хоннский везде показывал свои шрамы и рассказывал, какой Корама Марок великолепный и непобедимый фехтовальщик и тому подобное. И вскоре все до последнего головореза Замонии желали сразиться с Корамамом.

Урс вздохнул.

— Я вызвал настоящую лавину: Йогур-Палач, Эрскин Скалистый, Гахийя с тремя клинками, Рускин Слюнявый, Жденек Тройя, Шериф Йоули, Хоку Беззубый. Каждую неделю у наших дверей появлялся безмозглый варвар и вызывал Корама на бой. Мне оставалось лишь брать в руки лопату для угля. Затем я выходил на улицу и разбирался с этими парнями. А когда Корама приходил в себя, то я рассказывал ему одну и ту же историю: как он отлично отделал противника, и как тому, к сожалению, удалось в последний момент вырубить Корама. Дуэли проводились так часто, что Корама еле-еле успевал приходиться в себя. Я боялся, что если так будет и дальше продолжаться, то Корама совсем сойдёт с ума. Но других идей у меня не было.

Эвил Многорукий

Урс тяжело вздохнул.

— Однажды перед нашей дверью появился Эвил Многорукий — самый опасный дуэлянт Замонии. У него было не больше рук, чем у тебя или у меня. Так его звали, поскольку во время сражения казалось, что их у него было как минимум дюжина. Я потянулся за лопатой для угля, но не нашёл её. И в этот момент что-то с огромной силой ударило меня по голове, бум!, — лопата для угля. Я потерял сознание. Понадобилось много времени, но всё же Корама обо всём догадался и сделал то же, что я делал с ним ранее. Когда я пришёл в себя, Корама Марок, мой приёмный отец, лежал на улице в снегу в луже крови.

Урс всхлипнул, из его глаза выкатилась слеза и исчезла в шерсти.

— Затем я забрал наши сабли и направился на поиски Эвила Многорукого. В этот раз я был готов нанести моему противнику не просто пару шрамов, нет, в этот один единственный раз я был готов убить. О да,

я был готов! Но Эвил Многорукий будто пропал с лица земли. Так я понял, что происходит, когда берут в руки оружие, даже если с благими намерениями. Одно ведёт к другому и в итоге всегда побеждает оружие. Эти проклятые клинки — вампиры, они все пьют кровь и заставляют тебя доставать для них свежую. И когда-нибудь ты поймёшь, что не ты ими управляешь, а они тобой.

— Да, да, — отмахнулся Румо. — Понятно. А как ты попал в Вольпертинг?

— Как и большинство других. Однажды я увидел серебряную нить. И нашёл её источник, в Вольпертинге, конечно. В виде Зины Снежной, но это уже другая история. В Вольпертинге я прошёл всё то, что ты сейчас проходишь, и в школе на уроке фехтования — а тогда не было ещё никого Ушана де Люкки — вскоре стало ясно, что я лучший фехтовальщик города. Никто не мог сравниться со мной опытом. Мне даже предложили вести уроки фехтования, но я не хотел этим заниматься, правда, не хотел. Но немного преподавать мне всё-таки пришлось, так как они постоянно приставали — лучший фехтовальщик, а никакой ответственности и так далее, и так далее. Затем, через пару лет в город пришёл Ушан де Люкка и закончилось моё время лучшего фехтовальщика. Ушан просто создан для фехтования, он прирождённый талант. Ты не представляешь, как я был рад, что этот шум вокруг меня стих. Нынешняя молодёжь даже и не знает, что я могу держать шпагу в руках.

— Можешь меня научить?

— Чему?

— Ну, фехтованию.

— Фехтованию? Да я сам уже всё забыл.

— Только что ты сказал, что ты второй по счёту лучший фехтовальщик.

— Нет, максимум пятый.

— Мне этого достаточно. Научишь меня?

— Могу я попытаться тебя отговорить?

— Нет, нечего было болтать.

Урс вздохнул и откусил последний кусок мяса.

— Надо было выстрелить в тебя из арбалета, когда ты стоял у ворот города, — сказал он. — Я же почувал, что с тобой будут только неприятности.

На следующий день после обеда Урс и Румо ушли за город и пропали в лесу на севере от Вольпертинга. Так происходило каждый день. Под мышкой Румо всегда нёс длинный мешок. Некоторые его однокласс-

ники, которые видели их с Урсом, спрашивали себя, чем же эти двое там снаружи занимаются.

Секрет был прост — каждый день до заката Урс обучал Румо фехтованию. Иногда уроки продолжались и в темноте при свете факелов. В тряпичном мешке были две сабли, два меча и два кинжала, которые Румо вырезал из крепкой древесины.

Урс быстро вспомнил важные детали, только иногда давал их Румо в неверной очерёдности. Он показывал ему сложные фигуры и атаки перед простыми, а иногда путал названия, но в целом его уроки для Румо были гораздо продуктивнее, чем обстоятельные, занудные, почти бюрократические методы Ушана де Люкки. Во время уроков чётко выяснилась одна вещь — Урс ненавидит фехтование. Его способности к фехтованию не просто наводили на него скуку, а были пыткой. Ему всё было противно: механические движения, концентрация, дисциплина, постоянные повторения. Он придумал кучу способов избегать эти правила и научил этому Румо. Но это не изменило его мнения о том, что фехтование не искусство, а тяжёлый, скучный, бессмысленный и зловещий спорт.

Всё, что он тут делал, говорило о настоящей дружбе. С каким удовольствием лучше бы он научил Румо готовить!

Лучшего ученика Урс не мог бы себе пожелать. Всё, что касалось фехтования, вызывало у Румо практически фанатический интерес. Как губка впитывал он теоретические замечания Урса. Во время практических занятий он был неутомимым и повторял мельчайшие детали до полного изнеможения. Румо пресекал любые попытки Урса сократить или даже пропустить урок. Дома, когда Урс уже давно спал от усталости, Румо брал книги по фехтованию, взятые им в библиотеке, и читал, пока сон не овладевал им. Среди этих книг была одна, написанная Ушаном де Люккой. Тонкая брошюра под чопорным названием "О фехтовании". К этой книге Румо относился с наибольшей серьёзностью.

Атаки и финты

Вот чему учился Румо в лесу: боевые стойки, приёмы маневрирования и нападения, скачки, шаги с выпадами и скрёстные, укол с углом, перевод и перенос, бои скоротечные и позиционные, атаки ответные и обоюдные, атаки с финтами и задержкой, рипост и ремиз, контратаки и контртемпы, ложные нападения и защиты, финты с двойным переводом, финт де Люкки, финт Айзенграта, боковой финт Урса, который был

на столько эффективен, что после него можно было безжалостно забыть про все остальные финты.

Он изучил тактику и стратегию ведения боя, освоил двухступенчатые и трёхступенчатые комбинации приёмов, батманы прямые, полукруговые, круговые, проходящие и ударные, радикальный батман (изобретённый Урсом), атаку двумя мечами, атаку за спиной, атаку тореадора и так называемый «бешеный торнадо» — для которого требуется особая подготовка. Снова и снова тренировали они отбив «плоской пощёчины» — наиболее полюбившийся Урсу.

Урс научил Румо пользоваться шпагой в лежачем положении, защите с привязанной рукой и застрявшей ногой. Они изучили приёмы «кинжал против шпаги», при котором противники вооружены клинками разной длины, а также боевые приёмы без оружия против вооруженного противника, состоящие из прыжков, сальто и перекатываний. Они сражались в кронах деревьев, передвигаясь по веткам как обезьяны, они фехтовали между густо растущих берёз и стоя на скользких упавших стволах. Они фехтовали увязая в болоте и стоя по пояс в воде. "Никогда не знаешь, где тебе придётся сражаться" — сказал однажды Урс. — "Может быть зимой по колено в сугробе или на скользком тротуаре, может быть ночью в темноте на ветхой лестнице. То, как это показано на картинках в учебниках, где два фехтовальщика стоят друг напротив друга на ровной сухой поверхности в энциклопедически правильных стойках, в обычной жизни не бывает. Гораздо чаще ты оказываешься ночью на краю обрыва, волны обливают тебя с ног до головы, и ко всему прочему идёт град." Поэтому они тренировались при любой погоде. "Любая погода идеальна для фехтования", — заметил однажды Урс.

Два сна и одна загадка

У Румо было два любимых сна, которые по очереди снились ему каждую ночь. В одном он был Хладнокровным принцем, спасающим принцессу Ралу от разных чудовищ и монстров. Во втором он становится чемпионом Вольпертинга по фехтованию, после того, как провёл захватывающую дух дуэль и низверг с престола старую фехтовальную легенду — Ушана де Люкку, конечно же на глазах у Ралы и всех одноклассников. Так же, как на Чёртовых скалах он переживал во сне оба пункта плана Смайка, теперь он представлял себе, как он оплатит де Люкке за унижение и укол в нос той же монетой. Сперва Румо прикинется дурачком, начнёт с неуклюжих атак, чтобы учитель удостоверился в своём преимуществе. А затем он покажет всё, на что он способен и, проведя безумный спектакль, отделает этого заморыша так, что тот будет умолять Румо перенять его работу.

Жажда мести, которую чувствовал Румо по отношению к Ушану, отличалась от той, которую он чувствовал по отношению к циклопам. Это было одной из форм возмездия, при которой требовалось не пролить крови, а изысканно обезоружить противника и тем самым его унижить. Волцотану Смайку этот сон понравился бы.

Что же происходит со Смайком, его толстым учителем? — задавался вопросом Румо. Вольпертинг пришёлся бы ему по вкусу, если бы его сюда впустили, — город, где сражение было школьным предметом. Он мог бы стать замечательным учителем: главный предмет — стратегия, дополнительный предмет — замонийская история сражений. Румо скучал по нему, но сильно по этому поводу не переживал. Кто выжил на Чёртовых скалах, тот выберется из любой ситуации.

Румо зевнул и вдруг вспомнил загадку Смайка: чем длиннее это будет, тем короче это становится. Что это? Свеча? Нет, свеча становится просто короче, но не длиннее. Он имел ввиду предмет или что-то иное? Румо заснул вместе с этой почти неразрешимой загадкой.

IV. Путь Смайка

Смайк начал очень скоро сожалеть о своём решении расстаться с Румо. Он обзывал себя полным идиотом, подчинившимся спонтанно возникшему настроению и отказавшимся от комфорта, связанного с обществом Румо. Теперь он должен сам добывать пропитание, разжигать костёр и готовить. А о прочих преимуществах, которые приносило ему присутствие рядом с собой испытанного в боях вольпертингера, он даже боялся подумать. Смайк снова попытался сыграть с судьбой, но эта попытка только лишь отразилась на его собственной участи.

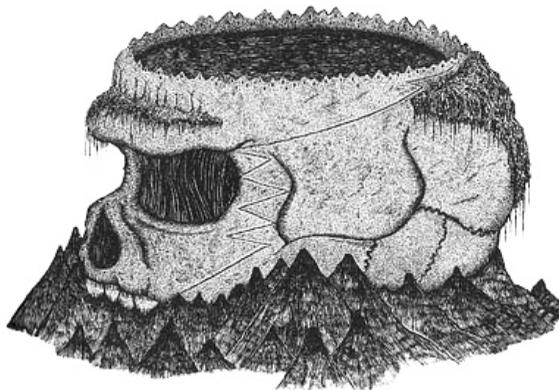
Последующие дни он пытался уговорить себя, как это чудесно не быть подгоняемым Румо и делать привалы при каждом подходящем случае. Пару ночей он не спал, замерзая, поскольку ему не удалось разжечь костёр, а зловещие звуки леса не давали ему сомкнуть глаз.

Смайк был почти без сил, когда через неделю после расставания, повстречал караван мидгардских гномов — наёмных рабочих, сборщиков винограда, переходивших от одной горы к другой в поисках работы. Смайк использовал все свои дипломатические способности, уговаривая их дать ему место в одной из тележек с осликом. Его клятвы о том, что он является великолепным сборщиком винограда, звучали слишком неправдоподобно, но добродушные гномы посочувствовали ему и разрешили сесть в телегу.

Горы, покрытые виноградниками, были той формой природы, которая нравилась Смайку гораздо больше диких лесов Замонии. И он оказался, к его собственному удивлению, на самом деле великолепным сборщиком винограда, так как вскоре, благодаря своим многочисленным ручкам, он стал собирать в несколько раз больше винограда, чем мидгардский гном за то же время.

Караван переходил от горы к горе. Чаще всего они собирали виноград в течении одного дня, а потом двигались дальше. И так они передвигались в приятном темпе на северо-запад Замонии, из Орна в Тентизеллу, с Западного пика в Многаям, из Нижнего Пакунта в Верхний, из Веллинга в Мумский город, из Цанталфигоры в Эббинг. Физическая работа и кочевой образ жизни — это было новым испытанием для Смайка.

Через пару недель караван наконец добрался до большого форпоста замонийской цивилизации — местности вокруг Гаргульского черепа боллогта — каменного образования, о котором говорили, что это окаменевший череп великана.

Этот район так же назывался Винной долиной, поскольку там осело множество виноделов, превративших долину в настоящий рай для любителей вин. Тут было несчётное количество таверн, винных деревень, давлен и уйма небольших виноградников, дававших сказочные урожаи. Она была открыта для туристов и, по меркам Смайка, являлась практически таким же воплощением рая на земле, как и большой город.

Смайк распрощался с простой жизнью и мидгардскими гномами и направился в дальнейшее путешествие в одиночку. Он жил на свои небольшие сбережения и на выигрыши от игры в карты. Это было не сложно, поскольку люди, приезжавшие сюда в отпуск, легко расставались с деньгами и с радостью принимали участие в игре.

С помощью выигранных денег Смайк наконец осуществил видения, которые помогли ему выжить на дне грязного водоёма на Чёртовых скалах. Он до последней мельчайшей детали воплотил в жизнь свои кулинарные мечты. Несколько лучших поваров Замонии открыли свои рестораны в этой местности и Смайк посетил каждого из них. Он попробовал все блюда из меню начиная с закусок и заканчивая десертами и в обратном порядке, пока не стёрлось последнее воспоминание о лишениях, которые он вынужден был терпеть, и не восстановились все жировые клетки. Только теперь Смайк почувствовал своё возвращение в цивилизацию.

И конечно же Смайк устраивал себе экскурсии в район Боллогтского черепа. На его известковых склонах рос дикий виноград, собирать который могли лишь летающие гаргулии, населявшие пещеры внутри

великаньего черепа. Говорили, что якобы много лет назад в череп боллогга врезался ледяной метеорит, растаял там внутри и наполнил его чёрной, таинственной водой. Она и являлась главной причиной легендарного вина, сделавшего знаменитой всю эту местность.

Вино правды

"Таргульский череп боллогга", как виноделы называли это вино, имел абсолютно чёрный цвет и тягучую консистенцию. Оно не обладало обычными для всех вин свойствами: оно не бодрило, не успокаивало, не подходило ни к какой еде, не обладало никаким букетом и никаким вкусом, от него даже нельзя было по-настоящему опьянеть. Свойством, которое делало это вино таким исключительным и знаменитым, было то, что якобы пьющий его впадал в своеобразное состояние опьянения, в котором он видел правду о себе. Его нельзя было купить в бутылке или бочонке. Его подавали лишь в одном кабаке и только порционно, в бокалах, за баснословные деньги. Кабак этот находился у подножия Боллоггского черепа и назывался незамысловато — "У Боллоггского черепа".

Смайк слышал, как мидгардские гномы тайком говорили об этом вине, но здесь, в Винной долине, любая беседа в итоге сводилась к этой теме. Местные говорили об этом вине лишь таинственными и загадочными намёками и добавляли на ухо, что оно приходится не каждому по вкусу. Чем больше Смайк о нём слышал, тем больше в нём разыгрывалось любопытство. И наконец, когда он выиграл достаточно денег, он направился в кабак "У Боллоггского черепа", чтобы попробовать знаменитого вина.

У дверей заведения у подножия легендарного черепа Смайку стало не по себе. Он встречал тех, кто его серьёзно отговаривал от дегустации этого вина. А один карточный игрок утверждал, что после опьянения "Таргульским черепом Боллогга" всё вокруг него перестало быть как прежде.

Конечно же победило любопытство и Смайк зашёл в кабак. В дверях его приветствовал гном из зелёного леса, создававший своей отвратительной внешностью ещё более неприятную атмосферу в заведении. Но Смайка это не отпугнуло и он громко потребовал бокал сказочного напитка. Низкорослый официант, к которому обратился Смайк, подвёл его к столу, покрытому грязной скатертью, и тут же исчез.

Смайк сел и огляделся. Все клиенты кабака сидели по одному за маленькими столиками. Перед каждым стоял бокал, наполненный чёрной жидкостью. Большинство из них просто молча сидели, другие тихо разговаривали сами с собой. Лица некоторых клиентов были так ужасающе искривлены, будто они корчились в судорогах. Некоторые даже плакали. Всё это было больше похоже на гостиную в сумасшедшем доме, чем на уютный кабачок. Гном из зелёного леса вернулся и принёс бокал чёрного вина, поставил его на стол и молча исчез.

Смайк осторожно сделал первый глоток.

Он почувствовал себя обманутым. У вина отсутствовал вкус. Не было совершенно никакого вкуса, а это очень неприятно — пить что-то безвкусное. Он поверил в сказки и как дурак попал в самую знаменитую туристическую ловушку Винной долины. Он решил, когда официант вернётся, устроить скандал из-за цены на вино. Может быть ему не придётся оплачивать счёт. Смайк посмотрел вверх своего бокала и так ужасно испугался, что разлил на скатерть остатки вина. Напротив него за столом сидел точно такой же Смайк.

Двойник

— Да, ты всё правильно видишь, — сказал Смайк напротив. — Это ты. Ты — это я. Я — это ты. Ты видишь сам себя.

— О, господи! — сказал Смайк. — К этому я не был готов.

Нет, перед ним не стояло зеркало. Там сидел его двойник.

— Как ни странно, никто к этому не готов. Но если об этом серьёзно подумать — в общем-то можно догадаться. От кого можно узнать о себе всю правду, как не от самого себя?

— Боже мой! — сказал Смайк и помахал ручками. — Вот это круто! К этому нужно сначала привыкнуть. Выглядит так натурально!

— Я такой же настоящий как и ты. Выпей ещё чего-нибудь!

— Нет, спасибо, для начала хватит. А то потом будем тут втроём сидеть!

— Ну это опьянение так не действует. Оно не усиливается. То, что ты сейчас видишь, это всё, большего ты не получишь.

— Тогда я мог бы просто посмотреться в зеркало. Это вышло бы дешевле, — сказал Смайк.

— Точно, ты получаешь тут то, что ты видишь, когда смотришься в зеркало, только намного быстрее.

— Что значит намного быстрее?

— Подожди. Посмотри на меня! Сконцентрируйся на мне!

— Ты хочешь мне что-то показать?

— Я уже начал. Просто смотри внимательней.

Смайк уставился на своего двойника. Да. Это был он, его точнейшее отражение. Может быть немного более усталый, но после того, что в последнее время произошло... Выглядит он на самом деле таким старым? Ну да, примерно так он и выглядит. Но... Секундочку! Эти маленькие морщинки там, под глазами, утром их ещё не было! Или? Точно не было! Это было не самым лучшим его отражением. Скорее что-то типа плохой подделки в музее восковых фигур.

И это называется правдой?

Смайк подозрительно рассматривал морщины. Вдруг их стало ещё больше. И ещё больше. Под глазами его двойника появились тяжёлые мешки.

— Минуточку..., — пробормотал Смайк.

— Теперь понял, а? — ухмыльнулся двойник. — Неприятное зрелище.

Смайк понял. Это не было плохой подделкой. Это было его точное отражение. Это был он сам через десять, а может быть двадцать лет. Он видел своё старение.

Кожа его двойника становилась сухой, серой и морщинистой. На ней появлялись большие и маленькие пятна. Выростали бородавки.

Смайк содрогнулся от ужаса. Его двойник оскалился и Смайк увидел свои зубы. Они были жёлтого цвета и длиннее, чем обычно, так как дёсны воспалились и сдвинулись, обнажив коричневатые шейки зубов. Гнилой чёрный обломок вывалился из большой бледной десны и упал на стол.

— Упс! — сказал двойник.

Это зашло слишком уж далеко, решил Смайк. Он видел себя не просто стареющего, а умирающего.

— Перестань! — умолял он, но не мог оторвать взгляда от ужасающего зрелища. Кожа его двойника покрылась тысячами складок, лицо сморщилось, как затхлый платок. Руки и ладони состояли теперь только из кожи и костей. Но и это начало рваться и отваливаться кусками. Смайк увидел кости и сухожилия.

— Прекрати! — закашлялся Смайк и заплакал.

— Не получится, — ответил ужасный двойник. — Правду нельзя остановить. Было приятно посидеть с тобой. Запомни главное, братец....

Двойник нагнулся вперёд, ужасно оскалил гнилые зубы и прошептал:

— Они придут за тобой.

Затем он начал жутко смеяться, пока не проглотил собственные голосовые связки. При последнем смешке

его нижняя челюсть упала на стол. Из открывшегося горла вывалился серый язык. Когда и он отвалился, упал на стол и рассыпался в пыль, Смайк громко закричал.

Голос позади него сказал:

— Желаете ещё чего-нибудь?

Смайк оглянулся. Там, ехидно на него уставившись, стоял гном из зелёного леса.

— Что?

— Принести вам ещё что-нибудь? Немного сыра, например?

— Нет, спасибо, — сказал Смайк и снова посмотрел на своего ужасного двойника. Но там больше никого не было. Стул с другой стороны стола был пуст. А на столе не лежали ни зубы, ни челюсти. Призрак исчез.

— Да уж, правду тяжело переносить, — сказал официант. Ложь красивее. Каждому это известно, но когда видишь это так быстро, начинаешь думать по-другому. Можно принести вам счёт?

— Да, пожалуйста, — торопливо сказал Смайк. — Счёт, и побыстрее!

Тяжело дыша ждал он возвращения гнома. Пот тёк по нему рекой. Смайк оплатил счёт и официант проводил его до дверей.

— Подождите немного, скоро вам станет лучше. Очистительное действие проявит себя позже. Вы почувствуете себя заново рождённым, — гном ужающе рассмеялся.

— Поверьте мне, это изменит вашу жизнь! — крикнул он ещё раз вслед исчезающему в темноте Смайку. — Прощайте! Второй раз сюда никто не возвращается.

На троне войны

Следующим утром, очень рано, Смайк отправился в путь. Он хотел покинуть Винную долину. За всю ночь он практически не сомкнул глаз, а если ему это и удавалось, то он снова и снова видел своё мгновенно стареющее второе Я, шепчущее ему: "Они придут за тобой".

Он не хотел больше терять время. Он его уже достаточно потерял на этих проклятых Чёртовых скалах! Есть же множество других дел кроме как питья вина и парочки дешёвых карточных трюков для выманивания денег, которые потом тратятся на поедание блюд из меню Винной долины.

Ночью во сне он видел ещё кое-кого — доктора Оцтафана Колибрила. Этот сон наполнял его надеждой, поскольку теперь он понял, что он инстинктивно направился в ту же сторону, в которую ушёл доктор после их расставания. Проведённое Колибрилом заражение знаниями обдало последующим эффектом, о котором эйдет не упомянул, — теперь Смайк хотел ещё больше знаний. В нём разожглась жажда знаний, полученная информация ставила ему важные вопросы, на которые мог ответить только доктор:

Если осязательная дискуссионная готовность замонийских пчеломатов связана с формой передачей информации, то не существует ли возможность создания пасечного языка, с помощью которого можно вербально стимулировать производство мёда?

Если операционные инструменты подкровной лодки несуществующих крошек могут восстановить работу мёртвого сердца, где же тогда находятся анатомические точки, к которым нужно применять эти инструменты?

И если можно заставить биться мёртвое сердце, не было ли это первым шагом в борьбе против беспощадной судьбы, столь грубо продемонстрированной неприятным двойником?

Последовать за Колибрилом означало объявить войну судьбе и смерти. А с войной он был хорошо знаком, в конце концов он же был военным министром князя Хуссаина Йенадепура! Да, теперь, когда он вызвал в памяти образ худого учёного, он чётко увидел, что этому чахламу гному в его борьбе с могущественной смертью срочно требуется сильный союзник. Именно этого хотел Смайк, нет, это было его обязанностью, как можно быстрее последовать за доктором в Туманный город.

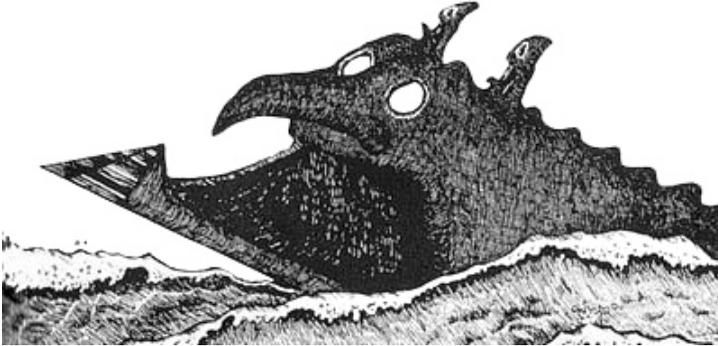
Бушующие воды и демонические лодки

Чем дальше продвигался Смайк к северо-западному побережью Замонии, тем реже он встречал следы цивилизации. Райский ландшафт Винной долины сменился однотонными, едва заселёнными степями. Тут жили овчары и сборщики сена, являвшиеся одними из самых бедных жителей Замонии. Гостиницы и кабаки пропали и поблизости не было никого, кто так легко захотел бы расстаться со своими деньгами за карточным столом. То тут, то там он встречал крестьянское подворье, где за небольшую плату он получал ночлег на сеновале и хороший завтрак. Но чаще всего Смайку приходилось довольствоваться сырыми растениями. Таким образом постепенно уменьшались не только его финансовые резервы, но и его жировые отложения, накопленные в Винной долине, таяли, как масло на солнце.

Климат становился всё суровее и вечный восточный ветер превратил ландшафт в одноцветную поверхность, заставив покорно пригнуться все деревья и травинки. Без перерыва моросил мелкий дождь. Смайку было известно, что поблизости от Бушующих вод — местности, где реки, текущие из Тёмных гор, несли свои воды в океан — находились маленькие

деревушки, где путешественники могли нанять пресловутую демоническую лодку. Только самые отважные пользовались этой недорогой услугой, так как речь шла о маленьких кораблях, управляемых существами полудемонического происхождения. Они перевозили путешественников по опасным и порожистым бешеным рекам, и что самое главное — демонические лодки плавали только ночью.

Однотонный пейзаж вокруг так надоел Смайку, что он решил рискнуть.

Уже сама форма лодки, в которую он сел в маленькой деревушке, произвела на него тревожное впечатление. Она была чёрной, как сажа, и имела форму головы демона с ужасающе разинутой пастью. Он сел внутрь лодки вместе с тёмным, закутанным перевозчиком. Перевозчик уселся позади Смайка и за всё время поездки не совершил ни малейшей попытки управлять лодкой, а только постоянно подло посмеивался. Сперва всё было спокойно и Смайк уже подумал, что противный смех перевозчика будет самым неприятным моментом путешествия, то тут лодку понесло. Ветер дико завыл в демонических свистках на крыше лодки и они понеслись с такой скоростью через речные пороги, которую Смайк считал невозможной для водных транспортных средств. Всё сильнее бросало лодку на порогах со стороны в сторону, иногда она переворачивалась вокруг своей оси, иногда через голову, иногда лодка уходила полностью под воду и выныривала снова. Несколько раз они падали с водопада вниз. Как полуводяное существо Смайк не боялся захлебнуться, но он боялся разбиться на куски вместе с лодкой или сойти с ума от страха и присоединиться к безумному смеху перевозчика.

Но лодка доплыла до пункта назначения в целости и сохранности. Смайк был всё ещё жив, всё ещё в своём уме и преодолел за очень короткое время большую часть своего пути. Он находился у побережья немного южнее Туманного города.

Маяк Туманного города

Издавека Туманный город был похож на упавшее с неба красивое облако. Этот вид обрадовал Смайк минимум по четырём причинам:

1) Он наконец-таки дошёл! Больше никаких степей, никаких травяных морей, никаких завываний волков по ночам и никаких лесов, населённых шепчущими тенями.

2) Город. Правда не очень большой, но всё-таки настоящий город с живым населением.

3) Доктор Колибрил. Смайк был рад предстоящим беседам, которые они будут вести ночи напролёт.

4) Облако было похоже на свежевывыгнутую овцу. Ничего в нём не напоминало о суеверных сплетнях о таинственном Туманном городе.

Полный надежд пополз Смайк в город.

Как только он попал в туман, мир вокруг него изменился. Краски побледнели, звуки стали глуше, контуры размылись. Всё стало тихим, мягким, спокойным. Смайк сразу же почувствовал себя по-домашнему уютно.

Архитектура города не отличалась особым разнообразием. Везде стояли лишь низкие округлые каменные дома. Улицы не было заполнены привычной жизнью больших городов, только лишь пара существ, одетых в тёмные одежды, промелькнула в тумане. Смайк был уверен, что сам, без чьей-либо помощи, найдёт дорогу к маяку, так как он мог находиться только в одном месте — на берегу моря. Поэтому он просто шёл на звук волн и вскоре оказался на берегу океана, на белом песчаном пляже. Фу! Море! На Чёртовых скалах он торжественно поклялся никогда не подходить к воде!

На горизонте, почти невидимый в колышущемся тумане, возвышался серой тенью маяк. "Какое живописное место для оживлённых бесед!" — подумал Смайк, добравшись до маяка. Бесконечное море, километры песчаных дюн для продолжительных прогулок, таинственный туман, всё вызывало прекрасное настроение! Под звуки волн он и Колибрил будут обсуждать важнейшие вопросы науки и философии, выпивая при этом одну-другую бутылочку вина. И это будет точно не "Гаргульский череп Боллогга". Как же хорошо пахнет море!

Смайк постучал в дверь маяка. Один раз, второй, ещё и ещё. Он позвал доктора по имени. Никого нет? Ну, Колибрил наверняка не будет против, если Смайк подождёт его внутри. А может дверь закрыта? Нет. Значит ему нечего скрывать. Заходим.

Ага, лаборатория! Великолепно, доктор на самом деле тут остановился. Но такой беспорядок! Когда же он убирал тут в последний раз? Учёный! У него есть проблемы и поважнее, чем завязывать шнурки и вытирать пыль. Что это за удивительные инструменты? Пробирки, горелки, бутылочки с неизвестными жидкостями, фиолы, боже ты мой! Доктор просто обязан ему всё объяснить! Он уже представил себя с пробирками в руках и с Оцтаскопом на носу в поисках эффективного средства против смерти!

Вот разбитая стеклянная колба невероятно тонкой работы, чудо стеклодувного искусства, наверное нечаянно разбилась. А что это? Чёрная кукла, плавающая, как крошечный утопленник, в прозрачной жидкости. Смайк ещё раз громко позвал:

— Доктор Колибрил?

Ответа не последовало.

Дневник

Одна лестница вела вверх, в помещение, где раньше должен был гореть огонь маяка. Там было светлее: большое панорамное окно, покрытое снаружи белым туманом. Место для ночёвки — на полу пара одеял и одна подушка. Очень скромно. Вокруг разбросаны книги. Смайк поднял одну из них: Дневник путешествий сентиментального динозавра Хильдегунста Мифореза. Так-так. Смайк отбросил книгу в сторону и поднял другую. Моносиментизация полисемии в гралсундской шахтовой поэзии. Чем только не интересуются учёные! Смайк отбросил и эту книгу и взял следующую. Без названия? Он открыл первую страницу. Там аккуратным почерком чёрными чернилами было написано:

Туманогородский маячный дневник доктора Оцтафана Колибрила

Смайк уронил книгу, будто это была ядовитая змея. Дневник! Как же это невежливо совать свой нос в такие вещи. Вероятно там были очень личные записи.

По-крайней мере теперь он был на сто процентов уверен, что доктор тут. Это лишь вопрос времени, когда они встретятся. Чудесно. Смайк пошёл вниз.

Поздно ночью Смайк начал по-настоящему волноваться. Сколько часов он уже ждёт? Чем можно было так долго заниматься в этой пустынной местности. На улице было абсолютно темно и дул резкий ледяной

солёный ветер. Смайк беспокойно ходил по лаборатории. И почему такой беспорядок? Это странное маленькое тельце в бутылке. Может быть что-то всё же произошло? Смайк снова поднялся наверх, чтобы почитать для отвлечения какую-нибудь книгу

Его взгляд опять упал на дневник.

Может ему стоит рискнуть? Ни-за-что!

А если там есть подсказка о месте пребывания доктора? Подсказка, возможно жизненно важная! Смайк поднял дневник и начал читать.

День первый

Туманный город, наконец! Путешествие было просто наполнено неудачами! Два месяца в лапах лесных пиратов. Уже об одном этом я мог бы написать книгу, если бы её основной темой не был каннибализм. Только благодаря их чудовищной тупости я смог освободиться. И теперь очень рад, что четыре моих мозга не болтаются высушенными у одного из пиратов на поясе рядом с прочими фетишами.

Ещё один месяц я потерял в глухой дыре под названием Нижний Пакун, сваленный в постель демоническим гриппом. Сенсационные сны были у меня во время болезни — целую неделю я представлял себя алмазом.

И ещё как минимум пол дюжины мелких задержек удвоили время моего путешествия. Но не будем больше об этом!

Сегодня я вселился в отслуживший свой срок маяк. Он не очень большой, огонь давно погашен, но есть несколько отличных уловок сделать его уютнее. Видимость в Туманном городе приятно пониженная, вечная водяная пыль великолепно фильтрует солнечный свет. Здесь отлично работается и думается. Как только попал в туман этого города, мой интеллект заметно повысился, ориентировочно на пятьдесят процентов.

Научные приборы уже прибыли на место. Интересно, как они перенесли длительное путешествие? Завтра — инвентаризация.

Сейчас только всё быстро распакую.

День второй

После того, как я почти две недели на спал, в эту ночь я проспал целых восемь часов подряд. Вот это роскошь! Чувствую себя, будто заново родился. Потoki энергии омывают мои мозги. Этот климат подходит мне идеально. Сперва позавтракаю остатками походного пайка, потом начну расставлять оборудование.

Здесь две комнаты. Одна большая внизу, прямо за входной дверью, камин с плитой, стол и два стула. Без окон, великолепно! Это будет

лабораторией. Винтовая лестница ведёт вверх в помещение, где ранее горел огонь маяка. Большая круглая комната, но полностью застеклённая, поэтому не подходит для рабочего помещения. Туман, как вата, прижимается к окнам. Очень живописно! Здесь я буду читать и отдыхать.

Распаковываю ящики. К моему удивлению приборы хорошо перенесли транспортировку. Потери можно пережить. Инвентарная опись:

1. Лабиринтовая колба Гейслера и стеклянная двойная спираль. Вообще невероятно, как эти хрупкие произведения стеклодувного искусства дошли невредимыми.

2. Электрическое яйцо с вакуумным насосом.

3. Линденхупский теодолит.

4. Серебряный закупориватель Фюссли (с полным набором пробок).

5. Спектроскоп, покрытый хамелеоновой кожей.

6. Пневматический вакуумный насос.

7. Свечной гелиостат.

8. Маятник — тригонометр.

9. Оцтаскоп (одна линза разбилась, но у меня есть запасная).

10. Анероидный барометр.

11. Муслиновый гигрометр.

12. Спираль Фибоначчи со свечным приводом и принадлежащие к нему призмы Индиго.

13. Аурограф.

Далее медные, свинцовые и серебряные гирьки для настройки аурографа, три дюжины аурографических пластинок (вместе с эмульсией), цинковый порошок, отвес, ауроволокно (шесть метров), один литр ртути, порошок радия в свинцовой оболочке, шестизычковая логарифмическая линейка, раствор камфары, бутылка с неанимированным лейденским человечком в питательной жидкости. Алхимическая батарейка. Рабочая одежда: свинцовый фартук, свинцовый шлем, свинцовые перчатки. Ящик с мелочами (бюксы и чашки, фильтры, химикалии, алхимические эссенции, ступки и т.д.). Пять бочонков с вяленой треской и сито Ходлера для опреснения морской воды (это сделает меня совершенно независимым от местной гастрономии).

Книги дошли все полностью: секретные работы Цигмана Келли о симпатических вибрациях, "Морфология молекулы" Фойнзина и его незаменимые таблицы субатомных дислокаций. И все другие научные книги были здесь (слишком много, чтобы их по отдельности здесь записать). А также пара томов Мифореза, для отдыха.

Отсутствовали ретромагнитный хвататель и рефлекторный гониометр в медной курице. Оба прибора заменимы, но механическую курицу жаль.

Украдены? Или я вообще не упаковал в ящики? Астатический орлоскоп фирмы Шаркнадель атр;Шремп развалился на три части. Какой же я идиот, отправлять такой дорогостоящий инструмент в такое путешествие!

Смайк пролистнул пару страниц, где Колибрил описывал химические субстанции и мелкие инструменты своей лаборатории. Для чего ему всё это барахло?

После обеда анимировал лейденского человечка.

Да, признаюсь, я принадлежу к учёным, одобряющим использование этих искусственных подопытных кроликов! Поэтому пишу краткую речь, в защиту использования лейденских человечков:

По моему мнению они являются надёжным материалом для испытания химикалий и медикаментов, когда нет желания испытывать их на живых существах. Лейденский человечек более чем на половину состоит из торфа из Кладбищенских болот Дулла и смеси унбисканского песка, а также жира, глицерина и жидкой смолы. Из этих составляющих вылепливается человечек и анимируется алхимической батареейкой.

В бутылке с питательной жидкостью при хорошем уходе он работает около одного месяца. Он проявляет все приметы настоящей жизни, реагирует на холод, жару и всевозможные химические вещества. Суеверные теории о том, что лейденские человечки имеют душу и чувствуют боль, я радикально отвергаю, поскольку как можно испытывать боль не имея нервной системы? Я считаю варварством мучить лягушек и пытаться мышью, если можно воспользоваться таким средством. Защитная речь окончена.

Человечек получился отличного качества. Как и всегда, когда я анимирую лейденского человечка, я придумал для него имя. В этот раз я называю его Хельмхольм. Хельмхольм из Туманного города. В течение следующего месяца Хельмхольм будет моим важнейшим коллегой. Да, учёный одинок, и познание — его невеста!

Туман прижимается к окнам, как любопытный шпион.

День третий

С утра ходил за покупками в Туманный город. Жители города похожи на призраков, особенно когда они неожиданно появляются из тумана и пронзительно смотрят на тебя, своими водянистыми глазами.

Сколько же слухов летает об этом взгляде! Он должен быть злобным, гипнотизирующим, проклинающим. Но для такого взгляда (как и вообще для

всего) существует научное объяснение: местные жители должны так тарашить глаза, потому что свет в городе очень рассеянный. Это "Туманогородский взгляд", не имеющий ничего общего с невежливостью. И ещё один миф развенчан!

Туман становится плотнее. Я искал магазин колониальных товаров, но постепенно перестал видеть дома. Вокруг был лишь серый колышущийся туман. И вдруг передо мной появляется пара глаз, большие и пронзительнее, чем все глаза, встреченные мною до этого. Я испугался и остановился. Только глаза и ничего больше, а вокруг шевелящийся туман. Жуткий вид! Я смело шагнул вперёд, как и существо напротив меня. Теперь мы стояли на расстоянии лишь нескольких сантиметров друг напротив друга. Но тут подул ветер и туман исчез. Я увидел, что всё это время паялся в витрину: это были мои собственные светящиеся глаза, отражённые в витринном стекле! И, кстати, витрина принадлежала магазину колониальных товаров.

Даже в магазине было туманно, водный пар лежал на полу, доставая колени. Я купил всё, что мне было необходимо. Продавец был вежлив, но не особо разговорчив. Его голос был глухим и слегка булькающим.

В конце он посоветовал мне для развлечения посетить концерт духовой музыки, регулярно устраиваемый в парке. И пусть кто-то скажет, что жители Туманного города недружелюбны!

После обеда взял около маяка первую пробу тумана: закачал её ретромагнитным насосом в лабиринтную колбу Гейслера. Оказалось на удивление сложно вкачать в насос часть туманной субстанции, мне пришлось мобилизовать всю свою энергию. Когда проба отделилась от тумана, раздался звонкий чмокающий звук. Затем я закрыл колбу закупоривателем Фюссли.

Проба тумана двигалась по лабиринтам колбы как змея. Я не верю, что это вода! Ладно, аурография всё покажет.

Вечернее чтение: "Говорящая печь" Хильдегунста Мифореза. Боже мой! Что за романтические бредни и отвратительнейший китч идиотской школы замонийской мёртво-материальной прозы, лишённый какой-либо научной базы. Название следует понимать дословно, это никакая не метафора. Тут Мифорез по-настоящему раздражал! Но для чтения сойдёт. Посвятить пятьдесят страниц описанию тиканья напольных часов — очень смело!

День четвёртый

Туман. Конечно туман, я же в Туманном городе. Но сегодня он выглядит ещё гуще, чем прежде.

Я придумал прибор для измерения плотности тумана и назвал его Оцтафанским туманометром. Где-то на расстоянии десяти метров от маяка

я установил таблицу с буквами, как у окулиста (сделал сам). Это одна часть моего прибора. Другая часть — линия на полу спальни, начерченная мелом, прямо напротив большого окна. Теперь каждое утро я буду становиться у этой линии и смотреть на таблицу с буквами. Чем меньше рядов букв я вижу, тем плотнее туман. Я бы мог придумать для этого единицу измерения, один к нечитаемому буквенному ряду, например, или что-то подобное. Как же назвать тогда эту единицу измерения? Колибрил? Отличная идея!

Согласно оцтафанскому туманометру сегодня два колибрила.

Продолжительная прогулка по городу, во время которой, как ни странно, я не встретил ни одного местного жителя. Такая архитектура, как в Турманном городе, не встречается больше нигде в Замонии. Если бы мне пришлось описать её одним прилагательным, оно бы звучало "сгорбившаяся". Дома похожи на обнесённые каменной кладкой холмики кротов, всё выглядит так, будто наштамповано одной формой, всё состоит из круглых крыш, торчащих из земли. Почему-то у меня такое впечатление, что большая часть города находится под землей.

Теперь каждый раз, когда я возвращаюсь домой, Хельмхольм приветствует меня. Забавный человечек! Он стучит крошечными кулачками по стеклу и топает ножками в питательной жидкости. Жаль, что он не может разговаривать.

День пятый

На оцтафанском туманометре четыре колибрила.

Сегодня заражаю лейденского человечка туманной пробой, чему быть, того не миновать.

Я взял небольшой кусочек от пробы в лабиринтной колбе (и снова этот чмокающий звук) и впрыснул в бутылку Хельмхольма. Кажется это сильно развеселило человечка. Туман, который в этих условиях проявлял почти органическое поведение, скользил как червь по внутренней поверхности бутылки, пока Хельмхольм тщетно пытался его схватить. Как загипнотизированный наблюдал я за этой нелепой игрой, пока другие обязанности не вывели меня из оцепенения.

Установка аурографа. Что за беда — все настройки сбились во время транспортировки. Придётся пару дней настраивать с помощью свечного гелиостата. Настроить аурограф это как настроить все инструменты целого оркестра. Остаток дня занимался только этим.

Вечером перед сном читал "Дневник путешествий сентиментального динозавра" Мифореза. Удивительно сильная вещь для его ранних работ. Возможно мне понравилось, поскольку это скорее голое изложение фактов, чем роман. Я прочитал только первую главу, где Мифорез описывает Книгогород, но эта глава является уже сама по себе отдельной книгой. Интересно, что же там выдумка, а что правда? В любом случае я поражён скрупулёзным описанием каткомб города и их редких и опасных обитателей. Этот мир я бы с удовольствием изучил. Там так темно!

Смайк быстро просмотрел несколько следующих дней и страниц, где Колибрил обстоятельно описывал проблемы настройки аурографа. Потом зевнул, потёр глаза и посмотрел в окно. Внизу стояла таблица с буквами, большую часть букв он видел. Может быть пять колибрил по оцтафанскому туманометру? Смайк ухмыльнулся. Эти странные учёные были счастливы только тогда, когда делили всё на единицы измерения! Он продолжил чтение.

День девятый

На туманометре семь колибрил. О прогулке нечего и думать. Всё ещёковыряюсь с аурографом. Начинаю измерение сульфидной плотности тумана. Снова с помощью насоса беру крошечный кусочек от пробы тумана и переношу его в двойную спираль. Подключаю линденхупский теодолит и... конечно, опять забыл перед этим мёбизировать контакты. В результате дополнительные два часа чистки микропинцетом и пургеновой кисточкой, сопровождаемые проклятиями самого себя, которые Хельмхольм в своей стеклянной бутылке, к моему удивлению, внимательно слушает. Его рот беззвучно повторяет все мои проклятия.

Наконец, измерения. Результаты поразительны! Нет, этого не может быть. Водяной пар не может иметь такой сульфидной плотности! Новые измерения — такой же результат. Безобразия! Не надо было начинать измерения до мёбизирования. Чистка кисточкой не гарантирует стопроцентного результата. Может быть я измерил каких-нибудь микробов или бактерии вместо молекул тумана. Завтра повторю всё заново. Соловейчик был прав, когда сказал, что когда-нибудь я начну одевать носки на ботинки. Во время экспериментов я слишком неистов.

*День закончился. Написал небольшую докладную записку для Гралзундерского университета о разрушительном воздействии сверхпопуляции Демонического жучка (*Leptinotarsa daemonlineata*) на сельское хозяйство нижнего Корнхайма.*

В конце отправился на рекомендованный продавцом магазина колониальных товаров концерт духовой музыки в курортном парке. Присутствовало лишь несколько постоянно кашляющих курортников (больные астмой полугномы из Хутценских гор).

Оркестр из двенадцати музыкантов, все без исключения жители Туманного города, начал концерт. Эта музыка напоминала нежное бульканье и поддействовала на меня успокаивающе. Казалось глассандо выплывало из инструментов как пузырьки воздуха и исчезало вверх в тумане. Создавалось такое впечатление, будто туман реагирует на музыку — он то уплотнялся над оркестром, то кружился, то безумно трепетал. Но причиной этого был, конечно же, ветер. Музыканты обладают чрезвычайным профессионализмом. Каждый из них сыграл короткое соло-импровизацию, показав какие нежные звуки можно извлечь из этих инструментов лишь объединив сокращение и удлинение звуковых дорожек с натренированным положением рук на четырёх клапанах. Воодушевлённый направился домой и из-за плохой видимости споткнулся о ведро полных дохлых медуз.

День десятый

На оцтафанском туманометре как минимум 10 колибрил — таблица еле видна. Густой водяной пар по-настоящему угрожающе колеблется вокруг маяка. Местами он настолько плотный, что как мокрая губка скользит по стёклам. Впервые за всё время пребывания здесь у меня возникло чувство дискомфорта.

Беру себя в руки и выхожу на улицу в туман. Такое ощущение, будто идёшь под водой, для каждого шага требуется серьёзная работа мышц. Тяжело дышать, на небе очень быстро появляется солёный, неприятный налёт. Подавленность охватывает меня, как телесно, так и душевно. И сюда приезжает кто-то лечиться? Как же ужасны должны быть их болезни! Решил вернуться назад. Но я заблудился. Минимум час я как дурак болтался вокруг, пока наконец по чистой случайности не врезался в свою собственную входную дверь. Ощутил огромное облегчение закрыв входную дверь.

Приступил к работе.

Вечером тщательно обследовал лейденского человечка. Туманный червь приклеился как паук к пробке бутылки, недостижим для Хельмхольма или

забывшего о его присутствии, или игнорирующего его. Я постучал по стеклу и Хельмхольм постучал мне в ответ. Забавно!

В кровати читал дальше дневник путешественника Мифореза. Так увлекательно, что читал пол ночи.

День одиннадцатый

Девять колибрил.

Всё ещё сильный туман. Повторяю сульфидные измерения, на этот раз по всем правилам с предварительным мёбизированием контактов. Результат такой же, как и вчера. Невероятно! Сульфидная плотность тумана соответствует плотности живого существа.

И никакого сомнения — это измерение верное. Нет, я конечно предполагал что-то подобное, — физическое поведение тумана бросается в глаза. Но всё-таки результаты поразительны. Такой же сульфидной плотностью обладает, к примеру, медуза.

Настройки почти закончены.

Вечер: пытаюсь отвлечься чтением. "Моносиментизация полисемии в гралсундской шахтовой поэзии". Так захватывающе, как дохлая мышь. Представлял себе науку о литературе абсолютно неточной дисциплиной.

Странно: туман, про который я сперва думал, что он повышает работоспособность, начинает угнетать. Меня злит, как он окутывает маяк и пытается проникнуть в каждую щель.

День двенадцатый

На туманометре всего шесть колибрил. Облегчение.

Продолжительная утренняя прогулка по курортному парку. Местные жители проскальзывают мимо меня, будто движутся по линиям, скрытым в тумане. Никто не отвечает на мои приветствия. Серьёзно, не понимаю, почему некоторые ездят сюда в отпуск? Ну да, это дешёво.

Полдень: наконец-то! Аурограф готов к работе. До обеда проводил последние настройки, затем заполнил аурографическую пластинку радиевым порошком, с огромной осторожностью, это очень опасная вещь. Перед этим одел защитную маску, свинцовые перчатки и фартук! А теперь — всё просто. Устанавливаю лабиринтную колбу перед аурографом и делаю точную подстройку. Затем съёмка. Щёлк! Лаборатория освещается ярким аурографическим светом. Хельмхольм от испуга падает на спину в питательную жидкость. Просто волшебство, не смотря на абсолютно научные характеристики. Теперь ожидание, несколько дней, пока аурография не проявится. Можно расслабиться.

Смайк пролистал дальше. Колибрил наполнил свой дневник всевозможными научными умозрительными заключениями. Кажется, его четыре мозга воспользовались временем ожидания для необузданного обдумывания всех существующих тем. Иногда встречалось несколько страниц подряд, покрытых математическими или химическими формулами. Наконец он дошёл до обычных записей.

День четырнадцатый

Уже две недели в Туманном городе. Пошёл в город за покупками. На дороге между дюнами встретил трёх тумангородцев, направлявшихся к морю. Это необычно, поскольку местные скорее избегали моря. А почему? Я, на некотором отдалении, последовал за ними. На берегу их окутал густой туман. Когда он рассеялся, эти трое уже исчезли.

Пока шёл в город, возникло идиотское чувство, будто туман преследует меня. Он шевелился и окутывал меня, как никогда ранее, и впервые мне показалось, что я слышу внутри него звуки: постоянно повторяющийся скользкий звук и тихое дыхание. Так должны звучать последние секунды жизни рыбы, выброшенной на берег. Вероятно, это просто ветер, он же является и причиной необычного движения тумана. Тем не менее: чувство дискомфорта растёт с каждым шагом, так же как и назойливость тумана. Тонкие ватные руки оцупывают мою голову и пытаются попасть в мои ушные проходы. Я слышу чёткий шёпот и влажное шипение. Пытаюсь разогнать туман руками, как разгоняют назойливых насекомых. Безуспешно.

Когда, наконец, добрался до магазина колониальных товаров, он оказался закрыт. Очень неприятно, поскольку у меня мгновенно возникло необъяснимое желание купить ведро серы, сульфат меди, семь метров проволоки и гроб.

День пятнадцатый

Пять колибрил.

Осматриваю аураграфию. Стёмка, кажется, получилась, не засвечена, эмульсия без пузырьков. Но пока ещё ничего нельзя сказать. Процесс проявки мучительно долгий.

Ночью наблюдал курьёзный погодный феномен: над городом несколько часов подряд висела гроза — гремел гром, сверкали молнии, превращаемые туманом в рассеянные вспышки света, — но странно, не упало ни одной дождевой капли, не было ни одного дуновения ветра.

Единственное логическое объяснение: туман покрывает город, как защитное покрывало, поглощая дождь и ветер.

День шестнадцатый

Гроза не могла быть причиной, но всё же — всего два колибрила на туманометре! Даже солнце слегка просвечивается.

Осмотр аурографии — что-то уже получается. Чёткое проявление ауры, эмульсия равномерно подсыхает. Скоро можно будет увидеть результаты.

Пользуюсь низкой туманностью для продолжительной прогулки. Бородавкоподобные свойства туманогородской архитектуры сейчас ещё более очевидны. Все строения зловещие, будто болезнь на коже земли. Только несколько официальных зданий, гостиниц, магазинов с колониальными товарами и тому подобное построены традиционным образом — с прямыми стенами и окнами. Впечатление, что эти строения существуют только для гостей города, не покидает меня. Туман вновь появился так же неожиданно, как ранее пропал. С моря подул сильный ветер, плотные туманный змеи поползли по улицам и проглотили дома и прохожих. Опять почувствовал всепроникающую назойливость тумана и поспешил домой.

Не знаю почему, но был очень раздражён, когда наконец захлопнул за собой дверь.

Мой взгляд упал на Хельмхольма, буянившего, как обычно, когда я возвращался домой. Я подошёл к лейденскому человечку и постучал по его стеклянно-му домику. Кажется Хельмхольм обрадовался, из-за того, что кто-то обратил на него внимание. Он начал подпрыгивать. Я наклонил бутылку так, что он упал на спину в питательную жидкость. Это меня рассмешило. Когда он с трудом поднялся, я наклонил бутылку в другую сторону так, что он упал на живот. Это рассмешило меня ещё больше. Затем я поднял бутылку и начал её трясти. Хельмхольм беспомощно шатался, жидкость плескалась во все стороны и обливала человечка. Я в бешеном танце крутился по лаборатории, тряся бутылку над головой и смеясь, как злобный ребёнок. А Хельмхольм, бедняга, ударялся о стены. Затем я наконец пришёл в себя. Почти без чувств плавал Хельмхольм в жидкости, пытаясь удержать голову над водой. Мне стало ужасно стыдно и до настоящего момента я не нашёл объяснений моему поведению.

Человечек пришёл вечером в себя и сидел безмолвно в своей жидкости, будто ничего и не произошло. Проба тумана исчезла. Вероятно я смешал её, тряся бутылкой, с питательной жидкостью. Учёные не ведут себя так, так ведут себя сумасшедшие! Стыдно, хоть плач.

За чтением Смайку становилось постепенно не по себе. Это всё было достаточно личным. Он чувствовал себя похожим на этот вездесущий туман, прижимающийся к окнам маяка, чтобы проследить за Колибрилом. Но сейчас Смайк уже не мог остановиться, чтение затягивало его.

День семнадцатый

Шесть колибрил.

Пол дня находился в замешательстве из-за вчерашнего поведения. Мне нужно опять в люди. Это одиночество в маяке разрушает мой мозг. Решаю устроить сегодня выходной, пусть аурография проявляется, а я пойду на прогулку.

Послеобеденное чтение: Мифорез "Сборник стихов". Боюсь, для поэзии я безнадежно потерян. Моё мышление не может отойти так далеко от науки. Всё время эти неясности, загадки, глупые метафоры. Почему "водный чулок", если можно и "водосточная труба" сказать?

Вечером первый выход в общество за всё время пребывания в Туманном городе. Ужинал в единственной таверне "У туманной сирены". Четыре туманогородца сидели за другими столами и молча ели. Официант с привычным застывшим взглядом скользит по скрытому в тумане полу. У стены стояли напольные часы из чугуна, чьё громкое тиканье будто вдалбливало мне в голову мысли о непостоянстве всего живого. Было всего одно блюдо дня: неизвестная мне тушёная рыба (в меню обозначенная как "туманная рыба"), абсолютно прозрачная. Её органы, слегка светящиеся, были хорошо видны — вероятно она была ещё жива. На гарнир — крохотные угри, задохнувшиеся в дыме. М-да, хорошо, что я неприхотлив. Но на вкус, несмотря на мои подозрения, оказалось весьма прилично. Гораздо неприятнее был взгляд официанта, который во время еды так внимательно за мной следил, будто хотел прожечь дыру в моём черепе.

По пути домой встретил в тумане продавца магазина колониальных товаров. Вежливо поприветствовал его, но он молча проскользнул мимо меня. Или это был не он? Они тут все так похожи.

День восемнадцатый

Пять колибрил.

Ещё одно наблюдение, сделанное в Туманном городе: когда туман приближается к предмету, например, к дереву, то сначала на мгновение дерево озаряется, его контуры становятся мягче, округлённее и бесцветнее. А затем будто растворяется в тумане, листок за листком, ветка за веткой, пока не исчезнет полностью. Или: пока дерево не станет туманом.

Конечно это детское и абсолютно ненаучное наблюдение. Дерево остаётся на своём месте, оно просто исчезает с наших глаз. Но почему тогда я это записываю? Без понятия.

Лейденский человек тоже ведёт себя странно. Вся его неповоротливость исчезла и теперь он находится в постоянном движении. Он шлёпает по кругу в питательной жидкости и что-то беззвучно бормочет, или плещется

в воде, как ребёнок. Иногда он часами бьётся головой в стеклянную стену, производя монотонный раздражающий звук.

Аурография будет готова завтра, по крайней мере всё на это указывает.

День девятнадцатый

Невероятно! Обидно до слёз!

Когда я утром полный надежд спустился вниз, чтобы проверить аурографию, то к великому ужасу обнаружил, что эмульсия смазалась!

Это вообще-то невозможно, но должно быть кто-то пробрался в дом ночью и нарочно её размазал. Вся работа насмарку. Я должен или уехать без результатов, или ещё раз начать всё с начала.

Нет настроения дальше писать.

День двадцатый

Всё утро занимался настройкой аурографа для новой съёмки. Уезжать! Как же! Я сделаю всё, чтобы добиться своего!

После обеда — новая съёмка.

И снова ожидание.

День двадцать первый

Пять колибрил на туманометре. Занимаюсь ничегонеделанием. Совершенно новая для меня черта, как и многое другое в последнее время. Долго рассматривал себя в огромное зеркало, посылавшее ранее огонь маяка вдаль. Оно выпуклое, из-за чего моё отражение смешно растянулось в стороны. Я смеялся над этим почти три часа, пока снова не пришёл в себя.

Что меняется. Такое ощущение, будто я прохожу через очень мелкое сито, через которое просеиваются только мои лучшие качества. В конце получится новая, улучшенная личность.

День двадцать второй

Четыре колибрила. Лейденский человек ведёт себя всё более странно: теперь он пытается построить что-то из туманной жидкости. Вода постоянно проливается сквозь его пальцы, но это не останавливает Хельмхольма и он продолжает строительство дальше.

"Одиночество — лучший друг безумия" — кажется это сказал Хуццек Фано. Или это был Трипель Штайфок?

День двадцать третий

После долгих раздумий подозреваемым в размазывании эмульсии остаётся только Хельмхольм. Он участвует в заговоре против меня? Но с кем? И кто выпустил его из бутылки?

Может я?

День двадцать четвёртый

Если бы плоское было смешным, то все бы смеялись над тарелками.

Пытаюсь вспомнить кого-то незнакомого.

День двадцать пятый

Почти всё утро занимался тем, что пытался выйти из маяка через замочную скважину. Это невозможно.

Должен убить Хельмхольма.

Но как?

Смайк опустил дневник. Последние записи были очень странными. Может Колибрил шутил? Может ему надоело вести дневник и он занимался только работой? Смайк оглянулся. Ему показалось, что пока он читал, доктор стоял у него за спиной.

День двадцать шестой

Не знаю, нужно ли об этом упоминать: вчера вечером я встретил своего отца. Сначала я подумал, что это моё отражение в старом зеркале, но я только начал подниматься вверх. Он спускался мне навстречу. Он не удостоил меня даже взглядом. Всё это ещё более странно потому, что мой отец умер пятьдесят лет назад.

За последнее время накопилось много таких труднообъяснимых вещей. Должно это внушать опасения? Вообще-то нет. Как ни странно, но чем больше таких вещей происходит, тем безразличнее они мне становятся.

Сколько колибрил на туманометре? Не важно!

День двадцать седьмой

Это я сделал последние записи? Должно быть, поскольку это мой почерк. Но что это за бред? Я схожу с ума?

Последние четыре дня совершенно не помню. Боюсь, я заболел. Рецидив демонического гриппа?

Чувствую себя плохо, раздражён, рассеян, бросает в жар. Прекратил бы работу прямо сейчас, но аураграфия уже почти готова.

День двадцать восьмой

Что за ерунда написана вчера? Конечно, это я сделал четыре предыдущих записи. Но кто сделал вчерашнюю? Странно, это мой почерк. Может это тот парень, которого я встретил на лестнице? Шатается здесь как мой двойник? Устроил заговор с лейденским человечком?

Должен быть более бдительным! Теперь я не могу доверять даже самому себе.

Хотел пойти в город за покупками, но не получилось, так как опять пытался выйти из маяка через замочную скважину.

Нужно похудеть.

День двадцать девятый

Похудел, как и хотел. За день потерял весь мой вес. Из-за этого возникла новая проблема — теперь я невидим, собственно я теперь даже и не существую.

С другой стороны, теперь я легко пролажу через замочную скважину.

Ночью из-под земли раздавалась странная музыка. В её звуках я обнаружил тайное послание, которое нужно расшифровать.

День тридцатый

Да, набгау хвсе набовгау, я юсьвинуну тебе! Я щвлюумер Хольмхельма! Я щвлюумер брилалико! Да, набгау хвсе набовгау, я юсьвинуну тебе!

Да, набгау хвсе набовгау, я юсьвинуну тебе! Я щвлюумер Хольмхельма! Я щвлюумер брилалико! Да, набгау хвсе набовгау, я юсьвинуну тебе!

Да, набгау хвсе набовгау, я юсьвинуну тебе! Я щвлюумер Хольмхельма! Я щвлюумер брилалико! Да, набгау хвсе набовгау, я юсьвинуну тебе!

Смайк пролистнул несколько страниц, так как безумный текст всё время повторялся. Что это значит? Колибрил сошёл на самом деле с ума? Или он стал писателем, а этот роман он написал для развлечения? Но тут опять появились понятные предложения.

День тридцать первый

Опять провал в памяти. Два дня! Я написал эти глупости? Что это значит? Так дальше не пойдёт, я должен уехать.

Когда я проснулся утром со страшной болью во всех моих четырёх мозгах, то увидел, что мёртвый Хельмхольм плавает в своей питательной жидкости. Кто его убил? Туманная проба? А может я?

Сегодня после обеда дешифрование ауорографии. Завтра уезжаю.

День тридцать второй

Проанализировал аурографию. Чувствую себя неуютно. И не только из-за того, что я увидел. Должен, вероятно в последний раз, воспользоваться ясностью рассудка, пока туман опять не одурманил меня. На объяснения нет времени, только на важнейшие факты:

1) Туман не является никаким природным феноменом. Это что-то живое. Аурография чётко показывает органическую структуру. Может быть это живой газ.

2) Туманогородцы заключили тайный альянс с этим туманным существом. Предполагаю, что это одна из форм нездорового симбиоза.

3) Туман сводит с ума всех, кроме местных жителей. Я знаю о чём я говорю.

4) Этот город — ловушка! Я не могу этого объяснить, я не знаю с какой целью туманогородцы это сделали, но предполагаю, что они являются коварными существами.

5) Существует связь между Туманным городом и слухами о подземном мире! Аурография показывает структуры, не существующие ни в одном организме известного мне мира. Этот туман пришёл не с моря. Он пришёл из земли!

Если вы читаете эти записи и не являетесь туманогородцем, то послушайте моего совета: ты, тот кто это читает, беги отсюда! Беги так быстро, как только можешь!

Кто-то стучит в дверь.

Они пришли.

Они пришли за мной.

Тут заканчивался дневник Колибрила. Смайк оторвался от чтения, будто проснулся от кошмара: у него на лбу выступил пот и одно мгновение он не мог вспомнить, где он находится.

Перед окнами маяка танцевал туман, размахивая, как гигантское привидение, колышущимися платками. За чтением Смайк не заметил как наступило утро.

— Я в Туманном городе, — мрачно сказал он.

Кто-то постучал в дверь. Смайк уронил от страха дневник.

— Ну наконец-то, доктор Колибрил! — воскликнул он облегчённо.

Он подошёл к окну. Туман был всюду, но не был достаточно густым, чтобы скрыть от него, всех жителей Туманного города собравшихся внизу и окруживших маяк. Молча они смотрели вверх на Смайка своими водянистыми глазами.

— Они пришли, — пробурчал Смайк. — Они пришли за мной.

V. Гринцольд и Львиный зев.

— Румо, сегодня фехтования не будет, мы идём на ярмарку!

Урс был в приподнятом настроении, когда они спешили в сторону восточных городских ворот, где уже несколько дней шумел праздник. Бесчисленные ленты неизвестных запахов летали над городом и Румо со смелыми чувствами шёл туда. Если верить Урсу, то речь шла, главным образом, о том, чтобы съесть как можно больше нездоровой пищи.

Уже перед городскими воротами звуки стали такими громкими, что им обоим, чтобы слышать друг друга, пришлось повысить голоса.

— Боже, я жду это ровно год! — крикнул Урс и потёр руки. — Волшебные шатры, паровое пиво, мышинные пузырьки.

— Мышинные пузырьки? — крикнул Румо.

Урс протянул ему мешочек с деньгами.

— Вот! Твои ярмарочные деньги. С наилучшими пожеланиями от бургомистра.

Румо удивился размаху всего происходящего точно так же, как маленький щенок удивляется увидев впервые бенгальский огонь. Сотни палаток окружали Вольпертинг, различных размеров, цветов и форм, с рекламными табличками и факелами перед входом, украшенные флажками, вымпелами и гирляндами. Круглые палатки с остrokонечными крышами, четырёхугольные с плоскими, восьмиугольные с четырьмя куполами, крошечные, высотой меньше метра, и огромные, как замки, тянущиеся к ночному небу. Ярмарка была самым настоящим городом — с улицами и площадями, деревянными тротуарами, лестницами и мостами. Она простиралась вдаль до лесов, понтоны с киосками лежали на воде в городском рве, там же были и самоплавающие палатки на лодках и плотах. Всё это выросло вокруг Вольпертинга в одно мгновение из земли, этакая приятная осада, длящаяся одну неделю.

Румо был поражён удивительным разнообразием живых существ Замонии. Многих из них он никогда ранее не видел: вальтеркены и мумы, коричневые люди и хундлинги, берты и волтигоры, унки и менады, горные гномы, галутатцы и йети, хускеропсы и венецианские человечки, земляные гномы и полувеликаны, пыльные люди, рикшадемоны и цантальфигоры.

Ещё больше сбивало с толку то, что на многих были необычные наряды и маски, у некоторых были одеты искусственные бумажные головы и поддельные носы. Кто-то ходил на ходулях или ездил вокруг на абсурдных велосипедах. А кто-то размахивал флагами или носил костюм овоща. Некоторые плевались огнём. Один жонглировал горящими факелами, а другой — говорящими головами.

Румо навострил уши. Воздух просто вибрировал от звуков, которые нельзя было услышать в Вольпертинге: поющие пилы, металлофоны, пение хундлингов, крики демонов, губные гармошки. Везде смех, громкие испуганные крики посетителей комнат страхов, нытьё волюнок. Толпы музыкантов, пытаясь вызвать благосклонность публики, состязались друг с другом извлекая как можно более громкие звуки из своих чудных инструментов. Басы сотрясали землю, звонкое сопрано унки пело на древнезамонийском о безответной любви, хозяева балаганов громко спорили. Фейерверки, шипя, взлетали в небо, бумажные свистульки крикали, жестяные барабаны оглушали. Ярко загримированный рикшадемон выпрыгнул перед Румо и, смеясь, бросил в него горящее конфетти.

Для чувствительных ушей Румо это было уже слишком. Он беспомощно закрыл глаза. Перед его внутренним глазом открылась колоссальная картина из вертящихся золотых спиралей, танцующих радуг, пульсирующих ослепительных змей и взрывающихся шаровых молний всех цветов. Румо мгновенно открыл глаза и потерял равновесие.

— Ох! — сказал он, покачнулся и ухватился за Урса.

А ещё запахи: корица, мёд, шафран, жареная колбаса, свиное жаркое, вяленая рыба, глинтвейн, копчёные угри, печёные яблоки, луковый суп, ладан, табачный дым, утиный жир. В большинстве палаток, продававших еду, на маленьком огне обжаривали чеснок и лук, из-за чего в ночном воздухе около них висел аромат, вызывающий аппетит. В земляных ямах в древесных углях томились обмазанные глиной гусиные, куриные и индюшачьи ножки. В высоком чугунном котле варились свиные ножки с горохом, превращаясь в приятно пахнущий густой суп. В тимьяновом масле жарился картофель с луком. На сковородах шипели перепела, обёрнутые салом, форель на шпажках жарилась на гриле. Бараньи ножки, нашпигованные розмарином, лежали, шипя, на открытой жаровне. В глиняных печах пеклись лепёшки и кукурузные початки. В одном месте над костром на вертеле жарился целый страус, а вокруг сидели голодные горные гномы и гремели пустыми тарелками. Кто-то жёг мирру, везде дымились ароматические палочки, укутанные мумы бросали в воздух порошок карри. Румо ещё крепче вцепился в Урса.

— Ну-ка, соберись немного, — проворчал ему Урс в ухо. — Ты ведёшь себя как провинциальная мышка в Атлантиде. Если торговцы тебя таким увидят, они выпотрошат тебя, как свинью. Расслабься! Делай вид, будто подобное ты уже тысячу раз видел. Просто повторяй за мной.

Урс сунул руки в карманы, расправил плечи и состроил скучающую мину. Затем пошёл дальше, подчёркнуто не спеша и шаркая ногами. Румо постарался как можно точнее повторить его позу.

Пчелолюди

— Смотри-ка, пчелолюди из Медовой долины! — крикнул Урс. — Они продают свой легендарный мёд пчелиных маток, делающий тебя, якобы, бессмертным.

Он указал на группу необычных существ, черпающих мёд из глиняных кувшинов и раздающих его покупателям. На головах у них были одеты огромные плетёные ульи. Сотни пчёл прилежно залетали и вылетали из них.

— Говорят, что они сами являются насекомыми, — ухмыльнулся Урс. — Огромные пчеломатки. Никто не видел их без одежды.

— А ты веришь?

— Конечно! Это гигантские бессмертные пчеломатки и они работают на ярмарке! — засмеялся Урс.

Летающие лепёшки

Толпа прохожих сорвала их с места и отнесла к другому спектаклю. Гном с лицом, похожим на сыр, в громадных деревянных башмаках подбрасывал в воздух круглые куски теста для лепёшек, которые продолжали сами крутиться вокруг собственно оси, становясь при этом всё тоньше и шире. "Летающие лепёшки!" — кричал он. "Летающие лепёшки!" — другой гном словил в воздухе лепёшку плоской лопатой и сунул её в дровяную печь. Третий жарил в кипящем масле картофельные брусочки.

— Подожди-ка! — сказал Урс. — Тут ты можешь узнать кое-что новое.

Румо послушно остановился и наблюдал за игрой. Когда лепёшки спекались, гномы вытаскивали их из печи, скручивали в кулёчки и наполняли жареным картофелем. Урс купил один кулёк.

— С арахисовым маслом, пожалуйста! — попросил он. Один из гномов щедро полил картошку светло-коричневым соусом. Урс мгновенно начал поедать пропитанные жиром картофельные брусочки.

— Одно из гениальнейших изобретений замонийской гастрономии, — прочавкал он и, отломив кусок от тестяного кулёка, макнул его в густую ореховую массу. — Даже упаковку можно есть.

Безболезненный шрам

— Эй! — сказал Румо. Хундлинг в вязанной цветной шапке подошёл к нему и крепко ухватил за жилетку.

— Хочешь безболезненный шрам? — спросил он и подsunул вольпертингеру под нос нож с молочно-белым лезвием. Румо мгновенно среагировал: одной рукой он обхватил запястье хундлинга, другой — его горло и так крепко, что лицо хундлинга посинело. Нож со звоном упал на землю.

— Хочешь болезненно сломанную шею? — спросил Румо в ответ. Урс подбежал к нему.

— Отпусти его, Румо. Он предлагал серьёзную сделку. Ты можешь просто отказаться.

Румо ослабил хватку, хундлинг отпрыгнул в сторону и глубоко вдохнул.

— Мой друг приехал из глуши! — сказал Урс извиняющимся тоном. — Он впервые на ярмарке.

— Всё в порядке, — кашлянул хундлинг. — Может позже. Выпейте-ка пока парового пива! Расслабьтесь! Все мы тут друзья. Мы делаем лучше шрамы на ярмарке. Может быть позже.

Он поднял свой нож и ушёл ухмыляясь.

— Этот нож сделан из эльфийского нефрита, — сообщил Урс, когда они пошли дальше. Он засунул оставшуюся картошку в рот, остатки кулька отбросил в сторону и продолжил с набитым ртом объяснять. — Эта штуковина падает с крыльев эльфийских ос, когда они отряхиваются после пробуждения.

Он проглотил последнюю картошку:

— Этот эльфийский нефрит собирают и спрессовывают под высоким давлением. Из полученного материала куют ножи, чьи порезы не причиняют боли. Таким ножом можно отрезать кому-нибудь руку и он даже не почувствует этого. Вот, посмотри!

Он раздвинул шерсть у себя на правом предплечье и Румо увидел искусно вырезанный шрам в виде разбитого сердца, в середине которого стояло имя:

Зина

Румо стоял поражённый.

— Зина Снежная. Она была моей серебряной нитью. Но у нас ничего не получилось. Она ушла во Флоринг и разбила мне сердце.

Урс вздохнул, будто заглушая слёзы.

— Это безболезненный шрам, сделанный ножом из эльфийского нефрита. Девочки сходят с ума, когда находят у тебя такое. Особенно, если это её имя, — и Урс опять загадочно подмигнул. Румо смутился.

Они остановились у палатки, перед которой стоял полудном, наряженный в цветные лохмотья. Он поочерёдно выплёвывал огонь и кричал:

— Посмотрите на Фредду, ужасную бергину, свежевывритую, без волос! Чудовищнейшее зрелище Замонии! Детям вход запрещён! Мы не несём ответственность за вред, причинённый вашему здоровью!

Люди толпой лომились в палатку. Урс подтолкнул своего друга.

— Кто такая бергина? — спросил Румо. — И почему они платят за что-то, что считают страшным?

— М-да! Кто же их поймёт? Но на ярмарке главное не то, что тебе нравится.

— А что же?

— То, где тебя обдурят!

— Этого я не понимаю.

— А мы здесь и не для того, чтобы что-то понимать.

— А для чего?

— Для чего — для чего! Короче, ты начинаешь меня раздражать! Просто развлекайся! О, посмотри-ка! Мышиные пузырьки!

Мышиные пузырьки

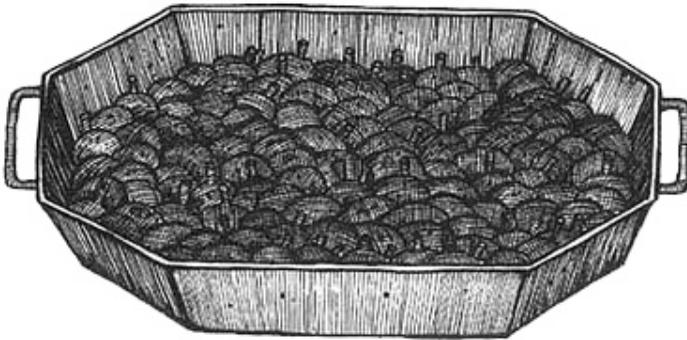
Они стояли перед огромной чугунной сковородой, в которой шипели десятки колбасок, размером с грецкий орех.

— Господа желают отведать мышинных пузырьков? — спросил повар-вольтерк в забрызганном жиром фартуке. — Это лучшие! Из орнишенской пись-мышки.

Урс поднял палец вверх.

— Даже самый придирчивый гурман, — торжественным голосом начал он своё выступление, — когда он впервые пробует это блюдо, не готов к самобытному утончённому вкусу профессионально приготовленного мышинного пузырька. Главная хитрость приготовления в том, чтобы не повредить пузырь, когда его через мочеточники наполняют начинкой из мышинного мяса. Для этого мясо должно быть минимум тридцать три раза прокручено через мясорубку, пока оно не превратится в почти жидкую массу, которую затем смешивают со сметаной, мышинным бульоном, чесночным соком, растворённой в воде солью, паприкой и оливковым маслом. Некоторые добавляют туда ещё кумин, но это варварство! Фарш набирают в шприц и впрыскивается в мышинный орган, пока он не будет наполнен до отказа. Затем мочеточники перевязывают специальными нитками, чтобы сок оставался внутри.

У Урса даже потекли слюни.

— А потом в тяжёлой чугунной сковороде раскаляют оливковое и сливочное масло в равных пропорциях и несколько минут обжаривают в нём мышинные пузырьки до золотисто-коричневого цвета. Под конец их недолго коптят над горящей солодкой и сохраняют до поедания тёплыми. Нужно сказать, что мочевого пузырь южноорнишенской пись-мышки — а только из таких мышей разрешено готовить это блюдо! — принадлежит к самым трудолюбивым пищеварительным органам замонийского животного мира. И на самом деле, этот прилежный вид мышей не занят почти ничем, кроме мочеиспускания, что делает их мочевые пузыри такими эластичными и снабжает таким интенсивным вкусом. Наслаждение от первого мышиноного пузырька ни с чем нельзя сравнить. Две порции, пожалуйста!

— И? — подозрительно спросил Урс, со всевозрастающей горечью наблюдая как Румо один за другим забросил все пузырьки в рот и проглотил их ни разу не жуя. Ни восторженности, ни восхищения Румо он не увидел.

— Э? — рассеянно спросил Румо.

— Мышиные пузырьки! Понравились?

Комната страхов

— О...да. Понравились. Спасибо, — сказал Румо и не глядя выбросил за плечи упаковку. Он заметил Ралу, стоящую в очереди перед чудовищным чёрным шатром. Плакаты перед ним показывали какие невероятные вещи происходят там внутри.

— О! Комната страхов! — крикнул Урс с набитым ртом. — Туда мы и пойдём! Обязательно!

Он подбежал к плакатам и начал читать. Румо медленно последовал за ним не сводя с Ралы глаз. Она пока не заметила его в толпе.

— Послушай-ка! Они утверждают, что все экспонаты в этой комнате страхов настоящие! Что они якобы снимают с деревьев повешенных, бальзамируют их и подвешивают их в этой комнате! Хо-хо! Это не для слабаков!

Урс забросил в рот последние мышинные пузырьки:

— Они раскапывают могилы на заброшенных кладбищах и делают с трупами, что хотят. Там внутри на самом деле работают ржаные мумы и лесные демоны! Посмотри на тот плакат! Они указали количество смертельных случаев произошедших в этой комнате страхов! Четырнадцать инфарктов, семь апоплексических ударов и один впал от шока в кому.

И это всё за один сезон! Боже! Это нельзя пропустить! — Урс глупо захихикал.

Румо было не интересно тратить свои деньги на то, чтобы кто-то попытался его напугать. После приключений на Чёртовых скалах он не боялся ничего.

— Тут написано: однажды один посетитель так испугался мумии, что у него потекла кровь из носа, да так сильно, что её не смогли остановить и она вся вытекла. Теперь он ездит там по кругу в ванне в собственной свернувшейся крови.

Румо украдкой следил за Ралой. Урс последовал за его взглядом:

— Э! Там стоит Рала. Она тоже идёт в комнату страхов.

Для Румо было невозможным подойти к Рале и заговорить с ней. Скорее он вступил бы в драку с дюжиной кровомясников. Но не успел он подумать дальше, как Урс уже всё уладил. Он просто подбежал к Рале и положил ей руку на плечо. Они немного поговорили и Урс помахал Румо, подзывая его к себе. Румо заковылял на деревянных ногах к Рале. Он был в десяти метрах от них, как уже вытянул вперёд руку для рукопожатия и придумал простое приветствие. Почему же его тело не слушается его, когда он стоит перед Ралой? Почему рядом с ней он чувствовал себя так, будто это не он а кто-то другой, а он со стороны наблюдает за его неуклюжими движениями? Что за могущественное колдовство исходило от этой девушки? И почему оно не действовало на Урса? Он решил нежно, но решительно пожать ей руку, посмотреть ей в глаза и спокойно и внятно с ней разговаривать.

— Привет Румо! — дружелюбно сказала Рала. Это были вообще первые слова, которые она ему сказала.

— Прирла! — хрипло ответил Румо опустив глаза. И в тот момент, когда Рала хотела пожать его руку, он убрал её. Затем он покраснел и уставился на пол. Урс осуждающе посмотрел на Румо.

— Поедем вместе, — решил Урс. — Это будет дешевле.

Румо стоял как вкопанный. Во рту у него пересохло и он боялся прикусить язык, если заговорит. Поэтому он молчал.

— Там внутри есть настоящие летучие крысы, так что, Рала, следи за своей причёской! — пошутил Урс, садясь вместе с ней и Румо в вагончик. В нём было тесно и они сидели тесно прижатые друг к другу. Когда Румо почувствовал руку Ралы, ему стало не по себе. Пот потёк по нему рекой.

— Э? Ты что боишься? — спросила Рала, заметив его беспокойный взгляд.

— Я не жнаю штраха, — силло ответил Румо.

— Ого! — сказала Рала и сымитировала хриплый голос Румо. — Я не жнаю штраха.

К ним наклонился йети и запер вагончик.

— Если во время поездки кто-то умрёт, не выбрасывайте его из вагончика! — сказал он мрачно. — А то труп съедят гули-трупоеды, а им нельзя, они на диете.

Урс и Рала захихикали. Румо попытался повторить за ними, но его напряжённое лицо никак не хотело расслабляться и он выглядел так, будто его тошнит.

— Пугайтесь с удовольствием! — отсалютовал йети, когда вагончик скрипя проехал мимо него к дверям, за которыми была сплошная темнота. — И не забывайте: жизнь страшнее смерти!

Тьма накрыла их. Были слышны лишь скрежет вагончика и удалённые крики ужаса других пассажиров. Румо попытался игнорировать тревожные запахи, но ему не удавалось — там в темноте всё кишело злобой. Послышался тонкий визг, едва слышный, похожи на крик о помощи погребённого заживо.

— Ой! — притворилась Рала испуганной и ещё сильнее прижалась к руке Румо. С грохотом к ним навстречу ехало что-то освещённое бледным светом рудничной лампы. Это был мёртвый гном, сидевший в ванне со свернувшейся кровью.

Когда ванна проехала мимо, то Румо заметил паутину на голове обескровленного и лопнувший на его затылке шов, из которого сыпались мелкие опилки. Из его обеих ноздрей текли в ванну тонкие ручейки.

Кустовая ведьма

Вагончик резко остановилась и перед ними с грохотом открылся люк в полу. Адский огонь в виде красных и жёлтых бумажных языков пламени вырвался оттуда, сопровождаемый зелёным облачком дыма. И когда он исчез, то перед ними стояла курицеподобная кустовая ведьма. На ней была одежда из осенней листвы, её конечности были из тонких узловатых веток, а в глазницах пустого деревянного черепа светились два блуждающих огонька. Вдруг её нижняя челюсть открылась и оттуда в темноту вылетела белая моль. Подул горячий ветер и ведьма потянула свои острые пальцы, усеянные шипами, к лицу Ралы. Рала так крепко прижалась к Румо, что он чувствовал почти всё её тело — такое сильное чувство он испытал впервые в жизни.

— Сейчас я потеряю сознание, — подумал он, когда по нему пробежала приятная дрожь.

Но он не потерял сознание и Ух! Дзынь! Щёлк! — ведьма уже пропала. Но Рала и не подумала отодвинуться от Румо:

— Это была настоящая ведьма? — спросила она.

— Да, — сказал Урс. — Только чучело.

Ведьма оказалась самым главным экспонатом. Как обычно, снаружи обещали гораздо больше, чем потом оказывалось внутри комнаты страхов. Вероятно это были настоящие трупы, которые танцевали вокруг них в колышущемся свете, но зло, которое почувял Румо, исходило только от персонала — обедневших кровомясников и прочего сброда, наполнявшего комнату страхов громкими воплями или, накинув на плечи простыни, притворявшихся привидениями.

Когда они вылезли из вагончика Румо не мог идти. Его ноги стали ватными, всё его тело дрожало, шерсть блестела от пота.

— Ведьма была хороша, — сказал Урс, — но всё остальное...

— Ага, а ты не жнаешь штраха? — спросила Рала Румо и засмеялась. Её смех был звонким и милым, в нём не было ни капли язвительности.

Румо лихорадочно искал подготовленные им ранее ответы, но пока он вспоминал Рала уже заметила кого-то в толпе. Это был Рольф с Биалой, Олегом и вольпертингеркой, которую он уже видел в школе. Её звали Наденька. Все они стояли на другой стороне улицы. Рольф помахал Рале. Она, не сказав Румо ни слова, начала пробираться через толпу. И тут Рольф обнял Ралу.

Румо поперхнулся. С каких пор они были так близки? Вот! Рала поцеловала Рольфа в щёку! Такое впечатление, что земля под ногами Румо разверзлась. И тут волна бушующих посетителей ярмарки скрыла Рольфа, Ралу и других с глаз Румо и унесла их с собой.

— Девчонки, — сказал Урс пожимая плечами. — Никто не понимает о чём они думают.

Румо закрыл глаза и попытался найти серебряную нить, но то, что он увидел своим внутренним глазом было похоже на калейдоскоп. Сжигаемые благовония, пот и обычные запахи всех видов превратились в быстро вертящуюся цветную кашу, что заставило Румо быстро открыть глаза. А если бы он попытался ориентироваться тут по запаху, то он слепо врезался бы в ближайшую палатку.

— Пошли дальше! Мы ещё почти ничего не видели.

Румо уныло поплёлся за Урсом. Как же его раздражали эти крики! Эта примитивная музыка! Эта вонь! И почему Рала обнимается именно с этим отвратительным типом? И перед всеми? Перед ним? Как удалось этому маленькому бультерьеру так сблизиться с Ралой? И вообще, что он забыл в этом дурдоме под названием ярмарка? Румо захотел домой.

— Тыыыыыы! — закричал чей-то голос в чувствительное ухо Румо. Перед ним появилось чрезвычайно уродливое тощее существо в чёрных одеждах, обвиняюще тыкающее в него тонким, как карандаш указательным пальцем.

— Тыыыы!

Ужаска

Румо с Урсом вышли на перекрёсток двух палаточных улиц. По середине его стоял большой железный котёл, вокруг которого танцевали три существа в чёрных одеждах и периодически бросали в него пищащих мелких животных. Одно из этих существ выскочило перед Румо и преградило ему дорогу. Прохожие вокруг остановились и с любопытством наблюдали за спектаклем.

— Ужаски, — прошептал Урс Румо. — Не позволяй им произносить тебе пророчества.

— Ты! — закричала самая высокая ужаска и указала длинным пальцем на Румо. — Слушай меня! Моё имя Попсипил!

Урс попытался утащить Румо за собой, но тот стоял как вкопанный.

— Тыыыы! Ты будешь ходить в темноте и всё видеть! Ты будешь убивать одноглазых великанов!

— Это уже произошло! — тихо сказал Румо.

— Хм? Что? — поперхнулась ужаска. — Ага! Это было прошлое! Этот шум, он не даёт мне сконцентрироваться!

Румо был поражён. Никто, кроме Смайка, не знал о нём и Чёртовых скалах.

— Ты на самом деле это сделал? — спросил Урс. — Убил одноглазых?

— Да ну тебя, сконцентрироваться она не может! — закричала другая ужаска, маленькая и толстая. — Ты никогда не предсказывала ничего другого, кроме прошлого! Иди ко мне, малыш! Меня зовут Ноппес Па! Я предсказываю будущее! Ты будешь ходить по улицам из чистого золота, благосостояние и здоровье будут постоянными спутниками в твоей долгой и счастливой жизни! Давай я расскажу тебе детали!

— Живая баба! — крикнула третья ужаска. — Запомни, парень, она рассказывает только то, что ты хочешь слышать! Иди ко мне! Меня зовут Хх! Только я предскажу тебе самое важное в твоей жизни: получишь ли ты серебряную нить. Это же важнее всего! Знаю я вас, вольпертингеров!

Румо навострил уши и потянулся к мешочку с деньгами. Урс ухватил его руку:

— Оставь! Тут тебя только обманут.

— А я думал, что это как раз самое важное на ярмарке?

Вездесущий Соловейчик

На перекрёсток неожиданно вышел карлик с плакатом на животе:

— Покончим с предсказаниями ужасок! — кричал он. — Покончим с несерьёзным фокус-покусом! Посетите комодный предсказатель профессора доктора Абдула Соловейчика в звёздной палатке! Только тут вы получите научно обоснованные предсказания! Абсолютно достоверные прогнозы созданные опытным путём! Никакого коммерческого интереса! Вход свободный!

Высокая ужаска хотела схватить карлика, но он хитро увернулся и исчез в толпе.

— Покончим с предсказаниями ужасок! — крикнул он в последний раз и его голос затерялся в общем шуме.

Урс воспользовался галдёжом и попытался оттащить Румо в сторону.

— Эй! Я же хотел...

- Скажи-ка, что это за история с одноглазыми великанами и т.д.?
- Ничего особенного.
- Ничего особенного? Ну давай же...

Беснующаяся толпа танцует вдоль палаточной улицы приближалась к ним. Карлики, гномы, пара кровомясников, танцующие менады, множество бертов, дюжины йети — все в убогих костюмах и изрядно выпившие. Они размахивали флажками и деревянными трещотками, в руках у них были огромные кувшины, из которых они обрызгивали пивом посетителей ярмарки. К такой атаке Урс и Румо не были готовы, поэтому толпа утянула их за собой. Только после того, как их протащили мимо пары десятков разнообразных аттракционов, им удалось вырваться из этой каши. Тяжело дыша они оглядывались вокруг.

Палатка для драк, построенная кровомясником.

Прокат крови.

Театр теней.

Метательный балаган.

Чёрная палатка с сияющими на ней звёздами и невзрачной табличкой над входом:

*Профессор доктор Абдул Соловейчик
Замонийский комодный предсказатель -
строго научная правда -
никакой не ярмарочный фокус-покус.*

Красная палатка без таблички. Из золотых куполов на её крыше вверх взмывал чёрный дым.

- А что это с красной палаткой? Она горит?

Фогарры

Урс заговорщицки нагнулся к уху Румо:

— Это палатка фогарровая палатка, дорогой, — прошептал он. — Не для слабаков.

Фогарры? Румо вспомнил, что Смайк часто о них мечтал.

— Согласно натиффтоффскому положению о здравоохранении им запрещено выставлять рекламу. И им запрещено отказывать в услугах любому, у кого нет лёгких.

- Но у нас же есть лёгкие!

— А ты уверен? Ты можешь видеть у себя внутри? Может быть ты чудо природы. Ты никогда этого не узнаешь, пока не попробуешь, —

и Урс уверенно потащил Румо в сторону палатки с фогаррами. — Я всегда хотел их попробовать. Я угощаю тебя.

Продавец фогарр, неотёсанный рубенцелер в криво сидящем тюрбане, недоверчиво посмотрел на них:

— Это ваши первые фогарры? Я не хочу проблем с натиффтоффским министерством здравоохранения.

— Я курил фогарры ещё до того, как вышел этот дурацкий закон, — ответил Урс очень правдоподобно. — А у моего брата нет лёгких — природный недостаток. Пожалуйста, две фогарры.

Продавец посмотрел за ними в толпу — не видно ли там контролёра из натиффтоффского министерства здравоохранения. Затем, махнув рукой, пригласил их в палатку.

— Значит вы оба — чудо природы! — сказал он и вручил Урсу две фогарры. — С вас четыре пиры.

Как только Румо сделал первую затяжку, то почувствовал, будто его лёгкие заполнились кипящим туманом. Он захотел выдохнуть дым, но его горло сжалось. Он в панике посмотрел на Урса, сидящего напротив него у стены палатки и также опустившего фогарру после первой затяжки. Тело Урса было похоже на свечу, которую положили на горячую печку. Его лицо таяло, как масло на солнце. Он почти растворился.

Это было действие румовой фогарры или Урса? Он бы с удовольствием спросил Урса, но он не мог больше говорить, не говоря уже о дыхании. Румо начал паниковать. Может свежий воздух поможет?

Румо проковылял мимо продавца фогарр к выходу и отчаянно попытался вдохнуть.

— Ага, значит никакое не чудо природы, а? — сказал рубенцелер без тени сочувствия. — Ты ничего не можешь сделать, парень. Дым либо выйдет сам, либо нет. Опаснее всего начать давить на него. Не пытайся дышать!

Румо ковылял по палаточной улице. Звуки, картины, запахи — все превратилось в водоворот, несущийся вокруг него. Гномы с рекламой кричали ему:

— Заходите! Пообщайтесь с говорящим столбом для пыток о индейских методах пыток! Древние народные знания! Всё рассказывается с юмором!

— Поэзия на рисовых зёрнах! Поэзия на рисовых зёрнах! Целые романы, написанные бонзайскими человечками на зёрнах риса! Предлагаем сотни произведений!

— Входите! Входите! Посмотрите на Фредду — ужасную бергину, без волос! Самые отчаянные едва выносят это зрелище! Если не испугаетесь — возврат денег гарантирован!

Он ковылял между толкающихся посетителей ярмарки. Это не Рала шла там, впереди? Рольф? Биала и Олег? Они смеялись над ним? Дым крутился у него в груди и распирает его рёбра, как дикий зверь в клетке.

Вдруг Румо попался кто-то, за кого он наконец смог крепко ухватиться. Затем его вырвало. Всё вышло наружу — и завтрак, и мышинные пузырьки и дым фогарры.

— Эй! — крикнул чей-то голос издалека. — Моя куртка!
И Румо потерял сознание.

Звёздная палатка

— Фогарры пригодны максимум для червякулов! И даже им я не рекомендовал бы курить их. Ты что, червякул? Нет. Ты идиот? Да.

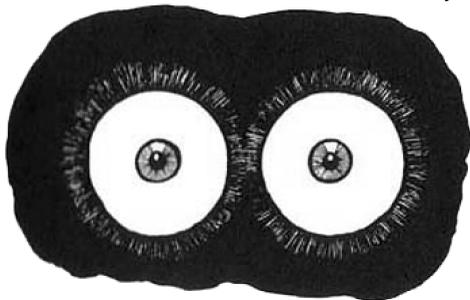
Кто это говорит? Так темно.

— Моя прекрасная куртка безнадежно испорчена. Мышинные пузырьки. Жирная, нездоровая еда, с точки зрения диетологии практически бесполезная. Да ещё и слизь от фогаррного дыма. Ужасающий союз!

Где же он? Он лежит на полу. Румо приподнял голову.

— Эй! — сказал он. — Есть тут кто-нибудь?

В темноте зажглись два огонька. Нет, это были не лампы, это были глаза. Огромные, светящиеся жёлтым светом глаза. Ему это снится?

— Нет, тебе это не снится, — сказал голос немного грубо. — Так выглядят глаза эйдетов в темноте. И да, я могу немного читать мысли. Что касается твоего провала в памяти: ты закурил фогарру, получил из-за этого временный лёгочный коллапс, тебя вытошнило на мою куртку и теперь ты находишься в моей звёздной палатке. Или точнее: *в неподкупном comodном предсказателе профессора доктора Абдула Соловейчика*. Вход свободный,

но за испорченную куртку стоило бы потребовать возмещения ущерба. Включить свет?

Вспыхнуло пламя спички и зажглась свеча. Теперь Румо увидел эйдета. Он был не совсем похож на доктора Колибрила, у него были странные наросты на голове и он выглядел старше. Но во всём остальном они были схожи: такое же хрупкое тело, такая же смятая кожа лица, такие же огромные светящиеся глаза.

— То, что ты называешь "наростами", это мои внешние мозги. Не люблю хвалиться, но я обладаю семью мозгами, — гном закашлял.

Было тихо. Удивительно, как мало ярмарочного шума проникало в маленькую палатку. Собственно говоря, вообще никакого.

— Палатка сделана из звуконепроницаемого шёлка, получаемого у глухих шелковичных червей. Очередное изобретение, с помощью которого я когда-нибудь заработаю состояние, если мне удастся запустить массовое производство. Толщина ткани примерно как толщина ногтя, но если тут внутри будет играть целый духовой оркестр, то там, снаружи никто не услышит ни звука. И наоборот это тоже действует. Ты не представляешь себе, какие звуки издаёт палатка, когда я выбиваю её раз в месяц.

В середине палатки, как теперь заметил Румо, стоял комод. Очень простой, из тёмного, почти чёрного дерева. Он подумал, не стоило ли ему упомянуть, что имя Соловейчика он уже слышал от доктора Колибрила. Он решил, что не стоит, так как не хотел усложнять ситуацию.

— Меня зовут Румо, — сказал он вместо этого. — Румо Замонийский.

— Как эта карточная игра? Оригинально! Как-то я сыграл несколько партий в Румо. Это произошло в городе азартных игр...

Румо встал. Ему было плохо. Он хотел домой:

— Огромное спасибо за помощь. Где тут выход?

Даже вопреки горящей свече тут было так темно, что он различал в темноте только комод.

— Да, тут темновато внутри..., — сказал профессор, — Но есть чудеса, которые происходят только в темноте.

— Скажите пожалуйста, где выход?

— Не хочешь испытать мой комодный предсказатель?

— Э-э-э. Честно говоря, нет. Мне нехорошо. И я уже сыт по горло этими ярмарочными фокусами.

Глаза Соловейчика вспыхнули в темноте и что-то угрожающе щёлкнуло у него в голове. Румо отшатнулся назад.

— Фокусы? — прошипел профессор. — Это никакой не фокус. Это точная наука!

— С удовольствием вам поверю. Но всё-таки...

Соловейчик обвиняюще поднёс свою испорченную куртку к свече. Это выглядело так отвратительно, что Румо начало подташнивать.

— Сядь на стул.

Румо сощурился. Да, там точно стоял стул. Он сел:

— Ну ладно... если это не долго.

— Это раз, два и готово! Ты открываешь один из ящичков комода и всё.

— Хорошо.

— Я объясню тебе кое-что. Инфицировать тебя немного знаниями?

Соловейчик с вытянутым указательным пальцем начал приближаться к Румо. Румо содрогнулся. Он вспомнил Смайку и Колибрила:

— Нет, лучше не надо, — отказался он.

Соловейчик разочарованно убрал палец:

— Тогда начнём объяснение. Хочешь подробное, детальное объяснение или хватит укороченной версии?

Румо тихо застонал и обхватил голову:

— Укороченную версию, пожалуйста.

— Чудесно. Опустим теоретическую часть. Не будем загружать себя научными деталями. Короче: ты наверняка подумал, что этот вот комод сделан из дерева. Но нет, он состоит из сверхконцентрированной тьмы. Тьмы из того времени, в котором ещё не существовало время. Это единственная материя — если это вообще возможно назвать материей! — во вселенной, которая не зависит от времени и способна вызывать будущее. Если ты меня сейчас спросишь, как мне удалось эту материю...

Румо застонал.

— Ну ладно, никаких подробностей. Только о цели этого мероприятия. То что меня интересует, честно говоря, так это не предсказание будущего. Это лишь мелкое любопытное побочное явление моего изобретения. Нет, меня интересует какое влияние оказывают эти знания на будущее испытуемого. Сколько информации о своём будущем может вынести испытуемый. В худшем случае будет подтверждена моя теория, что в Замонии всё ещё не существует ни одного вида живых существ — само собой разумеется за исключением эйдетов -, способных вынести информацию о собственном будущем. Ты готов мне помочь выяснить это, Карточная игра?

— Меня зовут Румо.

— Извиняюсь. Я запутался, — и в мозгах Соловейчика опять что-то щёлкнуло.

— Всё очень просто: ты думаешь о имени существа, чьё будущее ты хочешь узнать. Если ты хочешь узнать своё собственное будущее, то думай о своём имени. Тогда откроется ящик, на котором стоит первая буквы задуманного тобой имени и ты должен заглянуть вовнутрь. Слишком много ты не увидишь, всего лишь чуть-чуть. Затем ящик закроется и всё!

— Ну хорошо, — вздохнул Румо. — Можем уже начинать?

— Да. Только задую свечу. Как я уже говорил — есть чудеса, которые должны происходить только в темноте.

Соловейчик задул свечу и стало абсолютно темно.

— Итак, я пока пойду посмотрю на эту бергину. Если она настоящая, то это будет научной сенсацией.

Румо увидел, как в темноте появилась щель, через которую в палатку ворвался свет и ревущая ярмарочная музыка. Затем щель закрылась и опять наступила тишина и темнота. Соловейчик ушёл.

Румо на мгновение подумал, что он мог бы сейчас просто исчезнуть. Но он вспомнил испорченную куртку и сконцентрировался на comodном предсказателе. Странно, своим внутренним глазом он его не видел. Он не пах, не издавал звуков, ни одного древесного червячка ни седело внутри. Ах да, он же, якобы, был не из дерева, а из — Румо опять всё забыл. Ну и не важно!

Он думал. Какое имя ему выбрать? Конечно же своё собственное! Или? Хотел ли он на самом деле узнать своё будущее? А если там было что-то неприятное? Может ему подумать о Урсе? Тогда он мог бы ошарашить его парочкой подробностей из его будущего. Стоп! Вот что — Рала! Он посмотрит будущее Ралы, чтобы узнать играет ли он в нём важную роль или нет.

Румо попробовал сконцентрироваться на невидимом комод. "Рала", — подумал он. "Рала".

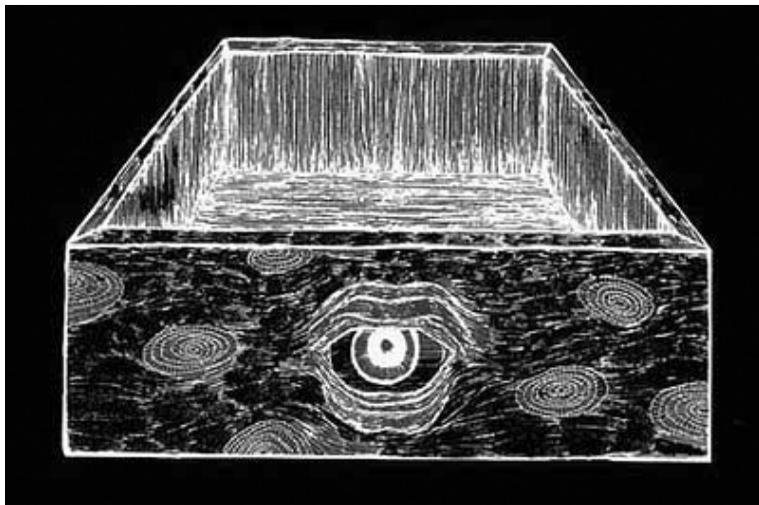
Ничего.

"Рааааала", — попробовал он ещё раз. "Р-а-л-а. Рала, Рала, Рала!"

Посреди комнаты возникло свечение. Тонкая полоса голубого, холодного света, становящаяся шире и шире, пока не превратилась в светящийся квадрат. Открытый ящик, на самом деле!

Румо склонился к нему и заглянул вовнутрь. Ему показалась, что из-за голубого света окружавшая его тьма стала ещё чернее и он летит вместе с ящичком в бесконечном и беззвёздном космосе. Румо наклонился ещё ниже. Теперь он что-то увидел... это скульптура? Нет, это...это саркофаг,

металлический, из серого свинца с медной обивкой. И это будущее Ралы? Что-то зашевелилось в этой странной картине и саркофаг медленно открылся. Румо следил за этим, не сводил глаз. Крышка саркофага открылась в сторону, как обычная дверь и Румо увидел внутри чью-то фигуру. Он посмотрел внимательнее и отскочил! Это была Рала! Румо содрогнулся от ужаса. Рала не двигалась, тихо и молча лежала она в этом гробу. Может быть это была только иллюзия? Последствия от курения фогарры? Румо хотел встать и уйти из этого неприятного места, но тут услышал чьё-то всхлипывание. Рала? Нет. Она всё ещё молча лежала там. И тут он увидел ещё одно существо. Оно сидело на коленях перед саркофагом и всхлипывало. Это был он! Да, Румо видел самого себя стоящим на коленях перед гробом Ралы и плачущим. Он понял, что он тут видел: смерть Ралы. Самое худшее, что он заметил во всём происходящем, было то, что это происходило в недалёком будущем. И он и Рала не были седыми и дряхлыми, а были практически такого же возраста, как сейчас. Эта сцена показывала скорый конец Ралы.

— Нет! — закричал Румо и попытался схватить ящик, но тьма бешено заревела вокруг него, ледяной ветер выбросил его из ящика, как из глубокой могилы и ящик громко захлопнулся.

Тишина.

Румо сидел в абсолютной темноте и плакал.

Царство смерти

— Это на самом деле настоящая бергина, последняя в своём роде. Невероятно. Я должен её купить, — Соловейчик бормоча вошёл в палатку, зажжёг свечу и увидел Румо стоящим на коленях и плачущим.

Профессор некоторое время молчал, бурча перекладывая какие-то вещи в палатке. Затем он сказал:

— Ты заглянул в царство смерти, не правда ли?

Румо не ответил.

— Я бы тебе с радостью сказал, что всё это было лишь иллюзией, ярмарочным волшебством, но ты сам знаешь лучше. Ты это почувствовал. Предсказатель показывает случайный момент, со злом это никак не связано, это холодная объективность вселенной. Для тебя это, кажется, было особо ужасным. Мне очень жаль.

— Я должен идти, — сказал Румо и поднялся.

— Эй, подожди-ка, юноша. Ты же не собираешься сейчас совершать глупости?

Румо пошёл в ту сторону, где Соловейчик вошёл в палатку. Профессор пошёл за ним и ухватил его за жилетку:

— Подожди секундочку!

Румо остановился, как беспомощный.

Негативное инфицирование

— В таком состоянии ты не можешь уйти. Что подумают люди? И, важнее всего, так ты не можешь идти по жизни. Это было бы жестоко. Позволь снять с тебя часть груза.

Соловейчик крепко взял вольпертингера за руку и голос профессора вдруг зазвучал в голове Румо:

То, что сейчас происходит, называется негативным инфицированием. Или соловейчиковой мгновенной амнезией. Я долго тренировался. Сомневаюсь, что вообще кто-то, у кого меньше семи мозгов, способен на это.

Румо стало плохо, он крепко ухватил руку Соловейчика.

Неприятные знания теперь перейдут ко мне. Я это выдержу. Один из моих семи мозгов без труда абсорбирует их и превратит в чистую информацию. Сейчас ты выйдешь из палатки в действительность и не будешь ничего помнить. Большое спасибо

за помощь. Но боюсь, что это изобретение уйдёт в разряд незрелых патентов. Мы ещё не созрели для будущего или ещё недостаточно отупели.

То, что ты увидел, ты забудешь. Это не будет для тебя грузом, пока ты это не переживёшь. А до той поры желаю тебе всего хорошего, мой мальчик.

Соловейчик отпустил руку Румо и вытолкнул его наружу. Шум, запахи, всё безумие ярмарки неожиданно, как ливень, накрыли Румо. Совершенно обалдевший стоял он перед палаткой Соловейчика. Он обернулся и прочитал:

*Замонийский комодный предсказатель
профессора доктора Абдула Соловейчика*

Это самое последнее, что его сейчас интересовало. Предсказатель. Ему было плохо. Куда же он хотел? Домой, точно! А где Урс?

Выбери своё оружие!

Румо заковылял вдоль палаточной улицы. Фогарры, что за отвратительная вещь! Больше никогда в жизни он не будет их курить. Вдруг чья-то рука легла ему на плечо. Это был Урс.

— Румо, я тебя везде искал!

— Меня тошнило.

— Меня тоже! Четыре раза! А знаешь, что в этом хорошего?

— Нет.

— Я теперь опять абсолютно трезвый, — Урс сиял. Он распротёр руки. — Мы можем ещё раз всё попробовать. Что скажешь на счёт мышинных пузырьков?

— У тебя точно не все в порядке с головой! Я хочу домой.

— Домой? Сейчас? Прямо перед одним из важнейших мгновений твоей жизни?

— Каким же? Ещё одна комната страхов? Ещё одна фогарра?

— Нет, нет и нет, Румо. Это самая важная часть вечера. Это моё официальное задание в качестве твоего городского друга, — Урс постучал себе в грудь. — Но перед этим мы должны что-нибудь поесть. Идём!

Урс повёл его к ближайшему лотку с мышинными пузырьками и на самом деле съел ещё одну порцию. Румо в это время бестолково стоял рядом и пренебрежительно смотрел на проходящую мимо распоясавшуюся

толпу. Он снова подумал о Рале. И Рольфе. Его настроение сразу же упало.

— Послушай-ка, Румо, — отпрыгнул Урс. — Наступает торжественная часть вечера. Самый важный момент.

— Ну говори же наконец!

— Следуй за мной!

Урс шагал впереди, раздражающе медленно по мнению Румо. Они свернули в переулок, там было спокойнее. Тут стоял ларёк с цветами, ларёк с лотереей, пекарь с бубликами и большая тёмная палатка с двумя факелами у входа.

— Ты же любишь читать вывески, — внимательно наблюдая за Румо сказал Урс. — Прочитай что стоит там, сверху...

Над палаткой красовалась вывеска, на которой на чёрном фоне тёмными буквами было что-то написано, что именно — было сложно разобрать.

— Выбери... своё... оружие..., — прочитал Румо. — Выбери своё оружие!

— Точно.

— Что точно?

— Это приглашение для тебя. Тебе можно выбрать твоё оружие.

— Я не понимаю.

— Это оружейная палатка вольпертингеров! — торжественно сообщил Урс. — Ты можешь зайти внутрь и выбрать оружие. Твоё оружие на всю жизнь. А мне, как твоему городскому другу, можно при этом тебе помогать. О цене не думай. Уже оплачено. Всем новым вольпертингерам разрешено на их первой ярмарке выбрать собственное оружие. Права и обязанности, ну ты же знаешь. И это твоё право. Старая традиция. Уже во времена Гота...

— Секундочку! — прервал его Румо. — Мне можно просто войти туда и выбрать одно оружие? И это ты говоришь мне только сейчас?

— Я не хотел испортить нам праздник. Если бы ты сначала выбрал оружие, то тебе было бы больше ничего не интересно. Я же тебя знаю! Ну давай, заходи уже! — Урс подтолкнул его ко входу в палатку.

Внутри палатка была слабо освещена несколькими факелами. Вокруг стояли большие деревянные столы и множество шкафов, а по середине был огромный круглый железный стол.

Взгляд Румо скользил по арсеналу. На столах лежали тяжёлые боевые топоры, обоюдоострые мечи, моргенштерны и алебарды. На деревянных стендах были выставлены элегантные шпаги, отсортированные

по длине и крепости клинков. На одном из деревянных столов лежало не меньше двухсот луков, некоторые с человеческого рост. Тут были обитые железом дубинки и шкаф, полный метательных ножей. Копья, рапиры, сюрикэны, абордажные сабли, косы. Большие тяжёлые молоты, прикреплявшиеся к руке цепью. Арбалеты с одной, двумя, тремя и даже четырьмя тетивами, складные шпаги с зазубринами, флоринтские стеклянные кинжалы.

— Оружие! — с отвращением сказал Урс. — Буэ!

— Боже мой! — сказал Румо. — Такое разнообразие. Как же тут можно выбрать?

— По принципу исключения, — предложил Урс.

Румо ходил вдоль столов. Урс был прав, целую кучу можно было исключить уже с самого начала. Моргенштерны совершенно не нравились ему. Это для варваров. Алебарды он считал непрактичными и смешными — слишком большие, слишком тяжёлые, а в маленьком помещении даже мешающие. Дубинки и молоты подходят лишь малоподвижным горам мышц — йети и рубенцелерам. Против сюрикэнов и ножей он ничего не имел, но это — второстепенное оружие. Если вместо них можно было бы взять меч, то о чём тут ещё думать? В итоге остались сабли, мечи, шпаги — всё рубящее и колющее оружие. Он подошёл к столу с луками и арбалетами. Вот это уже серьёзное оружие, из лучшего дерева и жил, укреплённое и украшенное драгоценными металлами. С помощью лука и стрелы или арбалета можно отлично охотиться или расправляться с врагом с безопасного расстояния. С другой стороны, это можно сделать и хорошо брошенным мечом или кинжалом.

Меч

На большом чёрном деревянном столе лежали вперемешку сотни клинков. Огромные клейморы, которые можно было поднять только двумя руками, элегантные кинжалы из флоринтских оружейных мануфактур, с искусными гравюрами и острейшими лезвиями. Боевые мечи десятков производителей, обычные солдатские мечи, отшлифованные с обеих сторон. Касательные кинжалы, палаши из Мидгарда, мечи с двойными клинками, фламберги с волнообразной шлифовкой. И один маленький меч с необычным клинком. Он был разрезан посередине по всей длине, как язык змеи. Румо наклонился над ним.

— *Возьми меня!* — сказал меч тонким голосом.

Румо отпрянул. Это Урс прошептал на ухо? Нет, он стоял в десяти метрах от него, у другого стола и с отвращением разглядывал моргенштерн.

— *Возьми меня!* — снова сказал голос. — *Я — твоё оружие.*

Румо непонимающе уставился на меч.

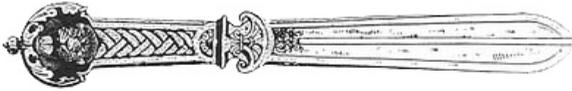
— *Забудь про остальную хлам!* — сказал меч. — *Это обычное барахло.*

А я — *произведение искусства! Ху-ха!*

— Что? — спросил Румо.

— Что? — сказал Урс. Он взглянул на Румо. Тот не отвечал и в данный момент рассматривал какой-то меч.

— Не отвечай мне вслух, если не хочешь предстать перед всеми идиотом. Отвечай мне мысленно, — сказал меч. — Другие меня не слышат.

— Что же происходит? — подумал Румо. — Я схожу с ума?

— *Пока нет,* — ответил меч. — *Но это может легко произойти, когда ты увидишь меня в действии. Ты не представляешь на что я способен! Невозможное — это по моей части.*

Румо закрыл глаза. Нет, меч не двигался. Откуда тогда этот голос?

— *Да пойми ты наконец! Я — говорящий меч! Или лучше — я телпатически одарённый меч. Апогей современной оружейной техники.*

Голос исходил не снаружи. Он находился в голове Румо.

— *Да, да, не торопись. Ты всё поймёшь. Не каждый же день встречаешь наделённое разумом оружие. Собственно говоря, это — противоречие. Ху-ха-ха! Нет, правда: я — выкованное совершенство, я — святая сталь. Я был создан специально для твоих рук. Всех, кто пытался меня до этого взять, я быстро отговорил и они меня послушались. И я советую тебе последовать их примеру!*

— Не брать тебя? — спросил мысленно Румо.

— *Нет, тупица, послушаться моего совета!*

— Тупица?

— *Э-э-э, я имел ввиду, что было бы глупо пренебречь мною, ху-ха-ха.*

Я — *твоя удача!*

Румо запутался. Он недоверчиво посмотрел на Урса, скучаяще водящего пальцем по лезвию топора. Кажется, он ничего из этого разговора не слышал.

— Ты кто? — спросил Румо.

— Я — пение железной руды и страстное желание смерти. Ну, конечно, страстное желание не твоей смерти, а смерти твоих врагов, ху-ха! В бою я — твоя невеста, я — жуткий звук фанфар над усеянным трупами полем сражения! Я -крик триумфа победителя в спину убегающим врагам, я...

— Ты откуда?

— Из Демонических гор.

— И как ты попал туда вовнутрь?

— Ты готов выслушать мою историю?

Румо взглянул на Урса, который прицеливался из арбалета в невидимого врага:

— Рассказывай!

История демонического меча

— Меня выковали рудничные карлики из руды Демонических гор. Во мне объединены окаменевший мозг демона и металл из космоса. Очень взрывоопасная смесь, мой дорогой! Мой клинок жаждет сражения, мой...

— О каких демонах ты говоришь? Я не хочу иметь ничего общего с демонами.

— Э-э-э, это, само собой разумеется, хорошие демоны. Лучшие демоны. Знаешь ли, когда-то в Демоническом ущелье между хорошими и плохими демонами произошёл спор, да ты наверняка об этом слышал.

— Нет.

— Нет? Э-э-э... хорошо. Ну и не важно. В любом случае речь шла об этом, э-э-э, о золотом яблоке, делающем его носителя невидимым и... ну не важно. Короче, из-за этого тупого яблока мы начали спорить, слово за словом, ля-ля-ла, и уже началась серьёзная драка. Ну ты знаешь, как всё это происходит. Внутренности демонов разлетались во все стороны. Это было крупнейшей стычкой между демонами за последние...ну, это,...за много лет. Сражение длилось один год. Пришла весна, а наши армии рубили друг друга. Наступило лето, а мы дырявили друг друга копьями. Пришла осень и мы нашипиговывали друг друга стрелами. Пришла зима...

— Да-да, — нетерпеливо сказал Румо. — Можешь немного покороче?

— Ну ладно. Итак, по-хорошему никто в итоге не победил. Мы все были мертвы, ху-ха! И затем нас похоронили в Демонических горах. Нас занесли и подземную сталактитовую пещеру. Можешь себе это представить? Вокруг только сталагмиты, с которых вода...или они называются сталактиты?

Не важно. Итак, мы лежали там тысячу лет, окаменели, вода капала — кап-кап-кап, понимаешь? И вдруг — БУМ! — этот метеорит врзается в гору и расплющивает её. Так и возникли крупнейшие и высокопродуктивные рудные горы Замонии.

— Метеорит расплющил твой труп?

— Гигантский железный метеорит, прямо из космоса. Камни и космическое железо смешались вместе, а тут ещё и расплющенные мёртвые демоны, понимаешь к чему я веду? И тут пришли горные рабочие. Они искали эту чудесную суперруду из космоса, как минимум лучшую руду Замонии. И при этом они постоянно находили окаменелые трупы демонов. А поскольку они были суеверными и хотели успокоить духов демонов, то они ковали в честь каждого найденного трупа один меч. Они брали окаменелые мозги демонов, измельчали их в порошок, всыпали в расплавленное метеоритное железо и так появились легендарные демонические мечи. Не имею ни малейшего понятия, почему мы можем думать. Наверное как-то связано с этой штуковиной из космоса. Жутко звучит, а? У-у-у-у... я — демонический меч!

На плечо Румо тяжело легла рука. Он с криком отскочил.

— О, парень, — сказал Урс. — Эта вещь, кажется, притягивает тебя! Ты так долго на неё таращишься.

— Я беру его, — сказал Румо. — Это моё оружие.

После того, как они покинули оружейную палатку, Урс и Румо какое-то время шли в торопящейся и толкающей толпе.

— Почему ты выбрал именно этот обрубок? — спросил Урс. — Ты мог бы выбрать стослойный меч из флоринтской высококачественной стали или что-то подобное.

Румо не хотел рассказывать ему секрет и, чтобы сменить тему, спросил:

— Чем займёмся сейчас?

Урс остановился и немного подумал:

— Мы выпьем по бокальчику парового пива. Или по два. Это будет достойным завершением полного приключений дня. Что скажешь?

Румо кивнул. Пить, это его устраивало. Он уже давно хотел пить.

Тяжёлое пробуждение

Даже во сне Румо гремела ярмарочная музыка и он видел причудливый хоровод из существ на ходулях и хундлингов, ужасок и карликов, он видел Ралу, как она держит Рольфа за руку и целует его. Хундлинги

крепко его держали и покрывали всё его тело безболезненными шрамами. А Урс постоянно проходил мимо и угрожал ему кульком мышинных пузырьков. Потом ему снилось, что маленькие звери, живущие у него между зубов, перебрались в его мозг. Там они построили город, прямо у него за глазами между ушей. Они забивали и пилили, бросали камни и колодили огромными молотами по его черепу. Они выплавили из метеоритной руды демонической колокол и подвесили его в одном из ушей Румо. А затем они начали звонить в него.

Румо проснулся. Это колокол Вольпертинга разбудил его своим полуденным звоном, а солнце беспощадно светило сквозь открытое окно. Его голова гудела, как плетёные шляпы-ульи пчелоловцев из Медовой долины. Он со стоном приподнялся.

Он ещё никогда не просыпался таким разбитым, даже после драки с Рольфом. Такое впечатление, будто его язык всю ночь лежал в ведре с золой, а нёбо и зубы поросли мелкой шерстью. Кровь болезненно стучала в голове, а в ушах стоял шум, как при пожаре. Он что, заболел, впервые в жизни?

Румо доковылял до окна. Внизу на улице шумели молодые вольпертингеры. Они что, не могут потише разговаривать? Он взял кувшин с водой и осушил его в несколько глотков.

Румо попытался вспомнить, что произошло. Ярмарка. Рала, конечно. Урс. Мышинные пузырьки. Рольф — ой! — неприятная колющая боль в левом ухе. Рольф и Рала держаться за ручки. Это не было кошмарным сном. Что ещё? Ужаски. Фогарры. Он вспомнил про них и ему сразу же стало плохо. Комната ужасов. Что ещё? Что ещё?

— *Доброе утро!* — воскликнул у него в голове весёлый голос. — *Хорошо спалось? Ну конечно, ты так храпел!*

Только теперь увидел Румо на своём столе меч.

Выбери своё оружие!

Точно, оружейная палатка. Он что, на самом деле выбрал этот странный меч? Опять колющая боль, но теперь уже в правом ухе.

— Я точно заболел, — сказал сам себе Румо. — Сошёл с ума. Боль. Я слышу голоса.

Он сел на кровать и заткнул уши.

— *Опять всё забыл?* — пропел голос в его черепе. — *Слишком много парового пива? Это я, твоё оружие!*

Паровое пиво, да. Это последнее, что он мог вспомнить. Палатка с паровым пивом. И множество кружек пива, которые он выпил натошак.

Первое опьянение в его жизни. Он вспомнил, как бегал на четырёх лапах, как дикий вольпертингер. Ему стало стыдно.

— А палатка безболезненных шрамов? Не помнишь?

Это его голос? Голос его мозга, помогающий ему вспомнить? Безболезненные шрамы?

— Проведи против шерсти по левому плечу и глянь, что там стоит. Ху-ха-ха!

Румо автоматически последовал приказу. Он провёл по шерсти и ужаснулся. Там было что-то вырезано на его коже. Безболезненный шрам. Красный. В виде сердца. В середине стояло:

Рала

Кто-то постучал в дверь. Вошёл Урс не говоря ни слова. Он выглядел измученным и держал в руке кофейник с кофе.

Некоторое время они молча пили кофе.

— Боюсь, вчера вечером я совершил непростительную глупость, — пробурчал Урс. Он раздвинул шерсть на плече. Там был свежий безболезненный шрам:

Мышинные пузырьки

Румо засмеялся.

— Это не смешно. С этим я должен теперь до конца жизни ходить.

Румо подсунул ему свою руку:

— Это — ерунда. Посмотри-ка лучше сюда! — и он показал свою татуировку. Теперь рассмеялся Урс.

— И что мне теперь делать? — простонал Румо.

— Ну, сделай Рале предложение.

— Перестань! Рала же встречается с Рольфом. Я как раз решил про неё забыть и вот, на тебе! Это будет всю жизнь напоминать о ней!

— С кем встречается Рала?

— С Рольфом, — прорычал Румо. — Они держаться за руки.

— А почему бы и нет? Они же брат и сестра.

— Кто они?

— Ну, брат и сестра. Точнее двойняшки, из одного помёта. Большая редкость среди вольпертингеров. Ты не заметил, что у них одинаковые фамилии? Рала и Рольф Лесные?

— Двойняшки?

— Ну, чудо жизни. В двойном экземпляре. Внешне они совершенно не похожи, но среди двойняшек такое встречается.

Сердце Румо чуть не выпрыгнуло из груди. Рала и Рольф — сестра и брат! Он засмеялся. Головная боль постепенно уходила.

— Да ты, я смотрю, сегодня в хорошем настроении. Ты уже два раза смеялся. Ты перевыполнил свой месячный план по смеху.

Румо обнял Урса и прижал к себе. Это было самым большим чувством, которое он когда-либо выражал перед Урсом.

Львиный зев

Румо был счастлив. Рольф и Рала — брат и сестра! Великолепно! Головная боль прошла. Странный голос в голове тоже исчез. Чувство равновесия ещё не полностью вернулось, но всё-таки уже было лучше. Он шагал по Вольпертингу, демонстрируя всем своё новое оружие. Он засунул меч за пояс. Прорезь в клинке позволяла ему носить меч без ножен. И так его мог видеть каждый. Первое оружие Румо. Перед кожаным ателье он остановился разглядывая себя и меч в большом зеркале у дверей.

— *Классно, а!*

Румо застыл.

— *М-да, пора бы уже привыкнуть. Так звучит мой голос.*

Воспоминания резко вернулись к нему. Говорящий меч. Погребённые демоны. метеорит. Это был не сон!

— *Да уж, это — сумасшедшая история. Тут даже можно начать сомневаться в своей нормальности. Радуйся, что это не нарушение обмена веществ в твоём мозге. Тогда тебе пришлось бы всю оставшуюся жизнь выть, или говорить задом наперёд, или ещё что-нибудь. Ху-ха-ха!*

"Это ужасно", — подумал Румо. "Постоянно слышать в голове голос собственного меча".

— *И нечего даже об этом думать! Ты сам выбрал своё оружие! Это святой обряд! Объединение плоти и стали. Это навсегда. Ты и я, мы вместе! Скажи-ка, как вообще тебя зовут? Меня зовут Львиный зев.*

— *Львиный зев? — переспросил Румо. — Как цветок?*

— *Хм, я, вообще-то, думал о львиной пасти. О чём-то остром, опасном. Э-э-э.. а есть цветок, который так же называется?*

— *Да.*

— *А это опасный цветок?*

— *Нет. Из него даже можно чай делать, мне кажется.*

— *Чёрт!*

Львиный зев некоторое время молчал.

— *Как же всё-таки тебя зовут?*

— *Румо.*

— Как карточную игру?

— Да.

— Ху-ха-ха!

Румо продолжал рассматривать своё отражение в зеркале. Да, меч подходил ему, только он болтал слишком много.

— Привет, Румо!

— Привет, Львиный зев!

Румо с Львиным зевом пошли в центр города. Три знакомых Румо по школе вольпертингерки шли им навстречу. Румо скованно их поприветствовал, девушки помахали ему в ответ и захихикали.

— Ага! Удивились! — сказал Львиный зев. — Румо и его новый нож.

— Нож? Я думал, что ты меч?

— Нож, меч — разницу сложно определ...

— Минуточку! — остановился Румо. — Вчера ты ещё утверждал, что ты — могущественный демонический меч.

— Я сказал демонический меч? М-да, я вообще-то имел ввиду нож. Хууууу! Я — могущественный демонический нож!

Румо пошёл дальше:

— Это совершенно разные вещи.

— Вчера это был коммерческий разговор, глупыш! Ты не представляешь, как долго я там лежал! Вчерашняя ярмарка была моей двадцать пятой ярмаркой. Да, я — нож! Какой же идиот выберет нож, если он может взять боевой топор или меч? Тут уж надо было выкручиваться.

Румо опять остановился:

— Не хочешь ли ты сказать, что ты меня обманул?

— Что? Нет! Я просто попробовал тебя уговорить, чтобы ты, в конце концов, принял самое верное решение. И то, что ты выбрал меня, как это видно, я могу лишь заключить, что мои уговоры не были напрасны. Или?

Румо не хотел следовать логике Львиного зева:

— Ты сказал, что ты — меч. А теперь, вдруг, ты стал ножом.

— А какая разница между ножом и мечом? Между большим ножом и маленьким мечом? Где заканчивается нож и начинается меч? Кто может это объяснить? Я бы, по крайней мере, на это не отважился.

— Если ты попробуешь меня обмануть, то я брошу тебя в реку.

— Эй! Не надо совершать необдуманные поступки! — голос меча вдруг принял торжественный тон. — Это важный момент! Не оскверняй его! Ты и я объединились для сражения! Мыслящий меч как продолжение руки вольпертингера — существует ли более опасное оружие?

Румо задумался.

— Э-э-э, представим, что ты ослеп во время сражения. И тут на сцену выхожу я! Со мной ты можешь сражаться дальше с закрытыми глазами.

— Ты можешь видеть?

— Во все стороны. Только не спрашивай, как это действует.

— Я могу сам смотреть без глаз. С помощью носа и ушей.

— Ты тоже можешь?

— Во все стороны. Только не спрашивай, как это действует.

— Ага! Хм. Хорошо, тогда другой пример. Я могу читать не только твои мысли, но и мысли твоего противника. Я знаю какие манёвры он планирует.

— Это правда?

— Это правда...это правда...это правда..., — гипнотизирующе прошептал голос меча в его голове.

— Эй, постой-ка! — воскликнул Румо. — Это опять один из твоих фокусов!

— Хорошо, я могу это доказать!

— И как? — спросил Румо.

— Как? Да, как...? Подожди, я знаю! Есть ли кто-то в этом городе, с кем тебе нужно свести счёт?

— Ну конечно! Есть.

— А у него есть меч или что-то подобное?

— И не один. Он — лучший фехтовальщик города.

— Ещё лучше! А теперь послушай. Если мы с тобой вдвоём его проучим, согласишься ли ты тогда, что мы — партнёры на всю жизнь?

— Может быть.

— Тогда неси меня к нему.

Мастер фехтования

Ушан де Люкка чувствовал себя великолепно. Он только что проснулся после двенадцати часов хорошего сна, выпил свою чашку кофе и съел восемь жареных яиц.

"Это грандиозно — просто жить!" — подумал он. "Не плохо было бы принять ледяной душ, а потом пойти в фехтовальный сад."

Это нельзя было ни в коем случае назвать типичным настроением Ушана. Он был знаменит не только как лучший фехтовальщик города, но и как тип с сильнейшими изменениями настроения. Его настроение

не зависело от состояния здоровья, нет, оно зависело от погоды. Ушан де Люкка был особо чувствителен к изменению погоды.

— Какая погода будет сегодня, Ушан? — спрашивали его на каждом шагу когда он гулял по городу.

Тогда Ушан закрывал ладонью глаза, поднимал нос вверх, нюхал воздух и, к примеру, говорил:

— Над Замонийским океаном в данный момент располагается барометрический минимум, он передвигается на восток, над Замонией, в сторону максимума. Пока нет причин для его отклонения к северу. Изотермы и изотеры исполняют свой долг. Температура находится в надлежащих границах среднегодовой температуры, температур самого холодного и самого жаркого месяцев и неперiodических месячных изменений температур. Водяной пар в воздухе обладает в настоящий момент наибольшей эластичностью. Влажность воздуха — низкая. Другими словами: сегодня будет чудесная погода.

На верность этого предсказания можно было бы не сомневаясь поставить всё своё состояние.

Малейшее изменение погоды несло Ушану неприятности. И тогда будто электрические бури проходили через его мозг, будто кто-то прокалывал его барабанные перепонки раскалёнными иглами, а глазницы заливал кипящей водой. Мешки под глазами отекали ещё сильнее и становились тёмно-фиолетовыми, будто их наполняли свинцовой дробью, а на лбу выступали глубокие морщины. При экстремально низком давлении лицо Ушана превращалось в такую унылую гримасу, что при её виде на глазах смотрящих выступали слёзы, а его собственная кошка, шипя, пряталась от него. В такие моменты казалось, что жизнь Ушана — вечная пытка, и что он сам страстно желает смерти. Его первая жена ушла от него, так как не смогла больше выносить изменения его настроения.

— А потом он всё время сидит на верхнем этаже у подоконника и разговаривает с урной, в которой он хотел бы быть похоронен, — сказала Урла де Люкка, урождённая Флоринтская, бургомистру, когда она потребовала развода. — Это сводит меня с ума, потому что я постоянно думаю, что он может выпрыгнуть из окна в любой момент. И к тому же это лицо! Он — приятный парень, когда светит солнце, но дальше я этого не выдержу. Я имею ввиду, мы познакомились весной, но когда наступила осень...

Но сегодня Ушан чувствовал себя безукоризненно. Над Замонией царило стабильное высокое давление, светило солнце, ветер едва дул. Он сидел высоко вверху в своей башне, возвышавшейся над фехтовальной

школой, и просматривал письмо из Замонийского союза учителей фехтования. Дверной колокольчик заставил его подпрыгнуть. Он не ожидал никаких гостей. Из-за ярмарки школа была сегодня закрыта. Он открыл окно и посмотрел вниз. Внизу стоял Румо. Румо Замонийский.

— Привет Румо, — крикнул Ушан. — Какая неожиданная радость! Что случилось?

— Я пришёл вызвать тебя на дуэль.

— Что?

— Я пришёл... ты всё и так понял!

— Ты что, парень, белены объелся? Или это такая школьная шутка и твои приятели сидят где-то тут за углом и умирают со смеху?

— Я пришёл вызвать тебя на дуэль, — серьёзно повторил Румо.

Сверху, с башни Ушану была видна вся местность внизу. И там не было никого кроме Румо.

— Иди домой, парень. Встретимся на уроке, — и он закрыл окно.

Во время ярмарки школьники всегда будто с цепи срывались. Покачав головой он снова сел за стол. Но дверной колокольчик снова зазвонил. Ушан распахнул окно:

— Парень, что тебе нужно?

— Я пришёл вызвать тебя на дуэль.

— Я не провожу дуэли со школьниками. Исчезни!

— Значит ты трус!

— Да, значит я трус... иди отсюда, малыш!

Настроение Ушана было великолепным. В нормальной ситуации он бы уже давно спустился вниз и отделал этого типа. Но сейчас он просто закрыл окно.

"Он не хочет", — подумал Румо. — "И что теперь?"

— *Какое у него слабое место?* — спросил Львиный зев.

— Слабое место? Не думаю, что у него такое есть.

— *У каждого есть.*

— У него точно нет. Это же Ушан де Люкка, лучший фехт...

— *Его зовут Ушан де Люкка? Как водку? Ху-ха-ха! Здорово!* — Львиный зев злобно засмеялся.

— И что в этом хорошего?

— *Как что? Его же зовут как бутылку водки! Яичный ликёр! Для этого же должны быть причины.*

Румо всё ещё не мог понять.

— *Послушай: спроси у него следующее...*

Румо позвонил в третий раз. Окно распахнулось.

— Да, тут уж точно ничего нельзя поделывать, — крикнул Румо в третий раз, — наверное ещё слишком рано. Наверное ты ещё пока слишком трезв для сражения.

Ушан остолбенел:

— Что ты хочешь этим сказать?

— Ничего. Может быть ты просто сегодня ещё недостаточно выпил для храбрости. Извини за беспокойство.

Румо собрался уходить.

— Стой где стоишь! — Ушан выпрямился. Голос его стал резким и непререкаемым. Он сбросил Румо вниз ключ.

— Встретимся в фехтовальном саду.

Фехтовальный сад Ушана де Люкки

Если бы существовал рай для любителей фехтовального искусства, то он выглядел бы как фехтовальный сад Ушана де Люкки, созданный на основании семи правил. Он работал над ним десять лет, сам придумал его и лично участвовал в строительстве. Через восемь лет он наконец решил, что сад близок к идеалу и с тех пор только лишь поддерживал его в таком состоянии с помощью пары садовников.

Ожидая своего учителя фехтования Румо бродил по саду и дивился изобретательности и многообразию, с которыми был благоустроен сад. Семь правил идеального фехтовального сада *a la* Ушан де Люкка были ему известны из книги Ушана "О фехтовании".

*Правило номер один для создания идеального
фехтовального сада a la Ушан де Люкка:*

Фехтовальщики любят двигаться

То, что звучало как прописная истина, на самом деле было основой для создания фехтовального сада. Фехтовальщики любят двигаться, а именно, они используют для этого все возможные методы. Поэтому Ушан, например, возвёл недостроенную каменную стену, тянущуюся вдоль всего сада, как античные руины, делающую сад ещё живописнее и загадочнее. На эту стену можно было легко запрыгнуть. Она была такой узкой, что фехтовальщики вынуждены были на ней балансировать, и такой длинной, что на ней можно было легко сражаться.

Де Люкка привёз в сад множество поваленных деревьев различного размера и специально засадил их травой. Он заказал у Орнта ла Окро большие массивные столы, так как фехтовальщики, по неизвестным нико-

му причинам, любят во время сражения запрыгивать на столы. Ушан выкопал ямы разной глубины и даже подземный лабиринт. В саду были возведены деревянные леса, по которым можно было взбираться вверх. Спускаться вниз можно было по канатам.

Правило номер два для создания идеального фехтовального сада а la Ушан де Люкка:

Фехтовальщики самолюбивы

Для этого в саду было расставлено множество больших зеркал, перед которыми Ушан и его ученики могли заниматься фехтованием с отражением. Бесчисленное количество подсвечников со свечами наполняли сад во время ночных дуэлей романтическим светом. На вешалках висели разнообразные накидки, так как во время сражения любой фехтовальщик лучше всего выглядит в развевающемся плаще, особенно, если этот плащ из красного бархата. Для самых самолюбивых в саду были разложены позолоченные шпаги и рапиры.

Правило номер три для создания идеального фехтовального сада а la Ушан де Люкка:

Фехтовальщики любят опасность

Чтобы повысить риск и опасность, Ушан де Люкка построил в своём саду множество невидимых ловушек: маленькие ямки, о которые можно споткнуться, замаскированные проволоки, натянутые между деревьями, ветки, бьющие сражающимся в лицо, ямы-ловушки, неожиданно открывавшиеся под сражающимся. Каждый день Ушан де Люкка придумывал новые каверзы и рабочие постоянно достраивали в саду новые помехи, о расположении и принципе действия которых не знал даже Ушан.

Правило номер четыре для создания идеального фехтовального сада а la Ушан де Люкка:

Фехтовальщики безнадёжно романтичны

Поэтому, конечно, в саду имелась клумба с кроваво-красными розами, которые можно было срывать во время сражения. Там был и пруд с чёрным лебедем и красным мостиком, по которому можно было передвигаться во время дуэли в прекрасный осенний день. Тут же была и дужайка с сочной травой, на которой паслись белоснежные овечки. Их миролюбивость великолепно контрастировала с фехтовальщиками.

И, конечно же, в воде обязательно должен был быть старый толстый окунь с меланхоличным взглядом, с которым Ушан во время низкого атмосферного давления вёл беззвучные диалоги о бессмысленности существования.

*Правило номер пять для создания идеального
фехтовального сада a la Ушан де Люкка:*

Без лестниц невозможно обойтись

Фехтовальщики не любят ничего больше, чем двигаться по лестницам во время сражения. В саду стояла винтовая железная лестница, деревянная с ветхими ступенями, похожая на крышу, по которой с одной стороны можно было подняться вверх, с другой — спуститься вниз, каменная, заканчивавшаяся в подземном тоннеле и наружная мраморная лестница, с последней ступени которой можно было свалиться вниз. Самой же красивой была лестница из чёрного ценного дерева, ведущая к вершине высокого дуба, на узловатых ветвях которого можно было продолжать сражение.

*Правило номер шесть для создания идеального
фехтовального сада a la Ушан де Люкка:*

Фехтовальщики сражаются везде и всегда

Внутри и снаружи, днём и ночью, в снег и дождь — фехтовальщики сражаются в любую погоду, в любом месте и в любое время. Для этого Ушан основательно постарался оборудовать свой сад. В центре сада стоял маленький домик, точнее макет дома с одной дверью и без окон. Внутри него был небольшой, хитрый лабиринт, с лестницами, ведущими в никуда, и коридорами, заводящими в тупик. Здесь проводились тренировки по фехтованию в ограниченном пространстве, при плохом освещении или в абсолютной темноте.

За домом находилась площадка, покрытая отполированным металлом. Металл был натёрт мылом и был предназначен для отработки сражения на скользком льду.

Фехтование на "грозовом жестяном листе". Это означало, что фехтовальщики стояли на подвешенном между четырьмя деревьями металлическом листе, издававшем при каждом шаге оглушающий грохот. Ушан знал, что и акустические раздражители влияют на исход сражения.

Что же было ещё в саду? Обычные деревянные манекены, которым можно было наносить удары кинжалами или саблями. Некоторые из них, благодаря хитрой механике, могли отвечать на удары. И, конечно же, оружие: шпаги, сабли, рапиры, мечи, разнообразные палки. Всё лежало на земле, было воткнуто в деревья, свисало с ветвей, было спрятано в траве или аккуратно расставлено на стеллажах. Сад Ушана де Люкки был сказочной страной для любителей фехтовального искусства.

*Правило номер семь для создания идеального
фехтовального сада a la Ушан де Люкка:*

*Идеального фехтовального сада
а la Ушан де Люкка не существует*

С каким удовольствием устроил бы Ушан ещё парочку опасных ловушек в своём саду, но там тренировались его ученики и поэтому он был определённым образом ограничен. Он мечтал о ямах-ловушках, с острыми копиями, о смертельном зыбучем песке и хищных рыбах в воде, о ядовитых шипах и удавах. Такие мечты не имели ничего общего с обычным школьным уроком и поэтому Ушан оставлял их на то время, когда он уйдёт на пенсию.

Дуэль

Румо был поражён изысканностью сада. Он горел желанием дать волю своей ярости в фехтовальном саду. Но у него возникли первые сомнения: на самом ли деле это было хорошей идеей вызвать собственного учителя на дуэль, да ещё на его территории?

— *Эй, —* влез в его мысли Львиный зев. — *Опять эти пессимистичные мысли! Это — неверная установка. Ты должен думать, как ты одержишь над ним победу! Как ты срубишь ему голову с плеч и, одев её на копьё, понесёшь с пением по городу! Как ты вырежешь ему сердце и ....*

— Минуточку! Это победа не будет такой! — прервал его Румо.

— *Не такой?*

— Нет. Я хочу ему отомстить за то, как он со мной поступил. И больше ничего. Ну и может быть немного над ним поиздеваться.

— *Ах так! Жаль. Ну не важно. А как ты хочешь над ним поиздеваться?*

Румо остановился. Об этом он ещё не думал. Он ещё ни разу ни над кем не издевался.

— *А как тебе это: когда ты его хитроумно обезоружишь и он будет беспомощно ползать перед тобой в пыли на коленях, ты скажешь: "Ну как, по вкусу тебе собственные методы, мастер фехтования? Или я должен говорить — бывший мастер фехтования — , так как теперь я мастер фехтования в этом городе!"*

— Это мне нравится! — сказал Румо и попытался это запомнить.

— *Или так: "Эй, Ушан, старый алкаш, не кажется ли тебе, что твоё время за..."*

— Румо! — прогремел в саду голос Ушана де Люкки и Румо вздрогнул.

Он обернулся и увидел как учитель решительным шагом с яростным лицом спешит к нему. Он остановился около Румо и посмотрел ему в глаза:

— Ты хотел со мной сразиться? Так вот я! Ты умолял о взбучке — ты её получишь! Выбирай оружие!

— Я уже выбрал, — ответил Румо и поднял в верх Львиный зев.

— Ты хочешь сразиться со мной с ножом для сыра??

— Но-но! — возмущённо воскликнул Львиный зев.

— Сегодня определённо не твой день, мой мальчик. Ты уверен, что ты не болен? Может что-то не то съел на ярмарке? До моих ушей дошло, что безответственные элементы распространяют там среди молодёжи нервный яд.

— Со мной всё в порядке. Я хочу сразиться, — ответил решительно Румо.

— Так, правильно, — прошептал Львиный зев в его голове. — Не показывай слабость.

— Как пожелаешь, — Ушан взял шпагу, торчащую около него из земли. — Я возьму шпагу, если ты не против. Ты уверен, что не хочешь выбрать себе другое оружие? У меня здесь лучшие клинки Замонии.

— Уверен, — ответил Румо.

Ушан де Люкка решительно пошел вперёд:

— Обычно мы начинаем в центре сада, а потом смотрим в какую сторону приведёт нас сражение. Фехтование — неточная наука, так что посмотрим куда нас приведёт случай. Думаю далеко мы не уйдём.

Он остановился среди поваленных деревьев. Сваленные в кучу лежали здесь десятки стволов в метр толщиной, поросшие мхом, травой и плющом.

— Моё кладбище деревьев, — сказал Ушан. — Будь осторожен, когда по ним двигаешься. Они могут быть очень скользкими.

Даже не смотря на серьёзность ситуации он не мог забыть о профессиональных советах. Он развернулся, поднял вверх шпагу и поцеловал клинок.

Румо тоже поднял перед собой оружие, но не рискнул целовать Львиный зев.

— Сходимся, — сказал Ушан.

— Сходимся, — повторил Румо.

— Сходимся, — пискнул Львиный зев.

Оба дуэлянта сильно размахнулись и громко скрестили свои клинки. Полетели искры и разрезанное лезвие Львиного зева завибрировало как камертон. Они замерли со скрещенными клинками.

— Львиный зев? — подумал Румо. — Что мне сейчас делать?

Нет ответа.

— Львиный зев? Что он планирует? Ты читаешь его мысли?

Нет ответа.

— Львиный зев?

Ушан постучал кончиком своей шпаги по мечу Румо:

— Ты не нападаешь сразу же? Значит после нашей последней встречи ты кое-чему научился. Очень хорошо.

Румо не нападал, поскольку он был ошарашен. Где же Львиный зев? Почему он не отвечает? Он сражается с лучшим фехтовальщиком Замонии своим зазубренным ножом, так как Львиный зев утверждал, что может предсказать каждое движение противника. А теперь он исчез!

— Львиный зев?

Нет ответа.

— Мы могли бы так спокойно простоять целый день, — сказал Ушан. — Но это нас ни к чему не приведёт. Начну-ка я.

Он провёл двойную атаку — стандартную атаку из его репертуара, с помощью которой он без особых усилий производил впечатление на новичков. При этом шпага легко двигалась в его в руке, нанося удары справа и слева так быстро, что казалось, будто он использует две шпаги одновременно. Одновременно с этим он постоянно продвигался вперёд, заставляя Румо отходить назад. Но Румо отражал все удары. Он был знаком с двойной атакой и соответствующей защитой. Это было первым, чему его научил Урс.

— Львиный зев! — думал он. — Скажи наконец что-нибудь! Что он будет сейчас делать?

Львиный зев молчал.

Ушана удивила профессиональная реакция Румо и он срочно поменял стратегию. Одним прыжком он запрыгнул на ствол поваленного дерева и обрушил на Румо град ударов.

Но и на это у ученика Урса был простой ответ: Румо присел на колени и стал вне досягаемости шпаги Ушана. Одновременно с этим он начал атаковать ноги Ушана пилообразными ударами, заставляя его постоянно подпрыгивать. Ушан сделал сальто назад, спрыгнул с дерева и оказался на одном уровне с Румо.

— Ты же не занимался где-то дополнительно? — прохрипел де Люкка. — Стиль плохой, но действенный. Это напоминает мне о ком-то.

Румо был слишком сбит с толку? чтобы заметить что он сражался не хуже Ушана.

— Львиный зев? — думал он отчаянно. — Где ты?

Нет ответа.

— Хорошо, прекратим детсадовское дурачество, — решил Ушан. — Начнём сражаться по-настоящему. Посмотрим как тебе это понравится.

Бешеный торнадо

Его следующим приёмом должен был стать бешеный торнадо: нападающий фехтовальщик очень быстро поворачивается вокруг собственной оси то направо, то налево и наносит с максимально возможной частотой удары. Это уже не было игрой, это было сложной фигурой, требующей длительных тренировок. Противник выводился из равновесия, поскольку он был вынужден непрерывно отражать мощнейшие удары с разных сторон и не имел возможности проводить собственную атаку. Ушан напал. Сталь ударялась о сталь несколько раз в секунду, звук был похож на звон падающего по лестнице вниз колокола. Учитель фехтования, как ураган, постоянно крутясь вокруг своей оси, надвигался на отступающего ученика.

"Что ты будешь делать, если на тебя движется торнадо?" — спросил его Урс, когда они во время тренировки обсуждали тактику бешеного торнадо.

"Не знаю", — ответил Румо.

"Ты прячешься где-нибудь, если найдёшь место. Вот так просто. Бесмысленно выступать против торнадо. Ищи хорошее укрытие. Если не найдёшь, то — до свидания!"

Укрытие. Румо парировал удары Ушана и искал укрытие. Неподалёку стоял массивный стол. Это похоже на укрытие? Не важно. Румо проскользнул под стол и металлический шум мгновенно прекратился.

Ушан оторопел. Трусливым поступком его вынудили прекратить атаку.

— Ты прячешься под столом? — крикнул он. — И это ты называешь фехтованием?

— Есть правило, которое это запрещает? — спросил Румо.

— В фехтовании нет никаких правил! — ответил Ушан.

— Ну тогда, — сказал Румо не вылезая из-под стола, — тогда я называю это фехтованием.

Теперь Ушан был совсем сбит с толку. Он застучал шпагой по столу:

— Вылезай! Не выкуривать же мне тебя оттуда! — он нагнулся и попытался достать шпагой до Румо, но он выпрыгнул с другой стороны на стол и напал на Ушана сверху. Одним прыжком взобрался Ушан на стол — впервые за всю свою учительскую жизнь он отступил перед своим учеником. Румо спрыгнул со стола. Ушан остался на столе, направив остриё шпаги вниз. Румо заметил, что оно слегка дрожит.

— Ты — очень хороший парень, — сказал учитель дружелюбным голосом. — Давай прекратим это, пока я не причинил тебе настоящей боли.

— Тогда ты сдаёшься? — спросил Румо.

— Что?

— Ты извинишься, чтобы я тебя пощадил?

— Скажи-ка, парень, ты издеваешься? И даю тебе шанс закончить дуэль, пока она не вышла из-под контроля. Я могу тебя поранить.

— Или я тебя.

— Это невозможно.

Румо был поражён своей неожиданной самоуверенностью. Львиный зев исчез — ну и? Ему не нужен говорящий меч, чтобы разобраться со старой легендой фехтования. Урс научил его важнейшим вещам, а честолюбие он принёс с собой. Это было как в мастерской Орнта ла Окро — чтобы сделать стул не нужен многолетний опыт, нужно лишь воодушевление.

Ушан обдумывал свою стратегию. Сперва немного наступления — парень должен спокойно выдохнуться. Типичная ошибка молодёжи: верить, что они обладают бесконечной энергией. Всё время пританцовывать. Да, Ушан будет пританцовывать.

Румо тоже обдумывал. "Ни в коем случае не пытайся выложиться вначале", — постоянно повторял ему Урс. "Типичная ошибка новичков — растратить силы до того, как всё начнётся. Лучше всего время от времени пританцовывать."

Итак, Румо и Ушан танцевали. Они скользили по лужайке скрестив клинки и это было похоже на тщательно выученный балет. Они протанцевали мимо блеющих овец и взлетающих голубей. Мимо розовых кустов. Ушан срезал при этом пару роз. Румо попробовал повторить за ним, но промахнулся.

— М-да, — воскликнул Ушан. — Не всё так просто, как кажется.

— А мне важно не хорошо выглядеть, — ответил Румо. — Мне важно победить.

— Это одно и то же, — сказал Ушан и остановился.

Искусственные руины

Румо тоже остановился. Сейчас они стояли у искусственных руин.

— Ты также научился беречь свои силы? — спросил Ушан. — И где же в Вольпертинге учат такому кроме моей школы?

Румо не отвечал.

— А как у нас обстоят дела со сражением в ограниченных условиях? Этому ты уже тоже научился? — Ушан исчез внутри плохо отштукатуренного дома.

Румо нерешительно пошёл за ним. Нет, этого они с Урсом ещё не изучали. Пространство было на самом деле ограниченным: узкая комната без окон с таким низким потолком, что ему пришлось наклонить голову. Две свечи на полу едва освещали помещение и Ушана де Люкки в нём не было.

— Руууумо..., — услышал Румо откуда-то голос Ушана.

Он зашёл в следующую комнату, ещё меньше предыдущей, и освещённую одной лишь свечой. У стены стояли садовые инструменты, мётлы и грабли.

— Руууумо...

Следующая комната. Тут вообще не было света. И там, тесно прижавшись к стене, стоял Ушан де Люкка. Подстерегал его в темноте, едва видимый. Румо хотел его опередить и начал атаку, но и Ушан выпрыгнул из своего укрытия и их оружия скрестились. Нет, то, что ударило по клинку Львиного зева, не было железом. Оно звонко задребезжало и образ Ушана де Люкки рассыпался дождём осколков. Румо атаковал зеркало.

— Руууумо...

Судя по всему единственной целью этого строения было взбесить и испугать учеников, чтобы они безумно носились по комнатам, пока в конце концов их Ушан де Люкка не захватывал врасплох где-нибудь в темноте. Так что Румо попытался сохранять спокойствие. Он поднялся вверх по скрипучей лестнице. Очень медленно вошёл в совершенно тёмную комнату. Он знал, что она пуста, так как подключил обоняние. Румо осторожно крался по неровному деревянному полу — главное не споткнуться, очень осторожно и медленно он сделал ещё один шаг вперёд и шагнул в пустоту.

Он полетел вниз и упал на спину, но пол, на который он упал был таким покатым, что Румо покатился по нему дальше. Кувыркаясь скатился он с горки и врезался в деревянную дверцу, распахнувшуюся от удара. Слепящий дневной свет ударил ему в глаза, когда он вылетел через люк позади дома и упал в высокую траву.

— Что, хорошо оказаться опять на свежем воздухе? — спросил Ушан де Люкка, ожидавший его там. Он стоял на лужайке сплошь заросшей маргаритками и грыз яблоко.

Румо встал на ноги.

— Ну теперь-то ты уже сыт? — спросил учитель. — Может быть просто закончим? А?

В голосе его зазвучал подстерегающий тон. Нет, ни за что на свете Румо не остановится сейчас, каждая клеточка его тела требовала продолжения битвы.

Де Люкка должен был согласиться, что он был бы сильно разочарован, если бы Румо сейчас капитулировал.

— Я бы с удовольствием продолжил наше сражение дальше, — вежливо ответил Румо.

— Как пожелаешь! — воскликнул облегчённо Ушан и отбросил в сторону обкусанное яблоко. — И так, у нас тут ярмарка фехтовальщиков. Тебе принадлежит право выбора! Чем займёмся сейчас? Фехтованием на льду? Дуэль на лестнице? Перейдём в сад с ловушками?

Ушан каждый раз указывал кончиком шпаги в нужное направление.

— Просто продолжим, — предложил Румо. Фехтование — не точная наука. Посмотрим-ка куда нас заведёт случай.

"Он на самом деле верит, что может выиграть", — подумал весело Ушан. — "Бесконечная самоуверенность молодёжи".

Румо неожиданно, как молния, напал на него. Ушан нанёс ответный удар и отступил. Вторая атака, ещё быстрее и мощнее. Учитель отступил ещё. Он ни в коем случае не мог позволить этому парню диктовать скорость.

Дерево для фехтования

Ушан отходил целенаправленно назад, к лестнице, ведущей в крону большого дуба. Он запрыгнул на первую ступеньку и повернулся. Сдерживая напирającego Румо он медленно и осторожно поднимался вверх, ступенька за ступенькой, старательно парируя удары Румо. Да, малыш

послушно шёл за ним в ловушку. Как только затылок Ушан коснулся листьев, он ловко вспрыгнул на толстую ветку.

— Если бы ты прыгнул за мной, я мог бы отрубить тебе всё, что угодно, — сказал де Люкка. — Никто не может одновременно прыгать, приземляться, находить равновесие и отражать удары.

Учитель воткнул шпагу в толстую кору дуба у своих ног.

— Спасибо, — сказал Румо и запрыгнул на дерево. Едва его ноги коснулись дерева, как Ушан резко вытащил шпагу из коры и начал атаковать Румо. Каждый из ударов мог быть смертельным, но Ушан только демонстрировал их, пока Румо изо всех сил пытался удержать равновесие. Учитель остановился.

— Один совет: никогда не принимай одолжений во время сражения! И не делай сам одолжения во время сражения. Для проявления любви к ближнему хватает возможностей вне поля боя.

Румо огляделся. Сложный участок. Но вокруг бесчисленные возможности для лазания и передвижения на руках: подвешенные канаты, кожаные петли. Он крепко ухватился за ветку и атаковал противника. Ушан нанёс ответный удар и так продолжалось некоторое время.

Учитель сам спроектировал это дерево и оснастил его многочисленными хитрыми приспособлениями. Здесь, наверху он довёл до безумия множество учеников. И сейчас он ухватил один из канатов: "Хоооп!", перелетел через толстую ветку и исчез в густой листве. Румо осторожно последовал за ним. Куда же пропал учитель? Он чуял его, но Ушан постоянно менял в своё положение.

— Мой мальчик, сейчас я убью тебя семь раз, — прошептал учитель фехтования.

— Ну, давай! — ответил Румо.

— Раз! — клинок Ушана появился из листвы и коснулся Румо точно между ушей.

— Два! — в этот раз клинок появился снизу и проскользнул у него под мышкой.

— Три! — клинок остановился в паре миллиметров перед левым глазом Румо и мгновенно исчез в листве. Румо будто сражался с деревом, из которого всюду появлялись клинки.

— Четыре! — кончик шпаги Ушана де Люкки постучал по груди Румо, там, где у него находилось сердце. Ушан тихо засмеялся.

— Пять! Шесть! Семь! — бешено закричал Румо и тремя пилообразными движениями ударил листву. Сотни срезанных листьев посыпались вниз и открыли Ушана, сидевшего на корточках на одной из веток

и удивлённого, как актёр кукольного театра, которого выгнали из-за занавеса.

— Понадобится как минимум год, пока эти листья вырастут заново, — осуждающе сказал учитель. — Надо немного уважать невинную природу.

Румо сделал выпад вперёд, чтобы атаковать учителя. Но когда кусок коры, на который он наступил, подозрительно громко затрещал под ним, было уже поздно. Ветка с огромной скоростью ударила его по лицу и груди. Он недолго махал руками и затем свалился в высокую траву под деревом.

— Это всегда бьёт с той стороны, с которой меньше всего ожидаешь! — сообщил Ушан сверху, пока Румо, кряхтя, поднимался на ноги.

Учитель фехтования перешагнул на другую ветку, опять раздался треск и когда он удивлённо посмотрел вверх, то увидел летящий на него из листвы сверху кожаный мешок с песком. Мешок с глухим ударом врезался в грудь Ушана, сбил его с ног и учитель, пролетев высоко по воздуху, упал в траву в нескольких метрах от Румо.

Румо подошёл к своему учителю, чтобы проверить, жив ли тот ещё. Ушан сел и уставился на Румо стеклянными глазами:

— Это был привет от моего садовника, — сказал он, проверяя не поломаны ли у него рёбра.

— Это всегда бьёт с той стороны, с которой меньше всего ожидаешь, — ответил Румо.

Ушан со стоном поднялся и опёрся на шпагу:

— Если бы я знал, сколько удовольствия доставит мне наша дуэль, то я бы так долго не сопротивлялся, — сказал он. — Такой отлично битвы у меня не было с тех пор...да, с тех пор, как я провёл последнюю дуэль с Урсом Снежным. Знаешь Урса?

Румо отвёл взгляд. Ушан указал шпагой на Румо:

— Ага, значит вот откуда ветер дует! Мы тайно тренировались! Я думал, что Урс больше не прикасается к оружию?

— Мы пользовались деревянными мечами.

Ушан ухмыльнулся и опустил шпагу:

— Хорошо, парень. А тебе не кажется, что сейчас самое подходящее время закончить нашу дуэль? Мы оба получили удовольствие, ты кое-чему научился и показал на что ты способен. С этого момента на уроках я буду относиться к тебе с уважением.

— Ты сдаёшься? — воскликнул Румо.

Ушан упёр руки в бока:

— Нет, я просто не верю своим ушам! Тебе всё ещё мало?

— Ты же сам сказал — не делать одолжений во время дуэли. Мне не нужны преимущества. Я хочу тебя победить.

— Строптивый маленький ублюдок! — крикнул Ушан.

Румо встал в исходную позицию.

Плоская пощёчина

Ушан размышлял. Они дошли до такой стадии, когда во время сражения могли легко травмировать друг друга. Как учитель он нёс ответственность и поэтому должен был закончить эту дуэль. Что же ему делать? Двуручный угловой удар? Но это слишком опасно, так можно снести череп противнику. Гневный косарь? Этот горизонтально наносимый удар назывался так не только потому, что напоминал движение косаря, но и потому, что итог мог быть смертельным. Так что тоже слишком рискованно. Стоп! Плоская пощёчина!

Это то, что надо! С помощью неё он победил Урса Снежного и с тех пор Урс не берёт в руки оружие. Это — энергичный и, как правило, чрезвычайно эффектный удар, которым владеют лишь несколько фехтовальных мастеров, но при всём этом — безопасный. Это поставит Румо на место и тот впредь будет приходить на урок с низко опущенной головой.

Плоская пощёчина была исключительно болезненным ударом, наносимым плоской частью клинка с огромной силой по нижней части руки противника, в которой он держал своё оружие. При этом нужно было попасть по венам не повредив их. Это на длительное время парализовало руку. Несколько следующих дней Румо придётся хлебать суп левой рукой. Ушан начал атаку.

"О!", — подумал Румо. — "Он пытается нанести плоскую пощёчину!"

Снова и снова рассказывал ему Урс о плоской пощёчине, он был настоящему одержим ею. Он придумал не только эффективную защиту от неё, но и способ, позволявший унизить того, кто попытается нанести плоскую пощёчину. Неделями они отработывали эту технику.

Сначала Румо сделал то, что Ушан ожидал от него. Он принял желаемую позицию, выставляя напоказ свою кажущуюся незащищённой руку. Ушан размахнулся и ударил в пустоту — Румо убрал руку, одновременно перебросив меч в другую — так называемая простая смена. Удар Ушана пришёлся в пустоту, при этом он слегка потерял равновесие,

и в это мгновение Румо нанёс ему удар по уху плоской стороной меча. Урс назвал это обратная плоская пощёчина.

В голове Ушана раздался звонкий свист, а ухо его горело. Из глаз потекли слёзы.

— Привет от Урса! — сказал Румо не скрывая усмешки. Отличная получилась издёвка!

Ушан стоял перед Румо, как обиженный первоклассник. Этот парень никакой не ученик, решил он, этот парень — настоящий взрослый противник. Конец уважению, конец педагогической заботе. Самое подходящее время для многократного де Люкки.

Ушан взял с деревянного стенда вторую шпагу. Слегка отклонив назад верхнюю часть туловища, обе шпаги на высоте бёдер и направлены вперёд, начал он медленно отступать назад используя оборонительную тактику и пытаясь выманить противника.

— Тебе нужны уже две шпаги, чтобы победить меня? — спросил Румо. Ему понравилось издеваться. — Две шпаги против одного ножа для сыра?

И он нанёс пару ударов, которые Ушан парировал обеими шпагами.

Многократный де Люкка

В начале многократный де Люкка, фигура, придуманная и усовершенствованная самим Ушаном, предусматривал сражение с двумя клинками, один из которых позже неожиданно подбрасывался вверх. Ушан де Люкка подбросил левую шпагу в воздух.

Существовало множество способов для проведения многократного де Люкки: трёхкратный де Люкка, пятикратный, восьмикратный, семнадцатикратный и двадцатидвухкратный. Всё зависело от того, сколько раз перевернулась шпага в воздухе после того, как её подбросили вверх.

Один раз, два, три, четыре, пять.

Сражение на земле в это время продолжалось. Румо ещё сильнее атаковал Ушана, после того, как он подбросил вторую шпагу.

Шесть, семь, восемь, девять, десять раз.

Ушан остановился и пытался только отражать удары Румо. Очень важно было не принимать навязываемый противником темп.

Одиннадцать, двенадцать, тринадцать, четырнадцать, пятнадцать, шестнадцать раз.

Самым большим де Люккой, который Ушан когда-либо проводил, был двадцативосьмикратный. Тогда это было необходимо, так как дуэль проводилась с официально признанным главным фехтовальным мастером Замонии по имени Атракс Скарта III. Одна из самых сложных дуэлей в его жизни, с противником, требующим особого отношения. Как Румо.

Семнадцать раз, восемнадцать, девятнадцать, двадцать, двадцать один, двадцать два, двадцать три, двадцать четыре раза.

При многократном де Люкке важно было заставить противника забыть о второй шпаге. Чем выше её подбрасывали, чем чаще она переворачивалась в воздухе и чем интенсивнее проводилось сражение в это время, тем выше были шансы на удачный исход этой сложной фигуры.

Двадцать пять, двадцать шесть, двадцать семь, двадцать восемь, двадцать девять раз.

Теперь, используя все свои способности, атаковал Ушан. На Румо со всех сторон обрушился град уколов и ударов с такой скоростью, какой он никогда ещё не видел. При этом он не заметил, что Ушан вёл его по кругу.

Тридцать раз, тридцать один, тридцать два.

Долетев до самой верхней точки шпага Ушана с трудом перевернулась последний раз.

Тридцать три раза.

Такого высокого де Люкку Ушан ещё никогда не подбрасывал. Шпага, перевернувшись тяжёлым эфесом в сторону земли, полетела вниз.

Наиважнейшим при выполнении многократного де Люкки было то, что в конце этой фигуры необходимо было вернуться на то же место, где начали. Именно в этом месте, благодаря ловким манёврам Ушана, находились сейчас сражающиеся. Румо был слишком занят, чтобы заметить угрозу, летящую сверху: в середину урагана из ударов и уколов, движущихся рук и искр, отлетающих от оружий, упала вторая шпага Ушана, именно там, где он её ожидал. Учитель фехтования схватил её прямо перед носом Румо, чем сильно его озадачил — откуда-то неожиданно опять появилась эта вторая шпага! Румо прекратил атаку, его рука с мечом на мгновение замерла и Ушан воспользовался этим моментом: он зажал меч Румо двумя своими клинками, резко и быстро их повернул и вырвал Львиный зев из рук Румо. Демонический меч пролетел высоко над садом и дрожа воткнулся в берёзу.

— *Ой!* — сказал голос Львиного зева в голове Румо.

Ушан приставил оба острия шпаг к шее Румо. Сражение закончилось.

— Иди домой, — сказал Ушан де Люкка. Не глядя на Румо он воткнул шпаги в землю и в развевающемся плаще ушёл из сада.

— И не забудь твой нож для сыра! — крикнул он перед тем, как исчез в доме.

Всё вдруг сразу вернулось: головная боль, замешательство, плохой привкус во рту, будто Румо только что проснулся с сильнейшим похмельем. Бесцельно брёл он по переулкам Вольпертинга. Вдалеке была слышна ярмарочная музыка.

— Ну? И как всё прошло? — вдруг спросил Львиный зев.

Румо был слишком озадачен, чтобы рассердиться:

— Львиный зев? А где ты был всё это время?

— *Не знаю, честно говоря. Наверное временно потерял сознание или что-то подобное. А ты знал, что мечи могут терять сознание? Я — нет, ху-ха-ха! Я пришёл в себя только тогда, когда меня воткнули в дерево. Я что-нибудь пропустил?*

— Ты потерял сознание?

— *Свет погас вокруг меня. Прямо в начале сражения. Эта шпага неслась на меня, а потом это ужасающее сотрясение...*

— Ты подвёл меня! Ты уговорил меня, а в самый важный момент упал в обморок! — тяжело дыша сказал Румо.

— *Боже мой! Какой же ты бесчувственный! Я всё ещё в шоке! Это же было моё первое сражение. Я даже и не думал, что всё происходит так быстро. Это было очень быстро! У-у-ух! А ты знаешь как это, удариться о другой клинок? Ты видел искры?*

— И ты хочешь быть мечом, — прохрипел Румо. — Просто смешно!

— Я — нож! — отрезал Львиный зев.

— Ага, значит всё-таки нож!

— *Ну и что? Думаешь, что из-за этого у меня нет чувств?*

— Нож с чувствами! Нож теряющий сознание! Это именно то, что мне нужно в сражении. Палатка набитая оружием и я выбираю именно тебя! С таким же успехом я мог бы сражаться тюльпаном. Знаешь, кто ты? Ты...

— *Сказать тебе, кто я на самом деле? Сказать? А? Сказать? Так вот я скажу тебе!*

Румо остановился.

Львиный зев просто захлёбывался:

— Никакой я не демонический мозг! Я мозг пещерного тролля! Мозг пещерного тролля! Вот так!

— Ты — тролль?

— Конечно! Абсолютно обычный тролль! За всю свою жизнь я ни разу не держал в руках оружие. Я работал в шахте в Демонических горах, добывал лазурит и тут упал это идиотский метеорит! Самое опасно оружие, которое я держал в руках, — геологической молоток. Метеорит так расплющил меня, что они вероятно спутали меня с воинами-демонами. Затем они добавили мой мозг в меч. Другого объяснения тому, как я попал в этот проклятый меч, я не знаю.

— Ты имеешь ввиду, что ты никакой не воин-демон? Что ты — тролль?

— Был когда-то.

— Всё лучше и лучше. Сначала могущественный демонический меч, а теперь тролльский нож. Ну, хватит! Я выброшу тебя в реку.

— Что?

Румо быстро пошёл вперёд.

— Эй! Ты куда?

— К Вольперу. Я выброшу тебя.

— Румо! Не совершай не обдуманных поступков!

Румо не отвечал и повернул в сторону моста над Вольпером.

— Румо? Румо? Что ты собрался сделать?

Румо молчал.

— Румо, ты только себе хуже делаешь!

Вольпертингер целенаправленно продолжал идти.

— Но ты же так не поступишь? Ты хочешь только меня напугать! Хуха-ха! — неуверенно засмеялся Львиный зев.

— Я выброшу тебя в Вольпер и покончим с этими духами.

— Румо? Румо, послушай меня! Э-э-эх, вот неудача! Маленькая, ни о чём не говорящая неудача! Это же моё первое сражение! Давай-ка, успокойся немного! А потом спокойно всё обсудим!

Румо подошёл к северному концу моста через Вольпер. Шум течения заглушал голос Львиного зева в его голове.

— Румо! Клянусь моей честью, что такого больше никогда не произойдёт! Такого я больше никогда не допущу. Румо? Ты меня слышишь?

Румо подошёл к перилам моста и посмотрел вниз на дикий Вольпер. Львиный зев он выдвинул вперёд и держал над водой.

— Румо! — прохрипел Львиный зев. — Это уже не смешно!

— Точно! — ответил Румо. — Это уже не смешно.

Он посмотрел ещё на реку. Там, внизу грязный поток тащил что-то. Связку одежды? Нет, это был вольпертингер! Румо даже разглядел лицо — Рала!

Не задумываясь ни секунду Румо сунул Львиный зев за пояс, одним прыжком перескочил через перила и полетел в бурный Вольпер.

История Ралы

Путь, который прошла Рала, начиная с того момента, как кровомясник Нидхуг избил её до потери сознания на своём подворье на глазах её брата Рольфа, и до того момента, как она оказалась в холодных водах Вольпера, был очень длинным. Этот путь она проделала в состоянии, в котором она была ближе к смерти, чем к жизни. И время от времени смерть с косой была её постоянным спутником и подругой, всегда готовой принять Ралу в свои холодные объятия. Рала научилась на этом пути дружить, ненавидеть и мстить, научилась получать удовольствие от охоты и играть с опасностью. Она научилась ходить на двух лапах и говорить, она нашла своего брата Рольфа, но самое лучшее, что произошло с ней в этом путешествии, была любовь к Талону — медвежьему богу.

После того, как кровомясник Нидхуг решил, что убил Ралу, он утащил мнимый труп в лес, в качестве жертвы дикому медвежьему богу, в которого он верил. Когда он положил Ралу на листья и пошёл обратно к своему подворью, чтобы продолжить избивать Рольфа, появился дикий медвежий бог.

Талон, медвежий бог

Его звали Талон. Точнее, Талон — Когтистая Лапа. Да, он был диким, да, он был медведем, но нет, он не был богом. Талон был настолько далёк от того, чтобы быть богом, насколько это только было возможно: он не был особо положительным существом, он был ленив, он не обладал никакой сверхъестественной силой, он был таким же смертным, как и все в этом лесу. Он питался помоями, которые приносили в лес суеверные крестьяне, чтобы убажить его. И Талон пожирал всё: холодный картофель, очистки, засохший хлеб, заплесневелый сыр и дохлых собак. Его устраивала такая еда, поскольку он не хотел охотиться.

Талон подошёл ближе, обнюхал маленькое собачье тело и сразу же решил, что это он ни в коем случае не будет есть, так как это было всё ещё

живым. Талон не знал ничего о циклопах с Чёртовых скал и ещё меньше о том, что они пожирали только живую еду, но инстинкт сказал ему, что он принадлежит к тем существам Замонии, которые отказываются от любой пищи, которая ещё двигается.

Да, Рала была всё ещё жива и своё имя она получила от Талона, ухаживавшего за ней, кормившего её и рычавшего ей во сне два слога, которые он мог произносить: Рала-Рала-Рала.

Она очень быстро оправилась от ранений, вступила в период роста и вскоре стала большой и сильной. Не такой большой, как Талон, но достаточно сильной, чтобы ходить с ним на охоту. Так как с тех пор, как у него появился приёмный ребёнок, он опять начал добывать еду сам. Он считал, что Рала должна была получать что-то получше, чем очистки или дохлые собаки. К тому же он заметил, что движение пошло ему на пользу и он сбросил пару лишних килограмм. Таким образом для Ралы и Талона охота стала образом жизни.

Однажды они оба учуяли необычную дичь, последовали за ней и нашли её на снежной поляне. Это был охотник, но не какой-то охотник, а тот, который словил Ралу и Рольфа и продал их кровомяснику. Рала учуяла это, когда они стояли друг напротив друга.

В правой руке охотника была длинная палка, а в левой — короткая. Он положил короткую палку на длинную, как бы указывая в сторону Ралы и Талона, и вдруг короткая палка полетела и ударила Талона в сердце. Он упал на землю, прорывав в последний раз "Рала", и умер. Охотник в это время вытащил ещё одну палку и указывал ею на Ралу. Она хотела кинуться к нему и вырвать у него сердце за то, что он сделал с ней, Рольфом и Талоном. Но что-то приказало ей сделать обратное: взять себя в руки, спрятаться и дать охотнику уйти. Рала так и поступила: на четырёх лапах она исчезла в лесу. Охотник опустил палки и пошёл своей дорогой.

Но он шёл не один — Рала следила за ним. Постоянно в укрытии, тайно и тихо шла она за ним по пятам. Она наблюдала, как он охотится и как использует свои палки. Она стала его тенью, его тайным двойником, она запоминала как он живёт, как есть, когда носит свои палки с собой, а когда снимает их. И однажды, когда она решила, что знает о нём всё, Рала вышла из укрытия. Охотник снял свою одежду и палки и плавал в реке. Когда он увидел на берегу Ралу, то испугался, поскольку понял, что его часы сочтены. Рала взяла его палки, указала короткой на охотника и выстрелила ему в сердце. Крик охотника пронёсся по лесу и вода окрасилась в красный цвет. У Ралы с первого раза получилось стрелять из лука.

Рала и смерть

С этого дня у Ралы сложились необычные отношения со смертью: она больше не боялась смерти, потому, что однажды её победила, и теперь знала, как принести смерть другому.

Она сражалась с такими существами, возможности которых она не могла оценить, и только благодаря удаче выходила живой из этих сражений. Она пробиралась по тёмному болоту наполненному зловонными запахами и вышла оттуда невредимой только лишь потому, что ужасные существа, живущие в болоте, были настолько поражены её хладнокровностью, что даже не вышли из укрытий. Она бросала вызов смерти, но ни мороз, ни молнии, ни голод, ни жажда, ни клыки, ни когти не смогли одержать над ней победу. Она перестала уважать смерть, а так как у неё больше не было того, ради кого стоило жить, то она потеряла уважение и к жизни.

Однажды она учуяла что-то, что было чужеродным и вызывало доверие одновременно. Подул сильный ветер и развеял запах, так что ей не хватило времени точнее в нём разобраться. В сумерках она увидела существо,двигающееся с огромной скоростью. Оно перебиралось из укрытия в укрытие, пока Рала не поняла, что охотились на неё. Она взяла стрелу и выстрелила, но существо так быстро пригнулось, что стрела пролетела мимо и, ударившись о дерево, разлетелась в щепки. Такого с Ралой ещё не случалось — ценная стрела разбилась вдребезги. Она была сбита с толку и взбешена одновременно. Что же это за существо?

Она выстрелила двумя стрелами. Таким способом она всегда попадала в противника. Но существо совершило что-то ещё более поразительное — оно ухватило обе стрелы в полёте и, как-будто этого было всё ещё недостаточно, повернуло их и бросило с такой силой обратно, что они врезались в дерево в нескольких миллиметрах перед носом Ралы.

Ещё ни разу Рала не встречала противника с такой реакцией, силой и скоростью. Наступала ночь и видимость с каждой минутой ухудшалась. После того, как Рала выпустила свою последнюю стрелу, ей не осталось ничего, кроме как пойти на встречу противнику. Они оба вышли на поляну и сошлись так близко, что могли смотреть в глаза друг другу. Тут ветер стих и они могли чухать запахи. Они оба поняли, что сражения не будет. Они почуяли, что они брат и сестра.

Вольпер

Серые волны Вольпера накрыли Румо. Они были над ним, под ним, везде. Вода была ледяной. Она попадала ему в рот, в нос и в уши. Монотонный шум заполнял его голову.

— Я не умею плавать, — подумал Румо.

— *Что?* — спросил Львиный зев. — *Ты не умеешь плавать и прыгаешь в бурную реку? И ты обвиняешь меня в том, что я...*

— Где Рала?

— *Рала? А кто это Рала?*

— Она умрёт.

— *Кто умрёт? Ты умрёшь!*

— Не важно. Рала не должна умереть.

— *Плыви же!*

— Я не умею плавать.

— *Сделай хоть что-нибудь!* — снова закричал Львиный зев. — *Плыви!*

— Рала, — подумал Румо.

— *Румо!* — кричал Львиный зев. — *Двигайся! Ты должен плыть!*

Но Румо больше не отвечал.

Рольф и Рала Лесные

После того, как Рала и Рольф встретились в лесу, они продолжили вместе свой путь по диким лесам Замонии. Некоторое время работали они охранниками на фруктовой плантации, на которую регулярно совершались набеги. Рабочие научили их разговаривать, а грабежи быстро прекратились, после того, как оба вольпертингера начали дико выть на плантации по ночам. После сбора урожая они отправились дальше. Как-то, когда они находились уже в южной части континента, Рольф начал рассказывать про серебряную нить, которую он видел закрытыми глазами. Со временем Рала поняла, как это было важно для Рольфа, и они

отправились вместе на поиски источника этой нити. Так они в конце концов пришли в Вольпертинг. Они посетили бургомистра, поселились вместе в маленьком домике и начали ходить в школу. Рольф нашёл свою серебряную нить в виде вольпертингерки по имени Наденька Туманная. В остальном их жизнь в Вольпертинге была обычной, как у всех, без особых происшествий.

Пока Румо не вошёл в классную комнату.

Рала была поражена чувству, накрывшему её, когда незнакомый вольпертингер вошёл в класс. Он вёл себя как полный идиот, задавал во время урока глупые вопросы и сцепился с именно Рольфом. Но самое главное: рядом с ней он вёл себя так, будто Рала кусок дерева. Так почему же она испытывала к нему какие-то чувства?

Она же Рала Лесная — самая дикая и гордая девушка Вольпертинга. У неё были толпы поклонников. Но вот появляется этот Румо и наводит неразбериху. Кто ему дал на это разрешение? Он избегает её взгляда и не подпускает близко к себе. На школьном дворе он уходит как можно дальше от неё и на её улыбку отвечает тихим рычанием. Да кажется он её просто ненавидит! На ярмарке от одного её прикосновения он почти потерял сознание. Что за дурак! И ещё кое-что сбивало Ралу с толку: она не думала ни о чём другом, только о Румо. Она хотела жить с Румо, стареть с Румо, умереть с Румо и в конце, когда мир разлетится на части, раствориться с Румо во вселенной.

Даже по ночам она думала о Румо. Сны Ралы всегда были чудесными и дикими. Чаще всего ей снился Талон и их дикие лесные набег. Но теперь этот Румо шатался по её ночному миру и вёл себя не менее странно, чем в обычной жизни.

Однажды ночью Рале снова приснился Талон-Когтистая Лапа и сон этот был примечателен тем, что Талон в нём разговаривал. Он сидел в лесу на пне, в сердце его торчала смертельная стрела и он говорил:

— Послушай, девочка. И слушай меня внимательно, поскольку за всю свою жизнь я не сказал тебе ничего, кроме твоего имени. Но теперь я мёртв и я скажу тебе: смерть всё меняет. Слушай! Этот идиот, этот Румо, который теперь постоянно шатается по нашим чудесным снам, я спросил себя: что он потерял в нашем лесу? И поэтому я словил его и расспросил. Ну что значит расспросил, мне пришлось его немного попытать, чтобы выяснить правду. Так что в конце концов я выжал это из него. А теперь держись крепко! Он в тебя втюрился! Влюбился навечно! И так как он не решается тебе об этом рассказать, то по ночам его дух приходит в твои сны. Встречала ли ты ещё подобных тупиц?

Затем Талон соскользнул вниз с пня и выглядел точно так, как тогда, перед смертью. Дрожащим голосом он прошептал:

— Слушай, моя девочка, тогда, когда я умирал, у меня не было возможности сказать тебе последние слова, но теперь, когда я могу говорить, я хочу наверстать упущенное.

Его голос становился слабее:

— Я — обычный глупый медведь и не имею никакого понятия о таких вещах, но если ты хочешь узнать моё мнение, то вот оно: ты должна взять инициативу в свои руки. Ты должна начать охоту на него и заполучить его.

Талон простонал в последний раз, голова его склонилась на бок и Рала проснулась вся в слезах.

Не то, чтобы Рала поверила в послание из сна, но мысль о том как же заполучить Румо? не покидала её.

И тут она увидела его идущим к мосту.

Он не заметил её. Он выглядел задумчивым и был в плохом настроении, он даже разговаривал сам с собой. Она последовала за ним, как она делала это раньше в лесу, перебираясь из укрытия в укрытие. Когда она увидела, что он хочет перейти по мосту на тот берег, в голове у неё возник план. Опасный, очень рискованный план, но Рала решила, что сейчас подходящий момент сыграть снова со смертью. Её идея, как проверить любит ли Румо её, была абсолютно безумной: она прыгнет в Вольпер. И если он прыгнет за ней, несмотря на смертельную опасность, тогда она может быть уверена в его любви. Она ни на секунду не задумалась о том, что будет дальше, о том, как они оба выберутся из бурной реки. Этого не было в её плане, иначе план не был бы опасным.

Цвета смерти

В отличие от циклопов с Чёртовых скал вольпертинги не верили, что после смерти попадут на облачные горы. Они верили, что когда умрут, то больше ничего не смогут сделать. И хотя они знали, что когда-нибудь умрут, всё равно неохотно разговаривали о том, что потом произойдёт. Поэтому Румо был так удивлён, что после того, как он потерял сознание, он оказался в мире, кажущемся ему знакомым. Он увидел грандиозную панораму из светящихся форм разных, до сих пор неизвестных ему цветов, и бесконечных световых линий, напоминавших мир его внутреннего глаза.

"Ага", — подумал Румо. — "Значит так это выглядит, когда умираешь. Как-будто смотришь с закрытыми глазами".

Его несла река пульсирующего света. Цвет этой реки Румо странным образом обозначил для себя как ксюльбовый. А по забриновому небу над ним плыли гоммовые облака. Удивительно, но Румо знал названия всех этих необычных цветов.

И он мог плавать. Нет, сам он не плыл, его несла река, совершенно не похожая на Вольпер: она была тихой, а не шумной, была тёплой, а не холодной, была спокойной, а не бурлящей.

— Ну и пусть меня несут воды, — подумал Румо. Вся стало вдруг таким простым, лёгким и красивым, исчезли все проблемы и боль. Никакой больше ярости и сомнений, которые его мучили. Никаких страхов и любовной тоски.

Сражение с водой

Как только Рала оказалась в Вольпере, она сразу же поняла, что вода гораздо холоднее и течение гораздо сильнее, чем она себе представляла. И хуже всего — вода намочила одежду и волосы, залилась в сапоги и тянула всем своим весом Ралу на дно. Было очень шумно, монотонный грохот поглощал любой звук и сорвал её романтический план спасения. Она планировала не спеша плыть по воде, как красивая утопленница, но воды тащили её за собой и топили, как бумажный кораблик.

Вот уже вода пронесла её под мостом и у неё не было ни малейшей возможности обратить на себя внимание Румо. Но лишь благодаря случаю именно в тот момент, когда бурлящая вода вытолкнула Ралу на поверхность, Румо нагнулся над перилами моста и посмотрел вниз.

Не думая ни минуты он прыгнул вниз головой и Рала ещё успела увидеть, как он нырнул в воду. Затем течение потащило её дальше.

"Он меня любит!" — подумала она. — "Он последовал за мной не раздумывая ни минуты и несмотря на смертельную опасность!"

Рала вынырнула и увидела, как Румо появился на поверхности воды. Он не шевелился, течение несло его и он даже не пытался что-либо сделать. Судя по всему он потерял сознание.

"Румо тонет!" — подумала она.

Их несло дальше. Рала даже и не подумала о том, что Румо может потерять сознание, что река может обладать такой силой и что судьба может быть так к ней равнодушна. Она прокляла себя за эти детские романтические идеи, приведшие Румо, того, чья жизнь была для неё важнее собственной, в такую опасность.

— Ты должна плыть! — крикнул кто-то.

На берегу собрались вольпертингеры, они склонялись над стенами и бежали вдоль них, чтобы успевать за течением.

Плыть. Что за чушь! Рала не умела плавать. Ни один вольпертингер не умеет плавать. Это было так же невозможно, как при падении со скалы научиться летать.

— Попробуй плыть! — крикнул с берега ещё один вольпертингер.

Но почему, собственно говоря, это невозможно? На карту поставлена жизнь Румо, да и её собственная тоже. И какой-то древний инстинкт будет запрещать ей хотя бы один раз попробовать?

— Ты должна плыть!

Но как же плавают? Рала подумала об охотнике, за которым она следила. Он плавал в реке перед тем как она его убила. Он всё время вытягивал руки вперёд и отталкивал ими воду назад, а ногами он делал движения, которые Рала уже видела у лягушек.

Она снова ушла под воду, галька и ветки били ей в лицо и один раз она так сильно ударилась головой о большой камень, что почти потеряла сознание. Когда она опять вынырнула, то увидела, что Румо находится совсем поблизости, но вниз головой в воде и только его сапоги торчали из Вольпера.

На берегу собрались вольпертингеры и размахивали длинными палками и верёвками. Они приближались к окраине города, где река была не такой бурной и поэтому вдоль берега не было каменных стен. Там возбуждённые вольпертингеры рискнули подойти так близко к воде, как они ещё никогда не отваживались.

Рала попыталась держать голову над водой, выпрямила руки вперёд, зачерпнула ими воду и оттолкнула её назад. Ногами она имитировала лягушачьи движения.

И на самом деле, она продвинулась немного вперёд, сама, собственными силами. Она двигалась к Румо. Рала снова и снова повторяла движения с такой силой и скоростью, какими только обладают вольпертингеры. К своему собственному удивлению она заметила, как река потеряла власть над её телом. Она сама теперь решала где находится её голова — над водой или под водой, когда вдыхать и выдыхать, когда нырять. Ага, значит так плавают, думала Рала, нужно просто отбиваться от воды.

Вот она уже ухватила Румо за сапог. Она гребла одной рукой, приближаясь к берегу, на котором стояли её сородичи, протягивая ей руки и длинные палки. Наконец ей удалось ухватиться за черенок вил. Её подтянули к берегу и Рала вытащила безжизненного Румо из воды.

Румо, свободного от всего, несли вперёд беззвучные волны смерти. Как долго это будет продолжаться? Бесконечно? Ему было безразлично, он был готов ко всему. Так как напугать того, кто уже встретил смерть, было очень сложно.

Румо видел над собой небо со всеми девятью новыми цветами: кельфовый, громолёный, опемый, блаковый, иволинтовый — и вдруг знакомый цвет — серебряный! Да, это была серебряная нить, висевшая над ним на расстоянии руки. И у нити был голос, как в его снах, но в этот раз он не пел, а говорил громко и твёрдо:

— Румо! Дыши!

Дышать? Почему нужно дышать после смерти? Он только-только начал привыкать.

— Румо! — снова сказал голос. — Дыши! Ты должен дышать!

"Я не могу больше дышать", — подумал он. — "Я уже забыл как это делать".

— Румо, — кричал голос, резко и яростно. — Я приказываю тебе дышать!

Вдруг Румо почувствовал боль, что-то ударило его в нос.

Ой!

Что делает в этом спокойном мире такой боль? У него потекли слёзы. Румо всхлипнул и начал дышать.

Он открыл глаза.

Кто-то склонился над ним. Он поморгал глазами и узнал Ралу. Около них стояло ещё несколько вольпертингеров.

— Она щёлкнула его в нос, — сказал кто-то.

- И это сработало. Невероятно!
- Он дышит.
- Рала умеет плавать, — сказал кто-то вдалеке.

Рала обтёрла воду с лица Румо и смотрела на него, будто ожидая чего-то особенного. Он непонимающе глянул на неё и его вырвало ей на колени.

Супердевушка

Рала умеет плавать!

Эта новость разошлась по Вольпертингу со скоростью лесного пожара, из дом в дом, с одной улицы на другую, из квартала в квартал. К вечеру весь город знал: *Рала умеет плавать.*

Вольпертингеры были удивлены этой новости не меньше, чем если бы им сказали: *Рала умеет летать.* Никто никогда даже и не думал, что один из них научиться плавать. Плавание, если речь шла о вольпертингере, граничило для них с волшебством.

Что касалось Румо, то для него эта новость имела неприятное продолжение, поскольку целиком она звучала так: *Рала умеет плавать, а Румо — тупой дурак, свалившийся с моста в Вольпер и позволивший девушке спасти себя из воды.*

О том, что он прыгнул в Вольпер, чтобы спасти Ралу, никто даже не заикался, так же как и о том, как сама Рала оказалась в реке. Нет, история рассказывалась долго и задом наперёд, пока все в неё не поверили.

Это рассказывал ему Урс, пока Румо лежал на животе в кровати и его тошнило коричневой речной водой в стоящее рядом ведро.

В следующие дни он так же получал информацию от Урса. Румо был серьёзно болен, много дней подряд он практически не покидал своей комнаты. И пока он медленно поправлялся, слава Ралы росла не по дням, а по часам: *Рала-плавающая. Рала-супердевушка. Та, которая ходит по воде. Бесстрашная спасительница глупого неумехи* и так далее. Это невозможно было сдержать.

Для Румо, наверное, было бы лучше, если бы он остался в том необычном цветном мире и течение вечно несло бы его вдаль. Тогда бы он избежал всего, о чём ему в период его выздоровления рассказывали Урс, Аксель и остальные тройняшки: что драматический кружок репетирует в театре спектакль под названием "*Спасение Румо*", что в ратуше думают не поставить ли Рале памятник или не переименовать ли Вольпер в Ралу,

что Рала даёт уроки плавания в прудах за городом, поскольку её пример показал, что для того, чтобы научиться плавать, надо лишь преодолеть сидящий глубоко внутри себя страх и выучить пару движений.

Когда Румо выздоровел, он не решался покинуть свою комнату. Он больше не ходил в школу, избегал выполнения своих обязанностей, не появлялся в столярной мастерской. Только по ночам он ходил по переулкам Вольпертинга, чтобы подышать свежим воздухом. Весь город обернулся против него: на уроке фехтования поджидал его Ушан де Люкка, в школе — Рала и он прекрасно представлял себе, как Рольф, Таско и другие будут над ним издеваться.

Однажды ночью, во время своих одиноких прогулок, Румо пришёл к Чёрному куполу. Таинственный, беззвучный, чёрный и сияющий в лунном свете стоял купол, как памятник всем неразгаданным загадкам в мире. Румо подошёл к нему, опёрся о прохладный камень спиной и посмотрел на звёзды. Всё вокруг было совершенно спокойно, город спал. Румо подумал, что сейчас самый подходящий момент тихо и тайно исчезнуть из города.

Весь Вольпертинг любил Ралу. Но почему же она была несчастна? Да потому, что Румо продолжал вести себя и дальше как идиот, хотя был обязан ей жизнью! Невозможно поверить, но когда она вытащила Румо из бурлящего Вольпера и вернула его к жизни, он открыл глаза, его вытошнило на её штаны, затем он встал и ушёл не сказав ни единого слова благодарности. Что она должна была сделать? Признаться ему при всех в любви? Нет, лучше она побудет немного героем.

Рала умеет плавать!

Это отлично звучало, по крайней мере лучше, чем *Рала умеет вязать!* Целый день на улицах города все отмечали это событие, а вечером в честь Ралы в ратуше был устроен банкет.

На следующий день Ралу начали осаждать толпы вольпертингеров, требуя от неё проведения уроков плавания. Это было обязанностью, исполнения которой она не могла избежать. Сначала она дала уроки учителям, затем они вместе с Ралой выбрали самых одарённых учеников, и прошло совсем немного времени, как почти каждый в городе научился плавать, кроме пары особенно боящихся воды вольпертингеров и Румо.

Что касалось Румо, то Рала не спешила. Сейчас она была слишком занята, а Румо не может вечно прятаться, рано или поздно он снова появится в школе. Тогда она продолжит охоту, будет следовать за ним по пятам, безжалостно загонит его в ловушку и заполучит его. Она поклялась именем Талона. Но всё в свою очередь. Сейчас Рала наслаждалась своей

славой — в конце концов она стала первым героем Вольпертинга и никто бы не поверил, если бы узнал, какие волнующие моменты ей предстояло ещё пережить.

Урс умеет плавать

— Я умею плавать! — воскликнул Урс однажды вечером, заглядывая в комнату Румо. Через плечо у него было переброшено полотенце.

Румо сидел на кровати и завязывал мешок.

— Я уйду из Вольпертинга, — сказал он.

— Что?

— Ты всё понял.

— Ты хочешь устроить небольшой отпуск? Подождёшь пока не закончится эта истерия по Рале, а затем вернёшься? Пока все это не забудут? Хорошая идея!

— Нет, я не вернусь.

— И куда ты собрался?

— Не знаю. Посмотрим.

— Ты пришёл в Вольпертинг из-за Ралы, а теперь ты хочешь из-за неё уйти. Отлично звучит!

— А что же мне делать? Она сделала меня посмешищем для всего города.

— Она спасла тебе жизнь.

— Это я хотел её жизнь спасти.

— То, что ты хотел, не считается. Без неё ты был бы мёртв.

— Может это было бы и к лучшему.

— Ты можешь делать, что хочешь, но у тебя перед ней долг. Ты не можешь просто так исчезнуть.

— Я могу делать всё, что хочу.

— Ну, конечно, можешь!

— Но что же мне делать? — совсем отчаявшись спросил Румо.

— В такой ситуации есть всего лишь один выход: спросить оракула.

— Оракула?

— Орнта ла Окро. У него есть ответы на все вопросы.

— Орнт? Хозяин столярной мастерской?

История Орнта ла Окро

Никто в Вольпертинге не знал, когда Орнт ла Окро пришёл в город, даже бургомистр. Так что все считали, что он уже всегда был в городе. Орнт был хорошим столяром, но это было не то, что он делал лучше всех вольпертингеров. Лучше всего он мог давать советы. Иногда они были правильными, иногда нет, но в тот момент, когда они произносились, всё становилось таким ясным и понятным, а голос Орнта звучал, как громовой голос оракула. Даже те вольпертингеры, которым Орнт несколько раз подряд давал неверные советы, возвращались к нему снова и снова — так убедительно он говорил. Бургомистр приходил за советами по вопросам управления городом. Директор школы приходил за советами по воспитанию. Повар приходил обсудить меню. Парни приходили за советом, когда у них были проблемы с девушками, а девушки, когда у них были проблемы с парнями. Но в одном все всегда вели себя одинаково: они делали вид, что пришли ни в коем случае не за советом Орнта. Они приносили с собой сломанный стул, расклеившийся ящик стола или поломавшийся гребень. И пока Орнт это ремонтировал, они бродили по мастерской, говорили о погоде, о том, о сём, но всегда в конце концов произносили предложение: "Эй, Орнт, кстати, скажи-ка, вот у меня есть, э-э-э, у меня есть друг (подруга/коллега по работе/помощник). А у него есть следующая проблема..."

Орнт выслушивал проблему. Зажигал свою трубку. Ходил туда-сюда вздыхая. Выбывал трубку. Заново набивал её табаком. Зажигал её. Его голова исчезала в голубых облаках дыма от трубки и раздавался голос, такой вызывающий доверие и успокаивающий, такой зрелый и мудрый, как голос столетнего красного вина в бочонке, который осторожно катят монахи по деревянной рампе: "М-м-м-да, знаешь, я — не из тех, кто раздаёт советы, но с моей точки зрения надо бы..."

За этим следовал спонтанный совет, исходящий из живота, вместе с рекомендацией, как этот совет лучше всего превратить в жизнь. Люди приходили к Орнту не потому, что они верили, что он даёт верные советы. О, нет. Они приходили потому, что Орнт делал за них то, чего они боялись больше, чем собственных похорон. Он принимал за них решения.

Оракул

— Эй, Орнт, кстати, ты же знаешь Урса, моего городского друга? Так вот у него проблемы с одной девушкой...

Орнт медленно набивал трубку и слушал. Румо говорил быстро и возбуждённо. Он рассказывал всё задом наперёд, много раз говорил я вместо Урс, а горло его так пересохло, что слова царапали его.

— М-м-м-да, знаешь, я — не из тех, кто раздаёт советы, но твоему другу, этому, э-э-э...

— Урсу!

— Э-э-э, Урсу, я бы сказал следующее: когда ты в последний раз совершил для этой девушки что-то необычное?

— Что ты имеешь ввиду? Я имею ввиду, я мог бы себе представить, что, э-э-э...

— Урс.

— Да, что Урс задал бы себе такой вопрос. Но что значит необычное?

— Что же значит для девушки необычное? Ну, например, алмаз вырванный из лап великана. Или всё ещё бьющееся сердце оборотня в золотой коробочке. Такие вот вещи.

— Что? И где я... Урс должен достать такое? А девушки на самом деле любят такие вещи?

— Речь идёт не о том, что это. Это может быть даже старый кирпич или ржавая дверная ручка. Речь идёт об опасности, связанной с этим предметом.

Румо задумался.

— Я ничего не понял...э, наверное сказал бы сейчас Урс.

— Да прекрати ты наконец с этим бредом про Урса! Весь Вольпертинг болтает про тебя и эту девушку. Ты вторился, малыш. И это даже написано у тебя на руке. Там стоит Рала. Когда ветер дует, это хорошо видно.

Румо ухватился за свой бицепс. Орнт ухмыльнулся.

— Не знаю, в курсе ли ты, но в последнее время про тебя ходит столько отличных шуток!

— Я в курсе, — прорычал Румо.

— Проблема в том, что она спасла тебе жизнь и теперь ты не можешь придти к ней просто так и сделать предложение. Не говоря уже о том, что ты в любом случае не решишься пойти к ней.

Если бы Румо знал, что эта беседа станет такой неприятной, он вообще не пошёл бы к Орнту. Этот Урс и его чудесные идеи! Румо уже с нетерпением ожидал ночи, чтобы покинуть Вольпертинг.

— В этой ситуации может помочь только... — начал Орнт.

— Из этой ситуации есть выход?

— Да. Тебе необходим Тройной фетиш.

— Что?

— Тройное волшебство, чтобы завоевать её сердце, чтобы отдать свой долг и восстановить свой авторитет в городе. Три проблемы. И для этого нужен тройной фетиш, — Орнт поднял вверх три пальца.

— Я всё ещё не понимаю, куда ты клонишь.

— Послушай. Возьмём, к примеру, золотое кольцо. Это — одинарный любовный фетиш. И этого нам слишком мало. Тогда — золотое кольцо, которое ты сделал сам. Это уже что-то более личное и это — двойной фетиш. Но всё ещё никакой опасности. Но кольцо, сделанное тобой из куска золота, которое ты отнял, скажем, у семиголовой гидры, это — тройной любовный фетиш: ценный, личный и добытый под угрозой собственной жизни.

— Значит я должен найти семиголовую гидру?

— Это был просто пример! Здесь поблизости нет гидр. И это не обязательно должно быть кольцо. Это может быть алмаз, ржавая дверная ручка, не важно что, главное, что ты должен добыть это рискуя собственной жизнью.

— Я должен подарить Рале дверную ручку?

Орнт мрачно посмотрел на Румо:

— Парень, ты на самом деле так туго понимаешь?

Румо опустил голову.

— Я имею ввиду, это должно быть что-то, что ты лучше всех умеешь делать.

— Сражаться?

— Нет, вырезать по дереву.

Румо задумался.

— И что мне вырезать?

— Я знаю что!

— Что же? Говори!

Орнт откашлялся и сказал:

— Вырежи шкатулку из древесины нурненвальдского дуба. А в неё положи листок нурнии.

Румо знал, что поблизости от Вольпертинга был Нурненвальдский лес. Но кроме той легендарной битвы, о которой ему рассказал Смайк, больше он ничего об этом лесе не знал.

— Древесина нурненвальдского дуба считается среди столяров лучшей в Замонии. И самой ценной, поскольку нашлось не так много смельчаков, которым удалось заполучить её. Так как говорят, что дуб охраняется ужасными нурниями.

— Кто это нурнии?

— Не знаю. Существа из листьев. Деревянные привидения. Никто не знает точно. Говорят, что листья нурний красные, как кровь. Кто-то утверждает, что они — деревянные насекомые, другие говорят, что они — хищные растения, которые умеют ходить, — Орнт мрачно засмеялся. — Говорят, что у них вместо смолы красная кровь. В любом случае Нурненвальдский лес ими кишмя кишит, и из-за этого практически никто не ходит туда. Поэтому древесина нурненвальдского дуба гораздо дороже алмазов.

— Понимаю.

— Если ты приложив все свои способности вырежешь из этой древесины шкатулку, то этот подарок будет уже сам по себе особенным. Но если тебе удастся добыть лист нурнии и положить его в шкатулку, тогда каждый поймёт, что этот подарок ты добыл под угрозой собственной жизни. И это будет не менее ценно, чем отвоёванная у армии оборотней золотая шкатулка набитая алмазами.

Румо был в восторге. Орнт был на самом деле великолепным советчиком.

— И как долго идти до Нурненвальдского леса?

— Пару дней. Но послушай, пока ты будешь в лесу добывать древесину, я начну понемногу распускать слухи о твоих планах. Уверен, что Рада вскоре об этом узнает и, если она тебя любит, то будет в ужасе от страха. И тут ты возвращаешься и даришь ей — па-па-па-пам! — шкатулку. Она сойдёт с ума от радости.

Румо вскочил.

— Так и сделаем! — воскликнул он.

Он обнял Орнта, помахал ему ещё раз в дверях рукой и исчез.

Орнт какое-то время сидел как оглушённый. Как и всегда, когда его спрашивали, как оракула, он впадал в состояние лёгкого транса. Идеи били из него фонтаном, сопровождаемые подробным описанием воплощения их в жизнь. Этот процесс заканчивался короткой паузой, после неё

наступала фаза отрезвления, во время которой Орнт пытался вспомнить какие советы он давал.

Он посоветовал Румо пойти в Нурненвальдский лес.

Он посоветовал Румо отрезать кусок от нурненвальдского дуба.

Он посоветовал Румо вырезать из этой древесины шкатулку и положить в неё лист нурнии.

Орнт вскочил. Он что, сошёл с ума? Точно так же он мог бы посоветовать Румо привязать камень на шею и прыгнуть в Вольпер.

Орнт да Окро выбежал на улицу.

— Румо! — кричал он на пустых улицах. — Подожди! Румо! Ты где?

Но Румо уже не было в городе.

Нурненвальдский лес

Нурненвальдский лес был расположен на невысоком холме — почти абсолютно круглом возвышении около одного километра в диаметре, полностью заросшего деревьями. На самом высоком месте, уже издалека хорошо видимый, стоял нурненвальдский дуб. Высоко над остальными деревьями он раскинул свои чёрные голые ветви.

Румо шёл три дня и три ночи, почти без остановки и сна, и не встретил никого на своём пути, кроме пары диких волков, которые сперва крались за ним, а потом спасались от него бегством. Когда он зашёл в лес и начал подниматься вверх на гору, то положил руку на рукоятку своего меча.

— *Что это за лес?* — спросил Львиный зев.

— Нурненвальдский лес, — ответил Румо. После происшествия на мосту он больше не разговаривал с Львиным зевом.

— *Ты опять разговариваешь со мной? О боже! У меня прямо камень с сердца свалился!*

— Хмфт! — сказал Румо.

— *Хмфт!* — повторил Львиный зев. — *Он сказал мне хмфт! Я так счастлив! Нурненвальдский лес, хмфт? А что нам тут нужно?*

— Нам нужен кусок нурненвальдского дуба, из него я вырежу шкатулку. Для Ралы.

— *Ага. Резьба по дереву. Отлично звучит. Миротлюбивое занятие, без борьбы. Такое я хорошо умею делать!*

— Тут, правда, кишит нурниями.

— *Нурниями? А кто это?*

— Без понятия. Вероятно мы узнаем когда их увидим.

— *Очень тут спокойно.*

"Слишком спокойно...", сказал бы Хладнокровный принц в этой ситуации", — подумал Румо. Такое впечатление, что весь лес затаил дыхание. Он закрыл глаза и медленно продолжил подниматься вверх. Он чуял множество мелких лесных животных, наверное они все спали. Всё остальное — безобидные запахи леса: смола, хвоя, влажное дерево.

Румо снова открыл глаза и начал обдумывать, что он вырежет на шкатулке.

— *В любом случае там должно быть сердце!* — предложил Львиный зев.

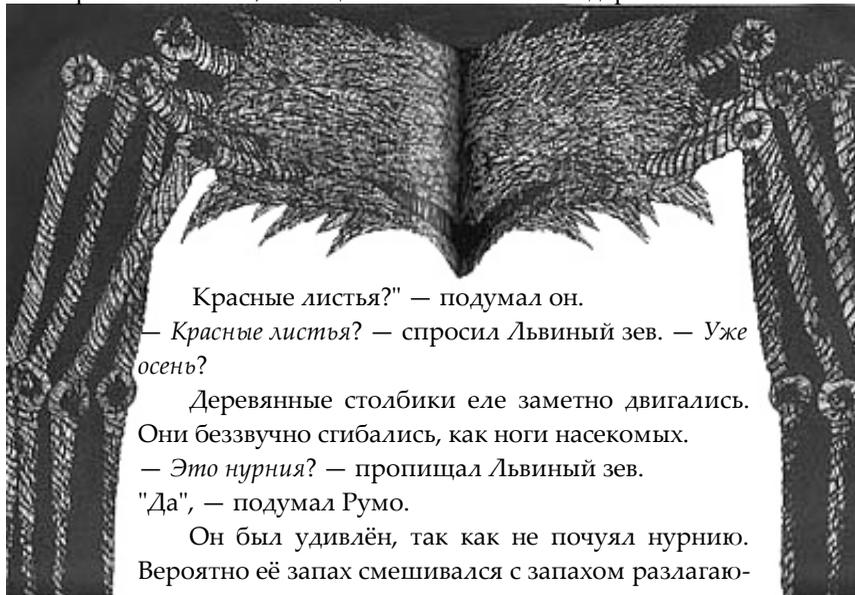
— Хмфт!

— *И звери. Маленькие, миленькие зверюшки. Они всегда отлично смотрятся на шкатулках.*

— Я вообще-то хотел драконов, — ответил Румо. — Драконов, змей и тому подобное.

— *Ну, конечно!* — сказал Львиный зев. — *Может быть ещё пару пауков и летучих мышей. И крыс. Толстых, жирных крыс. Дамы их очень лю...*

— Тссс! — Румо остановился и посмотрел вверх. Над ним была крыша из красных листьев, стоящая на восьми тонких деревянных столбиках.

Красные листья?" — подумал он.

— *Красные листья?* — спросил Львиный зев. — *Уже осень?*

Деревянные столбики еле заметно двигались.

Они беззвучно сгибались, как ноги насекомых.

— *Это нурния?* — пропищал Львиный зев.

"Да", — подумал Румо.

Он был удивлён, так как не почувствовал нурнию.

Вероятно её запах смешивался с запахом разлагающейся листвы.

Судя по всему нурния тоже не заметила Румо, она сконцентрировала своё внимание на маленькой белой сове, сидящей на ветке соседнего дерева. Сонная сова боролась со сном.

Нурния охотилась. Она покачивалась туда-суда на своих восьми деревянных ногах, медленно приближаясь к ничего не подозревающей сове. Для птицы она была ничем другим, как шевелящемся на ветру деревом. Вдруг нурния издала хрип, сова подскочила, расправила крылья, но из красной листвы уже выскочило щупальце — тонкий зелёный побег, обвилось вокруг тела жертвы и сорвало её с ветки. Сова исчезла в листьях до того, как она успела издать какой-либо звук. Нурния сильнее зашевелилась, из неё послышались хлюпающие и размалывающие звуки, затем раздался глухой "чпок!" и на землю упал обглоданный скелет.

— *Боже мой!* — прошептал Львиный зев. — *Хищное растение.*

Румо решил, что не стоит сталкиваться с нурнией. Это было совершенно незнакомое и непредсказуемое существо и он не имел ни малейшего понятия, как можно с ним расправиться. Лиственное тело висело высоко над ним, вне его досягаемости, и он не знал, какими возможностями обладало это чудовище. Сейчас оно, судя по булькающим звукам, было занято перевариванием совы. Подходящий момент незаметно исчезнуть.

Он осмотрел землю в поисках гнилых веток, чтобы нечаянно не наступить на одну из них. Он очень осторожно двинулся он вперёд и когда уже находился между двумя покачивающимися ногами, то наступил на листочек.

Этот листочек был ни чем иным, как маленькой нурнией, нурнией-сосунком, так сказать. Сверху он выглядел как обычный дубовый листок красно-бурого цвета, но если его перевернуть, то снизу можно было увидеть восемь тонких деревянных ножек. Роковым для Румо оказался тот факт, что листочки умели кричать. Крошечное существо издало тонкий визжащий звук и этого хватило, чтобы большая нурния забила тревогу. Она издала вопль, похожий на вой ветра в печной трубе. Деревянные суставы заскрипели, ноги согнулись и красная куча листвы начала опускаться вниз. На Румо неожиданно опустился занавес из жёлтых лиан. Не успел он вынуть Львиный зев, как десятки щупалец обвились вокруг его рук и ног и потащили его вверх. Румо висел между двух ног нурнии. И тут щупальца стали натягиваться, будто чудовище хотело разорвать его на части.

Появилось ещё одно щупальце и обвилось вокруг шеи Румо. Лиана начала затягиваться туже, Румо не мог больше дышать и выпучил глаза.

"Простой рвущий укус", — подумал Румо и укусил. Затем он резко одёрнул голову назад и из разорванного щупальца брызнула красная кровь. Нурния зашипела, ослабила хватку и Румо упал на землю.

Чудовище ужасно застонало и втянуло щупальца назад. Из краснотела капала кровь. Румо мгновенно вскочил на ноги и вынул Львиный зев из-за пояса. Но меч не долго оставался у него в руке, так как почти в тот же момент он почувствовал в затылке острую боль. Нурния ударила его по голове своей деревянной ходулей. У Румо потемнело в глазах, ноги его больше не слушались и Львиный зев упал на землю в опавшие листья. Румо потерял ориентацию и спотыкаясь ковылял по кругу.

Нурния согнула другую ногу, ударила Румо в спину и он упал на землю. Пока Румо корчился у ног нурнии, чудовище выпрямилось и триумфально завывало.

— *Я тут!* — закричал Львиный зев. — *Позади тебя!*

Румо повернулся, начал ощущать землю и ухватил Львиный зев обеими руками.

— *Осторожно, она хочет снова ударить!*

Румо перекатился в сторону и удар пришёлся в пустоту. Конец ноги врезался глубоко в землю и застрял там. Нурния зашипела и попыталась вытащить ногу, она прыгала направо и налево, вперёд и назад. Румо воспользовался случаем и встал.

— *Бежим отсюда!* — закричал Львиный зев, но Румо не двинулся с места.

Нурния освободила свою ногу, повернулась вокруг себя и посмотрела на своего противника. Румо выжидающе стоял под ней с мечом в руках. Нурния отошла на пару шагов назад. Несколько секунд они смотрели друг на друга.

— *Что ты хочешь сделать?* — спросил Львиный зев.

— Теперь мне нужен лист нурнии, — ответил Румо.

Нурния угрожающе захрипела, так же как перед тем, как напасть на сову. Кровь текла из неё ручьём и окрашивала землю под ней в красный цвет. Она сделала пару нерешительных движений, согнула шесть задних ног и подняв вверх две передние ноги, так что их кончики указывали на Румо, со всей силы бросилась вперёд.

Румо двигался так быстро, как никогда ранее. Он сам был удивлён той скоростью, с которой он отпрыгнул в сторону. Он увидел, как кончики ног нурнии врезались в землю на том самом месте, где он только что стоял. Они глубоко воткнулись в землю и застряли. Нурния злобно закричала.

Румо подошёл к одной из застрявших ног, взял Львиный зев двумя руками, поднял его высоко над головой и пробурчав: "Двуручный удар" ударил со всей силы. Клинок с одного удара разрезал ногу и из пенька забила фонтаном кровь. Нурния вскрикнула и остальные её ноги согнулись. Её красное тело повисло над самой землёй. Румо подошёл ближе и поднял меч.

— *Это обязательно?* — спросил Львиный зев.

Мощным ударом вольпертингер рассёк красные листья и отшагнул назад. Листва распалась на две половины и из разреза на землю вывалились внутренности нурнии.

— *Бе-е-е!* — произнёс Львиный зев.

Румо опустил меч, подошёл к мёртвому чудовищу, оторвал один листок и спрятал в карман.

— *Эй!* — воскликнул Львиный зев. — *Я весь вымазан кровью! Это омерзительно! Быстро вытри меня!*

Румо сел на колени, оторвал пучок травы и начал вытирать клинок.

— *Кровь!* — произнёс в голове Румо тяжёлый и низкий голос, похожий на звук большого колокола.

— *Я... чувствую вкус крови!*

— *Что?* — удивился Румо. Эти не был голос Львиного зева.

— *О! ...Где я?... Так темно...Это кровь? Везде кровь...*

Румо вытирал кровь с клинка. Это что, шуточки Львиного зева? Это он говорил изменив голос?

— *Эй, что это за ужасный голос?* — спросил Львиный зев.

— *Ты тоже его слышишь?*

— *Где я?* — спросил голос. — *Последнее, что я помню, это... битва...бой вражеских барабанов...крики умирающих...нение меча в ночи...*

— *Боже мой!* — сказал Львиный зев. — *Воин-демон. Его мозг! Он проснулся!*

— *Кто проснулся?*

— *Я думал, что я тут один внутри. Но они всё-таки влили сюда ещё мозг воина-демона, во вторую половинку клинка. И первая пролитая этим мечом кровь разбудила его!*

— *Кровь...*, — простонал голос.

— *Ты кто?* — спросил Румо.

— *Меня зовут Гринцольд-резчик, демонический воин, солдат пехоты, пионер, отлично владею мечом и и имею удостоверение первой категории,* — по-военному ответил голос.

Румо долго смотрел на клинок своего меча.

— Ещё один голос, — простонал он. — Мне кажется, я этого не выдержу.

— *Я тоже*, — простонал Львиный зев. — *Это ужасно.*

— Что ужасно? — спросил Румо.

— *Гринцольд ужасен! Мой разум смешался с его разумом. О-о-о...*

— Ты можешь читать его мысли?

— *Никакие это не мысли. Это кошмары...*

История Гринцольда, демонического воина

В Замонии жизнь существ, принадлежащих к роду демонов, всегда была не лёгкой, не важно в какую эпоху они были рождены. Гринцольд был рождён тогда, когда демонам в Замонии были особо тяжело. Все демоны, не важно из какого подвида, в то время были особо нелюбимы. И если бы их так не боялись, то уже давно бы истребили. Поэтому демоны вынуждены были объединяться в боеспособные группы, начиная с маленьких банд и заканчивая военными ротами, состоящими из сотен воинов. Когда различные кланы встречались друг с другом, то либо начиналась жуткая резня, либо кланы объединялись в демонические армии и вот тогда начиналась настоящая жизнь. Демонические армии грабя и убивая шли по Замонии, пока не встречали другую армию демонов. Воины-демоны обладали такой жестокостью и фанатизмом, как ни один другой солдат. У них не было никаких белых флагов, капитуляций, пленных и пощады. Существует даже выражение — Это было настоящим демоническим сражением, означающее стычку, в которой обе стороны понесли большие потери и никто по-настоящему не победил.

Гринцольд был образцовым олицетворением всех худших качеств своего рода: он был чудовищно уродлив, кровожаден, полон ненависти, подл и абсолютно искренен, поскольку по-настоящему злобные демоны обходились без лжи и уловок, так как зло в них было настолько явным, что не было никакого смысла его скрывать. У Гринцольда не было необходимости кому-либо нравиться, поэтому тщеславие ему было неизвестно. Кроме того, ему хватало всего, что нужно было для жизни. То есть у него не было никаких других нужд, кроме двух: убивать и быть когда-нибудь во время битвы убитым. Гринцольд был настоящим демоническим воином.

Уже ребёнком он начал бродить по Замонии. Как это принято среди демонов, родители выбросили его сразу же после рождения — выражение родительской любви у демонов — , поскольку они еле сдерживались, чтобы не задушить новорождённого собственными руками.

Итак, Гринцольд оказался в достаточно просторном мусорном контейнере, стоящем во дворе гралзундерской мышинной бойни, специализировавшейся на продаже мышинных пузырьков. В этот огромный контейнер в течение месяца сбрасывали скелеты орнишенских пись-мышек, а в конце месяца его увозили. Так что первый месяц своей жизни соседями Гринцольд были скелеты и мухи, а также живые мышиканнибалы, населявшие контейнер и обгладывающие скелеты. Гринцольд ещё не умел ходить, но уже мог защищаться своими сильными руками и острыми когтями. Он душил одну за другой мышей-каннибалов, от откусывал им головы и пил их кровь. Он потерял одно ухо и два пальца на ногах — ночью мыши отгрызли их. Но он выжил. Через четыре недели он был достаточно сильным, чтобы выбраться из контейнера и увидеть мир. Гринцольд прошёл через ад уже тогда, когда он ещё не умел ходить.

Следующие пять лет Гринцольд занимался только тем, что убивал, ел, блуждал и пил. Он убивал мышей и крыс, кошек и собак. Он пил их кровь и ел их мясо. Он жил то в канализации, то в лесах.

Следующие три года он вёл осёдлый образ жизни. Он жил в пещере на Демоническом горном хребте и нападал на всё, что встречал, не важно была это горная коза или путешественник. В возрасте восьми лет он стал взрослым демоном, ростом выше двух метров и был готов выйти в мир и искать войну.

Сначала он присоединился к банде разбойников. Уже на следующий день он убил деревянной дубинкой главаря банды и стал новым предводителем. Они ограбили пару крестьянских подворий и несколько путешественников. Затем им стало скучно и они присоединились к клану демонов, достаточно большому, чтобы нападать на деревни. Здесь Гринцольд получил свои первые уроки военного искусства — знания, которые он с жадностью впитывал. Лучше всего ему удавалось владеть мечом. Он любил разрезать своих противников с головы до пят на мелкие кусочки, поэтому его называли Гринцольд-резчик. Его научили говорить, для того, чтобы он понимал приказы и может быть позже был способен сам их отдавать.

Однажды клан встретил большую армию демонов и их поставили перед выбором — присоединиться к армии, или быть убитыми стрелами.

Пара особо тупых выбрали смерть от стрел, но Гринцольд и остальные присоединились к армии.

Так для Гринцольда настали лучшие времена. Он, правда, не был так свободен, как ранее, зато теперь он мог беспрепятственно заниматься любимым делом. Армия нападала на города, крепости и караваны. Гринцольд сражался в горных лабиринтах Мидгарда, принимал участие в пустынных войнах и сражении у Ункового болота. Он орал вместе с другими воинами-демонами песни о желании убивать, они пили вино смешанное с кровью и ели мясо своих врагов. Приятели рассказывали ему о Подземном мире - о царстве смерти, в котором они будут жить после того, как погибнут в битве. Они говорили, что там стоят огромные котлы полные вина, мяса и крови, из которых они будут вечно есть и пить под вопли своих мёртвых врагов, насаженных на века вечные на раскалённые железные колья.

День, когда умер Гринцольд, был прекрасен. Они сражались с огромной армией йети. Шёл снег и град, дул безжалостный ураганный ветер, с завыванием которого смешивался хруст костей, а снег был залит кровью. Никогда ещё Гринцольд не убивал столько врагов за один день. Он вмёрз в снежный сугроб на горе из трупов и пел, гордо и громко:

Кровь! Кровь! Кровь!

Брызжет издалека!

Смерть! Смерть! Смерть!

Всем навсегда!

И размахивая мечом в такт песни, он ударял и резал, отрубал руки и ноги от туловищ и иногда разрезал своих противников пополам, сверху вниз, так как он был Гринцольд-резчик.

Но вдруг ветер стих, снег перестал идти и из облака пара, поднимающегося от пролитой крови, навстречу ему шагнул огромный воин, полностью замотанный в чёрный плащ и вооружённый большой косой.

— *Ты — смерть?* — спросил страстно Гринцольд.

— Нет, — сказала существо в чёрном. — Не путай посланника с посланием. Я несую тебе смерть. Скажи своё проклятое имя!

— *Моё имя? Меня зовут Гринцольд-резчик.*

Гринцольд хотел атаковать противника, но его нога вмёрзла в снег и кровь. Тогда он бросил свой меч, пытаясь пробить дыру в этом чёрном, но он был уставшим и бросок вышел слабым. Чёрный с лёгкостью увернулся от меча.

— Очень приятно, — сказал йети. — А меня зовут Шторр-жнец.

И Шторр широко-широко размахнулся своей косой и отрезал голову Гринцольда. Голова упала в снег, последний раз засмеялась, сказала: "*Спасибо!*" и закрыла глаза. Гринцольд умер. Он прожил насыщенную жизнь, какую должен прожить демон.

Его голову забрали, как и другие головы, и высушили. Сморщенная голова прошла через множество рук по всей Замонии и очутилась в конце концов в кузнице, в которой ковали демонические мечи из руды Демонических гор. Его мозг превратили в порошок и смешали с жидким металлом. Так Гринцольд стал бессмертным.

Три друга на всю жизнь

Румо, всё ещё немного уставший, ковлял по Нурненвальдскому лесу с мечом в руке. Он искал родник, лужу или ещё какой-нибудь источник воды, где он мог бы смыть кровь нурнии.

— *Мне кажется, мы двое могли бы стать лучшими друзьями,* — сказал вдруг Львиный зев.

— *Друзьями?* — сердито спросил Гринцольд.

— *Ну, боюсь, теперь мы много времени будем проводить вместе и поэтому, мой дорогой, наверное лучше было бы нам подружиться.*

— *Мой дорогой? В каком кошмарном сне я нахожусь? Последнее, что я помню, так это чёрного с косой и потом...*

— *Ты умер.*

— *Я умер? Это подземный мир? А где огромные котлы с кровью? И где все мои убитые враги насаженные на раскалённые колья и вечно горящие в демоническом огне?*

— *М-да, это не совсем такая смерть, какой её себе представляет ваша ограниченная варварская фантазия.*

— *Ограниченная? Кто ограниченный? Где мой меч?*

— *У тебя больше нет меча! Ты сам — меч.*

— *Я — меч? Что происходит? О, моя голова...*

— *У тебя больше нет головы! Ху-ха-ха!*

— *Нет головы? Кто это вообще там разговаривает?*

— Не думаю, что смогу долго это терпеть, — простонал Румо. — Два голоса!

— *А ты кто?* — спросил Гринцольд. — *Ты — воин-демон?*

— Нет.

— *Он — вольпертингер.*

— *Что такое вольпертингер?*

Румо заметил небольшой родник бьющий из земли между парой больших валунов. Он присел рядом с ним, воткнул меч в землю и начал мыться.

— Я думаю, — сказал он. — Перед тем, как мы пойдём дальше, нужно обсудить пару важных вещей.

— *Что за важные вещи?* — спросил Гринцольд. — *Кто вы вообще?*

— *Мне ему объяснить или сам хочешь?* — спросил Львиный зев.

— Ты объясни, — сказал Румо. — Я не умею так хорошо рассказывать.

Лиственная крыша Нурненвальдского леса заметно редела, подъём стал не таким крутым. То тут, то там из земли выпирали толстые чёрные корни, которые могли принадлежать только нурненвальдскому дубу. Румо был уверен, что они скоро дойдут до вершины холма. Осторожно и следя за листьями на земле он шагал вперёд.

— *Итак, ещё раз,* — подводил итог Гринцольд. — *Я — меч, я — высушенный мозг и я — мёртв, но я жив. Ты — говорящая собака с рожками, а этот неприятный голос — мёртвый тролль, который тоже — меч.*

— Примерно так, — кивнул Румо.

— *Какой такой неприятный голос??* — спросил Львиный зев.

— *Ты — кошмарный сон!* — простонал Гринцольд.

— *А тебе трудно угодить!* — осуждающе заговорил Львиный зев. — *Ты мёртв, мой дорогой! Но всё же у тебя есть возможность принимать участие в жизни. Такое мало кому дано. Будь хоть немного благодарен!*

— *Ладно, согласен, это не сон! И я на самом деле меч...*

— *Половина меча!*

— *Половина меча. И что я буду в качестве меча делать? Мы будем убивать? Проливать кровь?*

— Нет, мы будем вырезать шкатулку.

— *Вырезать?*

— *Шкатулку для возлюбленной!* — просюсюкал Львиный зев.

— Но сначала мы отрубим кусок дерева, — ответил Румо.

— *Я — Гринцольд — демонический воин! Я не для того возродился в виде меча, чтобы рубить дерево. Я должен убивать!*

— Боже мой!

Нурненвальдский дуб

— Не могли бы вы оба заткнуться? Мне кажется, мы приближаемся к нашей цели.

Земля под ногами была почти полностью покрыта корнями. Куда не глянь — везде чёрное дерево. На верхушке холма стояло самое огромное дерево, которое Румо только видел. В ширину оно было намного больше, чем в высоту — этакое деревянное чудовище минимум сто метров в диаметре, а высотой всего лишь дюжину метров.

— Нурненвальдский дуб, — сказал Румо. — Дровесины хватит на тысячи шкатулок.

На старом дубе и перед ним в траве шевелились лесные звери: однорожка, двуглавая шерстяная курочка, одноглазый филин, ворон и замонийский пушистый зайчик. Зайчик сидел прямо около дерева и грыз траву.

Румо вынул меч.

— *Правильно!* — простонал Гринцольд. — *Заяц, Мы его убьём!*

Румо подошёл к дубу и стал измерять. Маленькая толстая ветка, росшая на высоте плеч Румо, идеально подходила по размеру. Румо замахнулся мечом.

— Этого я бы никому не посоветовал, — услышал он вдруг тихий голос. — Отрубить что-то от нурненвальдского дуба, не спросив на это разрешения.

Румо посмотрел по сторонам. На поляне никого кроме зверей не было.

— *Кто это был?* — спросил Гринцольд.

— Тут, внизу! — ответил голос.

Румо посмотрел вниз. Это говорил зайчик.

— Никто ничего не отпиливает от нурненвальдского дуба без официального разрешения! — сказал он и почесал передней лапкой за ухом.

— *Заяц!* — воскликнул Гринцольд. — *Он нас провоцирует! Мы должны его убить!*

Румо не слушал его:

— Ты что, страж нурненвальдского дуба или типа того? — спросил он.

— Нет, я не страж нурненвальдского дуба. Я и есть нурненвальдский дуб, — не без гордости ответил зайка.

— *Я попал в сумасшедший дом!* — простонал Гринцольд.

— Ты — нурненвальдский дуб? — спросил Румо.

— Ну, это сложно вато объяснить. Можно я подробнее расскажу? — и зайка показал в сторону лапой.

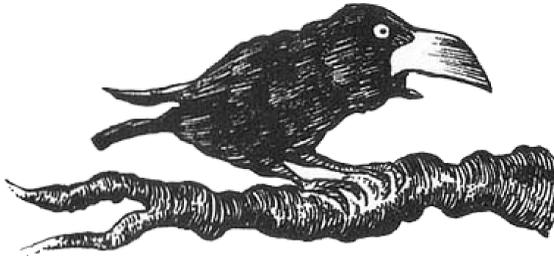
— Ладно, — сказал Румо. — Но я спешу. Я должен вырезать шка-тулку для моей возлюбленной.

Заяц посмотрел на Румо большими глазами и не говоря ни слова усакал в лес.

— Эй! — крикнул Румо. — Ты куда?

— *Ну вот, убежал!* — жаловался Гринцольд. — *А мы могли бы его разрубить пополам одним ударом.*

— Значит, смысл в том, — заговорил теперь ворон, сидящий на ветке дуба, — что все звери, так сказать, — мои ораторы, ораторы нурненвальдского дуба. Я говорю через этих зверей, потому что как дерево я не могу говорить. Меня зовут Ягдра Сил.

Румо схватился за голову:

— Всё так запутанно...

— Нет, на самом деле всё это очень просто. Я — дерево, но я разговариваю через ворона, или через зайку, или через филина. Через того, кто в данный момент около меня находится и имеет голосовые связки. Так сказать чревовещание на телепатической основе. Понятно?

— Нет.

— Тогда я всё-таки должен поподробнее...

— Извини, — сказал Румо. — Но у меня на самом деле мало времени и...

— Послушай, — сказал ворон. — Тебе нужно моё разрешение, чтобы отрезать кусок мяса от моей драгоценной плоти. Тогда, будь добр, найди время поболтать со старым одиноким деревом!

— Ну ладно, — простонал Румо.

— *Мы должны замочить эту проклятую ворону!* — сказал Гринцольд.

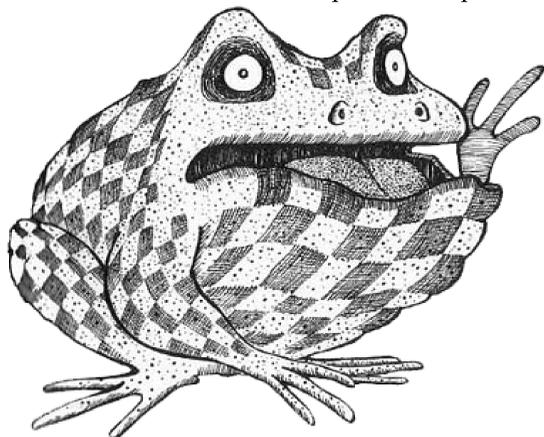
Ворон ещё раз каркнул и улетел. В их сторону прыгнула толстая шахматная жаба и уселась у ног Румо. Она неприятно напоминала Румо об уроке игры в шахматы.

— Сначала я был просто деревом, — загробным голосом заговорила жаба. — Просто рос и всё, понимаешь? Тут ветка, там ветка, одно годовое кольцо за другим, всё как у обычного дерева. Никаких мыслей, просто рост. Это было невинным временем.

Жаба с трудом вскарабкалась на большой чёрный корень:

— Затем наступило ужасное время, — продолжила она. — В воздухе висел дым, много лет. Воняло горелым мясом.

— *Демонические войны*, — жадно простонал Гринцольд.

— Произошло множество сражений и одно из них — в этом лесу. Это было очень серьёзно, можешь мне поверить. Огромные потери, ни победителей, ни проигравших. Вся земля была залита кровью. Затем наступила тишина, но ненадолго. Поскольку после ужасного времени наступило несправедливое время.

Шахматная жаба состроила оскорблённую мину.

— Я стал виселицей, что же я мог поделать? Можешь мне поверить — это один из периодов моей жизни, за которые мне стыдно. На моих ветвях были сотни повешенных. Да что там сотни — тысячи! И затем наступила тишина. Это было время стыда. Всем было стыдно за то, что они совершили в ужасное и несправедливое времена, и никто больше не приходил в лес. Ветер раскачивал мёртвых на моих ветвях, пока гнилые верёвки, на которых они висели, не порвались и трупы не упали на землю. Шли

дожди и размочили трупы, они смешались с кровью в земле. Так, я полагаю, и появились нурнии — из сухой листвы, крови и трупов. Поскольку эти монстры неожиданно стали вырастать из земли и бегать тут кругом. В любом случае раньше их не было. Мои корни тоже всасывали кровь и кашу из трупов — смертельные удобрения. Что же я мог поделать? И тогда я начал думать.

Жаба встряхнулась, отвратительно квакнула и ускакала. Над головой Румо из листвы появилась однорожка и писклявым голоском продолжила рассказ:

— Думать и расти — это всё, что я делал. Сначала я не думал о хорошем, думал только о боли и мести, вероятно это были мысли убитых. Но как может дерево мстить? Поэтому я начал думать о другом. Я был удобрен столькими разнообразными мозгами! Это были не только воины, там были и мирные люди, врачи и учёные, поэты и философы — в несправедливое время их повесили первыми. Собственно говоря, я уже обо всём думал.

Однорожка побежала по стволу и исчезла в дупле. Её голос звучал глухо, как из глубокого колодца.

— Я рос под землёй, я пустил свои корни на километры в глубину. Ветки меня не особо интересуют, это скорее для любителей птиц или фанатов свежего воздуха. Эй, если бы я тебя спросил, какое из всех имеющихся существ ты считаешь самым неподвижным, что бы ты ответил?

— Не знаю, — сказал Румо.

Однорожка показалась в дупле, высунула голову наружу и сказала:

— Ну, вероятно, ты бы сказал — дерево! Может быть даже — дуб. Мы же являемся символом непоколебимости и стойкости. Но всё это — ерунда! На самом деле мы самые подвижные существа в природе! Мы движемся всегда, в любой момент времени! В каждом направлении — вверх, вниз, на север, на юг, на запад, на восток. Мы не спим. Мы не отдыхаем. Мы растягиваемся, ветка за веткой, лист за листком, корень за корнем, годовое кольцо за кольцом. Дуб мог бы стать лучшим символом подвижности, но нас упорно неверно интерпретируют. Что же мы можем поделать?

Однорожка в два прыжка выскочила из дупла и расправила пышный хвост.

— Мои корни простираются далеко и так глубоко под землёй, как ни у одного другого дерева. Я бы мог рассказать тебе, где находятся самые богатые месторождения золота и алмазов в этой местности. Я знаю, где в огромных количествах растут лучшие белые трюфели. Я знаю, где спрятаны сказочные сокровища.

Однорожка широко раздвинула лапки в стороны.

— И мои корни всё ещё растут. Знаешь, почему Нурненвальдский лес стоит на горе? Это всё — корни. Мои корни.

Однорожка исчезла в ветвях дуба. Румо беспомощно оглядывался, пока у его ног из земли не появился крот и не продолжил рассказ:

— Я знаю, что у большинства слово "геология" вызывает примерно такие же чувства, как "ткать ковёр". Скучно. Грязь и камни. Но у большинства же и нет корней. Они были бы удивлены, как это захватывающе пропускать свои щупальца сквозь разнообразные слои земли, по направлению к центру планеты. Такое впечатление, будто листаешь книгу, написанную самой Землёй. Полную секретов! Полную сюрпризов! Полную тёмных чудес! — крот вытолкнул кучку грязи из своей норы.

— Я сделал такие открытия...невероятно! Свет, льющийся как родник из скалы в подземных пещерах. Я нашёл такие окаменелости, мой мальчик, ты мне не поверишь! Я нашёл кристаллизовавшуюся медузу диаметром триста метров, внутри которой находится гигантский полупереваренный динозавр, внутри которого тоже находится непереваренное существо, описать которое просто невозможно. Научные знания, которые можно из этого получить, прокормили бы целую армию палеонтологов.

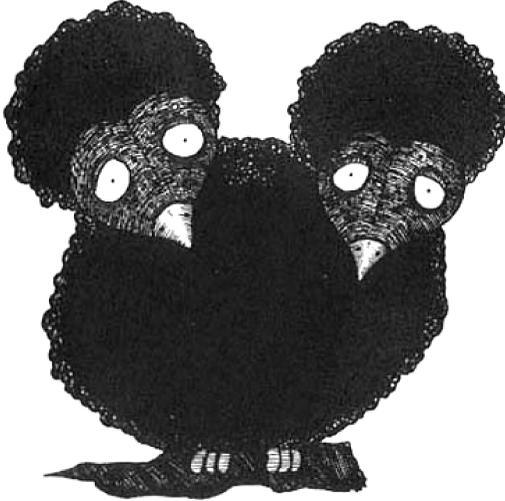
— Нельзя ли поближе к делу? — предложил Румо. — Если это вообще возможно.

Крот спрятался в норе, вытолкнул на поверхность ещё пару горстей грязи и исчез.

Двуглавая шерстяная курочка облетела вокруг головы Румо и села на его левое плечо. Одна голова заговорила:

— Да, да, не хочу наводить на тебя скуку геологическими подробностями. Поскольку это — ничего, понимаешь, совершенно ничего, по сравнению с величайшим открытием, сделанным мною при исследовании подземного мира.

— Однажды, — продолжила вторая голова, — мои корни выросли на много километров вниз и пробили потолок. Потолок пустого помещения гигантских размеров. Понимаешь, что это означает?

— Нет, — ответил Румо.

Обе головы заговорили одновременно:

— Это означает, что весь наш континент просто лишь потолок, крыша, накрывающая другой мир там, в глубине!

— Подземный мир! — вскрикнул одноглазый филин в ветвях нурневальдского дуба. — Подземный мир!

Двуглавая шерстяная курочка испугано запищала и улетела.

— Подземный мир! — низким голосом ещё раз вскрикнул филин. — Запомни это название! Мы движемся по тонкому ломкому льду, под которым существует другой, тёмный, злой мир!

Филин повернул свою голову назад, потом опять вперёд. Затем широко раскрыл свой водянистый красноватый глаз и пронзительно посмотрел на Румо.

— Скажу тебе: я до сих пор раскаиваюсь, что так далеко простёр мой любопытные щупальца! Так как без этих знаний моя жизнь была бы беззаботнее. С того момента я боюсь, что земля подо мной в любой момент развернется и проглотит меня.

Филин отрыгнул комок пуха, расправил крылья и с шумом улетел.

Из веток прямо над головой Румо появилась лесная змея цвета опавшей листвы, гипнотизирующе посмотрела на него и зашипела:

— Это была моя история, и эта история — моё послание. Если хочешь, то можешь отпилить у меня кусок древесины. Её у меня слишком много.

Пока Румо отрубал кусок дерева, змея спустилась на землю к его ногам и с любопытством на него смотрела.

— Шкатулка для возлюбленной, — прошипела она. — Так-так. Могу себе представить, каким успехом ты пользуешься у дам. С твоим-то телосложением!

— Вообще-то нет, — пробурчал Румо и покраснел.

— Давай, давай, давай, — сказала змея. — Старый сердцеед! Вырезать шкатулку из древесины нурненвальдского дуба — это же романтика высшей степени! Ты сам себе на уме!

— Это была не моя идея.

— А-а-а! — прошипела змея. — Значит у тебя все трюки заранее спланированы, да? В тихом омуте черти водятся? Спорим, все дамы у твоих ног!

— До сих пор скорее ни одной, — пробурчал Румо пиля дерево.

— Ты отличный парень! — сказала змея. — Ты не хвастун, иначе ты бы мне уже рассказал, что убил нурнию.

— Откуда ты знаешь?

— Я знаю всё, что происходит в моём царстве. Ну и кое-что кроме этого, мой дорогой. У меня было достаточно времени всё обдумать. Так что, если хочешь что-нибудь узнать — спрашивай, не стесняйся.

— Спасибо, — сказал Румо. — Мне ничего не надо.

— На самом деле ничего? Ничего, что тебя волнует?

Румо задумался.

— Стой, есть! Вот оно...

— Ну-ка, выкладывай!

— Чем длиннее это будет, тем короче это становится. Что это?

— Жизнь, мой мальчик, жизнь! — ответила змея. — Это слишком просто.

Румо почувствовал себя несказанно глупым. Ну конечно! Он мог бы сам додуматься!

— Ты мог бы меня спросить, где здесь закопаны большие сокровища.

— Спасибо, — ответил Румо. — У меня есть всё, что мне нужно.

Румо отломал ветку дуба.

— Ой! — воскликнула змея. — Лучшего дерева для шкатулки для любимой ты не найдёшь!

— Это было по-настоящему щедро с твоей стороны! — сказал Румо. — Я должен идти.

— Жаль, — со вздохом ответила змея. — Было приятно поболтать с тобой. Всего хорошего! Может ещё встретимся.

— Да, может быть, — сказал Румо засовывая кусок ветки под мышку. — Огромное спасибо!

— Будь осторожен с этими проклятыми нурниями! — крикнула ему вслед змея. — И, кстати, как её зовут?

Румо обернулся:

— Кого ты имеешь в виду?

— Ну, твою любимую.

— Её зовут Рала.

— Рала. Красивое имя. А тебя как зовут?

— Румо.

— Румо? Тебя зовут как...

— Карточную игру, да. Я знаю.

— Забавно.

— Да, — простонал Румо. — Забавно.

Шкатулка

— *И что теперь?* — пробурчал Гринцольд.

Судя по всему, демонический воин всё ещё был в состоянии шока после пробуждения, поскольку на любое действие он слишком остро реагировал. После того, как они покинули Нурненвальдский лес, Румо остановился, сел в траву, вытащил меч и начал им обрабатывать дубовую ветку. Опускались сумерки.

— *Мы вырезаем шкатулку!* — пропел Львиный зев, в восторге от подобной работы. — *Шкатулку для возлюбленной.*

Гринцольд простонал.

Парой уверенных движений придал Румо куску дерева правильную форму — прямоугольный параллелепипед десять сантиметров длиной, пять сантиметров высотой и пять сантиметров шириной. Затем он отпилил тонкий кусок для крышки и старательно выдолбил параллелепипед изнутри. После этого он вырезал канавки для крышки, по которым её можно было задвигать и выдвигать и принялся за отделку шкатулки.

Всю шкатулку он изукрасил узором из листьев, корней, побегов и коры, а спереди он вырезал полурельеф нурненвальдского дуба Ягдра Сила так, как он запечатлелся у него в памяти. Он с огромной аккуратностью моделировал каждую ветку, каждый листок. На ветках и между корней он вырезал животных, через которых дуб с ним разговаривал: пушистого зайчика, однорожку, филина, змею, ворона, жабу, двуглавую шерстяную курочку и крота. Львиный зев изо всех сил помогал ему своими советами.

— *Ну зачем мы так надрываемся?* — стонал нетерпеливо Гринцольд, пока Румо остриём меча вырезал из дерева ухо однорожки. — *Надо же было мне так опуститься! Теперь вырезаю сентиментальный китч!*

— *Любовь сильнее смерти!* — сказал Львиный зев.

— *Как раз наоборот,* — пробурчал Гринцольд.

Щёлк — и от дерева отлетела малюсенькая щепка, а на том месте, где она раньше был, появился тонкий надрез толщиной с волос. Львиный зев практически впал в экстаз:

— *Вот, немного левее! Стоп! Пол миллиметра вправо! Стоп! Именно здесь! У этого корешка можно было бы вырезать ещё пару детал...* — *да, тут. Сейчас!*

Щёлк — и опять отлетела щепка, даже скорее пылинка, но эффект был потрясающим.

— У тебя отлично получается, — похвалил Румо.

— *Настоящее искусство скрыто в деталях*, — сказал Львиный зев. — *Не люблю грубую работу.*

— *А я люблю*, — пробурчал Гринцольд. — *Один удар и три головы валяются в снегу. Вот это искусство! Скоро вы уже закончите ерундой заниматься?*

Румо вырезал до глубокой ночи. Он разжёг костёр и сел близко около него. К огромному сожалению Гринцольда Румо и Львиный зев постоянно находили что-то, что можно было улучшить.

Наконец Румо решил, что теперь шкатулка готова и внимательно её осмотрел. Можно было с уверенностью сказать, что это — его лучшая работа. Он положил внутрь кроваво-красный лист нурнии, задвинул крышечку и прятал шкатулку в мешок, привязанный к поясу. Затем он лёг спать.

Плохие запахи

Через три дня ходьбы Румо пришёл в окрестности Вольпертинга. Он положил руку на поясную сумку и почувствовал шкатулку. Из древесины настоящего нурненвальдского дуба, вырезанную собственными руками. С листком нурнии внутри. Сильнейший фетиш для завоевания сердца девушки. И он быстрее зашагал вперёд.

— *Этим мы должны чаще заниматься*, — сказал Львиный зев. — *Вырезать такие сложные вещи. Креативная деятельность мне по душе.*

— *Мне нет*, — хрюкнул Гринцольд.

— *Мы могли бы открыть собственную мастерскую: Румо и Львиный зев. Художественная резьба по дереву. Шкатулки и подарки для возлюбленных. Мы бы имели огромный успех.*

— Тихо! Там что-то есть!

Румо остановился и прислушался. Они находились в холмистой местности, сплошь покрытой валунами и хилыми соснами. Между ними по земле стелился туман.

— *Что-то опасное?* — спросил Львиный зев.

— *Опасность? Мы должны защищаться? Мы должны убивать?* — с надеждой в голосе спросил Гринцольд.

— Три существа. Мне знаком этот запах...но откуда? Это не вольпертингеры. Они неприятно пахнут, но не опасно. Запах какой-то затхлый.

— *Чёрт!* — ругнулся Гринцольд. — *Но мы всё-равно можем их прикончить. Из-за затхлости!*

— Мы можем, как минимум, неожиданно появиться, — сказал Румо. — Они находятся в низине за тем огромным валуном.

Так же тихо, как движется туман, проскользнул Румо по холму, зигзагом пробираясь между камней. Он осторожно крался вокруг гигантского валуна в низине, а запах гнили становился всё сильнее и сильнее. Да и другие неприятные запахи появились в воздухе. Румо наполовину вытащил меч.

— *Убивать...*, — тихо проворчал Гринцольд.

— Воронье дерьмо! — резко завизжал в тумане чей-то голос. — Где воронье дерьмо?

— Откуда я знаю? — грубо ответил другой голос. — Возьми гнилые языки жаворонков. Они так же пахнут.

Румо шагнул из-за камня и сказал:

— Добрый день!

Ноппес Па, Попсипил и Хх, три ужаски с ярмарки, подскочили. Они пялились на Румо так, будто он застал их врасплох. Они стояли у чёрного чугунного котла, в котором кипело отвратительно пахнувшее варево. Позади них стояла тележка со всевозможными алхимическими приборами.

— Тыыыы! — закричала Ноппес Па и указала пальцем на Румо. — Тыыыыы!

— Что тебе здесь нужно? — прохрипела Попсипил нервно поглядывая на меч. — Это грабёж? У нас нет ничего, что могло бы быть полезным кому-то кроме ужаски.

Румо убрал меч.

— Я просто шёл мимо, — сказал он. — Я же не знал, что это вы тут. Извините за беспокойство.

— Тыыыы! — кричала Ноппес Па. — Я знаю твоё будущее! Ты попадёшь в лес ног, но ты победишь чудовище! Ты будешь разговаривать с животными и деревьями!

— Это уже произошло, — сказал Румо.

— Ха-ха-ха! — захихикала Попсипил. — Она классная ужаска, да? Она может предсказывать прошлое!

Ноппес Па подняла вверх голову.

— Хм! — фыркнула она.

— Малыш, может быть ты по-настоящему хочешь узнать своё будущее? — сказала Хх. — Мы как раз варим тарический отвар... мы хотели его, вообще-то, законсервировать, но свежий он, конечно, лучше всего. Ну как?

— Э-э-э, нет, спасибо. Я спешу... Не хочу больше вас отвлекать.

И Румо пошёл мимо ужасок в туман. Одного запаха было достаточно, чтобы попытаться как можно быстрее исчезнуть отсюда.

— Так не хочешь ничего узнать о своей серебряной нити? — лукаво спросила Хх. — На ярмарке, кажется, тебя это очень интересовало.

Румо остановился и задумался.

— У меня нет с собой денег.

— За наш счёт, — захихикала Попсипил. — За то, что ты нас не ограбил.

— Хорошо, — сказал Румо. — И что с моей нитью?

— Мииинуточку, — сказала Хх. — Так быстро не пойдёт. Мы не можем колдовать.

Её коллеги устало засмеялись над этой старой ужаскинской шуткой.

— Сначала мы должны закончить обряд, — сказала Ноппес Па. — Где воронье дерьмо?

— Я же уже тебе сказала, что оно у нас закончилось. Возьми эти проклятые языки жаворонков!

Ноппес Па тонкими пальцами вытащила из стеклянного сосуда слизкие кусочки мяса и бросила их в кипящий котёл. С шумом поднялось жёлтое серное облако. Румо отскочил назад, а ужаски театральными головами захрипели:

*Беда, счастье и плохие карты,
Знание судьбы и плохое предчувствие,
Будущее, ещё не наступившее,
Всё это тебе здесь показано будет.
Пусти судьбы сладкий яд
Глубоко в грудь свою
И не забудь — цель всех этих простых действий
Не печаль, а радость!
Прими то, что тебе дано,
Без плача и стенаний.
Поскольку жизнь твою
Мы увидим в горьком зелье.*

Попсипил посмотрела на Румо и сказала:

— Мы просто хотели показать этим, что всё произойдёт так, как должно произойти и ничего нельзя изме...

— Всё понятно, — нетерпеливо ответил Румо. — Не могли бы вы уже...?

Ужаски склонились над бурлящим варевом. Румо переминался с ноги на ногу. Почему, спрашивал он себя, почему он так волнуется из-за этих фокусов ужасок? Вероятно Урс был прав. Лучше было бы обойти этих поганок стороной.

Ужаски застыли над котлом, как загипнотизированные.

— *Очень интригующе они всё это делают,* — прошептал Львиный зев.

— *Мы должны их замочить!* — проворчал Гринцольд.

— Ну? — спросил Румо ужасок. — Что видно?

Ужаски очнулись и обменивались многозначительными взглядами издавая при этом звуки удивления.

— Ой...

— Па...

— Ххххх...

Затем они собрались в кружок и зашушукали.

Терпение Румо заканчивалось и он грубо спросил:

— Итак, что там?

Две ужаски вытолкнули Ноппес Па вперёд.

— Послушай, — сказала она с серьёзным лицом. — Сейчас произошло то, что с нами ни разу ещё не происходило. Мы увидели твоё будущее, чётко, ясно, в подробностях, без обычного тумана, колебаний и всякой чуши. Это без сомнения было самым чётким видением в моей карьере.

— И моим тоже, сестра! — сказала Попсипил.

— Ни разу не видела более чёткого! — закивала головой Хх. — Абсолютно ясное.

Ноппес Па теребила свою накидку.

— Итак, мы увидели, что с тобой произойдёт, мой мальчик, и мы решили...

— Да...?

— ...тебе этого не рассказывать.

— Что?

— Поверь мне, нам очень сложно согласовать это решение с нашей профессиональной честью, — ответила Ноппес Па.

— Я со всей силы прикусываю свой язык, чтобы не разболтать, — сказала Попсипил.

— Иди, парень! — воскликнула Хх. — Или мы должны будем зашить наши рты!

Румо чувствовал себя обманутым.

— Я думал, что ваша профессия — предсказание всяких вещей.

— *Замочи их!* — умоляюще сказал Гринцольд.

— Хорошие вещи предсказывать — это наша профессия, — сказала Попсипил. — Вот тебе пример: однажды я предсказала одному каменщику из Гралзунда, что на следующий день он погибнет на своей стройке от того, что на него свалятся кирпичи. И что он сделал? На следующей день он не вышел на работу и не появился на стройке. Затем он забеспокоился, начал бегать везде, одно за другим и вот он оказался опять около своей стройки. Поблизости не было ни одного кирпича, который мог бы упасть. И его коллеги сказали, что раз уже ему нечего больше делать, то он может потрогать готовую стену. Все кирпичи уже уложены в кладку, что же может ещё произойти? Итак, он входит на стройку и тут — Бабах! — с чистого неба на него падает упаковка кирпичей! Никто не смог выяснить как это произошло.

Попсипил подняла вверх худой палец:

— Что я этим хотела тебе сказать, парень: мы можем увидеть судьбу, но не можем её изменить. Это не дар, а проклятие. Поэтому теперь мы предсказываем только хорошие вещи. Так как мы считаем себя ответственными за плохие вещи, которые мы предсказали.

— А что ещё хуже, так это то, что нас на самом деле считают ответственными за предсказания! Скажу лишь: сжигание ужасок на кострах! — воскликнула мрачно Хх.

Румо вынул меч.

— *Правильно!* — сказал Гринцольд. — *Теперь, наконец-то, сруби их отвратительные головы!*

— Послушайте, — нетерпеливо сказал Румо. — Я не просил вас предсказывать мне будущее, вы сами настояли! И теперь я хочу это знать! Не заставляйте меня вас заставлять!

И он помахал мечом в воздухе. Ужаски отошли в сторону. Они опять собрались в кружок и зашушукалист. Затем Ноппес Па вышла вперёд.

— Ну, ладно, мы предлагаем тебе компромисс — мы предсказываем твоё будущее, но эти предсказания мы немного зашифруем и изменим порядок их появления.

— Ну, хорошо, — со вздохом сказал Румо и убрал меч.

Ноппес Па начала. Она широко раскрыла глаза и подняла руки над головой:

— Ты попадёшь в лес из ног!

— Это ваше любимое предсказание? Вы мне его уже дважды предсказывали, — сказал Румо.

— Проклятье! Тогда это произойдёт ещё раз! — начала ругаться Ноппес Па. — И в этот раз ноги будут длиннее!

Попсипил вышла вперёд:

— Ты пройдёшь пешком через озеро и будешь сражаться с живой водой! — театрально воскликнула она.

— Через какое, к чёрту, озеро! — сказал Румо. — Я не умею плавать.

Хх вышла вперёд:

— Ты будешь искать сердце ходячей смерти, но найдёшь ты его только в темноте! — сказала она с серьёзным лицом.

— Хм, — сказал Румо. — Это на самом деле хорошо зашифровано.

— Ещё кое-что, — сказала Попсипил.

— Что же?

— Ты, вероятно, считаешь, что ты такой герой, весь из себя, с мечом.

Но в девушках ты ничего не понимаешь!

Румо покраснел.

— Это тоже предсказание? — спросил он.

— Нет, это просто общая оценка.

— Теперь иди, мой мальчик! — сказала Ноппес Па. — И иди быстро! Произойдут ужасные вещи. Больше мы не можем тебе рассказать. Бойся врахов!

— Врахов? Кто такие враховы? — спросил Румо.

— Закрой свой рот, Ноппес Па! — зашипела Попсипил.

— Иди, мальчик, иди!

— Давай, исчезни! — крикнула Хх.

Ужаски был очень возбуждены. Они, приложив все свои силы, перевернули котёл и жёлтое варево вылилось на землю. Затем они начали собирать своё барахло и укладывать в тележку. На Румо они больше не обращали внимания и он молча ушёл.

Слишком тихо

— И что это был за спектакль? — спросил Львиный зев через некоторое время. — Очень непрофессионально.

— Мы должны были отрубить головы этим старым ужаскам, — сказал Гринцольд. — Я же говорил!

Румо шёл быстрее. Он особо не беспокоился, но быстрый шаг ему всё же не мешает. Эти чучела испортили ему настроение.

Солнце уже низко опустилось над горизонтом, когда он вышел на верхушку холма, с которого был виден Вольпертинг. Над городом плыли красные светящиеся облака. Румо остановился и принюхался. Удивлённо покачал головой и ещё раз принюхался. В воздухе висел кисловатый запах, абсолютно незнакомый запах. И было тихо, слишком тихо, как добавил бы Хладнокровный принц. Благодаря своему удивительному слуху он должен был бы слышать звуки города с этого расстояния — звон наковальни или колокола.

— *Что случилось?* — спросил Львиный зев.

— Не знаю. Так тихо.

Он видел городскую стену, уже накрываемую вечерними тенями, и большие ворота. Никто не входил и не выходил. Никто не переходил по подвесному мосту через ров. И это тоже было необычно. Румо опять остановился и закрыл глаза.

Серебряная нить! Она исчезла!

Румо побежал.

— *Что случилось?*

— Рала исчезла.

— *Что значит исчезла?*

— Её больше нет в городе. Я не чую её.

— *Может она пошла погулять? За город?*

— **Может быть она умерла?** — заметил Гринцольд.

— Гринцольд!

— **А что Гринцольд!** Такое же случается. *Ужасный несчастный случай. Обыкновенное убийство...*

— Гринцольд! Пожалуйста!

Городские ворота были опущены, но их, кажется, никто не охранял. Никто не отозвался на крики Румо, так что ему не оставалось ничего другого, как взобраться на башню. Он пролез сквозь бойницу, спустился по лестнице вниз и вошёл в город. Не было видно ни одного вольпертингера и самая шумная улица была пуста. Кислый запах был таким сильным, что вызвал у Румо тошноту.

— Куда все пропали?

— *Может где-то что-то происходит? Собрание какое-нибудь или ещё что-то?*

— **Может все умерли,** — предложил Гринцольд.

Румо бежал по улицам и не встречал ни одного вольпертингера, ни одного следа жизни в городе, ни одного звука, ни одного знакомого запаха. Большинство дверей было открыто, пара окон были разбиты.

Следы сражения? Но он нигде не видел крови, мёртвых или раненых. Такое впечатление, что все жители города в одно мгновение его покинули.

Переулок Гота как вымер. Дверь дома Румо была открыта, он взлетел вверх по ступенькам, открыл дверь в комнату Урса и ... там было пусто. И тоже никаких следов сражения. Вся мебель стояла на своих местах. Кислый запах был везде.

По пустым улицам Румо бежал к дому Ралы. Несколько раз он останавливался, так как ему показалось, что за ним кто-то следует. Но это было лишь эхо его собственных шагов.

Дом Ралы — пуст.

Школа — пуста.

Мастерская Орнта — пуста.

Рагуша — пуста.

Румо обежал весь город, каждую улицу, каждый переулок, каждую площадь. Он звал Урса, он звал Ралу, он звал Орнта, он звал любого: "Эй! Эй!" Но никто не отвечал. Все жители Вольпертинга исчезли, будто растворились в этом кислом запахе. В конце концов Румо прекратил поиски.

— *Наверное все умерли.*

— Гринцольд! Почему ты постоянно говоришь такие вещи?

— *Такое случается в городах. Нападает армия демонов и всех уводит. Я такое уже часто видел.*

— Это был город полный вольпертингеров, — пробурчал Румо усталым голосом. — Сильнейших бойцов Замонии. С лучшими защитными сооружениями, какие только можно придумать. Никто не может захватить этот город. Даже самая сильная армия.

— *Слышишь? Слышишь?*

— *Любой город можно захватить. Просто задумайтесь как.*

— А где большой купол? — вдруг спросил Румо. Он остановился как вкопанный.

— *Где что?*

Они подошли к площади Большого купола. Площадь была пуста, купол исчез. А на том месте, где он раньше находился, в земле зияла огромная круглая дыра.

— Купол исчез. Здесь раньше было большое строение. Оно пропало.

Румо вынул меч и медленно пошёл вокруг дыры. Там, где раньше стоял загадочный большой купол, теперь не было ничего кроме лёгкого

пара, поднимающегося вверх из чёрного провала в земле. Как-будто мир треснул в этом месте.

Румо осторожно подошёл к краю дыры и вытянул вперёд руку с мечом. Он увидел глубокий провал, круглую чёрную шахту, вдоль стены которой спускалась вниз широкая, каменная, закручивающаяся лестница. Кислый запах ударил ему в нос. Румо начал терять сознание, белые и чёрные искры затанцевали у него перед глазами и он несколько мгновений качался на краю тёмной пропасти пока ему не удалось отвернуться.

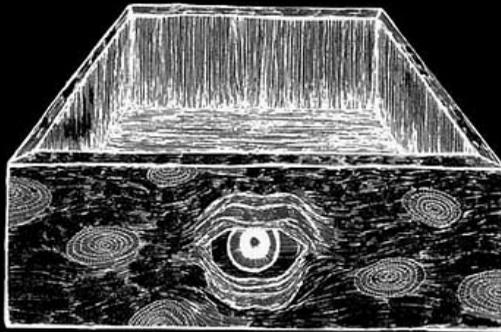
— *Боже мой!* — воскликнул Львиный зев. — *Что это?*

— *Подземный мир,* — ответил Гринцольд.

И здесь временно закрывается шкафчик с буквой Р.
Ему требуется короткий отдых,
так как он столько показал, и хорошего, и плохого.
Перед тем, как он опять откроется,
обдумайте, пожалуйста, следующее:
готовы ли вы последовать за Румо в новый мир,
в мир без света и полный опасностей?

На самом деле готовы?
Тогда загляните вовнутрь, поскольку ящичек открывается снова!
Посмотрите ещё раз глубоко внутрь!

Вальтер Мёрс. Румо и чудеса в темноте

Вальтер Мёрс
Румо и чудеса в темноте
Книга первая

Роман

Пер. с немецкого
rumo-dwid.livejournal.com

Все тексты и иллюстрации взяты из свободных источников с указанием авторских прав

В серии вышли:

1. Э. Р. Э. Эддисон «Змей Уроборос»
2. Барри Хьюарт «Хроники мастера Ли и Десятого Быка»
3. Э. Р. Э. Эддисон «Владычица из владычиц»
4. Э. Р. Э. Эддисон «Зимиамвия»
5. Джордж Макдональд «Томас Уингфолд»

В следующих выпусках:

- Э. Р. Э. Эддисон «Стирбёрн сильный»
- Джордж Макдональд «Донал Грант. Сказки»
- Татьяна Тайганова «Избранное»
- Михаил Пухов «Рассказы»